

С. П. ДАВЫДОВ

ТЕОРИЯ
МАТЕМАТИЧЕСКОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ

«Письма Живого Усопшего», записанные Эльзой Баркер в 1914-1918 гг., представляют собой удивительнейшее свидетельство вечности жизни и многомерности бытия, существования взаимосвязи миров и возможности беспредельного совершенствования. В книге описаны условия жизни, красоты и опасности Тонкого Мира, даны простые и действенные советы по улучшению земного бытия человечества.

Книга состоит из 3 частей: «Письма Живого Усопшего. 1914», «Письма Живого Усопшего о войне. 1915», «Последние письма Живого Усопшего. 1917-1918».

Издание адресовано широкому кругу читателей.

Эльза Баркер

Письма Живого Усопшего

Оглавление

Книга о жизни вечной

Предисловие Е. Писаревой к изданию 1914 года

Предисловие автора к изданию 1919 года

Письма Живого Усопшего

[Письмо 1 Возвращение](#)

[Письмо 2 Не говорите никому](#)

[Письмо 3 Берегите дверь](#)

[Письмо 4 Облако на зеркале](#)

[Письмо 5 Обещание невысказанных вещей](#)

[Письмо 6 Магия воли](#)

[Письмо 7 Свет позади покрывала](#)

[Письмо 8 Железные тиски материи](#)

[Письмо 9 Где души восходят и нисходят](#)

[Письмо 10 Свидание в четвёртом измерении](#)

[Письмо 11 Мальчик Лайонел](#)

[Письмо 12 Мир первообразов](#)

[Письмо 13 Реальные и нереальные формы](#)

[Письмо 14 Фолиант Парацельса](#)

[Письмо 15 Римская тога](#)

[Письмо 16 Та вещь, которую нужно забыть](#)

[Письмо 17 Вторая жена](#)

[Письмо 18 Индивидуальные виды ада](#)

[Письмо 19 Принут любви в небесах](#)

[Письмо 20 Человек, нашедший Бога](#)

[Письмо 21 Досуг и души](#)

[Письмо 22 Змей вечности](#)

[Письмо 23 Обращение к защитнику](#)

[Письмо 24 Запрещенное знание через некоторое время](#)

[Через некоторое время](#)

[Письмо 25 Мир, лишённый тени](#)

[Письмо 26 Круги на песке](#)

[Письмо 27 Магическое кольцо](#)

[Письмо 28 Если вы не будете, как малые дети](#)

[Письмо 29 Неожиданное предостережение](#)

[Письмо 30 Задача из небесной математики](#)

[Письмо 31 Смена фокуса внимания](#)

[Письмо 32 Мои решения](#)

[Письмо 33 Переход Лайонела](#)

[Письмо 24 Жертвы собственных ограничений](#)

[Письмо 35 Низшая сфера](#)

[Письмо 36 Прекрасное существо](#)

[Песнь прекрасного существа](#)

[Письмо 37 Там, где нет времени](#)

[Письмо 38 Небесная иерархия](#)
[Письмо 39 Облако свидетелей](#)
[Письмо 40 Царство божие внутри](#)
[Письмо 41 Любимец невидимых миров](#)
[Письмо 42 Игра в «веришь-не веришь»](#)
[Письмо 43 Наследники Гермеса](#)
[Письмо 44 Невидимые рождественские дары](#)
[Письмо 45 Высший мир грёз](#)
[Письмо 46 Только песнь](#)
[Письмо 47 Проповедь и обещание](#)
[Письмо 48 Весенняя пора мира](#)
[Письмо 49 Архивы души](#)
[Письмо 50 Формула для учительства](#)

Письма Живого Усопшего о войне 1915

[Письмо 1 Возвращение «Х.»](#)
[Письмо 2 Страж порога](#)
[Письмо 3 Уведомление](#)
[Письмо 4 Путь к пониманию](#)
[Письмо 5 Астральные чудовища](#)
[Письмо 6 Эрцгерцог](#)
[Письмо 7 «Избранный народ»](#)
[Письмо 8 Призрак и Конго](#)
[Письмо 9 Невидимые стражи](#)
[Письмо 10 Один день, как тысяча лет](#)
[Письмо 11 Многие языки](#)
[Письмо 12 Прекрасное существо](#)
[Любовь и ненависть](#)
[Письмо 13 Тело человечества](#)
[Письмо 14 Внутренний враг](#)
[Письмо 15 Услышанное в Брюсселе](#)
[Письмо 16 Шестая раса](#)
[Письмо 17 Американец на страже](#)
[Письмо 18 Мастер сострадания](#)
[Письмо 19 Незнакомец, облаченный в розовое](#)
[Письмо 20 Над полями сражений](#)
[Письмо 21 Душа в чистилище](#)
[Письмо 22 Приближение мира](#)
[Письмо 23 Таинство желания](#)
[Письмо 24 Весы справедливости](#)
[Письмо 25 Во имя любви](#)
[Письмо 26 Учитель разума](#)
[Письмо 26 Невидимые враги](#)
[Письмо 28 Величие войны](#)
[Письмо 29 Друг «Х.»](#)
[Письмо 30 Роза и крест](#)
[Письмо 31 Сербский колдун](#)

[Письмо 32 Иуда и тифон](#)
[Письмо 33 Соломенные венцы](#)
[Письмо 34 Сильфида и отец](#)
[Письмо 35 За тёмной завесой](#)
[Письмо 36 «Лузитания»](#)
[Письмо 37 Скрытые пророчества](#)
[Письмо 38 Советы «секретарю»](#)
[Письмо 39 Один из малых сих](#)
[Письмо 40 Высота и глубина](#)
[Письмо 41 Конклав учителей](#)
[Письмо 42 Урок Каббалы](#)
[Письмо 43 Второе пришествие](#)
[Письмо 44 Отравляющие газы](#)
[Письмо 45 Сверхчеловек](#)
[Письмо 46 Змий-искуситель](#)
[Письмо 47 Новое братство](#)
[Письмо 48 Суровое испытание](#)
[Письмо 49 Чёрная магия в Америке](#)
[Письмо 50 Резюме](#)

Последние письма Живого Усопшего 1917-1918

[Письмо 1 Дух Америки](#)
[Письмо 2 Не бойтесь](#)
[Письмо 3 Обещание весны](#)
[Письмо 4 Золотая диета](#)
[Письмо 5 Оплата труда — сдельная](#)
[Письмо 6 Три призыва](#)
[Письмо 7 Строители](#)
[Письмо 8 Мир мысли](#)
[Письмо 9 Страстная пятница в Америке](#)
[Письмо 10 Испытание](#)
[Письмо 11 Очистите свой дом](#)
[Письмо 12 Сохраняйте спокойствие](#)
[Письмо 13 Деревья и кирпичные стены](#)
[Письмо 14 Невидимые армии](#)
[Письмо 15 Самое слабое звено](#)
[Письмо 16 Совет в лесу](#)
[Письмо 17 Идеал — успех](#)
[Письмо 18 Порядок и прогресс](#)
[Письмо 19 Федерация наций](#)
[Письмо 20 Новый идеал](#)
[Письмо 21 Сумбурный рассказ](#)
[Письмо 22 Средство достижения мирового единства](#)
[Письмо 23 Звёзды человеческой судьбы](#)
[Письмо 24 Меланхолия](#)
[Письмо 25 Восстановительный период](#)
[Письмо 26 Эра Водолея](#)

[Письмо 27 Наблюдатели](#)

[Письмо 28 Ритуал установления братства](#)

[Письмо 29 Поиск добровольцев](#)

[Письмо 30 Вирус разрушения](#)

[Письмо 31 Огонь на алтаре](#)

*Подобно тому, как человек, сбросив ветхую одежду,
надевает новую,
Так и пребывающий в его теле бросает изношенные
тела и входит в новые.
Бхагавад-Гита, 2:22*

*Не все мы умрём, но все изменимся.
1 Кор., 15:51*

Древние египтяне и индийцы, китайцы и коренные народы Америки, греки и славяне знали, что дух человека бессмертен и переходит из жизни в жизнь. Об этом свидетельствуют «Египетская книга мёртвых», древнеиндийская «Гаруда-Пурана» («Индийская книга мёртвых») и тибетская «Бардо Тёдол», Пифагор и Платон, Аполлоний Тианский и гностики, еврейские каббалисты и теософы всех времен. В христианстве, также признающем бессмертие человеческого духа, доктрина перевоплощения существовала до 553 года, пока не была отвергнута на Втором Константинопольском Соборе.

В мировой истории сохранилось немало документальных подтверждений существования жизни «за гробом». Например, в средневековой книге «История Чойджиддагини» описывается посмертное состояние благочестивой тибетской госпожи Чойджид, в православных «Четьях-Минеях» — посмертное странствие блаженной Феодоры, прислужницы преподобного Василия Нового. «Мытарства» её начинаются с того, что душа блаженной расстаётся с телом «совлекши его, как совлекают одежду».

В русском языке издревле смерть определялась как «успение» (т.е. засыпание), «переход в мир иной», «пребывание на небесах» или, как говорит о. Павел Флоренский, «загробная жизнь — это абсолютно новая страна», в которой человек рождается вновь, и очень важно, чтобы в течение земной жизни человек был подготовлен к тому, что он может там увидеть, — то есть знал «карту иного мира».

В последние десятилетия издаются и переиздаются десятки публицистических и художественных книг, посвящённых этой теме. Среди них «Неведомое» и «Люмен» К. Фламариона, «Две жизни» К. Антаровой, «Посвящение» Э. Хейч, «Жизнь после жизни» Р. Моуди, «Жизнь Высших миров» Г. Вейл-Оуэна и многие другие. Заметное место в этом ряду занимает книга Эльзы Баркер «Письма Живого Усопшего». Впервые опубликованная в начале XX века, она продолжает традицию составления «карты иного мира» и даёт интереснейшее свидетельство вечности жизни и возможности беспредельного совершенствования.

О самом авторе книги известно немного. К моменту появления «Писем Живого Усопшего» Эльза Баркер являлась известной писательницей. Первая часть «Писем...», писавшихся ею во Франции и в Англии, вышла в свет одновременно в Лондоне и Нью-Йорке в 1914 году. Вторая и третья части были написаны и изданы, когда писательница жила в Америке.

Широта кругозора, объективность Эльзы Баркер и её сострадательная любовь ко всему человечеству позволили охватить в «Письмах...» большой круг вопросов: от насущных жизненных советов до объяснения действия вечных законов бытия. Наряду с красочным описанием Тонкого Мира (мира, существующего за пределами обычного человеческого восприятия) читателю даются и важные предупреждения о его опасностях. Прошлое и будущее

человечества рассматриваются под необычным углом зрения. С одной стороны, повествование строго следует канве исторических событий, включающих Первую мировую войну и гибель «Лузитании», а с другой — эти события комментируются с позиции духовного знания, знания психологических и кармических взаимосвязей стран и людей, что даёт уникальную возможность изучения той истории мира, которая, по очень точному выражению Н.К. Рериха, «пишется помимо историков».

Книга Эльзы Баркер обращена к грядущим поколениям и высоко оценивает значение культурных ценностей и их сохранения не только во время войн, но и в мирное время. Это особенно подчёркивает так много сделавшая вместе с мужем для сбережения и приумножения культурного наследия человечества Е.И. Рерих: «Так, в книжке г-жи Баркер «Леттерс оф а дэд мэн»^[1] сказано, что именно после войны люди будут особенно заботиться о сохранении Памятников Искусства и Науки. Кто знает, сколько людей прочли эту книгу и обратили внимание на эти строки! Книга эта написана была во время войны»^[2].

Поднятые в «Письмах Живого Усопшего» проблемы мирного сосуществования и культурного сотрудничества народов, вопросы духовного совершенствования остаются столь же актуальными и ныне — в начале третьего тысячелетия по христианскому летосчислению нашей истории — и могут быть интересны самому широкому кругу читателей.

От редакции

Предисловие Е. Писаревой к изданию 1914 года

Самое мучительное из всех страданий европейского мира — это страх смерти. Он происходит от полного неведения — что ждет человека по ту сторону могилы. Этого мучительного страха нет на Востоке; там смерть рассматривается как временное состояние, за которым последует новая земная жизнь, и поэтому там и не возникает того бездонного провала в неведомое, который проносится в сознании европейца при мысли об ожидающей его смерти.

Из этого следует, что страх смерти не есть неизбежность, а лишь последствие определенного мирозерцания. Это подтверждается и предсмертными переживаниями глубоко религиозных людей, которые верят в Бога, в Его благодать и поэтому — не боятся. Но таких людей немного. Большинство чувствует потребность не только верить, но и знать.

Но возможно ли узнать, что испытывает человек после смерти? Указания на то, что это возможно, не уменьшаются, а растут, и это дает надежду, что страх смерти будет так же побежден, как и всякое иное неведение.

До сих пор мы знали два источника, откуда люди черпали свои знания о посмертных переживаниях: религиозные представления и сообщения спиритов. Но есть ещё и третий источник — это учения теософии; они дают подробно разработанные сведения о жизни человека в невидимых мирах, и эти сведения можно с полным основанием назвать противоядием, убивающим страх смерти.

Сообщения спиритов мало убедительны потому, что все они субъективны. Они рисуют состояние одного какого-либо человека и весьма мало влияют на людей иного типа и иного настроения. В учениях теософии заключаются объективные знания, касающиеся всех людей, но они, к сожалению, еще очень мало распространены в широкой публике и требуют серьезного изучения.

Книга Баркер, которую мы предлагаем русским читателям, отличается от других потусторонних сообщений тем, что перед нами попытка передать не субъективные ощущения умершего человека, а его объективные наблюдения. Книга эта вызвала большой интерес в Англии и в Америке, и как бы ни относиться к ней — как к подлинному сообщению из потустороннего мира, или как к литературному произведению, — она полна интересных мыслей и глубоких психологических указаний.

Главное возражение, которое нам приходилось слышать против «Писем Живого Усопшего», это — их реализм, отражение в той жизни, которую мы считали непостижимой, слишком знакомых для нас явлений. Библиотеки, дома, аллеи, даже попытки есть — все это возмущает мысль людей, которые привыкли считать, что потусторонний мир не может и не должен иметь ничего общего с нашим земным миром. Но почему он не может иметь ничего общего — этого никто объяснить не сумеет. Как всякое предвзятое мнение, и эта уверенность покоится более всего на привычке думать по определенным линиям, которая в данном случае вызвана исконным возвеличением загробного мира и таким же принижением мира земного.

А между тем и наука, и все наблюдения говорят нам о том, что в природе нет неожиданных скачков. Закон эволюции, т.е. постепенный переход от простого к сложному, от несовершенного к совершенному, наблюдается во всех областях природы; почему же только в этом одном случае, при переходе человека из физического состояния в сверхфизическое должен произойти какой-то противоестественный скачок? Почему человек неразвитый и невежественный, бывший в рабстве у своей чувственности, должен сразу забыть всё, чем он жил до тех пор и стать идеальным и одухотворённым? Почему не допустить гораздо более естественное и разумное предположение, что он сохранит и все свои свойства, и свой узкий кругозор, который помешает ему

воспользоваться великими возможностями новой жизни, не скованной физическими ограничениями? Если это допустить, то в потустороннем мире окажется такое же разнообразие ступеней сознания и такая же пестрота переживаний, как и в доступном для нас земном мире. Возьмите из земных переживаний только одно: большую картинную галерею — и представьте себе проходящую мимо ряда картин толпу людей всех сословий и всех степеней развития и образования, от художника-мыслителя до еле грамотного чернорабочего. Что вынесет каждый из них, уходя из галереи? Кто станет оспаривать, что каждый вынесет нечто своё, совсем не похожее на то, что испытает рядом с ним идущий? То же самое всегда и везде, где познаваемые явления проходят через наш внутренний мир. То же самое должно повториться, по всем законам разума, и в новых условиях нашего посмертного существования. Человек, для которого высшим наслаждением было вкусно поесть и роскошно пожить, будет стремиться снова повторять же переживания, и так как, по всем оккультным указаниям, сверхфизическая материя невидимого мира весьма пластична и легко поддается творческой силе воображения, то нет ничего удивительного, если умерший человек будет окружать себя созданными его же воображением вещами, чтобы испытывать те же удовольствия, какие привлекали его на земле.

В 1914 году, когда «Письма Живого Усопшего» появились в Лондоне, Э. Баркер не называла имени их автора. В январском номере текущего года нового американского журнала «The Chale» Э. Баркер дает его имя, это — юрист, судья Давид П. Хотч (Хэтч) из Лос-Анджелеса, автор нескольких книг философского содержания, подписанных псевдонимом, весьма известный в этой части Америки и имеющий многих живых друзей, у которых можно справиться о нём. Его старший сын, Брюс Хотч, выразил г-же Баркер, которая до издания «Писем Живого Усопшего» никогда не встречалась с ним, свою полную уверенность в том, что письма эти несомненно принадлежат его отцу, особенности мышления и манеру выражаться которого он узнаёт в них с полной очевидностью. Кроме этого заявления г-жа Баркер упоминает о множестве писем, которые она получила с выражением глубокого интереса к изданным ею «Письмам Живого Усопшего» и благодарности за то, что она издала их для всеобщего сведения. Это — неудивительно, потому что книга Э. Баркер полна такой бодрящей уверенности в неисчерпаемых силах человека, она дает так много новых вдохновений и раскрывает столько широких возможностей для пробуждения духовного сознания, что ее нельзя не приветствовать и не отметить, как явление чрезвычайно интересное, проторяющее новые пути общения с невидимыми мирами.

* * *

К книге, появившейся в текущем году под этим заглавием в Англии и принадлежащей перу довольно известной на Западе писательницы, приложено предисловие, в котором рассказаны все обстоятельства, вызвавшие обнародование этих писем. Автор книги сообщает прежде всего, что ни она, ни диктовавший эти письма «Х.» никогда не принадлежали к спиритам, сама Э. Баркер со спиритической литературой была совсем не знакома и к вопросу о потусторонних переживаниях относилась с полным равнодушием, никогда в мыслях не останавливаясь на них. Во время своего детства она участвовала несколько раз в механическом писании с помощью планшетки, причем получались такие банальности, которые не вызывали в ней никакого интереса. Позднее, в присутствии одной медиумистичной личности, она пробовала несколько раз автоматическое письмо, но не заинтересовалась им и не придала этим записям никакого значения. Была много лет тому назад, по настоянию друзей, на спиритических сеансах, но осталась совершенно равнодушной к этой области психических исследований. За несколько

месяцев до появления посмертных писем «Х.», её попросили участвовать в механическом письме с помощью планшетки. Содержанием письма было предсказание пожара в доме, где она жила, которое с точностью и исполнилось. В этих мимолетных впечатлениях — если не считать ряда видений пророческого характера, которые автор называет «*hynagogic visions*», — такие бывали, наверное, у большинства образованных людей нашего времени — заключался весь спиритуалистический опыт автора книги. Это обстоятельство придает ей особое значение и интерес.

В первый раз повелительное побуждение взять карандаш и писать появилось у г-жи Баркер за год до издания этой книги, в Париже. Повинуясь импульсу, она начала писать механически, и получилось известие совершенно личного характера, очень интересное для неё, подписанное буквой «Х.». Показав на другой день интересное сообщение своей приятельнице, она была очень удивлена, узнав от неё, что так называли друзья г-на **, которого г-жа Баркер знала хорошо. Но г-н ** был в это время в Америке, в числе живых, а сообщение шло из потустороннего мира. Вскоре за тем пришло известие, что г-н ** умер в одном из западных Штатов Северной Америки, за несколько дней до появления сообщения, подписанного «Х.». Далее я буду продолжать подлинными словами г-жи Э. Баркер.

«Вскоре после получения известия из Америки о смерти г-на **, я сидела вечером с той подругой, которая сообщила мне, кого при жизни называли условным знаком «Х.»; она стала просить меня попробовать — не придёт ли новое сообщение от него, и я согласилась, больше для того, чтобы доставить ей удовольствие, чем из личного интереса. Тогда-то и явилось первое сообщение, начинающееся словами: «Я здесь, не бойтесь ошибки...» Оно писалось с паузами и промежутками между отдельными фразами, большими и неправильными буквами, но совершенно автоматически, как и в первый раз. Писала я с таким напряжением, что моя правая рука была почти парализована на другой день.

Несколько писем с подписью «Х.» были мной автоматически записаны в течение следующих недель; но вместо того, чтобы увлечься этими сообщениями, я почувствовала скорее предубеждение против такого занятия, и только настояние моей подруги, которая видела в них желание «Х.» вступить в сношение с земным миром, заставило меня преодолеть себя.

«Х.» не был обыкновенным человеком. Он был очень известным юристом, глубоко изучившим философию, автором многих книг, человеком, высокие идеалы и чистый энтузиазм которого являлись вдохновением для всех, знавших его. Ему было 70 лет. Жил он очень далеко от меня, и я виделась с ним лишь через долгие промежутки. Насколько я вспоминаю, мы с ним никогда не говорили о посмертном сознании.

Постепенно, по мере того как преодолевалось моё предубеждение против автоматического писания, я начала чувствовать интерес к тому, что «Х.» сообщал относительно потусторонней жизни. Я ничего не читала по этому поводу, не читала даже и всем известные «Письма Джулии», и поэтому у меня не было предвзятых идей.

С течением времени болезненное ощущение в руке прекратилось, и самый почерк улучшился, хотя очень ясным он не был никогда.

В первое время письма писались в присутствии моей подруги; но позднее «Х.» появлялся только, когда я была одна. Это было то в Париже, то в Лондоне, так как я постоянно переезжала из одного города в другой. Иногда он появлялся несколько раз в неделю; иногда же проходил целый месяц, и я не чувствовала его присутствия. Я никогда не звала его и очень мало думала о нём в промежутках между его появлениями, так как и мое время, и мысли, и перо были заняты совсем другими задачами.

Записывая эти сообщения, я была, по большей части, в полубессознательном состоянии, так что перед прочтением написанного у меня было лишь смутное представление о его содержании.

А несколько раз я была так близка к полной потере сознания, что, кладя карандаш, не имела ни малейшего представления о том, что писала.

Когда речь зашла впервые об издании этих писем, мысль эта была для меня неприятна. Написав несколько книг, более или менее известных, я не была чужда некоторого тщеславия в смысле литературной репутации, и мне вовсе не хотелось прослыть за фантазерку. По настоянию моей подруги я согласилась написать предисловие к книге, в котором было бы сказано, что письма были написаны в моем присутствии. Это обещание удовлетворило мою подругу, но не меня.

Внутри меня шла такая работа. Если я издам эти письма, думала я, совсем без предисловия, они будут приняты за фикцию, и всё важное, заключающееся в них, потеряет всю свою ценность в смысле указания на посмертное состояние человека. Если же я напишу, что они сообщались посредством автоматического письма в моём присутствии, непременно возникает вопрос, чьей же рукой делались эти сообщения, и я буду принуждена уклоняться от правды. Если же я откровенно признаюсь, что сообщения записывались моей рукой и сообщу факты так, как они происходили, тогда возможны будут только две гипотезы: или, что письма эти — подлинные сообщения развоплощённого человека; или же, что они — измышления моего собственного подсознания. Но последняя гипотеза не объясняет первого письма «Х.», появившегося раньше, чем я узнала о его смерти, если только не допустить, что подсознанию каждого человека известно всё. Но в таком случае, почему мое подсознание выбрало этот путь длительной мистификации моего бодрствующего сознания и притом без всякого предварительного внушения с моей или с чьей бы то ни было стороны? Ведь ни я и никто из окружающих меня не знали о смерти «Х.».

Чтобы кто-нибудь мог обвинить меня в преднамеренном обмане и сочинительстве в таком серьёзном деле, такого я не допускала и теперь считаю невероятным ввиду полной возможности для меня иметь иной, законный исход для моего воображения в произведениях поэзии и романа.

Около трёх четвертей всех писем было уже написано, когда я окончательно решила этот вопрос. Я решила или совсем не издавать их, или же обнародовать с предисловием, в котором будут откровенно изложены все обстоятельства возникновения этих писем.

Когда же издание было решено, возник вопрос: печатать ли их целиком или делать сокращения? Я решила не выпускать ничего, кроме указаний на личные дела самого «Х.», на мои и на моих друзей. Я ничего не прибавляла и только изредка, когда построение фразы было слишком неудачным или попадались повторения, я позволяла себе внешнюю поправку.

Среди утверждений, касающихся будущей жизни, встречаются такие, которые составляют совершенную противоположность моим собственным представлениям о том же вопросе. Я их сохранила такими, как они были написаны. Некоторые из его философских положений были совершенно новы для меня; иногда я улавливала всю их глубину только после прошествия нескольких месяцев.

Если у кого-нибудь возникнет вопрос, что думаю я сама об этих письмах, считаю ли я их подлинными сообщениями из невидимого мира, я отвечу утвердительно. В выпущенных местах, касающихся моей личной жизни, было много намёков и указаний на обстоятельства, которые мне лично были неизвестны, и все, которые мне удалось проверить, оказались безошибочны. Если предположить излюбленную телепатическую теорию современных психологов, то чья же телепатия проявилась в этих письмах? Подруга, о которой я упоминала, не могла этого сделать, так как содержание писем было и для нее такой же неожиданностью, как и для меня.

Но я всё же считаю необходимым упомянуть, что не имею никаких претензий на научное значение этой книги, так как для этого требовались бы научно обставленные доказательства. За исключением первого письма, подписанного «Х.» и сообщённого мне прежде, чем я узнала, что

г-н ** умер, все остальные были написаны вне «научно-испытательных условий», как их понимает учёный психолог нашего времени. Как доказательство существования души после телесной смерти, содержание этих писем должно быть или принято или отвергнуто каждым сообразно его личным особенностям, внутреннему опыту и собственной интуиции.

Должна прибавить, что если бы не моё полное доверие к источнику этих писем и не такое же доверие моих друзей ко мне, книга эта совсем не могла бы возникнуть. Ибо сомнение в невидимом авторе или в видимом посреднике парализовало бы обоих в такой мере, что их работа не могла бы осуществиться.

Что касается лично меня, то эти письма содействовали окончательному уничтожению во мне всякого страха смерти, они укрепили мою веру в бессмертие и они же превратили для моего сознания потустороннее существование в такое же жизненное и реальное, как и наша жизнь на земле. Если они дадут хотя бы одному читателю такое же радостное чувство бессмертия, какое они дали мне, то я буду вполне вознаграждена за свой труд.

Тем же, кто склонен порицать меня за обнародование этой книги, я могу сказать только одно: я всегда стремилась отдать миру всё самое лучшее во мне, а эти письма, — думается мне, — может быть, самое лучшее из всего, что я могу отдать».

Предисловие автора к изданию 1919 года

Однажды вечером в Париже (это было в прошлом году) я вдруг почувствовала, как что-то настойчиво побуждает меня взять в руки карандаш и писать, хотя я не имела абсолютно никакого представления о чём именно. Подчиняясь этому, поступающему как будто извне, импульсу, моя рука скользила по бумаге, и вскоре передо мной появилось замечательное послание личного характера за подписью «Х.».

Смысл послания был очевиден, но меня удивила подпись.

На следующий день я показала его приятельнице и спросила, не знает ли она, кто такой «Х.».

«Ну как же, — ответила она, — разве ты не знаешь, что за этой подписью обычно скрывается наш знакомый, м-р **».

Об этом я не знала.

В это время м-р ** находился за шесть тысяч миль от Парижа и, как мы обе считали, — в мире живых. Но через день или два из Америки пришло письмо, в котором сообщалось, что м-р **, находившийся на западе Соединённых Штатов, умер за несколько дней до того, как я получила в Париже записанное автоматическим способом письмо-послание за подписью «Х.»

Насколько мне известно, в Европе я была первым человеком, узнавшим эту печальную новость, и я немедленно сообщила своей приятельнице о смерти «Х.» Её это не удивило; более того, она сказала мне, что подобное предчувствие появилось у неё уже несколько дней назад, когда я показала ей письмо «Х.», но тогда она решила промолчать.

Нет нужды говорить, что этот необычный инцидент произвёл на меня сильное впечатление...

Но при этом к вопросу возможности общения между двумя мирами я продолжала относиться на удивление равнодушно. Спиритуализм никогда не вызывал у меня особого интереса, и я не читала даже самых общеизвестных работ на эту тему...

В течение нескольких последующих недель таким же автоматическим письмом были записаны ещё несколько писем за подписью «Х.», но вместо того, чтобы ощущать положенный в таких случаях энтузиазм, я со всё большей неохотой подчинялась необходимости записывать письма, и только моя приятельница смогла убедить меня в том, что я должна продолжать этим заниматься и что если «Х.» действительно хочет что-то поведать миру, то я должна рассматривать записи как редкую привилегию, как предоставляющийся мне шанс помочь ему...

Постепенно, по мере того как я преодолевала своё предубеждённое отношение к автоматическому письму, я находила всё больший интерес в том, что «Х.» сообщал мне о жизни вне Земли...

Когда мне впервые предложили опубликовать эти письма с моим собственным предисловием, я отнеслась к этой идее без особого энтузиазма. К тому времени я уже написала несколько книг, более или менее известных, и прочность моей литературной репутации уже была для меня предметом некоторого тщеславия. И мне вовсе не хотелось прослыть эксцентричной, или, что называется, женщиной «со странностями». Я согласилась указать в предисловии, что письма были записаны мной методом автоматического письма, что, в общем-то, было правдой, хотя и не всей правдой. Такая формулировка удовлетворила мою приятельницу, но с течением времени она перестала удовлетворять меня. Она показалась мне не до конца искренней.

Я долго ломала голову над этой проблемой... Окончательно этот вопрос разрешился, когда уже примерно две трети писем было записано; я решила, что если я вообще опубликую когда-

либо эти письма, то опубликую их с предельно откровенным вступлением, в котором изложу все обстоятельства их получения.

Надо сказать, что интерес, который вызвали «Письма Живого Усопшего», изданные одновременно в Лондоне и Нью-Йорке, меня поразили. Начали поступать просьбы о предоставлении права на перевод, я оказалась буквально завалена письмами, поступающими со всех концов земного шара. Я написала множество ответов, но ответить на все письма было просто невозможно.

В первой книге я не сообщала о том, кто автор этих писем, так как чувствовала, что не вправе этого делать без согласия его семьи; но летом 1914 года, когда я ещё жила в Европе, в «New York Sunday Word» появилось довольно пространное интервью с м-ром Брюсом Хэтчем, в котором он выразил уверенность в том, что «Письма» являются подлинными посланиями его отца — покойного судьи Дэвида П. Хэтча из Лос-Анджелеса (штат Калифорния)...

После того, как *письма* в 1913 году прекратили поступать, в течение почти двух последующих лет я ощущала присутствие «Х.» только два или три раза, когда он передал мне несколько кратких советов, касавшихся моих личных дел.

4-го февраля 1915 года в Нью-Йорке я неожиданно почувствовала, что «Х.» стоит в комнате, и ощутила желание писать, но, как это бывало и раньше (за исключением одного-двух случаев), я не имела ни малейшего представления о том, что он собирается сказать. Моей рукой он написал следующее: «Когда я вернусь и поведаю вам историю этой войны так, как видна она с этой стороны, вы будете знать о ней больше, чем все правительства воюющих стран вместе взятые».

Это письмо я показала двум своим друзьям, проявившим большой интерес к предыдущей книге, — м-ру и м-с Вэнс Томпсон. И с любезного разрешения «Х.» мы договорились, что супруги Томпсон один раз в неделю будут присутствовать на сеансах автоматического письма для достижения лучшей «концентрации». Их искренняя вера очень помогла мне в моей нелёгкой работе над первой половиной этой книги.

Запись сообщений «Х.», конечно же, не ограничивается теми сеансами, что мы провели вместе, но примерно треть первой половины книги была написана в присутствии м-ра и м-с Томпсон, и к тому же — в их доме. После этого они уехали в Калифорнию, и я продолжила работу одна.

Читателю, вероятно, будет небезынтересно побольше узнать о самом процессе автоматического письма. Процесс этот постепенно изменялся от жесткого и чисто механического воздействия на мою руку извне (в начале работы над первой книгой) до деликатного обращения непосредственно к моему разуму^[3].

Если читатель потрудится представить себе присутствие своего друга, образ которого ярко запечатлен в его памяти, затем вычтет из него то, что он видит своим физическим зрением, оставив лишь тончайшие мыслительные вибрации, позволяющие ощущать его присутствие, а после добавит недоступное описанию «внутреннее зрение», то, возможно, сможет понять, каким образом мне удавалось чувствовать присутствие «Х.» в моей комнате.

Очевидно, точно так же Хелен Келлер догадывается о приближении своих друзей, отличая одного от другого, хотя ничего не видит и не слышит.

Когда я начинала ощущать присутствие «Х.», то сразу же бралась за карандаш и записную книжку, как и подобает личному секретарю, а затем усилием воли замедляла деятельность своего объективного разума до тех пор, пока в нём не оставалось ни единой мысли или даже намёка на мысль. И тогда *непосредственно в моём мозгу* начинали звучать слова, всё так же без помощи сознания приводя в движение мою руку. Всё было в точности так, как будто я слушала диктанта, только не ушами, а каким-то небольшим, но сверхчувствительным участком своего

мозга.

В первое время, начиная писать предложение, я не могла даже приблизительно предположить, как оно закончится. Я не знала, будет ли оно последним или же за ним последует ещё пара тысяч слов. Я просто писала и писала, находясь в состоянии добровольного самоотрицания, до тех пор, пока вышеописанное ощущение присутствия вдруг само собой не пропадало. И всё, больше не поступало ни единого слова, процесс автоматического письма заканчивался.

Вполне естественно, что у скептически настроенного читателя (как было, впрочем, поначалу и у меня самой) возникнет вопрос: а не моё ли собственное подсознание продиктовало мне все эти «Письма Живого Усопшего о войне», дабы хоть как-то объяснить причины этой всемирной трагедии, ещё пару лет назад казавшейся невозможной.

Однако, опираясь на свой большой опыт автоматического письма под диктовку «Х.» и на тот факт, что в течение двух лет я получила от него всего лишь два или три не очень важных сообщения, хотя и довольно часто думала о нём, а также на свою привычку подвергать самому скрупулёзному анализу все феномены, носящие паранормальный характер, я могу теперь со всей уверенностью заявить, что мне вполне по силам отличить подлинное присутствие «Х.» от моих собственных мыслей и воспоминаний о нём, и даже от воспоминаний, внушённых мне кем-то другим.

Более того, по моему мнению, вряд ли найдётся человек, пусть даже не обладающий и сотой долей моего оккультного опыта, который был бы более скептически настроен по отношению к моим письмам, нежели я сама. Я готова с радостью принять любые логические аргументы в пользу того, что эти письма вовсе не являются тем, чем я их провозгласила. Но, сравнивая все «за» и «против», я прихожу к выводу, что доказательств подлинности этих писем гораздо больше, нежели доказательств обратного, и потому поневоле соглашаюсь с оккультным характером их происхождения.

К сожалению, эти свидетельства, по большей части, слишком сложны и носят слишком личный характер, чтобы можно было бы просто упомянуть о них в этом предисловии, хотя я могла бы привести целую дюжину примеров, подобных тому, что описан в «Письме 36», продиктованном мне через час после того, как затонула «Лузитания», и за девять часов до того, как я сама об этом узнала. Возможно, это только любопытное совпадение, но когда я ещё только начала работу над второй книгой, сразу три ученика-окультиста из разных стран написали мне, что ощутили возвращение «Х.», который продолжит писать свои письма с моей помощью. После этого ещё несколько человек устно или письменно сообщали мне то же самое.

Многие события этой войны я сама смогла наблюдать воочию в момент их происхождения, находясь в это время в *астральном* теле. Таким образом, мне удалось стать свидетельницей высадки британских войск на континенте, о чём я сообщила одному британскому офицеру в Англии ещё до того, как поступило официальное сообщение об этом. Впоследствии этот рассказ подтвердил один мой французский друг, который привёз мне из Парижа газету с соответствующим сообщением.

Будучи в Нью-Йорке, я наблюдала обстрел Скарборо как раз в то время, когда это происходило, и рассказала затем об этом своему другу, хотя тогда я ещё не знала, какой именно портовый английский город подвергся нападению. Лишь впоследствии я узнала об этом из газет.

Однако сама я никогда не могла читать мысли «Х.», даже когда явственно ощущала его присутствие в комнате. Я знала только то, что он мне диктовал, не имея ни малейшего представления о том, что ему на самом деле известно. В одном из писем он сообщал мне, что будет время от времени диктовать то, что сам сочтёт нужным.

Только в одном случае я позволяла себе не соглашаться с мнением «Х.». Иногда, когда он

говорит, что немцы сделали то-то и то-то, будь я сама автором этих писем, я бы писала вместо «немцы» — «пруссаки». У меня много друзей среди немцев, и я никого из них персонально не могу винить в том, что их правительство ввергло весь мир в столь бедственное положение.

И потому считаю нужным подчеркнуть, что и сама я не могу нести никакой ответственности за то, что пишет «Х.», но лишь точно передаю его собственные слова.

Лишь спустя несколько дней после того, как 28 июля он продиктовал мне своё последнее письмо, я заметила, что он закончил эту книгу о войне как раз в день годовщины объявления Австрией войны Сербии, а также оглашения Римским Папой его великого призыва к миру.

В своих предыдущих письмах, которые я начала получать ещё три с лишним года назад, «Х.» просил меня никогда не пытаться его вызывать, а впоследствии советовал не задавать ему никаких вопросов. Идя навстречу его пожеланиям, я никогда не делала ни того, ни другого, хотя порою испытывала сильнейшее искушение спросить его о том, чем же всё-таки закончится эта война, оставившая глубокий след в моей душе. Но я понимала, что хотя подобное любопытство и может дать дополнительную пищу для моего объективного разума, в то же время может притупить мою собственную интуицию. Недавно я полностью отказалась от поиска ответов подобным способом, даже через свои гипнологические видения, дабы не увидеть в них ничего такого, что впоследствии могло бы помешать мне полностью избавляться от своих собственных мыслей во время сеансов телепатического письма.

Полагаю, этот опыт раз и навсегда излечил меня от любопытства. Я научилась чувствовать себя независимой и бесстрашной, как комета. А ещё — почти столь же одинокой и способной отстоять и впредь своё одиночество и независимость. Но вот что странно: по мере того как моя ненависть ко всем жестокостям этой войны становилась всё сильнее и сильнее, я проникалась всё большей и большей любовью ко всем этим борющимся человеческим душам, находящимся *по обе стороны линии фронта*, пока, наконец, не стала воспринимать их всех, проливающих кровь на полях сражений, как своих собственных друзей и братьев. Поистине, любовь есть чудо, которое, соприкасаясь с жестокой прозой жизни, возвышает её до уровня Божественного.

В письме № 4 данной книги от 10 марта «Х.» говорит, что Силы Добра уже одержали верх над Силами Зла и что на Земле скоро вновь воцарится мир, хотя он и не уточнял — когда именно. Ещё до того, как было объявлено о гибели «Лузитании», но уже через час после того, как это действительно произошло, он написал мне, что демоны, которых Светлые Силы иного мира благополучно разогнали, вновь собрались с силами и вернулись, чтобы отомстить, и что ему самому следовало бы догадаться, что, повинувшись Закону ритма, они неизбежно должны были восстановить свои силы и напасть снова.

В свете упомянутого Закона это письмо представляется мне наиболее интересной частью всей книги. Оно поясняет часто повторяемые в письмах слова о том, что даже Живые Усопшие не могут знать всего, в то же время зная несравнимо больше живых, поскольку обладают более совершенным видением и гораздо более полной информацией.

По поводу этого повторного нападения Сил Тьмы интересно заметить, что как раз перед тем письмом, в котором говорилось о гибели «Лузитании», «Х.» описывал свою встречу с Мрачным Существом.

Можно заметить, что все рассказы «Х.» в данной книге пронизывают две основные идеи: тайна Добра и Зла (Любви и Ненависти) и идея *братства* людей.

Заглядывая в свою собственную душу и выявляя в ней извечный конфликт между добром и злом, человек может научиться защищать себя как от внешнего зла, так и от зла, таящегося в нём самом.

Для того чтобы нагляднее пояснить мне это, «Х.» поделился со мной некоторыми тайнами, ещё не привлечшими к себе в достаточной мере внимание обычного, среднего человека.

О существовании Астрального Мира, пронизывающего Мир плотной материи и выходящего далеко за пределы последнего, уже не раз говорилось в теософской и иной литературе, и «Х.» тоже обращает внимание читателя на этот факт. Астральный Мир называют миром чувств и желаний, и человек может действовать этом мире, находясь в своём астральном теле (оно же — чувственное тело, или тело желания), состоящем из тонкой материи особого рода, неразличимой обычным зрением.

Астральный Мир, в свою очередь, пронизан Миром Мысли, опять-таки выходящим далеко за пределы первого. И человек, как утверждают, имеет, помимо астрального тела, ещё и тело мысли — *ментальное тело*, с помощью которого он может поддерживать контакт с миром Мысли и действовать в нём. И так далее — уровень за уровнем — человек приближается к не имеющему формы универсальному состоянию, или, как ещё говорят, к чистой божественности.

Описываемые «Х.» злобные астральные существа являются постоянными обитателями Астрального Мира.

Некоторые из них вообще не имеют физических тел, необходимых для деятельности в Материальном Мире. Прочие же представляют собой более или менее независимые астральные сущности людей, которые во время сна бродят по невидимому для наших глаз миру. Они принимали самое активное участие в этой войне.

Говорят также об элементарных сущностях, относящихся к земле, воздуху, огню или воде. Они развиваются в направлении, отличном от того, в котором развивается человек. Некоторые из них — добрые, другие — полны злобы. Об этих элементах много сказано в сочинениях Парацельса. Они тоже активно вмешивались в ход войны.

Прочие, вышестоящие, Существа, могут действовать на всех трёх уровнях: физическом, астральном и ментальном, а также в ещё более высоких Мирах, недоступных нашему пониманию. Если бы не благотворная деятельность некоторых из Них, человечество давно бы уничтожило самое себя или было бы уничтожено.

«Х.» говорит, что ненависть и страдания, порождённые великой войной, превратили Астральный Мир в место малопривлекательное для проживания. Описанное им место посмертных испытаний в точности напоминает римско-католическое Чистилище. Видимо, Церковь и в самом деле обладает большим знанием.

Добро и зло можно назвать противоположными и в тоже время взаимно дополняющими друг друга силами: первое действует в гармонии с Законом Вселенной (иначе именуемым Волей Бога), а второе — противодействует Закону.

Некоторых читателей, возможно, шокирует то, что «Х.» говорит о чёрной магии. Однако он отнюдь не стремился вызвать шок своими заявлениями, но лишь *предостеречь и просветить* человечество на этот счёт. Суеверие названо тёмной стороной религии, но от суеверия нельзя просто отмахнуться с презрительным видом знатока. Его необходимо понять. Все вещи требуют от нас понимания. Даже великие психологи и учёные теперь не считают, что подобные вещи не заслуживают их интереса. Взять хотя бы профессора Уильяма Джеймса, сэра Оливера Лоджа или д-ра Барадюка. А если попытаться вспомнить всех известных учёных, ныне занимающихся исследованием оккультных феноменов, то полученное число исследователей будет достойно целого справочника. Так что когда я признаюсь, что веду поиск Невидимого Мира, я всего лишь присоединяю свою скромную персону к довольно неплохой компании.

«Х.» говорит также о Мрачном Существо, вдохновлявшем Ф. Ницше на то, чтобы сбивать с толку молодую Германию. Вероятно, за каждым могущественным человеком, чьи деяния оставили след в этом мире, также стоял Некто невидимый — светлый или тёмный. Этот вопрос имеет как теоретический, так и практический интерес. Вдохновение, так же как и магия, может быть либо чёрным, либо белым.

Те голоса, которые слышала Жанна д'Арк, в наши дни назвали бы феноменами яснослышания. История свидетельствует, что они призвали её стать ни более, ни менее как спасительницей Франции. Мартин Лютер однажды запустил чернильницей в «дьявола», но Реформация, тем не менее, совсем не пострадала от того, что его иногда посещали видения. Саул из Тарса (Саул Тарсиец), если верить хронистам, тоже имел видения.

«Х.» упоминает своего собственного Учителя. Когда я сравниваю того калифорнийского судью, которого я знала, с большинством известных мне мужчин и женщин, с которыми мне приходилось вести пустопорожние разговоры, мне начинает казаться совершенно естественным, что кто-либо из людей может продвинуться в своём развитии ещё дальше, чем «Х.», если проявит достаточно решимости. Если «Х.» смог стать тем, кем он стал, за неполные семьдесят лет своей жизни, значит, есть надежда и для нас — тех, кто смотрит в вечность.

Другой основной идеей, заложенной в этих «Письмах о войне», является, на мой взгляд, *братство всех людей*.

До сих пор развитие мира протекало в форме чередования отчётливо выраженных периодов, определяемых сменяющимися друг друга господствующими расами, которые придают своим эпохам собственный неповторимый облик. «Х.» говорит о новой, так называемой Шестой Расе, которая вскоре появится в Соединённых Штатах Америки.

Если Америка воспримет эту идею как рабочую гипотезу, а не как повторение лозунга «Deutschland uber Alles», но, скажем, как «Америка для всех» (а не превыше всего), она сможет создать свою «машину мира» в противовес «военной машине», созданной Германией. Если Америка отнесётся к пропаганде идеи БРАТСТВА так же серьёзно, как Германия к пропаганде идеи мирового господства, то этой новой человеческой Расы. Процесс смешения рас на территории Америки открыл перед нею необозримые просторы для экспериментирования в духовной сфере. И Европа, и Азия с интересом смотрят на неё. Англия, Германия, Франция и даже Япония, которая лишь внешне кажется погрязшей в материализме, но внутри — глубоко духовна, но *более всего, пожалуй, Россия* отнеслись бы с уважением к этой благородной цели. Возможно, мир достаточно настрадается за эту войну, чтобы с готовностью воспринять идею ВСЕЛЕНСКОГО БРАТСТВА.

В Америке уже существуют движения, объективно направленные на реализацию этой идеи. «Х.» упоминает движение «Друзей леса» (Woodcraft) — общественную организацию, насчитывающую, вероятно, до сотни тысяч мужчин и подростков (женщин в ней — всего лишь несколько), которые всё свободное время отдают «возвращению в Природу», походному костру, чтобы испытать то братское чувство, которое не в силах дать городская жизнь.

«Х.» говорит также, что в будущем ему предстоит сделать ещё одно дело. Я не знаю, что это за дело, поскольку сама не имею к нему никакого отношения, но я совсем не удивлюсь, если в один прекрасный день он объявит мне, что оно связано с теми целями, которые ставит перед собой движение «Друзей леса».

Третья книга — последняя из серии книг о Живом Усопшем — была написана между февралем 1917 г. и февралем 1918 г. После этого я утратила свою способность, или, если хотите — склонность к автоматическому письму.

Эта третья рукопись оказалась короче двух предыдущих, и потому я предполагала, что она так и останется незаконченной и вряд ли будет когда-либо дописана до конца; и только после того, как мой издатель убедил меня опубликовать эту рукопись в её нынешнем (незавершенном) виде, я, наконец, впервые прочла её всю — от начала до конца — и пришла к выводу, что она действительно представляет собой законченное сочинение, органическое целое.

«Возможно, — говорила я себе, всё ещё не совсем доверяя своим чувствам, — и в самом деле существует какая-то божественность, направляющая наши действия». Поскольку, будь эта

книга опубликована сразу же после её написания, она показалась бы преждевременной; а теперь большая часть её содержания выглядит так же злободневно, как передовицы сегодняшних газет.

Я рада тому, что эти «Последние письма Живого Усопшего» призывают к мужеству, выдержке, к вере в великое и упорядоченное будущее Америки и всей планеты в целом, призывают обратиться ко всем тем положительным качествам, которые нам сейчас так нужны для восстановления Мира.

Я не верю в то, что большевизм или какая-либо другая форма психоза сможет пустить глубокие корни в Соединённых Штатах.

У страны со всеобщим избирательным правом — и для мужчин и для женщин — нет причин бросаться в бездну бездумного разрушения. Во время последней предвыборной кампании я с интересом наблюдала за отношением женщин к этой своей обязанности и одновременно — привилегии. Я наблюдала за действиями только одной партии — демократов, но уверена, что примерно та же картина имела место повсюду. С каким необычайным достоинством они держались, чувствуя на себе эту новую ответственность; и в отношениях между мужчинами и женщинами царили подчёркнутая вежливость и уважение. А проходившие в то же время кампания Четвёртого добровольного займа и публикация списков потерь придали этому событию ещё большую важность. Нет, эти уравновешенные, чувствующие свою гражданскую ответственность женщины никогда не будут втянуты в пучину коллективного безумия; и поскольку возвращающиеся с фронта мужчины возвращаются именно к этим женщинам — своим матерям, жёнам и сёстрам, я не думаю, что во время мира мы потеряем то, что приобрели во время войны.

А теперь мне остаётся лишь предложить вам прочесть эти «Последние письма Живого Усопшего», не забывая о том, что написаны они были между февралем 1917 и февралем 1918 года.

Эльза Баркер.

Написано в День Пасхи, 1919 год,

Нью-Йорк.

Письмо 1

Возвращение

Я здесь! Не бойтесь ошибки!

Это я говорил с вами, и теперь говорю снова я.

У меня были удивительные переживания. Многие из забытого я начинаю вспоминать. Всё случившееся вело к благу; это было неизбежно.

Я уже могу различать вас, хотя и не очень ясно.

Я не видел здесь тьмы. Здешний свет удивительный, гораздо удивительнее, чем солнечный свет юга.

Нет, я пока ещё с трудом ориентируюсь в окрестностях Парижа, всё мне кажется иным. И если я вижу вас, то это, по всей вероятности, благодаря вашей собственной жизненной силе.

Письмо 2

Не говорите никому

Я нахожусь как раз напротив вас в пространстве, т.е. я прямо перед вами, опираюсь на что-то, вероятно, на кушетку или диван.

Мне легче приходиться к вам после сумерек. Уходя отсюда, я подумал, что смогу обращаться к людям при помощи вашей руки.

Я чувствую себя уже сильнее. Бояться нечего — это только перемена состояния.

Я не могу ещё сказать вам, сколько я пребывал в безмолвии. Кажется, не очень долго.

Это я подписался «Х.». Учитель помог мне установить связь.

Пока не говорите никому, кроме ***, о моём появлении — так будет лучше. Я буду приходить в любое время, когда и куда захочу, и не желал бы помех.

Предоставьте мне возможность время от времени использовать вашу руку; я не злоупотреблю этим.

Я хочу остаться здесь до тех пор, пока не буду в состоянии вернуться более сильным. Ждите меня, но не теперь.

Всё отныне удаётся мне легче, чем в первое время. Мой вес уменьшился. Я мог бы ещё оставаться в теле, но это было бы пустой тратой сил.

Я видел Учителя. Он близко. Его отношение ко мне приносит огромное утешение.

Но теперь мне лучше уйти. Доброй ночи!

Письмо 3

Берегите дверь

Вы должны принять некоторые предосторожности, чтобы оградить себя от тех, что теснятся вокруг меня.

Вы должны ограждать себя днём и ночью зарокотом. Ничто не может проникнуть через эту преграду — ничто, чему вы запретите своей душой приближаться к себе.

Не позволяйте этим лярвам^[4] Астрального Мира высасывать из себя силы. Нет, меня они не беспокоят, ибо я уже свыкся с мыслью об их постоянном окружении. Вам совершенно не следует бояться, если вы защитите себя.

Письмо 4

Облако на зеркале

(После того, как фраза была наполовину закончена, писание внезапно прервалось и возобновилось только через некоторое время.)

Когда вы отвечаете на мой призыв, вытрите дочиста ваш ум, как вытирает ребёнок свою аспидную доску^[5], готовясь записать новую задачу учителя. Малейшая ваша личная мысль или фантазия будет как бы облаком на зеркале, затуманивающим отражение.

Вы сможете таким образом получать письма, но при этом ваш ум должен хранить молчание, не пытайтесь задавать мне вопросы во время писания.

На этот раз я был прерван не собравшимися вокруг существами, но вашим собственным любопытством — чем окончится начатая фраза. Вы стали внезапно активной, вместо того чтобы оставаться пассивной, подобно тому, как если бы воспринимающий телеграфный аппарат начал посылать своё собственное сообщение.

Я узнал здесь причину многих психических явлений, которые прежде поражали меня, и я намерен защитить вас, насколько это возможно, от перекрещивающихся токов, вредных для нашей работы.

Однажды вечером, когда я пришёл к вам, вы не впустили меня. Хорошо ли это было?

Но я не упрекаю вас. Я буду приходить снова и снова, пока моё дело не будет завершено.

Вскоре я приду к вам во сне и открою много интересного.

Письмо 5

Обещание невысказанных вещей

Через некоторое время я передам вам знание, которое приобрёл с тех пор, как я здесь. Я вижу теперь прошлое словно через открытое окно. Я вижу дорогу, по которой я пришёл, и могу начертать путь, по которому намереваюсь идти в будущем.

Всё кажется мне теперь лёгким. Я мог бы делать вдвое больше, чем делаю — до того сильным я себя чувствую.

До сих пор я ещё нигде не обосновался и передвигаюсь с места на место, куда меня влечёт; я мечтал об этом всегда, когда был в теле, но никогда не мог осуществить этой мечты.

Не бойтесь смерти, но живите на Земле как можно дольше. Несмотря на всё, что я здесь приобрёл, я жалею иногда, что кончилась моя причастность к миру. Но сожаления теряют свой вес в потустороннем мире, так же как и наши тела.

И я расскажу вам о вещах, которые никогда ещё не были высказаны.

Письмо 6

Магия воли

Вы ещё не вполне овладели тайной воли. Она может сделать из вас всё, что вы захотите, в пределах возможностей вашей энергии; ибо в той единице силы, которая называется человеком, всё находится или в активном, или в потенциальном состоянии.

Различие между живописцем и музыкантом или между поэтом и романистом не есть различие качественное, ибо каждый человек заключает в себе всё, за исключением количества, и, таким образом, каждый имеет возможность развивать себя по любой линии, избранной его волей. Выбор мог произойти очень давно. Нужно много времени, часто много жизней, чтобы достигнуть определённого искусства или способности к особому роду творчества, преобладающей над всеми другими способностями. Сосредоточение есть ключ к силе здесь, как и везде.

Что касается силы воли в ваших повседневных задачах, то есть два пути для проявления воли. Можно сосредоточиться на определённом плане и привести его в исполнение или не привести, в зависимости от запаса той силы, которой вы располагаете. Или же можно направить волю на то, чтобы самый лучший, самый высокий и самый мудрый из всех возможных планов был выявлен подсознательными силами в вас самих и в других я. Последний путь ведёт к господству над всей окружающей средой вместо господства или попытки к господству над одной её частицей.

В этом общении между видимым и внутренним миром, вы, принадлежащие к первому, склонны думать, что мы можем знать всё. Вы требуете, чтобы мы играли роль предсказателей будущего или сообщали вам, что происходит на противоположной стороне земного шара. Иногда это возможно, но по большей части — нет.

Со временем я буду в состоянии проникать в ваше сознание, как это делает Учитель, и буду знать все мысли и планы, которые возникают и возникали в нём, но сейчас мне это удаётся не всегда.

Например, однажды я всюду искал *** и не мог его найти. Видимо, вам следует очень интенсивно думать о нас, чтобы нам было легче общаться с вами.

Я всё время учусь. Учитель усиленно помогает мне. Когда я в совершенстве научусь пользоваться вашей рукой, я расскажу вам о жизни, которую ведут здесь.

Письмо 7

Свет позади покрывала

Временами оставляйте для меня проход в том покрове из плотной материи, который закрывает вас от моего взора. Я часто вижу вас ярким световым пятном, и это бывает, вероятно, в тот момент, когда ваша душа объята сильными чувствами или когда ваш ум переполняют сильные мысли.

Иногда я могу читать ваши мысли, но постоянно — нет. Порой я хочу приблизиться к вам и не могу вас найти. Вероятно, и вы не всегда могли бы найти меня, будь вы здесь.

Иногда — я совсем один, иногда — в окружении других.

Странно, но сейчас я ощущаю своё тело вполне вещественным, а первое время мне казалось, что мои руки и ноги вытягивались по всем направлениям.

Здесь, как правило, я не хожу как прежде, но и не летаю в точном смысле этого слова, поскольку никаких крыльев у меня нет; и всё же я проношусь в пространстве с невероятной быстротой. Но иногда всё же хожу.

А теперь я обращаюсь к вам с просьбой. Вы знаете, как трудно порой мне давалась решимость войти с вами в контакт, но я продолжал добиваться. И вы не отчаивайтесь и действуйте так, как если бы все средства общения были у вас в руках. Не допускайте сомнений, ибо когда вы сомневаетесь, вы притягиваете меня к Земле, вызывая желание помочь вам. А это так же нехорошо, как горевать об умерших.

Письмо 8

Железные тиски материи

У человека, перешедшего в «невидимый» мир, появляется внезапное воспоминание о Земле. «О, — говорит он, — мир продолжает жить без меня! Чего мне не хватает?»

Ему кажется почти дерзостью со стороны мира, что тот продолжает существовать без него. Он начинает волноваться. Он уверен, что выкинут из круга времён, что забыт, выброшен вон.

Он осматривается кругом и не видит ничего, кроме спокойных пространств четвёртого измерения. О, чего бы он не дал, чтобы снова почувствовать железные тиски материи! Подержать что-нибудь физическое в плотной руке!

Со временем это настроение проходит, но настаёт день, когда оно возвращается с удвоенной силой. Он должен выйти из этой тонкой разрежённой среды в энергично сопротивляющуюся среду плотной материи. Но как это сделать?

А, он вспомнил! Всякое действие исходит из памяти. Было бы безрассудно совершать этот опыт, если бы он уже не проделывал его.

Он закрывает глаза и ввергает себя в невидимое. И он привлекается к человеческой жизни, к человеческим существам, входит в интенсивные вибрации единения с ними. Здесь он испытывает сочувствие — может быть, сочувствие прежних переживаний с душами, с которыми он снова вступает в соприкосновение, но, возможно, что это лишь сочувствие настроения или воображения. Как бы то ни было, он выпускает из рук своё право на свободу и, торжествуя, теряется в жизни человеческих существ.

Через некоторое время он пробуждается и с удивлением смотрит на твёрдую почву и лица людей. Иногда он плачет и стремится назад. Если у него пропадает охота, он может вернуться — чаще всего, чтобы снова начать утомительную погоню за теми же тисками материи.

Если же он упрям и обладает сильной волей, он может остаться и вырасти в человека. Он даже может уверить себя, что его прежняя жизнь в тонкой субстанции была лишь сном, и действительно, во сне он возвращается к ней, и этот сон преследует его и омрачает его пребывание в материи.

Но проходят годы, и его начинает утомлять материальная борьба: его энергия исчерпана. Он возвращается в область невидимого, и люди снова говорят, что он умер.

Но он не умер. Он только возвратился туда, откуда пришёл.

Письмо 9

Где души восходят и нисходят

Друг мой, в смерти нет ничего страшного. Это не тяжелее, чем путешествие в чужую страну — первое путешествие для человека, который стал несколько старомодным и закристаллизовался в привычках своего более или менее тесного уголка в мировом пространстве.

Когда человек приходит сюда, чужие, встречаемые им здесь, не более чужды, чем иностранцы для того, кто впервые сталкивается с ними. Он не всегда понимает их, и в этом его переживания опять-таки сходны с пребыванием в чужой стране. Через некоторое время он начинает делать шаг вперёд и улыбаться глазами. Его вопрос: «Откуда вы?» — вызывает такой же ответ, как и на Земле. Один — из Калифорнии, другой — из Бостона, третий — из Лондона. Это бывает тогда, когда мы встречаемся на больших дорогах, ибо и здесь существуют дороги, по которым души приходят и уходят, как и на Земле. Такая дорога составляет обыкновенно кратчайшую линию между большими земными центрами, но она никогда не бывает над линией железной дороги. Было бы слишком шумно. Мы можем слышать земные звуки. Они производят своего рода толчок в эфире, который и доносит до нас звуковую вибрацию.

Иногда некоторые из нас надолго поселяются на долгое время на одном месте. Я посетил старый дом в штате Мэн, где человек, пребывающий по эту сторону жизни, задерживался в течение целого ряда лет; он рассказал мне, как выросли все его дети и как жеребенок, которого он любил перед уходом сюда, вырос в большого коня и умер от старости.

Здесь так же встречаются лентяи и тупые люди, как и у вас. Бывают также и блестящие и притягательные, одно присутствие которых оказывает благотворное действие.

Может звучать почти нелепо, что мы носим одежду, как и вы, только нам она не нужна в таком количестве. Ни у кого я не встречал здесь чемоданов; правда, я здесь совсем недавно.

Тепло и холод уже не имеют значения для меня, хотя я помню, что первое время мне казалось холодно, но это уже прошло.

Вы можете принести такую огромную пользу, уступая мне время от времени вашу руку, что меня удивляет ваша боязнь.

Философия, которую я хочу передать вам, должна проникнуть в мир. Возможно, что только очень немногие поймут её глубину в этой жизни, но семя, посеянное сегодня, может принести плод в далёком будущем, как те зёрна пшеницы, которые были погребёнными вместе с мумиями в течение двух или трёх тысяч лет и всё же проросли, когда их поместили в подходящую почву, в наши дни. То же и с философскими идеями.

Кто-то сказал, что глупо работать на философию, вместо того чтобы заставить философию работать на себя, но человек не может дать даже малой крупицы истинной философии, без того чтобы самому не пожать в семеро больше. Чтобы получать, нужно давать. Это — Закон.

Я многое могу рассказать вам о здешней жизни, и это поможет другим, когда для них придёт время великой перемены. Почти каждый приносит сюда воспоминания прошлого, более или менее живые воспоминания о своей земной жизни — по крайней мере, большинство из тех, с кем я уже имел дело.

Я встретил здесь одного человека, который не хотел говорить о Земле и всё толковал о «движении вперёд». Я напомнил ему, что как бы далеко он ни ушёл, он всё же вернётся к месту, откуда пустился в путь.

Вас, вероятно, интересует, нуждаемся ли мы в пище и питье? В определённом смысле, мы, несомненно, питаемся и поглощаем много воды. Вам тоже следовало бы пить побольше воды. Она питает астральное тело. Я не думаю, чтобы тело, лишённое влаги, могло обладать достаточной астральной энергией, чтобы уступить свою руку душе, которая находится на этом плане жизни, как это делаете сейчас вы. В нашем здешнем теле много влаги. Может быть, соприкосновение с так называемым духом потому и вызывает в некоторых горячих людях ощущение холода, и они вздрагивают.

Мне приходится делать усилие, чтобы писать через вас, но это усилие стоит того.

Я появляюсь там, где чувствую ваше присутствие. Я могу вас видеть лучше, чем других. И тогда я делаю обратное: вместо того чтобы входить внутрь, как я это делал прежде, я выхожу наружу с большей силой по направлению к вам. Я овладеваю вами стремительным натиском.

Иногда ваше писание останавливалось посреди начатой фразы. Причиной тому была моя слабая сосредоточенность. Вы заметили, может быть, что когда вы переходите из одного мира в другой, внезапный шум или, может быть, вторгнувшаяся мысль может вернуть вас обратно. То же и здесь.

Теперь об элементе, в котором мы живём. Он, несомненно, существует в пространстве, ибо он облекает всю Землю. И всё, каждая видимая вещь, имеет здесь свой соответствующий дубликат. Когда вы, погружаясь в сон, вступаете в этот мир [\[6\]](#), вы видите вещи, которые существуют или существовали в Материальном Мире. Вы не увидите ничего в этом мире, что не имело бы физического соответствия на Земле. Здесь существуют, несомненно, и воображаемые картины, мыслеобразы; но видеть воображением не значит владеть астральным зрением. То, что вы видите, засыпая, имеет реальное существование, и, меняя быстроту ваших вибраций, вы переходите в этот мир или, вернее, вы возвращаетесь в него, ибо необходимо из него выйти, для того чтобы вновь войти.

Воображение обладает великой силой. Если вы нарисуете картину в своём уме, вибрации вашего тела могут приспособиться к ней или, иначе, настроиться на тот же лад, если только воля

работает в том же направлении, как это бывает при мысли о здоровье или болезни.

Можно было бы сделать интересный опыт: когда вы захотите перейти сюда, выберите определённый символ и держите его перед глазами. Я не уверен, но возможно, что это поможет вам изменить ваши вибрации.

Хотелось бы знать, смогли бы вы увидеть меня, если бы, заснув, перешли сюда с мыслью обо мне?

Сегодня я чувствую себя очень сильным, потому что долго был в присутствии того, кто гораздо сильнее меня; и потому сегодня я мог бы помочь вам в подобном опыте лучше, чем в другое время.

Я продолжаю узнавать многое, что хотелось бы передать вам. Например, я мог бы показать вам, как приходить сюда по своей воле, как это делают Учителя.

Сначала я овладевал только вашей рукой, чтобы писать посредством её, а теперь я в состоянии контролировать всю вашу психическую организацию. Мне помог в этом Учитель. Благодаря этому новому приёму вы не будете испытывать такой усталости, да и я тоже.

Теперь я уйду и постараюсь встретиться с вами через некоторое время. Если опыт не удастся, не теряйте уверенности, но попробуйте снова в другой раз.

Письмо 11

Мальчик Лайонел

Вам будет интересно узнать, что здесь, так же как и на Земле, существуют люди, посвятившие себя благу других. Здесь есть даже большая организация душ, которая называется Лигой. Их задача состоит в помощи тем, кто только что перешёл сюда; они помогают им приспособиться к новым условиям. Эта Лига приносит большую пользу. Они работают наподобие Армии Спасения, только на более — не скажу, высоком — интеллектуальном плане. Они помогают и взрослым и детям.

Дети являют здесь интересные особенности. У меня самого не было времени наблюдать за всем этим; но один из работающих в Лиге сказал мне, что детям легче приспособиться к здешней жизни, чем взрослым. Очень старые люди имеют склонность много дремать, тогда как дети приходят сюда с большим запасом энергии и приносят с собой то же любопытство, которое свойственно им на Земле. Резких перемен не существует. Дети вырастают здесь, как говорят мне, так же незаметно, как и на Земле. Общее правило в том, чтобы сохранить нормальный ритм, но бывают случаи, когда душа возвращается очень скоро. Возможно, что это душа с большим любопытством и сильными желаниями.

Здесь встречаются ужасы даже более страшные, чем на Земле. Следы разложения от порока и невоздержанности здесь гораздо явственнее, чем там. Я видел здесь лица и формы, которые поистине ужасны, лица, которые казались полусгнившими и распадавшимися на части. Но это — безнадежные случаи, и таких работники Лиги предоставляют их печальной судьбе. Я не уверен в будущем этих людей: могут ли они воплотиться в этом цикле, я не знаю.

Но дети здесь так очаровательны! Один подросток часто бывает со мной; он называет меня отцом и искренне радуется нашим встречам. Ему, должно быть, около тринадцати лет, и он уже пробыл здесь какое-то время. Точный срок назвать он мне не смог, но я спрошу его, не вспомнит ли он земной год своего перехода сюда.

Это неверно, что здесь нельзя скрывать свои мысли. Здесь можно сохранять тайны, если знать, как это делать. Это производится внушением или наложением зарока. Хотя здесь все же несравненно легче читать чужие мысли, чем на Земле. Мы сообщаемся друг с другом приблизительно так же, как и вы. Но по мере того, как время идёт, я замечаю, что начинаю разговаривать всё чаще не губами, а посредством сильных проекций мысли. Вначале я открывал рот, когда хотел что-нибудь сказать; теперь я это делаю изредка, в силу привычки. Когда человек только что перешёл сюда, он не поймёт другого, пока тот не заговорит; или, вернее, пока сам он не научится говорить иначе.

Но я начал о мальчике. Он чрезвычайно интересуется некоторыми земными вещами, о которых я ему рассказываю, — особенно аэропланами, которые были ещё не особенно совершенными, когда он перешёл сюда. Ему хочется вернуться и полетать на аэроплане. Я говорю ему, что он может летать и здесь, без аэроплана, но для него это не одно и то же; ему хочется «вложить персты» в самую машину.

Я советую ему не торопиться с возвращением. Интереснее всего, что он может вспоминать свои предыдущие жизни на Земле. Многие здесь не имеют никаких воспоминаний о своих прежних жизнях, они помнят только то, что переживали перед уходом сюда. Вообще, это далеко не то место, где бы все знали обо всём — совсем нет. Большинство душ почти так же слепы, как и на Земле.

В предыдущем воплощении мальчик был изобретателем, и в этот раз, по его словам, он перешёл сюда в результате несчастного случая. Ему бы следовало остаться здесь подольше,

чтобы приобрести более сильный ритм для своего возвращения. Но это моя собственная идея. Меня так интересует этот мальчик, что мне хотелось бы удержать его, и это, вероятно, влияет на моё мнение.

Вы видите — человеческое нам вовсе не чуждо.

Вы, кажется, хотите меня спросить о чем-то? Попробуйте сказать громко. Я думаю, что услышу. Да, я чувствую себя гораздо моложе, чем на Земле и гораздо крепче, и гораздо здоровее. В самом начале я чувствовал себя временами, как и во время моей болезни, угнетённым, а временами — свободным от этого чувства; теперь же — совсем другое! Моё тело почти не беспокоит меня.

Я думаю, что старые люди молодеют здесь до тех пор, пока не обретут внешность своих цветущих лет, после чего они пребывают в этом возрасте более или менее длительное время. Вы видите, что я не знаю всего. Я успел собрать уже много забытых сведений, но относительно подробностей здешней жизни мне ещё многому придётся научиться. Ваша любознательность поможет мне изучить условия здешней жизни, чего иначе я бы не сделал ещё долго, а может быть, и никогда. По-видимому, и здесь большинство людей не научается ничему, и здесь на первом плане — желание преуспевать, как и во время земной жизни.

Да, здесь есть школы, где желающие могут обучаться, но Великих Учителей здесь немного. Как правило, здешние профессора высшей мудростью не обладают, совершенно так же, как и на Земле.

Мне нужно сделать добавление к тому, что я говорил, когда старался объяснить вам, что всё, встречающееся здесь, существует и на Земле. С тех пор я узнал, что это не совсем верно. Здесь есть различные слои. Узнал я это совсем недавно. Я и до сих пор думаю, что в слое, ближайшем от Земли, всё или почти всё существует и на Земле в плотной материи. Но если удалиться подальше от Земли (как далеко, я не могу определить земной меркой), можно достигнуть Сферы образцов или — если можно так выразиться — Первообразов вещей, которые ещё только возникнут на Земле. Я видел формы вещей, которые, насколько мне известно, не существовали на вашей планете, например, будущие изобретения. Я видел крылья, которые человек сможет приспособить к своему телу. Я видел также новые формы летательных аппаратов. Я видел модели городов и башен со странными, похожими на крылья, проекциями, употребление которых мне совершенно непонятно. Прогресс механических изобретений, очевидно, только ещё начался. В другой раз я продвинусь дальше в этом Мире Первообразов и посмотрю, нельзя ли проникнуть ещё дальше.

Но имейте в виду: я рассказываю вам совершенно так же, как рассказал бы путешественник о вещах, которые он видит впервые. Иногда мои объяснения могут быть неверны.

Когда я был в области, которую мы будем называть Миром Первообразов, я не встретил там никого, кроме одного случайного путника вроде меня. Я делаю из этого естественное заключение, что только немногие, покидающие Землю, посещают эту область. Я вывожу из всего, что видел, и из общений с душами, перешедшими сюда, что большинство из них не удаляется очень далеко от Земли.

Очень странно, но между тем я видел людей, которые воображают себя в обстановке настоящего ортодоксального рая: они поют в белых одеяниях с венцами на голове и с арфами в руках. Не принадлежащие к ним называют эту область «Небесной Страной».

Мне рассказывали, что существует также и огненный ад, чуть ли не с запахом серы, но до сих пор я не видел его. Когда буду сильнее, я постараюсь добраться до него, и если это не слишком мучительно, я проберусь и дальше, — если мне будет позволено.

В настоящее время я перехожу с места на место и до сих пор основательно не изучил ещё ни одной области.

Мальчика, которого, кстати сказать, зовут Лайонел, вчера днём я взял с собой. Может, следовало бы сказать — вчера ночью, так как ваш день — наша ночь, когда мы находимся на вашей стороне. Вы и твёрдая Земля находитесь в центре нашей большой сферы.

Я взял мальчика с собой на прогулку, как сказали бы вы.

Прежде всего мы отправились в старый квартал Парижа, где я жил в прежней жизни, но Лайонел абсолютно ничего не видел, и когда я ему указывал на некоторые строения, он спросил меня совершенно искренне, не вижу ли я их во сне. Вероятно, у меня развита способность, которой обладают не все жители астральной страны. Так, когда Лайонел нашёл, что Париж — плод моего воображения (сам он жил в Бостоне), тогда я отправился с ним в «Небесную Страну». Её он тотчас же увидел и сказал: «Это, должно быть, то самое место, про которое мне рассказывала бабушка. Но где же Бог?»

Этого я не мог сказать, но тут мы заметили, что все смотрят в одном направлении. Мы тоже стали смотреть вместе с другими и увидели яркий свет, подобный солнечному, только свет был мягче и не так ослепителен, как у материального солнца.

«Вот, — сказал я мальчику, — что видят те, кто видит Бога».

А теперь я должен сказать вам нечто очень странное: пока мы смотрели на этот свет, между ним и нами начала медленно образовываться фигура, которую мы на Земле привыкли называть Христом. Он с нежностью смотрел на людей и протягивал к ним Свои руки. Затем Его образ изменился, и на Его правой руке оказался ягнёнок; а затем — Он стоял, как бы преображённый, на горе; после этого Он заговорил и начал учить их, мы могли слышать Его голос. А затем Он исчез, и видение прекратилось.

Когда я впервые перешёл сюда, я был так заинтересован всем увиденным, что не спрашивал, как следует относиться к окружающему; но позднее я начал замечать разницу между предметами, которые на первый взгляд кажутся состоящими из одной и той же субстанции. Так, я начинаю видеть разницу между тем, что, несомненно, существовало на Земле, как, например, форма мужчин, женщин и детей, и между другими вещами, которые, хотя и видимы, и кажутся осязаемыми, но тем не менее должны быть, вероятнее всего, мыслеобразами.

Эта мысль пришла мне, когда я смотрел на драмы, разыгрываемые в «небесной стране», и она недавно снова явилась ко мне с ещё большей силой, когда я проводил исследование в той области, которую назвал «миром первообразов».

Позднее я буду, вероятно, различать и тот, и другой вид с первого взгляда. Например, если я встречу здесь существо или то, что покажется существом, и мне скажут, что это известный герой романа вроде Жана Вальжана Виктора Гюго, я буду иметь основание думать, что это всего лишь мыслеобраз, но настолько жизненный, что он *кажется* настоящим существом в этом мире разреженной материи. Но до сих пор я ещё не встречал таких героев.

Таким образом, пока я не удостоверюсь, что встреченное существо слышит меня и может отвечать мне или другим, к нему обращающим, я не смогу окончательно решить, что оно действительно существует. Отныне я буду исследовать всех встречающихся мне. Герой романа или иное создание мысли, как бы живы они ни казались, не могут отвечать на вопросы, ибо не имеют души, не имеют реального центра сознания.

Когда я вижу странную форму дерева или животного и могу его осязать, ибо чувства действуют здесь совершенно так же, как и на Земле, я знаю, что она существует в тонкой материи астрального плана.

Я думаю, что все существа, которых я видел здесь, реальны; но если я встречу такое, которое не смогу осязать и которое не сможет отвечать на вопросы, тогда я получу подтверждение своей гипотезы, что частицы материи, из которых составляются мыслеобразы, обладают достаточной степенью сцепления, чтобы казаться реальными.

Несомненно, нет духа без субстанции, и нет субстанции без духа, скрытого или выявленного, но нарисованный человек на далёком расстоянии может казаться самым человеком.

Могут ли здесь существовать сознательные, преднамеренные мыслеобразы? Я думаю, да. Такая форма мысли должна быть очень интенсивна, для того чтобы сохраняться в течение длительного времени.

Недавно я попросил моего Учителя показать мне архивы, где могли бы храниться записи наблюдений живших здесь, если такой архив существует. Он сказал:

— Ты был большим любителем книг на Земле. Пойдём.

Мы вошли в большое здание, подобное библиотеке, и у меня захватило дух от изумления. Меня поразила не архитектура здания, а количество книг и рукописей. Их, должно быть, было множество миллионов.

Я спросил Учителя, все ли книги здесь. Он улыбнулся и сказал:

— Неужели тебе всё ещё мало? Ты можешь выбрать всё, что хочешь.

Я спросил, по какому принципу расположены книги — по предметам или как-то иначе.

— Здесь есть определённый порядок, — ответил он. — Какую ты хочешь?

Я сказал, что хотел бы видеть книги, в которых записаны наблюдения над этой, все ещё малознакомой для меня, страной.

Тогда он взял с полки объёмистый том. Текст был напечатан крупным чёрным шрифтом.

— Кто написал эту книгу? — спросил я.

— Здесь есть подпись.

Я посмотрел в конец книги и увидел подпись, которую употреблял Парацельс.

— Когда он написал это?

— Вскоре после переселения сюда. Это было написано между жизнью Парацельса на Земле и его следующим воплощением.

Книга, которую я раскрыл, представляла собой трактат о духах человеческих, ангельских и элементарных. Она начиналась с определения человеческого духа как *духа, имевшего опыт жизни в человеческой форме*; а элементарный дух определялся как более или менее развитое самосознание, не имевшее ещё такого опыта.

Затем автор определял ангела как духа высокой ступени, который не имел и, вероятно, в будущем не будет иметь переживаний в материи. Затем он утверждал, что ангельские души разделяются на две резко различающихся группы — небесные и преисподние; первые принадлежат к тем ангелам, которые работали в гармонии с законами Бога, последние — к тем, которые работали против этой гармонии. Автор утверждает, что каждая из этих групп *необходима* для существования другой, что если бы все были добрые, то вселенная прекратила бы своё существование, что и само добро перестало бы быть добром из-за отсутствия своей противоположности — зла.

Парацельс утверждает, что в архивах царства ангелов есть указание на то, что добрый ангел стал злым, а злой ангел — добрым, но что это были редкие случаи.

Далее он предупреждает те души, которые будут пребывать в той области, где он это писал и в которой сам я нахожусь в настоящее время, чтобы они не вступали в контакт со злыми духами. Он заявляет, что в более тонких формах здешней жизни больше соблазнов, чем в жизни земной, что сам он был неоднократно осаждаем злыми ангелами, убеждавшими его присоединиться к ним, и что их аргументы были иногда чрезвычайно благовидны.

Он продолжает, говоря, что во время своей земной жизни имел частые общения с духами — и добрыми, и злыми; но что пока он был на Земле, он никогда — насколько ему известно — не беседовал с ангелом из породы злых.

Он указывает своему читателю, что есть только один способ определить, принадлежит ли существо здешнего Тонкого Мира к ангелам или же к человеческим или элементарным духам

— отличить ангела можно только по большей силе сияния, окружающего его. Он говорит, что и добрые и злые ангелы окружены необычайным сиянием, но что между ними есть разница, заметная при первом же взгляде на их лица: глаза небесных ангелов горят любовью и разумом, тогда как смотреть в глаза ангелов преисподней чрезвычайно тяжело.

Он говорит также, что ангел тьмы может ввести в заблуждение смертного человека, явившись пред ним под видом ангела света, но что такой обман невозможен по отношению к душе, освободившейся от своего физического тела.

Возможно, в другой раз я продолжу эту тему, а теперь я должен отдохнуть.

Особенно интересной делает для меня эту страну отсутствие условностей. Здесь нет двух людей, одетых одинаково; или нет, это не совсем точно. Очень многие одеваются так необыкновенно, что их наружный вид придаёт здешнему миру большое разнообразие.

Моя собственная одежда похожа на ту, что я носил на Земле, хотя однажды, в виде опыта, остановившись мысленно на одной из моих прежних жизней, я облёкся в платье того времени.

Здесь проще простого приобрести нужную одежду. Я не могу сказать, каким образом я обрёл то, в чем оказался при переходе сюда; но когда я начал обращать на эти вещи внимание, я обнаружил себя одетым так же, как и прежде.

Здесь многие носят костюмы древних эпох. Но я не вывожу из этого, что они были здесь все эти истёкшие века. Возможно, они носят такую одежду потому, что она им нравится.

Как правило, большинство остаётся вблизи тех мест, где они жили на Земле; но я предпочёл с самого начала скитаться. Я быстро передвигаюсь из одной страны в другую. Одну ночь (у вас это — день) я могу провести в Америке, другую — в Париже. Я нередко отдыхал на диване в вашей гостиной, а вы и не знали об этом.

Хотя думаю, что вы, наверно, почувствовали бы моё присутствие, если бы я оставался так же долго около вас в состоянии бодрствования.

Но не подумайте из этого, что нам необходимо опираться во время отдыха на твёрдую материю вашего мира. Вовсе нет. Мы можем отдыхать на тонкой субстанции нашего собственного мира.

Однажды, после моего переселения сюда, я увидел женщину в греческом одеянии и спросил, где она взяла его. Она сказала, что сделала сама. На мой вопрос: как? — она ответила:

— Я просто сделала образец в уме, и он превратился в мою одежду.

— Как вы его скрепляли? Стежками?

— Но совсем не так, как это делается на Земле.

Тогда я пригляделся и заметил, что её одежда состояла из одного куска материи, прихваченного на плечах булавками с разноцветными камнями.

После этого я стал сам пробовать создавать вещи. Тогда-то мне и пришла идея облечься в римскую тогу, но я никак не мог припомнить, какой у неё вид.

Когда вслед за тем я встретил своего Учителя и сказал ему о своём желании, он научил меня, как создавать одежду по своему вкусу: нужно представить себе ясно образец одежды, сделать его для себя видимым, а затем — силой желания облечь тонкой субстанцией ментального мира этот воображаемый образец. После чего возникнет желаемая одежда.

— В таком случае, — сказал я, — субстанция ментального плана отлична от субстанции, составляющей моё тело?

— В конечном счёте, — ответил он, — материя одна и та же в обоих мирах, но в быстроте вибраций и в разреженности большая разница.

Субстанция, из которой сделана наша одежда, кажется очень тонкой, тогда как тела наши представляются довольно плотными. Мы совсем не чувствуем себя прозрачными ангелами, сидящими на влажных облаках. Если бы не быстрота, с которой я переносюсь через пространства, я готов иногда думать, что моё тело столь же плотно, как и прежде.

Я нередко могу видеть вас, и для меня вы кажетесь прозрачной. Я думаю, что это снова тот же вопрос о приспособлении к окружающей среде.

Вначале мне было трудно соизмерять количество энергии, необходимой для каждого

определённого действия. Так, например, вначале, когда я хотел продвинуться на малое расстояние, скажем, на несколько ярдов, я оказывался за целую милю от намеченного места, до того мало усилий требует здесь передвижение, но в настоящее время я уже приспособился.

Я решил запастись большим количеством энергии для очень деятельной жизни на Земле, когда я снова вернусь туда. Здесь же самая трудная задача для меня — это писать посредством вашей руки; вначале это отнимало все мои силы, но теперь я чувствую все меньше сопротивления с вашей стороны, и мне приходится затрачивать всё меньшее усилие. И все же я не мог бы писать без перерыва, не употребляя в дело вашу жизненную энергию, а этого я не хочу.

Вы, вероятно, заметили, что перестали утомляться после писания, как вначале.

Но я заговорил об отсутствии условностей в нашем мире. Мы приветствуем друг друга, но только когда хотим. Хотя я видел несколько старых женщин, которые боялись говорить с незнакомыми, но вероятно, они были очень недолго здесь и ещё не отвыкли от земных привычек.

Письмо 16

Та вещь, которую нужно забыть

Мне хотелось бы сказать слово тем, кто приближается к смерти. Мне хотелось бы просить их забыть как можно скорее о своих физических телах после той перемены, которую они зовут смертью.

О, это ужасное любопытство, заставляющее смотреть на ту *вещь*, которую мы принимали когда-то за себя! Оно возвращается время от времени с такой силой, что заставляет нас действовать как бы против воли и притягивает нас к ней, к этой вещи. Некоторыми оно завладевает, подобно страшной одержимости, и они не могут избавиться от неё, пока остаётся хоть малейший остаток плоти на тех костях, которые служили для них когда-то опорой.

Скажите им, чтобы они выбросили из головы малейшую мысль о своём теле и переходили бы в новую жизнь свободными. Оглядываться назад на прошлое бывает иногда очень полезно, но только не на эти разлагающиеся остатки прошлого.

Видеть в гробу возможно потому, что тело, которое мы носим теперь, светится в темноте и в состоянии проникать сквозь плотную материю. Я сам это делал, но решил никогда не возвращаться и не смотреть на *это*.

Я не хочу потрясти или огорчить вас — я хочу предостеречь вас. Это очень гнетущее зрелище, и возможно, что от многих душ, только что перешедших сюда, оттого и веет такой печалью. Они снова и снова возвращаются к тому месту, которого не должны были бы посещать.

Нужно вам знать, что когда мы усиленно думаем о каком-нибудь месте, то немедленно переносимся туда. Наше здешнее тело так легко, что способно следовать за мыслью почти без всякого усилия. Скажите людям, чтобы они не делали этого.

Однажды, проходя по аллее, ибо у нас тоже есть деревья, я встретил высокую женщину в длинной чёрной одежде. Она плакала — у здешних обитателей тоже есть слёзы. Я спросил её, о чём она плачет, и она посмотрела на меня с невыразимой печалью.

— Я сейчас смотрела на *это*, — сказала она.

Моё сердце болело за неё — я знал, *что* она чувствует. Потрясение, которое испытываешь при первом посещении, повторяется снова и снова, ибо эта вещь становится всё менее похожа на то, с чем мы отождествляем себя при жизни.

Мне часто хотелось, из чисто научного интереса, спросить Лайонела, не возвращался ли он к своему телу, но я так и не спросил — из боязни внушить ему эту идею. Он полон такой беспокойной любознательности. Очень возможно, что у тех, кто переходит сюда в детском возрасте, меньше этого вредного влечения, чем у нас.

Нам следовало бы помнить во время земной жизни, что эта наша внешняя форма вовсе не является нами, и тогда бы мы не придавали ей такого преувеличенного значения.

Как правило, очень долго пробывшие здесь совсем не кажутся старыми. Я узнал от моего Учителя, что после некоторого времени старый человек забывает, что он стар; в нас заложена склонность в мыслях оставаться молодыми, и это отражается на внешнем виде, так как здесь наши тела принимают именно ту форму, которая соответствует нашим мыслям. Закон ритма действует здесь, как и везде; дети вырастают и могут даже достигнуть старости, если их сознание ожидает такую перемену; по большей части, здесь встречаются люди во цвете лет, ибо существует склонность или достигать расцвета, или возвращаться к нему, а затем пребывать в этом состоянии, пока непреодолимое влечение к Земле не возникнет снова.

Большинство здешних обитателей не знают, что они много раз жили во плоти. Они вспоминают свою последнюю жизнь более или менее ясно, но всё, что было раньше, кажется им

подобным сну. Следует всегда сохранять память о прошлом как можно яснее — это помогает строить будущее.

Люди, которые представляют себе своих ушедших друзей мудрыми и всезнающими, были бы очень разочарованы, узнай они, что в действительности *потусторонняя жизнь есть лишь продолжение жизни на Земле!* Если земные мысли и желания направлялись к одним лишь материальным радостям, они, по всей видимости, и здесь остаются такими же. Мне встречались настоящие святые с тех пор, как я тут; но они и в земной своей жизни устремлялись к высоким идеалам, здесь же они могут неограниченно жить этими идеалами. Жизнь за пределами смерти может быть так свободна! Здесь нет той механической жизни, которая делает людей такими рабами на Земле. В нашем мире человека задерживают только его мысли. Если они свободны — свободен и он. Но здесь немного людей моего философского склада. Здесь больше святых, чем мыслителей, так как высочайший идеал большинства людей склоняется, скорее, к религиозной, чем к философской жизни.

Мне думается, что самые счастливые люди из всех, кого я здесь встречал, — это живописцы. Субстанция здешнего мира так легка и пластична, что она необыкновенно легко складывается в формы, творимые воображением. Здесь есть прекрасные картины. Некоторые из здешних художников стараются передать свои картины внутреннему зрению земных художников, и иногда это им удаётся; и тогда истинный творец радуется, что его товарищ на Земле воспринял его идею и выявил её на полотне.

Не каждый способен ясно видеть, насколько вдохновлённый им художник выразил его идею, ибо требуется специальный дар или специальная подготовка, чтобы видеть явления другого вида материи; но дух вдохновителя улавливает мысль в сознании вдохновленного им художника и таким путём узнаёт, насколько его идея осуществилась на Земле.

С поэтами то же самое. Здесь создаются прекрасные поэмы, и они запечатлеваются в мыслях земных поэтов. Один из здешних поэтов сказал мне, что этого легче достичь с короткими поэмами, чем с эпосом и драмами, для которых требуется продолжительное усилие. Приблизительно то же самое можно сказать и о музыкантах. Когда вы бываете на концертах, где исполняется прекрасная музыка, там вокруг вас наверняка толпятся духи, любящие музыку и упивающиеся музыкальными гармониями. Земная музыка доставляет здесь много радости. Мы можем слышать её. Но ни один из здешних любителей музыки не появится в месте, где барабанят и фальшивят. Мы предпочитаем струнные инструменты. Из всех земных влияний музыкальные звуки легче всего достигают этой области жизни. Скажите это музыкантам.

Если бы они могли слышать *нашу* музыку! Я не понимал музыки на Земле, но теперь мой слух преобразился. И мне кажется, что вы должны слышать нашу музыку так же, как мы слышим вашу.

Вам, может быть, интересно знать, где я бываю. Я очень люблю одно прелестное место в деревне, на склоне горы, недалеко от моего собственного города. Там вьётся тропинка вокруг холма, и над самой дорогой стоит хижина. Иногда я остаюсь там подолгу и слушаю журчанье ручья, сбегаящего с горы; высокие стройные деревья стали как братья для меня. Вначале я неясно различаю физические деревья; тогда я вхожу в маленькую хижину и ложусь на деревянную скамью, прислонённую к стене. Я закрываю глаза и особым усилием, или, вернее, устремлением обретаю способность видеть моё любимое место. Но нужно прибавить, что это происходит в ночное время, когда моё тело излучает свет. При ярком солнечном освещении мы совсем не можем видеть, наш свет угашается ярким солнечным светом.

Однажды я взял Лайонела с собой и оставил его в хижине, а сам удалился на некоторое расстояние. Взглянув на хижину, я увидел, что вся она светится необыкновенно красивым сиянием — сиянием самого Лайонела. Маленькое строение с остроконечной крышей имело вид

жемчужины, освещенной изнутри. Это было очень красиво.

После этого я пошёл к Лайонелу и сказал ему, чтобы он, в свою очередь, отошёл в сторону, в то время как я занял его место в хижине. Меня интересовало, увидит ли он то же самое. Когда он вернулся ко мне и я спросил его, что он видел, Лайонел воскликнул:

— Какой вы удивительный человек, отец! Как это вы сделали, что вся хижина светилась?

Тогда я убедился, что и он видел то же самое, что видел я.

Но сейчас я устал и пожелаю вам доброй ночи и приятных сновидений.

Ко мне часто обращаются за разрешением различных затруднений. Многие меня называют просто «судья», но обыкновенно каждый сохраняет то имя, которое он носил на Земле.

Мужчины и женщины приходят ко мне, чтобы я разрешил некоторые их недоумения, касающиеся этических и других вопросов; приходят даже по случаю ссор. Вы, вероятно, думали, что здесь не ссорятся? Не только ссорятся, но, бывает, и продолжительно враждуют.

Придерживающиеся различных религиозных взглядов нередко вступают в горячие столкновения. Приходя сюда с теми же верованиями, какие они исповедовали на Земле, и получив возможность лицезреть свои идеалы и реально переживать свои чаяния, люди различных верований становятся здесь ещё нетерпимее. Каждый убеждён, что именно он прав, а другой заблуждается. Особенно часто это встречается у новичков этого мира. Через некоторое время они становятся гораздо терпимее, сосредотачиваясь внутри своей собственной жизни и наслаждаясь теми доказательствами и осуществлениями, которые каждая душа строит для себя.

Мне хочется привести вам пример того, в каких вопросах приходится мне быть здесь «судьёй».

Здесь есть две женщины, которые при их жизни на Земле были замужем за одним и тем же человеком. Первая женщина умерла, затем её муж женился на другой, и вскоре — через год или два — оба, муж и вторая жена, перешли сюда. Первая женщина считает себя единственной женой своего мужа и следует за ним повсюду. Она утверждает, что он обещал встретиться с ней на небесах. Он же чувствует больше склонности ко второй жене, хотя и к первой питает добрые чувства. Но ему надоедает то, что он называет безрассудством. Он сказал мне однажды, что желал бы отделаться от обеих для того, чтобы спокойно отдаться интересующим его изысканиям. Он часто искал моего общества, и обе женщины, не желавшие расстаться с ним, тоже приходили ко мне. Однажды, когда они в очередной раз обратились ко мне втроём, первая жена задала мне такой вопрос:

— Этот человек — мой муж. Не должна ли эта женщина удалиться и оставить его безраздельно мне?

Я спросил мнение второй жены на этот счёт. Она ответила, что без мужа ей будет здесь очень одиноко, и, поскольку она обладала им последней, он и принадлежит ей более, чем другой жене.

Мгновенно вспыхнула в моей памяти сцена между саддукеями и Христом, когда они задали Ему подобный вопрос, и я повторил Его ответ, насколько смог его припомнить: «Восставшие из мёртвых не женятся и не выходят замуж, а пребывают подобно ангелам на небесах».

Мой ответ, по-видимому, поразил их, и они отошли в глубокой задумчивости.

Мои собственные наблюдения по этому поводу приводят к тому, что различие полов здесь так же реально, как и на Земле, хотя выражается оно иначе.

Через некоторое время все трое пришли ко мне опять и сказали, что они по-новому взглянули на своё затруднение; возможно, что эта новая точка зрения была ангельская, так как первая жена решила «предоставить возможность своему мужу проводить часть времени с его второй женой, если это ему необходимо».

Но дело в том, что мужчина питал нежную любовь к одной молодой особе ещё до встречи с обеими жёнами. Эта девушка тоже умерла, и теперь он испытывал сильнейшее желание разыскать её здесь. Удастся ли ему это, я не могу сказать. Но положение его не из лёгких, и я думаю, что оно не составляет исключения. Хотя есть способ, посредством которого он мог бы

избавиться от навязчивого общества своих жён и обеспечить себе уединение; но он этого ещё не знает. Знающий может уединиться здесь так же, как и на Земле — выстроив вокруг себя стену, через которую его может увидеть только Посвященный. Я не открыл этой тайны моему приятелю, но со временем, может быть, и открою, если для его развития потребуется одиночество. Теперь же, мне кажется, для него полезнее приспособиться к этому двойному праву на него и отыскать истину, лежащую в основе его затруднений. Может быть, он узнает, что в действительности он не «принадлежит» ни одной из этих женщин. Пребывающие здесь души начинают через некоторое время в такой степени любить независимость, что и сами готовы отказаться от своих прав и претензий на чужую свободу.

Здесь можно расти и духовно, если у человека есть такая потребность, хотя мало кто пользуется этой счастливой возможностью. Большинство довольствуется тем, что усваивает земной опыт и земные переживания; и тут люди теряют благоприятные возможности так же, как они делали это во время своей земной жизни. Здесь есть Учителя, всегда готовые помочь тому, кто желает их помощи для проникновения в тайны жизни — здешней, потусторонней и теряющейся в далёком, далёком прошлом.

Если человек понял, что его недавнее пребывание на Земле было лишь последним в длинной череде жизней, и если он сосредоточит свои мысли на восстановлении в памяти далёкого прошлого, он может вспомнить эти жизни. Многие могут думать, что достаточно одного освобождения от материальной завесы, чтобы освободить душу от всякого помрачения; но как на Земле, так и здесь всё происходит так или иначе не оттого, что оно должно быть таковым, а потому, что таковым является.

Мы притягиваем к себе переживания, для которых созрели и в которых нуждаемся; но запросы большинства душ здесь слишком ничтожны, так же как и на Земле. Скажите людям, чтобы они стремились к большему и жажда их будет удовлетворена.

Письмо 18

Индивидуальные виды ада

Ранее я говорил вам о своём намерении посетить ад; но когда я начал свои исследования в этом направлении, оказалось, что здесь существует множество разновидностей того, что мы называем адом.

Каждый человек строит для себя свой собственный ад.

Да, я убеждён, что люди сами себя помещают в ад, что не Бог их туда посылает. Я начал искать ад из огня и серы и не нашёл такового. По всей вероятности, Данте видел то же, что и я. Но существуют другие, индивидуальные виды ада.

(Писание по непонятной для меня причине внезапно прекратилось и более в этот вечер не возобновлялось).

После нашего с вами последнего письма я встретился с очень интересным человеком. Это — любящее сердце, которое ожидало здесь свою возлюбленную в течение 10 лет.

На Земле её уверяли, что он умер и убедили полюбить другого, но она не могла забыть его, так как каждую ночь он встречал её душу во время сна, каждую ночь она являлась к нему сюда и иногда, пробуждаясь, могла припомнить всё, что он говорил ей во время свидания.

Она сказала ему, что недолго ещё пробудет в освещаемом солнцем мире и придёт к нему сюда, в самосветящийся мир.

Некоторое время тому назад она, наконец, перешла сюда. Он давно ждал её и построил из материи этого мира небольшой дом, какой мечтал устроить для неё на Земле.

Он рассказал мне, как однажды ночью, явившись к нему во сне, она заявила, что соединится с ним завтра. Он был поражён и почти готов остановить её, так как его смерть была внезапной и очень мучительной, а он не хотел страданий для неё. Он постоянно оберегал её, стараясь предупредить о каждой опасности; но на этот раз, когда первое потрясение прошло, он почувствовал, что она действительно перейдёт к нему. Он был очень счастлив.

Здесь он не искал новой любви, ибо, когда покидаешь Землю с одной большой любовью и когда земная возлюбленная не забывает ушедшего, связь может сохраняться долгое время, не ослабевая. Вы, оставшиеся на Земле, забыли всё пережитое здесь и потому не знаете, какое счастье доставляют нам ваши воспоминания, не понимаете, как нам тяжело ваше забвение. Хотя часто бывает, что более всего продвигаются в духовном плане как раз те, которых забывают на Земле любимые люди; но тем не менее, быть забытым — грустно.

Вы пробуждаете в нас силу, предоставляя нас самим себе; но эта сила даётся тяжело, и далеко не все души готовы воспользоваться вынужденным одиночеством, чтобы быстрее подниматься по лестнице духовного совершенствования.

Но вернёмся к интересующей нас паре. Весь тот день он оставался около неё. Он не мог видеть её тела, ибо лучи солнца были слишком ярки для него, но после долгого ожидания он почувствовал её руку в своей руке и, хотя она была невидима для него, он знал, что она здесь. И он заговорил с ней, употребляя земные слова. Но она, казалось, не понимала его. Он заговорил с ней снова, но она всё не отвечала, хотя по жестикуляции её руки он знал, что она сознаёт его присутствие. И так стояли они, рука в руке, в темноте солнечного света: он — способный говорить, благодаря своему долгому опыту в мире тонких звуков, она — безмолвная и растерянная, но продолжающая держаться за его руку.

Когда лучи солнца погасли, он начал различать её лицо и глаза, широко раскрытые и испуганные. Они продолжали оставаться в комнате, где лежало её безжизненное тело. Было лето, и окна были раскрыты. Он старался увлечь её в простор душистой ночи, которая для них представляла день, но она удерживала его за руку и не хотела уходить. В конце концов ему удалось увлечь её на некоторое расстояние; теперь она слышала его и ответила.

— Любимый мой, — сказала она, — которая же из двух я? Я вижу себя — я чувствую себя — и там тоже я. Я словно в двух местах. Какая же из двух — настоящая я?

Он утешал её словами любви. Он боялся приласкать её, ибо прикосновение душ чрезвычайно сильно, и он боялся, чтобы она не возвратилась к той покинутой форме и не наступила бы новая разлука.

И хотя она часто приходила к нему во сне, теперь это было иначе, гораздо жизненнее, и он почувствовал, что она действительно переступила через порог великой перемены.

Она продолжала держаться за его руку и в то же время не хотела удаляться от *той вещи*. Он оставался с ней всю ночь и весь следующий день, пока не засияло солнце и он снова не перестал её видеть.

В течение этого дня друзья его возлюбленной нарушали покой её тела, проделывая с ним то, что нужно для живых и только тревожит мёртвых. Он оставался с ней вторую ночь и второй день. Он слышал рыдания её убитых горем родителей, хотя они не могли видеть ни его, ни свою дочь; но во вторую ночь маленькая собачка его возлюбленной забежала в комнату, где лежало её тело, увидела их и начала жалобно визжать. Они оба слышали этот визг. Теперь она уже яснее слышала, когда он заговаривал с ней.

— Куда увезут они *это*? — спросила она.

И тогда он вспомнил минуты, когда сам стоял как зачарованный возле своей безжизненной оболочки, над которой его невеста проливала горькие слёзы. И он начал уговаривать её удалиться совсем; но ей казалось, что это превыше её сил. На третий день, когда укладывали в гроб её тело, она разволновалась. В то же время он почувствовал — видеть он не мог — целую толпу, собравшуюся в комнате, и услышал похоронную музыку. Музыка гораздо легче слышать, чем человеческие голоса; для того чтобы расслышать последние, нужна хорошая подготовка.

В это время его возлюбленная была в тяжёлом волнении, которое передалось и ему; они начали медленно, невыносимо медленно подвигаться, и он сказал ей: «Не огорчайся, они хотят похоронить это; но ты в безопасности со мной».

Не беспричинно чувствуется над домом смерти какая-то странная, невыразимая тишина, которая не может быть объяснена одной печалью оставшихся. Они чувствуют присутствие души, ушедшей из мира, хотя и не могут видеть её. Их собственные души невольно оберегают эти первые минуты её смятения. Перемена не была бы так мучительна, если бы переходящий в иной мир помнил, что это случалось с ним и прежде, но мы так легко все забываем. Иногда мы называем Землю «Долиной забвения».

В течение последующих дней и недель этот человек оставался рядом со своей возлюбленной, всё время стараясь отвлечь от земли и от *этого*, привлекавшего её так же, как и многих, мучительной тягой.

Я узнал здесь, что души, прожившие долгое время на Земле, отрываются гораздо легче, но этой женщине было не более 30 лет, и потому она освобождалась с таким трудом даже с помощью своего возлюбленного. Но в один прекрасный день, или ночь — по-вашему, он ввёл её в тот дом, который приготовил для неё на небесах, и они стали жить там. Иногда он оставляет её на короткое время, а иногда она его, ибо радость совместного пребывания усиливается здесь, как и на Земле, благодаря временной разлуке. В течение первых дней она время от времени испытывала голод, и он старался утолить его, предлагая различные вещества здешнего мира. Постепенно она отвыкла от Земли и от земных привычек и только изредка, во сне, возвращалась к своим родителям.

Никогда не оставляйте без внимания снов, касающихся умерших людей. Такие сны всегда имеют какой-нибудь смысл. Они передают не всегда верно, ибо дверь между обоими мирами чрезвычайно узка, и мысли часто искажаются, переходя из одного мира в другой. Но не забывайте, что мы всё же можем общаться с вами этим путём. Я являлся к вам во сне, стоя за решёткой окружённого стеной сада, в котором вы прогуливались. Я улыбался и делал знак, чтобы вы подошли ко мне, но я вовсе не хотел, чтобы вы оставались здесь со мной. Я хотел, чтобы вы пришли сюда в духе; хотя для меня легче, чем для вас, переходить в наш мир.

Доброй ночи.

Мне кажется, нет лучшего способа приобщить вас к здешней жизни, такой необыкновенной для вас, чем передать вам свои впечатления и беседы с мужчинами и женщинами, которых я встречаю здесь.

Я как-то говорил вам, что встречаю здесь больше святых, чем философов, и мне хочется рассказать вам о человеке, который производит на меня впечатление истинно святого. Да, здесь есть просто святые и великие святые, так же, как есть обыкновенные и великие грешники.

Однажды я шёл по вершине горы. Я говорю «шёл», хотя передвижение здесь не требует никаких усилий, но это почти то же самое.

На вершине горы я увидел человека, стоявшего в одиночестве. Он сосредоточенно вглядывался вдаль, но что он рассматривал, я не знаю. Он был совершенно погружён в себя или же в общение с кем-то, кого я не мог видеть.

Я остановился в ожидании. Наконец, глубоко вздохнув, ибо мы дышим здесь, он повернулся ко мне и сказал с доброй улыбкой:

— Не могу ли я тебе услужить, брат?

Я был смущён, чувствуя, что, может быть, помешал какому-то невидимому для меня общению.

— Если это не слишком смело с моей стороны, — сказал я, — я хотел бы спросить, о чём вы думали, стоя здесь и глядя в пространство?

Я чувствовал, что этого не следовало делать, но моё серьёзное желание научиться всему, доступному для меня, заслуживало прощения, и меня прощали.

У этого человека было прекрасное лицо без бороды и юношеский огонь в глазах. Одежда его говорила, что он очень мало думает о своей внешности.

Он посмотрел на меня молча и затем сказал:

— Я стремился приблизиться к Богу.

— А что есть Бог? — спросил я. — И где Бог?

Он улыбнулся. Я никогда не видел *такой* улыбки.

— Бог всюду, — ответил он. — Бог *есть*.

— Что же он такое? — настаивал я. И снова он повторил, но уже с другим ударением:

— *Бог* есть.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил я.

— Бог *есть*, Бог *есть*, — повторил он.

Не знаю, каким путём передалось мне значение его слов, может быть, путём симпатии, но в моём сознании внезапно вспыхнуло, что когда он говорил: «Бог *есть*», он хотел выразить полнейшее осуществление Бога, какое только возможно для духа; а когда он говорил: «*Бог* есть», он хотел этим выразить, что ничего и не существует, кроме Бога.

По всей вероятности, то, что я чувствовал, отразилось на моём лице, судя по следующим словам святого:

— Разве ты сам не знаешь, что Он *есть* и что всё, что существует, есть Он?

— Я начинаю чувствовать, *что* вы подразумеваете, — ответил я, — хотя сам я могу чувствовать лишь очень слабо.

Он улыбнулся и ничего не ответил, но во мне роились вопросы.

— Когда вы были на Земле, часто ли думали о Боге? — спросил я.

— Всегда. Я очень мало думал о чём-нибудь ином. Я искал Его всюду, но только по

временам вспыхивало во мне осознание Его истинной сути. Иногда, когда я молился, а молился я много, во мне возникал внезапный вопрос: кому ты молишься? И тогда вырывался громкий ответ: «Богу! Я молюсь Богу!» Но хотя я молился Ему ежедневно в течение многих лет, только временами вспыхивало во мне истинное сознание Бога. Но настал час (я был тогда совсем один, в лесу), когда пришло великое откровение. Оно пришло не в виде определённых слов, но, скорее, как безмолвное и безобразное чудо, слишком великое для ограниченной мысли. Я упал на землю и, вероятно, потерял сознание, так как через некоторое время — как долго, я не знаю — я пробудился и, поднявшись с земли, стал смотреть вокруг. И тогда я постепенно вспомнил пережитое; оно оказалось слишком величественным, превыше моих сил, когда я его испытывал.

Выразить это великое, слишком великое для моей смертной природы, я сумел только в таких словах: «Всё сущее, — есть Бог». Это оказалось так просто, а между тем эта простота должна включать и меня самого, и всех существ — людей и животных; и даже деревья, и птицы, и реки должны быть частью Бога, если *Бог есть всё*.

С этой минуты жизнь обрела для меня новое значение. Я не мог видеть человеческого лица, чтобы не вспомнить откровения — не вспомнить, что это человеческое существо есть часть Бога. Когда моя собака смотрела на меня, я говорил ей: «Ты тоже часть Бога». Когда я стоял на берегу реки и слушал шум воды, я говорил себе: «Я слушаю голос Бога». Когда кто-нибудь из моих ближних сердился на меня, я спрашивал себя: «Чем мог я оскорбить Бога?» Когда кто-нибудь обращался ко мне с любовью, я говорил: «Теперь Бог любит меня». И от этого сознания у меня захватывало дух. Жизнь становилась невообразимо прекрасной.

Я был так погружён в Бога и так стремился найти Его, что мало думал о своих ближних и пренебрегал даже теми, которые были ближе всего ко мне; но с этого дня я начал сближаться с моими братьями. И я убедился, что чем больше я искал Бога в них, тем чаще Бог отвечал мне через них. И жизнь становилась всё более чудесной и прекрасной.

Иногда я пытался передать другим то, что чувствовал сам, но они не всегда понимали меня. И тогда я начал постигать, что Бог намеренно, по причине, известной Ему одному, скрывал Себя за покровами. Может быть, для того, чтобы радоваться, разрывая их? Если так, я решил помочь Ему, насколько хватит моих сил, и я стремился помочь другим людям познать Бога так, как я сам познал Его. В течение многих лет я учил людей. Вначале мне хотелось учить всех. Но вскоре я убедился, что это невозможно, и тогда избрал немногих, которые называли себя моими учениками. Я просил их не говорить, что они мои ученики, но убеждал их передавать другим то знание, которое я давал им. И таким образом, не я один, а многие постепенно приобщались к тому чуду, которое было мне открыто в тот день, когда я стоял в одиночестве, в лесу, и пробудился к сознанию, что *Бог есть, Бог есть*.

Сказав это, святой повернулся и оставил меня со всеми моими вопросами. Я хотел спросить его, когда и как он покинул Землю и какое дело делает здесь, но он ушёл.

Может быть, я увижу его снова когда-нибудь. Но увижу я его или не увижу, он дал мне нечто, что я, в свою очередь, отдаю вам, как он сам хотел отдавать своё знание миру.

Одна из радостей здешнего бытия состоит в досуге, в возможности мечтать и знакомиться со своей собственной сутью.

Конечно, и здесь много дела; но хотя я и намереваюсь вернуться в земной мир через некоторое время, я чувствую, что здесь у меня будет время для знакомства с собой. Я стремился к этому по мере сил и на Земле; но здесь меня меньше отвлекают и нет необходимости в процессе одевания-раздевания, в необходимости зарабатывать на жизнь для себя или для других.

Ввиду здешнего досуга я собираюсь в течение нескольких лет не только приобрести общие познания — ознакомиться с условиями этого четырёхмерного мира, но и пройти в обратном порядке все мои прежние жизни и усвоить всё, чему я научился в них. Я хочу синтезировать весь опыт моего Эго, вплоть до настоящего срока, чтобы вывести из этого синтеза, *что* я смогу делать в будущем с наименьшими трудностями. Я думаю (хотя ещё не вполне уверен), что я могу принести с собой многое из этих знаний, когда снова вернусь на Землю.

Я постараюсь известить вас в своё время, когда и где можно будет найти меня. Отчего же вы испугались? Это будет ещё не скоро. Я мог бы, вероятно, ускорить своё возвращение, но это было бы не мудро, потому что я не смог бы вернуться с таким потенциалом сил, какого хочу. Так как действие и противодействие противоположны и равны, а Эго человека способно развить только определённое количество энергии в данное время, для меня лучше оставаться в условиях этой лёгкой материи, пока я не соберу достаточно энергии для того, чтобы вернуться назад очень сильным. Но я не поступлю так, как делает большинство душ: они остаются здесь, пока не устанут от этого мира так же, как раньше они уставали от земной жизни, после чего устремляются обратно почти бессознательно — непреодолимой силой ритмического прилива и отлива. Я же хочу управлять этим ритмом.

За то время, что я здесь, один из тех, кого я знаю, вернулся на Землю. Он был уже совсем готов к этому, когда я впервые нашёл его. Самое удивительное заключалось в том, что сам он не понимал своего состояния. Он жаловался на усталость и на потребность частого отдыха... Это был, по всей вероятности, естественный инстинкт, чтобы подготовиться к высшему усилию ещё раз раскрыть двери материи. Легче войти сюда, чем перейти из этого мира в ваш.

Я знаю, где теперь находится эта душа: мне сказал Учитель. Меня это удивило, так как человек, о котором идёт речь, не должен был бы, по моему мнению, интересоваться Учителем. Но кто знает? Возможно, в ближайшей своей жизни он соприкоснётся с Их учением.

Но я хотел поговорить о здешнем досуге. Мне хотелось бы, чтобы и у вас было больше досуга. Я говорю не о лени, но о пассивном состоянии ума, которое имеет такое же значение, как и активное состояние. Только когда вы пассивны, мы можем достигать вас. Если ваше тело и ум постоянно заняты, нам трудно повлиять на вас отсюда. Найдите немного времени, чтобы ежедневно совсем ничего не делать; в таком случае подсознательные части вашего ума начнут работать. Они напомнят вам, что существует внутренняя жизнь, ибо та внутренняя жизнь, которая доступна вам на Земле, есть настоящая точка соприкосновения с миром, в котором живём мы.

Я уже говорил вам, что оба мира соприкасаются, и соприкасаются они через внутренний мир. Вы входите внутрь, чтобы выйти наружу. Это парадокс, но парадоксы заключают большие истины. Противоречия — не истины, но парадокс не есть противоречие.

Существует большая разница во времени, которое люди проводят здесь. Вы говорите о тоске по родине, — здесь есть души, которые испытывают такую тоску по Земле. Они иногда

возвращаются почти немедленно, но это большая ошибка. За исключением очень молодых душ, не использовавших энергии, сохранившейся от последней жизни, слишком быстрое возвращение назад лишает душу силы сопротивления.

Как ни странно, здесь можно встретить таких, кто тоскует по Земле, подобно тому как некоторые земные поэты и мечтатели тоскуют по внутренней жизни.

Это употребление терминов «внешний» и «внутренний» может показаться неясным, но следует помнить, что вам нужно войти *внутрь* себя, чтобы достигнуть нас, а нам нужно выйти *из* себя, чтобы достигнуть вас. В нормальном состоянии мы переживаем здесь то, что можно назвать субъективной жизнью. Мы становимся всё более и более объективными, по мере того как приближаемся к вашему миру, вы же становитесь всё более субъективными, по мере того как приближаетесь к нашему миру. Если бы вы это ясно сознавали, то могли бы почти во всякое время навещать нас на несколько мгновений — при условии достаточно глубокого проникновения в самих себя.

Спешить не следует — это нужно твёрдо запомнить. То, что вам не удастся сделать в этом году, вы можете сделать в следующем. Но если вы будете торопиться и постоянно бросаться в разные стороны, вы немного достигнете в этой работе. Вечность достаточно продолжительна для полного развития человеческого Эго — она как будто специально предназначена для этой цели. Изречение «Цель жизни есть жизнь» кажется мне очень верным с тех пор, как я имел возможность исследовать понятие вечности с новой точки зрения. Эта точка зрения даёт новый взгляд на время и вечность. Я теперь вижу то, чего ранее не видел: что я, в сущности, никогда не тратил времени даром. Даже все мои ошибки были ценной частью моего опыта. Мы теряем, чтобы приобрести снова. Мы входим и выходим из круга силы примерно так же, как входим и выходим из жизни, чтобы научиться тому, что в ней и что вне её. И в этом, как и во всём остальном, целью жизни является сама жизнь.

Не спешите. Человек может дорасти постепенно до силы и знания или же может взять их усилием. Воля свободна. Но постепенный рост не имеет такого мощного воздействия, как свободное усилие.

Я хочу сегодня говорить с вами о вечности. Пока я не перешёл сюда, я никогда не мог уловить этой идеи. Я мыслил в границах месяцев, годов и столетий. Теперь же я вижу полное протяжение круга. Вхождение в материю и исхождение из неё есть не более чем сокращение и расширение сердца Эго; с точки зрения вечности, они так же относительно коротки. Вам земная жизнь кажется долгим периодом. Такой же казалась она мне, но теперь она мне не кажется такой.

Часто говорят: «Если бы я мог снова прожить свою жизнь, я поступал бы так-то и так-то». В действительности, нельзя вновь переживать ту же жизнь, как нельзя сердцу вернуться вспять и повторить прежний толчок, но можно подготовиться для ближайшей жизни. Предположим, что вы испортили ваше существование. Большинство людей повинны в этом, если смотреть с точки зрения их высшего идеала, но каждый человек, умеющий думать, должен усвоить определённый опыт, который он только и может унести с собой. Он может, вернувшись в солнечный свет другой земной жизни, не помнить подробностей своего прежнего опыта, хотя некоторые люди в состоянии помнить их благодаря достаточной подготовке и сосредоточенной воле; но наклонности каждой данной жизни, её побуждения и желания почти во всех случаях переносятся в следующую жизнь.

Вы должны отвыкнуть от привычки смотреть на настоящую жизнь как на единственную, отвыкнуть от мысли, что жизнь «за гробом» будет бесконечным существованием в одном состоянии. Вы не смогли бы вынести бесконечного существования в тонкой материи внутреннего мира, так же как не могли бы вечно жить в той плотной материи, в которой вы заключены сейчас. Вы почувствовали бы утомление. Вы не выдержали бы этого.

Овладейте вполне идеей ритма. Все существа подчинены Закону ритма, даже боги, хотя в более грандиозной форме, чем мы — с более значительными периодами прилива и отлива.

Мне не хотелось оставлять Землю. Я боролся до конца, но теперь я вижу, что мой уход был неизбежным. Если бы я начал свою борьбу раньше, я подготовил бы своё судно для более продолжительного плавания; но когда весь уголь и вся вода вышли, необходимо было войти в гавань.

Возможно оснастить даже маленькую жизненную ладью для более продолжительного жизненного странствования, чем назначенные шестьдесят — семьдесят лет; но в таком случае нужно быть экономным с углём и не расточать воды. Найдутся люди, которые поймут, что вода есть влага жизни.

Многим не нравится мысль, что жизнь после смерти не есть вечно дрящущее движение вперёд в духовных мирах, хотя очень мало кто из протестующих имеет понятие, о чём они говорят, когда толкуют о духовных мирах.

Вечно дрящущая жизнь возможна для всех душ — это так; но невозможно двигаться в одном направлении. Эволюция идёт по кривой. Вечность есть круг, змей, заглатывающий свой собственный хвост. Пока вы не согласитесь входить и выходить из плотной материи, вы никогда не научитесь преодолевать материю. Есть люди, которые могут оставаться в ней и выходить из неё по своей воле и притом настолько, насколько они сами захотят, но это не те, кто убегают от жизни в её плотной форме.

Я в прежние времена боялся того, что называл смертью. Здесь есть такие, кто боятся того, что они называют смертью: нового рождения в земном мире. Здесь много тех, кто так же мало знает о ритме, как большинство на вашем берегу. Я встречал мужчин и женщин, кто даже не

знали, что они снова вернутся на Землю, кто рассуждали о «великой перемене», как люди Земли рассуждают о смерти и обо всём, что находится по эту сторону, как о «недоказанном и даже не подлежащем доказательству». Как видите, это очень трагично, хотя и нелепо.

Когда я в своё время узнал, что скоро умру, я решил унести с собой и память, и философию, и разум.

А теперь я хочу сказать вам что-то, что, может быть, удивит вас. Есть некто, написавший книгу под названием «Закон психических феноменов», и в этой книге он говорит о двух частях ума, названных им *субъективной* и *объективной*. Он говорит, что субъективный ум не способен на индуктивное рассуждение, что субъективный ум принимает любую посылку, данную ему объективным умом, и, исходя из этой посылки, может рассуждать с безукоризненной логикой; но что он не может проникнуть за посылку, что он не может рассуждать в обратном направлении.

Теперь я должен напомнить вам, что в том состоянии материи, в котором нахожусь я, люди ведут преимущественно субъективную жизнь, так же как люди на Земле живут преимущественно объективной жизнью. И так как люди находятся здесь в субъективном состоянии, они и рассуждают, исходя из посылок, уже данных им в течение их объективного существования на Земле. Вот почему большинство проживающих в западных странах, где идея ритма, или перевоплощения, непопулярна, переходят сюда с установившейся мыслью, что они больше не вернутся в земную жизнь. Они продолжают рассуждать, исходя из данной им посылки.

Конечно, ваше представление о невидимых мирах не изменит сути вещей. Те, кто не верят в новые рождения, всё равно не смогут избежать ритма возрождения; но они держатся за своё верование до тех пор, пока ритм отлива не подхватит их и не заставит вновь погрузиться в физическую материю — но не подготовленными и не уносящими с собой почти никакого воспоминания о жизни в *этом* мире. Сюда они принесли воспоминание о земной жизни только потому, что ожидали подобного перенесения памяти.

Многие жители Востока, которые всегда верили в перевоплощение, вспоминают свои прежние жизни, потому что они были уверены в возможности помнить их.

Да, когда я понял, что вскоре должен буду покинуть Землю, я наложил на себя зарок. Я решил сохранить воспоминания о моём приходе сюда, как и о последующем уходе отсюда. Конечно, я не могу поклясться, что буду всё помнить, когда снова вернусь в физическую материю, но я принял это решение и уверен, что достигну некоторого успеха, если мне только удастся найти подходящую мать. Она будет подходящей, если и ей будет близка мысль о перевоплощении, и, в особенности, если она знала меня в моей последней земной жизни как ***, чтобы я мог заявить ей в детстве, что я и есть тот самый ***, которого она знала, и чтобы она не журила меня и не загоняла моих воспоминаний внутрь своими сомнениями и скептицизмом.

Я уверен, что многие дети приносят воспоминания о своей здешней жизни, но что эти воспоминания впоследствии теряются из-за постоянного внушения окружающих, что они впервые видят земной мир, что они вновь созданы и т.д.

На самом деле, вечность неизмерима, и миры, в которых мы живём, содержат в себе несравненно больше того, что может сниться рядовым учителям наших детей.

Если бы только вы могли ухватить идею бессмертной жизни и крепко *держаться за неё!* Если бы вы мыслили себя как существо без начала и без конца, вы могли бы начать много нового, стоящего усилий. Это удивительное сознание — уверенность в вечности. Малые трудности, на самом деле, кажутся малыми тому, кто мыслит о себе в границах миллионов лет. Можно сколькохотите прибавлять биллионы и триллионы, но идея останется той же. Цифры

являются лишь символом большого количества, будь то годы или денежные знаки. Ни один миллионер не знает в точности, сколько у него денег в данное время, ибо следует учесть и проценты, и потому их число всегда приблизительно. То же самое и с бессмертием. Не думайте о себе, что вы прожили миллион или триллион лет, но думайте, что вы воистину бессмертны, без начала и без конца. Человек, сознающий себя богатым, богаче того, который подсчитывает свои деньги, и не имеет значения, будет ли эта сумма велика или мала. Сохраняйте же сознание вечности и работайте в этом сознании.

На сегодня довольно.

Скажите вашему другу, беспокоящемуся, что я могу причинить вред, используя вашу руку для своих сообщений, что этот вопрос был основательно изучен моим Учителем и мною, прежде чем я решился на этот шаг.

Обыкновенный медиумизм, когда организм более или менее нездоровой земной личности раскрывается для всякого духа, безразлично — дурного или хорошего, не имеет ничего общего с вашим положением. В данном случае я, бывший вашим другом на Земле и перешедший сюда раньше вас, возвращаюсь, чтобы передать вам свои знания, приобретённые в посюсторонней области.

Я не создаю никаких нарушений^[7] в вашей нервной системе, через которые нежелательные и дурные силы могли бы проникнуть и овладеть вами. Кроме того, если бы и была такая попытка, я бы не допустил её, ибо теперь мне известны средства, благодаря которым я мог бы охранить вас от того, что называется медиумистичностью. Более того, я советую вам *никогда*, несмотря ни на какие просьбы, не давать своих сил на спиритических сеансах. Странствующие духи так называемого Невидимого Мира не имеют никакого права проникать в ваш организм только потому, что его внутреннее строение допускает такое вторжение, совершенно так же как уличная толпа не имеет права врываться в ваш дом только потому, что среди этой толпы есть любопытные, голодные и озьябшие. Не позволяйте этого. Сообщение со мной — другое дело: оно *исключительно* и основано *не на личном желании* или любопытстве.

Многое изменилось с тех пор, как я начал писать через вас. Вначале я пользовался вашей рукой извне — иногда, как вы помните, с такой силой, что на другой день она у вас болела. Затем, ознакомившись с доступными мне средствами, я опробовал другой метод, и вы заметили перемену в характере самих записей. Они начались с неуклюжих больших букв и становились яснее и отчетливее только постепенно, по мере того как усовершенствовался мой контроль над вашей рукой.

В самое же последнее время опробовал новый метод: я настраиваюсь на ваш ум и устанавливаю совершенную телепатическую связь с вашим мышлением, запечатлевая в нём то, что хочу сказать вам. Чтобы писать успешно таким образом, вы должны добиться полной пассивности, погасить все ваши собственные мысли и отдаться моим мыслям; но ведь вы делаете это ежедневно, когда читаете интересную книгу. Вы отдаёте ваш ум автору, который ведёт вас, захваченную и пассивную, по путям *своего* мышления.

Эти опыты усовершенствования способов нашего общения были очень интересны для меня.

Скажите вашему другу, что я не принадлежу к легкомысленным исследователям. В течение своей земной жизни я принадлежал к тому типу учёных, для кого важнее всего истина, и я никогда не злоупотреблял ничьим человеческим существом и, конечно, не начал бы с вас, моего верного друга и ученицы.

Точно так же никогда не позволю я себе вмешиваться в вашу жизнь, в ваши занятия и в вашу работу. Когда я странствовал по Земле, я никогда не считался опасным человеком; мои свойства не изменились от того, что я переменял одежду.

Мне необходимо передать нечто миру. В настоящее время вы — единственное лицо, способное быть для меня секретарём. Вопрос не в том, нуждаюсь ли я в вашем писании, и даже не в том, хотите ли вы писать, но в той пользе, которую мы можем принести миру. Я думаю, что польза есть. Вы думаете, что она возможна. Такие-то и такие-то выражают свои опасения и сомнения. Помочь этому я не могу, не можете и вы.

Господь с ними! Почему им так хочется накрепко запереть за мною дверь? Я, конечно, не испорчу их потусторонних дел. Несомненно, что и вы не получите иной награды за ваш труд, кроме покачивания премудрых голов и улыбок превосходства или же уверения «научно» настроенных людей, что я — ваше собственное «подсознательное мышление».

Нужно только, чтобы вы не огорчились, иначе я не смогу писать через вас. Ваш ум должен быть так же спокоен и невозмутим, как озеро в тихую погоду, иначе ничего не выйдет.

Передайте им мой любящий привет.

Письмо 24

Запрещенное знание

Я прошёл за последние дни через многие переживания. Вы никогда не догадались бы, где я был вчера. Я был на похоронах японского императора. Не правда ли, вы не смогли бы переправиться из Парижа в Японию и вернуться так скоро?

Перед отправлением в путь я не знал, что микадо^[8] умер. Меня взял с собой мой Учитель, предупредив, что произойдёт нечто, что мне следует увидеть.

Его предвидение оправдалось. Я увидел большую душу, освободившую себя самоубийством. Это было грустное и страшное зрелище. *(Сейчас, когда я писал это, Учитель приблизился ко мне и посоветовал больше об этом не говорить).*

Здесь можно увидеть ужасающие вещи наряду с прекрасными. Относительно самоубийств я могу сказать только одно — если бы люди знали, что ожидает самоубийц, они оставались бы до конца, несмотря на самые тяжёлые условия.

Появление Учителя и его Совет лишили меня на время желания писать. Я приду позднее.

Через некоторое время

Мне удалось сделать то, чего вы желали, — найти мальчика, который недавно утонул.

В то время, как вы смотрели на его портрет, я увидел его отражение в ваших глазах и унёс с собой воспоминание о его наружности. Я нашёл его в состоянии большого смятения. Когда я заговорил с ним о вас и о вашем желании, чтобы я помог ему, он удивился. Мне удалось оказать ему некоторую помощь, хотя у него есть здесь друг, старый человек, который гораздо ближе к нему, чем я. Я бы на вашем месте не пытался входить с ним в контакт через меня: он идёт по другому пути, и у него здесь надёжные друзья. Его состояние требовало отвлечения, и я указал ему на времяпрепровождение, одинаково и приятное, и поучительное для него.

Вы удивляетесь выражению «времяпрепровождение»? Но время существует и здесь. Пока есть последовательность, есть и время. Возможно, придёт «время», когда всё будет существовать одновременно — прошлое, настоящее и будущее. Но пока прошлое, настоящее и будущее отличаются друг от друга, до тех пор есть и время. Это не более чем явление последовательности.

Внутри, в глубинной сути самого себя, можно найти место безмолвия, где все вещи кажутся существующими одновременно в полной гармонии, но как только душа начинает рассматривать вещи по отдельности, немедленно возникает и последовательность.

Слияние со всем есть нечто иное. Для него времени не существует, но как только начинаешь соединять себя с отдельными вещами или осознавать их, немедленно появляется и время.

Я не сразу заметил одну из самых ярких особенностей этого мира. Однажды вечером, медленно продвигаясь вперёд, я увидел группу людей, направлявшихся ко мне. Там, где они находились, было очень светло, — ведь их было так много. Внезапно, глядя на этот свет, я вспомнил изречение из одной герметической книги: «Где свет наиболее силён, там тени наиболее глубоки», — но, взглянув на эту группу людей, увидел, что они не отбрасывают тени. Я окликнул ближайшего из них — это было вскоре после моего перехода сюда — и обратил его внимание на это странное явление. Он улыбнулся и сказал:

— Вы, вероятно, здесь недавно?

— Да, недавно.

— И вы ещё не знаете, что мы сами освещаем то пространство, где находимся? Субстанция, из которой состоят наши тела, светится. Как же мы можем отбрасывать тени, если свет излучается из нас самих по всем направлениям?

— А при солнечном свете? — спросил я.

— О, — ответил он, — при солнечном свете мы полностью невидимы. Свет солнца слишком резок, и он угашает свет, исходящий из духов.

Может быть, вас удивит, что я чувствую сейчас тепло от горящих дров в вашем камине? В горящем дереве есть магия. Горение каменного угля производит совершенно иное влияние на психическую атмосферу. Если бы человек, не имевший никаких видений и обыкновенно нечувствительный к более тонким ощущениям и сообщениям Невидимого Мира, попробовал ежедневно медитировать в течение одного или двух часов перед горящими дровами, его внутреннее зрение стало бы раскрываться для вещей, о которых до того он не имел ни малейшего представления.

Жители Востока, которые, поклоняясь своему Богу, зажигают огни, делают мудро, и перед ними открывается многое, иначе не видимое. Огонь горящего воска также имеет магическое влияние, хотя и не такое, как горящее дерево. Попробуйте посидеть вечером только при свете восковой свечи, и посмотрите, какие видения появятся из «пустоты».

Я давно вам не говорил о Лайонеле. Его теперь больше всего занимает мысль о подыскании семьи инженера, в которой он мог бы родиться вновь.

— Почему ты так спешишь покинуть меня? — спросил я его, когда он впервые заговорил об этом.

— Но я и не думаю покидать вас навсегда, — ответил он, — я буду приходить к вам во сне.

— Только не в самом начале, — сказал я ему, — ведь ты будешь как бы в тюрьме: слепой и глухой — в течение долгого времени и сможешь приходить ко мне сюда, может быть, уже после того, как я снова вернусь на Землю.

— В таком случае, почему бы вам не вернуться вместе со мной? — спросил он. — Скажите, отец, почему бы нам не родиться близнецами?

Эта мысль показалась мне до того забавной, что я от души рассмеялся, но Лайонел возразил с полной серьёзностью:

— Но ведь существуют же близнецы! Я сам знал двух братьев-близнецов, когда жил в Бостоне.

Но в мой план совсем не входит быть — по возвращении на Землю — чьим-нибудь близнецом, и поэтому я сказал Лайонелу, что если он желает располагать моим обществом, то должен спокойно оставаться там, где находится сейчас.

— Но отчего бы нам не вернуться вместе и не стать двоюродными братьями или, по крайней мере, соседями? — настаивал он.

— Может быть, это и возможно, — сказал я ему, — если ты не всё испортишь излишней поспешностью.

Меня удивляет этот мальчик. В нашем мире — безграничные возможности работать с тонкой материей, изобретать и производить опыты, но ему хочется во что бы то ни стало приложить руки к железу и стали. Странно!

Когда-нибудь я попробую привести мальчика к вам перед тем, как вы заснете. Это самое лучшее время для истинных видений. Те, что появляются во время сна, могут легко смешаться и прийти в беспорядок из-за вибраций физической материи, через которые вы проходите, пробуждаясь. Не забудьте мальчика. Я говорил ему, как я пишу посредством вашей руки, и он очень заинтересовался.

— Почему бы мне не использовать тот же принцип в телеграфе? — спросил он.

Но я посоветовал ему не делать этого, чтобы не подвергать себя риску прервать земную телеграмму, за которую было уплачено.

Время от времени я беру его с собой в Мир Первообразов. У него там есть своя собственная маленькая модель, которой он забавляется, пока я исследую другие вещи. Это модель колеса, которое он приводит в движение электричеством, испуская его из собственных пальцев. Нет, конечно, колесо не из стали, в вашем понимании этого слова.

Вам нужно понять, что оба мира состоят из материи не только обладающей различной скоростью вибраций, но и заряженной различным магнетизмом. Вы знаете, что два твёрдых предмета одновременно не могут занимать одно и то же пространство, но этот закон не относится к двум предметам, один из которых принадлежит к нашему, а другой — к вашему миру. Как вода может быть горячей и влажной одновременно, так же и квадратный метр пространства может содержать квадратный метр земной материи и одновременно столько же материи нашего мира.

Нет, не придирайтесь к выражениям! У вас нет названия для той материи, которая существует здесь, потому что вы ничего не знаете о ней. Лайонел и его электрическое колесо остались бы невидимыми для вас, если бы их поставить в эту минуту перед вашим камином. Даже и магия горящего дерева не сделала бы их видимыми, по крайней мере, пока светит дневной свет.

А теперь я должен уйти.

Только сейчас я начинаю наслаждаться романтичностью здешней жизни. Я, наверно, всегда был романтиком, — только на Земле было слишком много дел, слишком много обязанностей, чересчур многие нуждались во мне. Здесь же я совсем свободен.

Вы не в состоянии составить верного представления об истинном значении свободы, если только не помните последнего своего пребывания в этом мире, в чём я сомневаюсь.

Когда я говорю о «романтичности», я имею в виду очарование бытия, тот магический оттенок, который окрашивает серый лик жизни в розовый цвет.

Очаровательна эта возможность мечтать и осуществлять свою мечту, ибо здесь осуществление происходит одновременно с возникновением мечты. Всё здесь так реально, воображение так могуче, и способность соединять явления так велика — почти безгранична!

Мечтатели здесь никогда не бывают праздными, ибо наши мечтания — это своего рода строительство; а если бы этого даже и не было, мы имеем право делать, что нам вздумается. Мы заслужили свой отдых. Труд у нас впереди.

Поймите, на Земле тратится больше энергии, чтобы поставить одну тяжёлую ногу впереди другой тяжёлой ноги и продвинуть весящее около двухсот фунтов тело на одну милю, чем здесь требуется для того, чтобы обойти весь свет! Это даст вам понятие о том избытке энергии, который мы имеем здесь для того, чтобы радоваться и строить грёзы.

Очень возможно, что вы на Земле работаете слишком много — более чем это действительно необходимо. Всё это множество ненужных вещей, которые вы нагромождаете вокруг себя, искусственные нужды, которые вы порождаете, головокружительный темп ваших жизней, чтобы добыть все эти вещи, кажутся здесь чем-то нелепым и даже жалким. Ваша политическая экономия не более чем детская игра, ваши государственные учреждения — хитроумные машины для создания ненужных вещей, большая часть вашей работы бесполезна, и вся ваша жизнь была бы почти бесплодной, если бы через великие страдания ваши души, хотя и против воли, не познали, что большая часть их стремлений тщетна.

Как я сам потел и стонал в своё время, чтобы начертить мой маленький круг на песке! А теперь я понимаю, что если бы я давал себе больше времени для размышлений, я, вероятно, восстановил бы часть прежнего знания, добытого в других жизнях, и хотя я всё же был бы вынужден начертать этот мой круг на песке, я сделал бы это несравненно легче и вдвое быстрее.

Здесь, если мне вздумается, я могу проводить целые часы, следя за тем, как меняется цвет облаков. Или ещё лучше — я могу лежать на спине и вспоминать. Это так интересно — посылать свои мысли вспять, год за годом, жизнь за жизнью, столетие за столетием назад и всё время назад, пока не увидишь себя... черепахой! Но можно также смотреть и вперёд, всё выше и выше, жизнь за жизнью, столетие за столетием, эон^[9] за эоном, пока не узнаешь себя в Архангеле. Всмотривание назад есть память, всматривание вперёд есть творчество. Несомненно, мы творим своё собственное будущее. Кто, кроме нас, мог бы сделать это? На нас влияют, нас двигают и толкают, нам помогают и нас задерживают другие, но только мы сами куем звенья бесконечной цепи нашего существования. Мы завязываем узлы, которые впоследствии придётся развязывать, зачастую с таким трудом и недоумением.

Просматривая в обратном порядке свои прежние жизни, я мог понять все поводы и причины моей последней жизни. В некотором отношении она была самой неудовлетворительной из многих жизней, исключая одну; а теперь я понимаю её цель, понимаю, что я набрасывал план для неё, когда был в последний раз здесь. Я даже влиял на то, чтобы жить

там с друзьями, которых встретил здесь.

Но теперь я подошёл к новому повороту дороги и вновь начал восхождение. И я снова набрасываю схему моего ближайшего существования, хотя совсем не тороплюсь. Господь с вами! Я совсем не хочу уходить, пока не исчерпаю всю чашу свободы и радости здешнего существования.

Тем более, что и научиться здесь можно многому. Я хочу восстановить то, чему я научился в тех ранее позабытых, а теперь восстановленных в памяти жизнях.

Не вспоминается ли вам, как во время школьных занятий вам приходилось иногда повторять уроки предыдущих недель или месяцев? Этот обычай основан на верном принципе. У меня теперь как раз такое повторение «уроков». Понемногу, прежде чем вернуться в ваш мир, я сделаю обзор всех этих повторений, запечатлевая силою воли те воспоминания, которые мне особенно хотелось бы унести с собой. Было бы совершенно невозможно сохранить в неприкосновенном виде огромную панораму переживаний, которая разворачивается теперь перед глазами моей памяти; но в ней есть несколько основных вещей, философских принципов и иллюстраций, которые я не должен забывать. Точно так же мне хотелось бы унести с собой знание некоторых формул и привычку к некоторым упражнениям, которые вы, может быть, назвали бы оккультными, с чьей помощью, достигнув зрелого возраста в картины прошлого, которые теперь разворачиваются передо мной всякий раз, когда я этого хочу.

Нет, я не скажу вам ничего о вашем прошлом. Вы можете и должны восстановить его сами. Каждый, кто сознаёт разницу между памятью и воображением, может это. Да, разница тонкая, но она так же реальна, как разница между «вчера» и «завтра».

Я вовсе не желаю, чтобы вы спешили переходить сюда. Нет, оставайтесь там, где вы есть, как можно дольше. Многое, что мы делаем по эту сторону, вы бы могли делать так же хорошо, оставаясь в теле! Конечно, вам придётся употребить больше энергии, но ведь энергия и существует для того, чтобы её использовать. Даже когда мы накапливаем её, мы копили её только для будущего употребления. Не забывайте об этом.

Одна из причин, почему я так много отдыхаю, мечтаю и наслаждаюсь здесь, заключается в том, что я хочу накопить как можно больше энергии, чтобы вернуться с большими силами.

Это хорошо, что вы приняли к сердцу мой совет оставаться время от времени без дела и знакомиться со своей собственной душой. Много неожиданного — впереди у того, кто решается добровольно исследовать свою душу. Душа — не блуждающий огонёк, она — маяк, помогающий избегать подводных рифов материализма и забвения.

Я испытал много радости, просматривая в памяти свои греческие воплощения. Какое сосредоточенье было у этих греков! Они знали очень много. Например, воды Леты — какая это глубокая концепция, принесённая с этого берега могучей памятью!

Если бы человек непрестанно стремился вспоминать, если бы он посвящал время анализу того, что было, можно было бы надеяться на более значительное будущее для него! Разве вы не знаете, что человек может стать богом или тем, кто, по сравнению с обыкновенным человечеством, обладает всеми признаками и величием бога? «Вы боги» было сказано не только в иносказательном смысле.

Я видел здесь Учителя из Галилеи и беседовал с Ним. Вот кто был человеком и богом одновременно!

Мир снова нуждается в Нём.

Вам было бы очень трудно представить себе по одним моим словам разницу между вашей жизнью и нашей. Начиная с различия субстанций и субстанций не только наших тел, но и окружающих нас естественных вещей.

Вас поражает выражение «естественные вещи» применительно к этому миру? Может быть, вы воображаете, что мы превзошли Природу? Но нет существа и явления вне Её пределов. Даже Бог не составляет исключения. Природа *есть*.

Представьте себе, что вы провели шестьдесят или семьдесят лет в теле, которое упорно склонялось к ожирению, становилось неподвижным и ревматическим до потребности время от времени ложиться на больничную койку для более или менее неудачной починки. А затем представьте, что вы внезапно переменили это тяжёлое тело на лёгкое и эластичное. Можете вы себе представить это? Должен сознаться, что для меня это ещё совсем недавно было бы очень трудно.

Облекшись в эту лёгкую форму, которая светится достаточно сильно, чтобы освещать пространство вокруг себя, когда её не пригашает более яркий свет солнца, вообразите себя переносимой с места на место, от одного человека к другому, от одной идеи к другой. С течением времени даже привычка к питанию постепенно исчезает. Нам больше не досаждают голод и жажда, хотя я, например, и до сих пор подкрепляюсь время от времени лёгкой пищей, которую можно назвать микроскопической в сравнении с мясными обедами, которые я истреблял на Земле.

Далее, нас более не мучает тысяча и одна мелкая земная обязанность. И к тому же здесь больше доверия к настроению другой души. Обязательства тут не в обычае — я говорю о связывающих обязательствах. Обыкновенно — хотя бывают и исключения — желания бывают взаимными. Когда *мне* хочется повидать друга, в то же время и *он* испытывает желание побыть со мной — и нас естественно притягивает друг к другу. Общенья здесь необычайно прекрасны, но и одиночество бывает также полно очарования.

По прошествии первых двух или трёх месяцев я более не чувствовал себя одиноким. Первое время я напоминал рыбу, вынутую из воды. Почти все испытывают это, кроме разве что очень духовных людей, которые не связаны земными цепями или земным честолюбием. Я так сильно боролся с идеей умирания, что моё новое состояние казалось мне вначале бедствием, и я носился кругами под впечатлением, что буду терять ценное время, которое могло бы быть с пользой употреблено в борьбе и напряжении земной жизни.

Ко мне на помощь явился Учитель, но он был слишком мудр, чтобы нянчиться со мной даже и в самом начале! Он напомнил мне несколько основных принципов и предоставил применять их самому; постепенно, по мере того как я овладевал этими приёмами, я овладевал и собой. И только после этого начала открываться передо мной вся красота и всё чудо моего нового состояния, и я понял, что, вместо потери времени, я приобретал возможность получения огромного опыта, который послужит мне впоследствии.

Я входил здесь в общение со множеством людей всех степеней умственного и нравственного развития и должен сознаться, что человек с совершенно ясной идеей об истинном значении жизни и о возможностях эволюции встречается здесь так же редко, как и на Земле. Нет, мы не делаемся внезапно всезнающими только потому, что меняем ткань своего тела.

Человек, бывший тщеславным на Земле, окажется тщеславным и здесь, хотя в последующей жизни сам Закон реакции^[10] — если человек перешёл меру тщеславия — может послать его

назад скромным и даже застенчивым человеком, по крайней мере, на время, пока реакция не истощится.

Я часто жалел людей, которые проявлялись в жизни как рабы деловой рутины. Многие из них не могут отделаться от этого и здесь, и вместо того, чтобы наслаждаться, они снова и снова возвращаются к своим старым «делам» и тратят время на различные задачи, тактические или финансовые, пока не приходят почти в такое же изнеможение, как и до своей «смерти».

Как вам известно, здесь есть учителя. Немногие достигают высоты моего собственного Учителя, но многие берут на себя труд помогать вновь возвращающимся душам. Помощь предлагается всем, хотя принимается эта помощь не всегда. В таких случаях она предлагается снова и снова, ибо те, кто жертвует собой для других, делают это без надежды на признание или награду.

Если бы я вздумал писать учёный трактат о посюсторонней жизни, я бы начал совсем иначе. Прежде всего, я отложил бы свою работу лет на десять, пока все мои факты не были бы распределены по местам и снабжены ярлыками; а затем я бы начал с самого начала и продиктовал бы вам книгу такую скучную, что вы заснули бы над ней, и мне пришлось бы подталкивать вас время от времени, чтобы вы подобрали выпавший из вашей руки карандаш. Вместо этого я решил писать вскоре после прихода сюда, и мои письма — действительно письма путешественника из чужой страны. Они передают его впечатления, иногда его ошибки, а иногда его провинциализмы и местные предрассудки. Но, во всяком случае, это не пересказ с чужих слов.

Мне приятно, что вы держите мою фотографию на вашем камине: это помогает мне приходиться. В фотографии заключена большая сила. Недавно я набрасывал для вас картины на канве ваших сновидений, чтобы показать вам ничтожество и тщету некоторых вещей. Вам известно, что мы можем делать это? Возможность для так называемых мёртвых влиять на живых огромна, если только существует симпатическая связь. Я уже указывал вам, как охранять себя от нежелательных влияний, и потому вам нечего бояться. Я всегда буду своевременно предупреждать вас, если будет малейшая опасность с этой стороны. Я уже провёл вокруг вас магическое кольцо, через которое только самые могущественные духи могли бы переступить, — вернее, не сам, а с помощью Учителя провёл я этот круг. Вы выполняете наше дело, и потому имеете право на наше покровительство. Аксиома, что «каждый работник достоин своей платы», верна в обоих мирах.

Только вы сами можете уничтожить поставленную преграду. Если бы вы по неосторожности открыли доступ для нежелательных воздействий, мы поспешили бы замкнуть круг снова. Из этого вы усмотрите, что я уже достиг определённого авторитета; да, теперь я уже имею право сказать это. Вы удивлены?

Если вы не будете, как малые дети

Я слышал однажды, как один известный мне человек называл этот наш мир «миром игр», ибо, сказал он, «мы все здесь дети, и мы создаём ту среду, которая для нас желательна». Как дитя во время игры превращает стул в башню или в скачущего и топчущего коня, точно так же можем и мы в этом мире осуществлять всё, что создаёт наше воображение.

Не заставляла ли вас иногда изумляться эта абсолютная живость воображения у детей? Ребёнок говорит просто и с убеждением: «Вот этот коврик — сад, а та половица в полу — река, тот стул — замок, а я в нём король».

Почему он говорит все эти вещи? Как *может* он говорить их? Потому что — и в этом всё дело! — он подсознательно всё ещё вспоминает здешнюю жизнь, которую сравнительно недавно покинул. Он перенёс с собой в земную жизнь нечто из своей утраченной свободы и силу своего воображения.

Но это вовсе не означает, что все вещи в этом мире — одно воображение, вовсе нет. Здешние объекты из тонкой материи так же реальны и сравнительно так же вещественны, как и у вас; но кроме того, здесь есть ещё возможность творить, и притом из материи ещё более тонкой — из той, которая составляет субстанцию мысли.

Если вы создаете что-либо на Земле из плотной материи, вы прежде всего создаете то же самое из субстанции мысли; но разница между *вашим* творчеством и *нашим* в том, что пока вы не окружили создание вашей мысли плотной материей, вы не верите, что это невидимое создание действительно существует вне вашего собственного воображения. Тогда как мы здесь можем видеть создания собственных мыслей или мыслей других, если мы и они того хотим.

Мы также можем — и я это говорю для вашего утешения — видеть ваши создания мысли, и, прибавляя силу нашей воли к вашей, мы можем помочь вам осуществить их в материальной форме.

Иногда здесь, в нашем четырёхмерном мире, мы строим постепенно и длительно, в особенности, если желаем сохранить своё создание для других, чтобы оно пребывало долгое время. Но всем высокоразвитым духам мыслеобразы всегда видны.

Конечно, вы понимаете, что не все духи высоко развиты. На самом деле, только весьма немногие ушли очень далеко от вас; но и самый тупой человек владеет здесь тем, что всё вы утестили — верой в создания своей собственной мысли.

Та сила, которая делает творчество возможным, не покидает душу, когда последняя вновь облекается материей. Только сила эта вскоре угасает, и воображение теряет свою уверенность из-за недоверия взрослых, которые постоянно твердят ребёнку: «Это только игра; этого в действительности нет; это одно воображение».

Не существует почти никаких границ для возможностей воображения, но чтобы воспользоваться всей его силой, нужно *доверять* своему воображению. Если вы будете постоянно внушать себе, как мать внушает своему ребёнку: «Но ведь это только игра воображения, это нереально», вы никогда не осуществите тех идей, которые создаёт ваша мысль.

Само воображение подобно ребёнку: его нужно поощрять и верить в него, иначе оно не может развиваться и в совершенстве делать своё дело.

Человек, который называл этот мир ареной игры, проводил всевозможные опыты с этой силой в себе. Ему удавались вещи, которые сильно поразили бы вас. Так, например, он помог своей жене после своей так называемой смерти осуществить их общий план, который казался им невозможным по причине их собственного маловерия. Но люди, производящие здесь опыты, —

исключение. Большинство моих теперешних сограждан довольствуются тем местом, где они находятся, и совсем не заботятся о Земле. Несомненно, эти немногие — «мечтатели», подобные мне, которые не удовлетворяются одним миром и хотят соприкоснуться с обоими; но они встречаются редко, так же как поэты на Земле. Для огромного большинства достаточно того мира, в котором они находятся в данное время.

Что касается меня, то я «ни за что на свете» — как выражаетесь вы — не согласился бы тревожить кого бы то ни было мыслью, что я могу вмешиваться в чужие дела, которые совершенно меня не касаются. Но если бы, невидимо и неосвязаемо, я мог помочь вам силою моего уверенного в себе воображения, — в этом не было бы ничего дурного, а для меня это было бы необходимым доказательством.

Я был бы очень огорчён, если бы чтение этих писем вызвало у неразумных людей погоню за духами — зазывание в свою человеческую сферу безответственных и часто лгущих элементарных духов. Скажите им, чтобы они этого не делали.

Мои сообщения при вашем содействии — совсем другое дело. Я бы не мог делать их, если бы не знал метода, сообщённого мне здесь, и я не мог бы делать их, если бы вы прерывали меня своими собственными попутными мыслями и вопросами, всё равно — касались бы они данного сообщения или не касались. Только потому, что вы остаётесь пассивной и не проявляете любопытства, предоставляя мне пользоваться вашей рукой, как я пользовался бы на Земле рукой моего стенографа, — только потому я и могу писать длинные и связные фразы.

Большинство сообщений отсюда, даже если они подлинны, не имеют большой ценности потому, что они почти всегда окрашены мыслью той личности, через которую проходят.

Вы правы, решив ничего не читать по этому поводу, пока продолжаются мои сообщения, и даже не думать о той области жизни, где нахожусь я. Таким образом вы избегнете предвзятых мыслей, которые перебивали бы течение моих собственных.

Вам, может быть, известно, что во время моей земной жизни я изучал спиритизм, как и многое другое из области оккультного, стараясь всегда уловить ту долю истины, которая скрывалась в подобных явлениях; но я был и тогда убеждён, как убеждён и поныне, что кроме одного случая — когда желаешь дать научно обставленное наглядное доказательство, что *такие вещи могут быть*, — во всех других случаях погоня за духами есть не только потеря времени, но и абсолютный вред для тех, кто участвует в этой погоне.

Это может странно звучать со стороны так называемого «духа», да ещё вошедшего в сообщение с вашим миром. Если кое-кем это будет воспринято именно так, я тут не при чём. Пусть я покажусь непоследовательным, но не изменю своего утверждения о вреде всякого рода безответственного медиумизма.

Если бы в действительности было так, что на каждом медиумическом сеансе появлялось бы только такое потустороннее существо, которое хотело сказать нечто важное и искреннее, тогда — другое дело; но этот мир так же полон праздношатающимися, как и мир земной. Так как наш мир заселяется из вашего мира, естественно, что наше население того же сорта, что и ваше. Оно не особенно изменилось, пройдя через врата смерти. Скажите, могли бы вы посоветовать хорошо воспитанной и тонко чувствующей женщине сесть посреди Гайд-Парка и предложить всем, проходящим мимо толпами, подходить к ней и говорить через неё или прикасаться к ней и смешивать свой магнетизм с её магнетизмом? Вы содрогаетесь, но это содрогание было бы куда сильнее, если бы вы видели то, что вижу здесь я.

Кроме того, тут есть ещё другой разряд существ, которых теософы называют *элементалами*^[11]. По поводу этих элементалов было написано много вздора; но вы можете принять как факт, что в этом мире *есть* единицы энергии и сознания, которые довольно точно соответствуют тому, что теософы понимают под элементалами. Эти сущности, в общем-то, не особенно развиты; но так как земная жизнь представляет собой ступень, к которой они стремятся, и так как она — ближайшая и неизбежная стадия их эволюции, то вполне естественно, что они испытывают к ней сильнейшую тягу.

Поэтому не будьте слишком уверены, что стучащий в ваш письменный стол или в другую вашу мебель есть непременно дух вашего усопшего дедушки. Это может быть не более чем слепая и страстно жаждущая сущность, устремляющееся сознание, пробующее воспользоваться

вами, чтобы ускорить свою собственную эволюцию, желающее проникнуть в вас, чтобы через вас испытать земные вибрации.

Возможно, что эта слепая сущность и не повредит вам, но может случиться, что вред от неё будет большой. Поэтому лучше не поощрять их попыток проникать через покров, который отделяет нас от них; ибо покров этот тоньше, чем вы думаете, и хотя вы не можете сквозь него видеть, вы можете чувствовать через него.

Высказав это, я считаю свой долг исполненным и, возможно, в следующий раз расскажу вам что-нибудь более интересное; ибо я часто чувствую себя подобным астральной Шахерезаде, переживая её сказочные ночи! Но боюсь, что ранее, чем исполнится тысяча первая ночь, меня уже здесь не будет. Нет, я не предполагаю снова «умереть» в другой мир; но когда я передам вам то, что мне хотелось бы сообщить о здешней жизни, я намереваюсь исследовать другие планеты, если мне это разрешат.

Иногда я чувствую себя как юноша, получивший большое наследство, а с ним и неограниченную возможность путешествий. И хотя он может остаться дома на некоторое время, чтобы устроить свои дела и приспособиться, так сказать, к открывшейся перед ним новой свободе передвижений, — всё же придёт время, когда он захочет попробовать свои крылья. Надеюсь, что моя метафора неплоха? Если да, то вы можете включить её в издание моих писем.

По той живости, с которой вы иногда чувствуете моё присутствие, вы можете судить об интенсивности той жизни, которой я живу. Нет, я не похож на бледное привидение, от которого несёт могильной сыростью. Я совершенно реален и так же цел и невредим (по крайней мере, мне так кажется), как во время моей земной жизни, когда меня облекала более или менее нездоровая плоть и кровь.

Это очень хорошо, что вы не имели «сообщений с тем миром». Было бы очень несообразно, если бы вы боялись меня. Но другие могли бы испугаться, если бы чувствовали моё присутствие так, как чувствуете его вы.

Однажды я постучался в двери комнаты моего земного друга со слабой надеждой, что он встретит меня приветливо. Он выскочил из постели, потом снова забрался в неё и с явной тревогой натянул на свою голову одеяло. Он совершенно откровенно испугался при мысли, что это могу быть я! Не желая стать причиной разрыва сердца или такого потрясения для волос моего друга, чтобы они — как поётся в старой песне — «поседали в одну ночь», я тихонько удалился. Наверно, он убедил себя на другой день, что за панелями появились мыши.

Но так как вы знаете лучше, мне доставляет истинное удовольствие приходить к вам, чтобы потолковать по душам. «Старый друг лучше новых двух», и общество духов совсем не удовлетворило бы меня, если бы все, кого я раньше знал и любил, повернулись ко мне спиной.

В последнее время я поставил перед собой вопрос: к чему я должен стремиться здесь и чего я желаю? Год назад я бы ответил: «Силы», но теперь мой ответ иной, я отвечаю себе: «Знания», ибо знание есть предтеча силы. Если я приобрету достаточное количество знания, у меня будет довольно и силы.

И к вам я прихожу только для того, чтобы дать вам и другим те крупинки знания, которые иными путями были бы недоступны для вас. Самая ценная крупинка, которую я только могу дать вам, состоит в следующем: упражнением воли человек может сохранить своё объективное сознание и после смерти. Многие, перешедшие сюда, погружаются в своего рода субъективное блаженство, которое делает их безразличными к тому, что происходит на земле и на небесах. Я сам мог бы достигнуть этого, если бы захотел, и притом довольно легко.

Кажется, я уже говорил вам раньше, что разница между человеком на Земле и здесь в том, что на Земле он владеет одинаково и субъективным и объективным сознанием, но у него функционирует преимущественно последнее, тогда как здесь преобладает тенденция к субъективному сознанию, хотя оба сознания сохраняются и после перехода сюда.

Почти в любой момент, сосредоточившись и заглянув внутрь себя, и вы могли бы впасть в состояние субъективного блаженства, сходного с тем, каким наслаждаются души, переступившие черту так называемой смерти. И в самом деле, только путём такого подсознательного опыта удаётся человеку узнать то, что он знает о невидимом мире. Когда бури и страсти телесной жизни приведены к молчанию, человек может заглянуть в свою собственную внутреннюю жизнь, а эта внутренняя жизнь и есть жизнь четырёхмерного плана. Не обвиняйте меня в противоречиях и неясности. Я ведь сказал, что объективное сознание так же доступно для нас, как и субъективное, только в нас преобладает склонность к последнему.

Вы, может быть, помните ту влюблённую пару, о которой я писал вам несколько недель назад? Он перешёл сюда раньше и ждал её, и помог ей перейти через ту призрачную страну, которая расстилается между двумя состояниями нашего существования.

Я увидел их ещё раз, но они не выразили никакого интереса к моему появлению. Наоборот,

я думаю, они были даже недовольны, что я пробудил их из того состояния субъективного блаженства, в какое они погрузились с тех пор, как им удалось, наконец, соединиться.

Пока он поджидал её все эти годы, он держал себя пробуждённым силою ожидания; пока ей приходилось оставаться без него на Земле, она всё время думала о нём, и таким образом полярность поддерживалась. Теперь они обрели друг друга; они остаются в том «домике», который он построил для неё из субстанции здешнего Тонкого Мира; они видят лица друг друга, всё равно — смотрят ли внутрь себя или наружу; они удовлетворены; им нечего более достигать, — так они говорят друг Другу, и поэтому они погружаются снова в состояние субъективного блаженства.

На это состояние блаженства, на это, так сказать, пережевывание его они имеют право. Никто не может отнять его у них. Они заслужили его своей деятельностью, оно принадлежит им по Закону ритмической справедливости. Они будут им наслаждаться в течение долгого времени. Они, думается мне, будут снова и снова проходить через прежние переживания, которые испытывали совместно и порознь. А затем придёт день, когда один из них почувствует пресыщение от всей этой сладости; мускулы его или её души потребуют напряжения, от недостатка упражнения захотят вытянуться; у него или у неё появится астральный духовный зовок и — под действием Закона реакции — он или она перешагнёт грань этого мира.

Куда же уйдут он или она, спрашиваете вы? Конечно, на Землю.

Представим себе его или её пробудившимися из того субъективного состояния блаженства, которое им представлялось как достижение, и вообразим себе, что он или она удалились на короткую прогулку в благословенном и целительном одиночестве. И тогда, с чем-то вроде лёгкого чувства, какое у людей бывает в глазах и в сердце ранним утром, он или она притянется к двум влюблённым на Земле. Внезапно голос плоти, непреодолимый призыв горячей крови и деятельности, возведённый в высочайшую степень, захватит наполовину пробуждённую душу, и тогда она снова перейдёт в мир материального творчества. Она погрузится в плоть Земли и скроется в ней. Она будет ждать нового рождения. Она появится с большею силой благодаря предшествующему отдыху. Вначале я говорил «он» или «она». Можно быть почти уверенным, что мужчина пробудится первым в силу своей полярности.

Только помните, что, рисуя эту воображаемую картину моих влюблённых, я вовсе не имею в виду общего способа, которым бы все души возвращались на Землю. Я только догадываюсь, как возвратится эта пара (ибо она, вероятно, последует за ним немедленно после того, как, проснувшись, найдёт себя оставленной).

Причина же, почему мне думается, что они вернутся именно таким образом, состоит в том, что они слишком много предавались субъективному блаженству.

Когда это случится? Этого я сказать не могу. Может быть, в будущем году, может быть, через сотни лет. Не зная размера их соединённых сил, я не могу определить, какое количество субъективного блаженства они могут вынести без стремительной обратной реакции.

Я уверен, что вы думаете: а мог бы я сам когда-нибудь погрузиться в такое состояние блаженства, о котором сейчас шла речь? Может быть. Возможно, оно захватило бы и меня, но ненадолго и ещё не теперь. Во всяком случае, у меня нет здесь возлюбленной, которая могла бы наслаждаться со мной подобным блаженством.

За последние дни я посетил под руководством Учителя множество мест на земле. Я был в тех странах и городах, где в течение прежних жизней жил и работал среди людей. Одно из преимуществ путешествий по чужим странам состоит в том, что они помогают человеку вспоминать свои прежние существования. Есть несомненная магия в местах, где ты жил.

Я побывал в Египте, Индии, Персии, Испании, Италии; я посетил Германию, Швейцарию, Австрию, Грецию, Турцию и много других стран. И Дарданеллы небыли закрыты для меня, как они закрыты для вас из-за войны. Каждое положение имеет своё преимущество, и моё — также имеет его; Закон уравнивания действует везде.

Оказывается, в некоторых из своих жизней я был большим любителем путешествий.

Может быть, вам непонятно, каким образом я могу так легко переходить из этого мира в ваш мир и видеть в обоих. Но вы должны помнить, что мой мир и ваш мир занимают приблизительно одно и то же пространство, что поверхность Земли совпадает с нижним, наиболее плотным «слоем» нашего мира. И как я уже упоминал раньше, есть и такие доступные для нас места, которые находятся высоко над земной поверхностью. «Небесные Обитатели» — более чем символы.

Стоит мне лишь изменить фокус внимания, и я могу очутиться в любое время в вашем мире. То, что я невидим для физических глаз, ещё не доказывает, что меня нет там. Без этого переноса центра внимания — что достигается актом воли по определённом методу, который нужно знать, — я мог бы занимать одно и то же пространство с кем-нибудь из обитателей вашего мира и даже не знать о том. Заметьте это хорошенько, но это — лишь одна сторона того, что я хочу сказать; другая сторона состоит в том, что и вы можете в любое время — насколько это касается пространства — очутиться в непосредственной близости с интересными вещами нашего мира и не подозревать об этом. Но если вы сосредоточитесь на нашем мире, вы будете более или менее сознавать его. Так же и я, зная, как нужно сосредоточиться на вашем мире, немедленно могу переноситься в него сознанием и наслаждаться видами различных городов и сменяющимися панорамами различных стран.

В самом начале моего пребывания здесь я очень плохо видел Землю, теперь я вижу её гораздо лучше. Нет, я не собираюсь сообщать вам формулу для передачи другим, которая сделала бы их и вас способными произвольно менять фокус внимания, чтобы входить в сообщение с этим миром; не собираюсь потому, что такое знание на вашей ступени развития принесло бы больше зла, чем добра. Я только утверждаю факт и предоставляю применять его тому, у кого окажется для этого достаточно любознательности и кто владеет необходимыми для этого способностями.

Цель, заставившая меня писать эти письма, — убедить колеблющихся в том, что душа продолжает жить и чувствовать и после той телесной перемены, которую вы называете смертью. Многие думают, что они верят, но не всегда эта вера оказывается настоящей. Если бы мне удалось дать почувствовать своё присутствие — как живой сущности — в этих письмах, это укрепило бы сознание бессмертия у тех, кто прочтёт их.

Наш век продолжает оставаться вульгарно-материалистическим. Большинство не чувствует никакого реального интереса к жизни по ту сторону могилы. Но все люди рано или поздно перейдут сюда, и может быть, некоторые из них найдут перемену менее трудной и менее страшной благодаря тому, что я сообщил им. Разве это не стоит тех усилий, которые делаем мы — вы и я?

Каждый приближающийся к великой перемене человек, который захочет серьёзно и внимательно вчитаться в эти письма и усвоить их содержание и который не забудет его при переходе сюда, будет ограждён от всякого страха.

Но вернёмся к моим странствиям. Я был в Константинополе и стоял в той самой комнате, где однажды, сотни лет назад, имел замечательное переживание. Я видел те же стены, я трогал их, я читал эфирную летопись всего происшедшего внутри этих стен и мою собственную историю, связанную с ними.

Я ходил по розовым садам Персии, я вдыхал аромат цветов — потомков тех самых роз, благоухание которых приводило меня в экстаз, когда я проходил по тем же садам в ином теле, совершенно не сходном с моей последней формой. Это благоухание заставило меня вспомнить.

Жил я и в Греции, но только в её древние дни. Что это была за раса! Я думаю, что тайной её могущества была сосредоточенность. Весь эфир вокруг полуострова наполнен отражениями её подвигов, её смелой мысли и отважных деяний. Старая эфирная летопись имеет такую яркость, что просвечивает сквозь позднейшие начертания; ибо то, что носит название «Астральной Хроники», находится всюду слоями — один над другим. Можно прочесть любой слой или по естественному сродству с ним, или актом сознательно направленной воли. И это нисколько не удивительнее того, что происходит в Британском Музее, когда любой из вас ходит среди миллионов томов, выбирая из них тот, который ему нужен. Самые изумительные вещи оказываются всегда очень простыми, если только владеть ключом к их тайне. Нужно признать, что много вздора было написано относительно вибраций, но тем не менее истина скрывается именно здесь. Нет дыма без огня.

В Индии я видел йогов во время медитации. Знаете ли вы, почему их особый способ дыхания влечёт за собой психические результаты? Нет, вы не можете этого знать. Слушайте же: вследствие задержанного дыхания образуется, — не знаю, могу ли я назвать это ядом, — нечто, что я назову ядом, и действует на психическую природу человека, изменяя её вибрации. Вот и всё. Сколько книг было написано про йогу, но кто упомянул об этом? Обыкновенные здоровые лёгкие при обычном дыхании освобождаются от этого яда вследствие процессов, хорошо известных физиологам; но для человека, всё ещё живущего в физических условиях, для того чтобы приспособить себя к психическому миру, необходимо изменение вибраций. И это изменение вибраций может быть достигнуто незначительным увеличением вышеупомянутого яда. Опасен ли он? Да, он очень опасен; и только для тех немногих, которые знают, как обращаться с ним, он не опаснее любого лекарства из вашей фармакопеи.

В другой раз я вам скажу и о других тайнах, которые открылись мне, когда я перемещался из этого мира в ваш земной мир и обратно.

Я стоял ночью на крыше восточного дворца и смотрел на звёзды. Тот, кто в состоянии смотреть в невидимый мир, изменив свой фокус внимания, легко поймёт, как я, пользуясь противоположным процессом, могу видеть в мире плотной материи. Да, это — то же самое, только обращенное в другую сторону.

Я стоял на крыше восточного дворца и смотрел на звёзды. Вблизи не было ни одного смертного. Глядя на заснувший город, я видел облако душ, стороживших его, видел посланников из другого мира, появлявшихся и снова удалявшихся. Раза два в этом облаке духов возникало бледное испуганное лицо, и тогда я знал, что там, внизу, кто-то умер.

Но я так нагляделся на духов с тех пор, как перешёл сюда, что меня гораздо больше привлекало смотреть на звёзды. Я всегда любил их, люблю и теперь. Со временем я надеюсь больше узнать о них. Но пока не закончу этих писем, я не удалюсь из сферы Земли. На таком расстоянии от Земли, как Юпитер, я, может быть, не буду совсем в состоянии писать. Это верно, что здесь можно переноситься почти с быстротой мысли, но что-то говорит мне, что лучше на время отложить более далёкие странствования. Возможно, что мне не захочется возвращаться назад, если я попаду туда.

А для меня эта переписка с Землёй имеет большое значение. Во время моей предсмертной болезни я часто думал о том, нельзя ли будет время от времени возвращаться на Землю, но я и не мечтал ни о чём подобном. Я не мог себе представить, чтобы кто-нибудь, достаточно уравновешенный и достойный доверия, оказался настолько смел, чтобы помочь мне в таком опыте.

Мне было понятно, что нельзя общаться посредством руки человека с неподготовленным умом, если предварительно не загипнотизировать его. Нельзя также писать с помощью руки человека среднего развития, так как подобный человек не может оставаться достаточно пассивным.

Говорить о том, что я видел в *вашем* мире с тех пор, как перешёл сюда, не имеет особого смысла; и я заговорил об этом только затем, чтобы вы знали, что это возможно. Совершенно так же, как ясновидящие видят наш мир с его новыми явлениями, и я смотрю назад, на вашу ступень существования. Интересно жить в обоих мирах, входить и выходить из них по своему желанию. Но когда я вхожу в ваш мир, я никогда не вмешиваюсь в его дела. Вы этого не знаете, но тут такая строгая пограничная таможня между вашим миром и нашим, что путешественники не могут пронести с собой ничего — даже предрассудка.

Если бы вы перешли сюда с намерением видеть только определённые вещи, вы не могли бы верно оценивать виденное. Многие после смерти перешли сюда с таким внутренним настроением и по тому научились очень немногому. Только странник с широко распахнутой душой может делать открытия.

Я принёс сюда немного решений, но они были твёрдо принятыми:

- 1) сохранить своё тождество;
- 2) удержать воспоминание о моей земной жизни и принести с собой память об этой жизни, когда я вернусь в земной мир;
- 3) увидеть Великих Учителей;
- 4) восстановить память о моих прежних существованиях;
- 5) заложить необходимые основы для полной значения земной жизни, когда я возвращусь в следующий раз.

Это звучит очень просто, не правда ли? И мне уже многое удалось сделать в этом направлении, но если бы я не поставил перед собой эти задачи, то достиг бы очень немногого.

Единственная грустная сторона смерти заключается в том, что заурядный человек научается столь малому от неё. Только уверенность в том, что цепь земных жизней почти беспредельна, даёт утешение; я знаю, что можно не спешить, что все звенья в цепи жизней — как бы они ни были малы — располагаются на своих неизбежных местах, и что цепь эта являет собой круговое движение — символ вечности.

И мне часто кажется, что большинство человеческих душ расточают свои жизни по эту сторону так же бесплодно, как они делают это по ту сторону. Но это только кажется из-за неполноты моего знания.

Рассматриваемые с высоты звёзд, куда я всё же надеюсь подняться со временем, все эти плоские пространства сгладятся на расстоянии в общем рисунке жизни, и вся картина может явить перспективу такой красоты, о какой я и не мечтал, когда сам был лишь крошечным пятнышком на этой картине.

Я остался без моего маленького Лайонела. Он пошёл — не хотелось бы говорить: дорогой всякой плоти, вернее будет сказать — дорогой всех духов, которые рано или поздно совершают свой возвратный путь на Землю.

Я узнал от Учителя, что тяга к Земле моего мальчика будет скоро удовлетворена, что он будет направлен в семью, где его исключительные творческие способности найдут благоприятную почву. Я узнал, что нужная связь взаимной любви была уже завязана между Лайонелом и его будущей матерью, а его будущий отец, инженер, окажет ему с раннего детства ту помощь, которая поможет развить заложенные в нём способности. Мне было разрешено сообщить это Лайонелу.

Нашёл я его в нашем любимом убежище, в хижине на берегу ручья у подножия лесистого холма, о которой я упоминал в одном из моих писем. Он пребывал в глубокой задумчивости.

Я подождал, пока мальчик откроет глаза и не посмотрит на меня. Когда я сообщил ему о скорой перемене, ожидающей его, он пришёл в такой восторг, который очень ясно напомнил мне, что я всё ещё человек. Мне вдруг стало грустно и обидно, что мой мальчик, которого я так любил, хочет уйти от меня по доброй воле. Но так как воля действительно свободна, я не стал делать никаких усилий, чтобы удержать его. Всё ещё юный по возрасту — он не успел вырасти в этом мире с тех пор, как явился сюда ребёнком, — в мыслях своих он был не менее зрелым, чем я.

— Подумайте только, — радостно заговорил Лайонел, — когда вы вернётесь, я буду старше вас! И как хорошо, что мой будущий отец может научить меня. Но когда я вырасту, я сам изобрету множество вещей, неизвестных для него. Вы помните то изобретение, что я создал в Мире Первообразов? Когда я вернусь на Землю, я осуществлю его. Вы ведь помните, как это изобретение двигалось с помощью электричества из моих пальцев?

— А если кто-нибудь другой изобретёт то же самое раньше тебя? — спросил я. — Хочешь, я наложу зарок на твоё изобретение, чтобы никто, кроме тебя, не смог воспользоваться им?

— А вы можете это сделать?

— Думаю, что могу.

— В таком случае отправимся сейчас же туда и сделаем это немедленно! Я ведь очень скоро могу покинуть этот мир!

Мне показалась очень забавной эта поспешность Лайонела. Мы направились в «Мир Первообразов», и я провёл запретный круг вокруг его изобретения — зарок, который, надеюсь, будет охранять первообраз, пока Лайонел не предъявит на него свои права.

Что такое вдохновение? Что есть гений и его изобретения? Люди на Земле мало понимают значение этих слов. Возможно, что знаменитая поэма была пропета нашим любимым поэтом до его рождения. Возможно, что великое изобретение пребывало в Мире Первообразов, защищенное запретным кругом, пока его творец вырастал на Земле до возмужалого возраста, до возможности предъявить право на своё собственное духовное творчество. Возможно, если двое изобретают одно и то же одновременно, то один из них присвоил себе идею другого, которую этот другой оставил за собой, возвращаясь в земной мир. А может быть и так, что оба заимствовали в Невидимом Мире создание третьего человека, всё ещё ожидающего рождения на Земле.

Когда я в следующий раз увидел Учителя, я спросил его, может ли душа Лайонела возвращаться в наш мир до своего земного рождения.

— Если бы это была душа Адепта, это было бы возможно, — последовал ответ, — но для обычной души, даже высокоразвитой, это невозможно.

— Но ведь живущие на Земле люди переходят сюда во сне?

— Да, но когда душа нисходит в материю, готовясь к новому рождению, она вступает в то, что вы называете потенциальностью, и все её силы нужны для великого усилия, чтобы сформировать новое тело и приспособить его. После рождения, когда глаза уже раскрылись и лёгкие расширились для принятия воздуха, задача уже становится легче, и возможно, что тогда не вполне израсходованная энергия сможет перекинуть мост через разделяющую оба мира пропасть. Но, — продолжал он, — женщины, готовящиеся стать матерями, нередко смутно чувствуют, какой душе они дадут приют. Если они даже и не сознают всего значения того чуда, которое совершается через них, у них бывают странные сны и видения, которые можно назвать прозрением в прошлые воплощения нерождённого ребёнка. Они видят неведомые страны, в которых зарождающееся в них существо жило в прошлом; они испытывают желания, в которых сами не могут отдать себе отчёта, — отражённые желания, которые суть не более чем скрытые влечения нерождённого; они испытывают непонятные страхи, но это не более чем отголоски его прежних страхов и испугов. Мать, которая питает действительно великую душу, может в течение этого периода созидания сама вырасти в такой мере, которая намного превышает её собственные нормальные возможности. Тогда как мать нерождённого преступника испытывает нередко такие странные извращения, которые совсем не соответствуют обыкновенному настроению её души. Если бы женщины были достаточно сознательны и осведомлены, они могли бы по своим ощущениям и мыслям судить о том, какого рода души готовятся стать их детьми; зная это, они могли бы подготовиться для соответствующего воспитания своих детей. Требуется больше знаний — как тут, так и везде.

Таким образом, и на примере перехода Лайонела я научился кое-чему, как ежедневно учусь благодаря моему новому опыту.

Жертвы собственных ограничений

Не удивительно, что дети, как бы стары и мудры не были их души, должны в каждой новой жизни пересматривать относительные ценности всех вещей по искусственным меркам вашего мира, ибо здесь эти мерки теряют своё значение.

И люди, которые придавали значение только этим искусственным меркам, должны неизбежно страдать в здешнем, более естественном, мире. Недавно меня поразила одна леди, только что перешедшая сюда и не обнаружившая ни одной души, которая была бы сколько-нибудь близка ей. Даже мать не встретила её. Это меня очень удивило, так как я знал, что дух матери, если он ещё не возвратился на землю, испытывает особого рода толчок, как бы внутреннюю дрожь, когда дитя, которому она дала жизнь на Земле, приближается к рождению в духовном мире, — дрожь, которую можно назвать сочувствием родовому страданию, последним нежным отзвуком материнства.

Женщина эта была до того одинока, что я стал искать в числе знакомых мне духов такого, который мог бы посвятить ей своё время, но, к сожалению, между ними не было таких, кто вяжут крючком и сплетничают в нашем мире так же, как они это делали в вашем.

Не удивляйтесь! Вы полагаете, что привычки всей жизни могут быть сброшены в один миг? Мы знаем, что во всей природе не бывает внезапных скачков, почему же они должны появиться при той перемене, которую мы называем «смертью»? Как на Земле женщины мечтают о своих рукоделиях, так делают они и здесь. В этом мире так же возможно вязать, как в вашем мире возможно предаваться мечтам.

Поймите, что этот мир по существу своему не более священен, чем ваш мир, и не более таинственен для того, кто живёт в нём. Для серьёзной души все состояния священны, кроме профанации, которая встречается и здесь, как и на Земле.

Женщина, о которой я сейчас вспоминаю, жила и удовлетворялась одной только условной, так называемой светской, жизнью, и это было до такой степени, что у неё не оказалось ни единой, переживающей земную жизнь, связи, той связи, которая создаётся внутренней близостью. И конечно, она не могла чувствовать себя счастливой в новых условиях жизни.

В другой раз я встретил одну из своих старых знакомых, госпожу ***, которая горько жаловалась на обитателей этого мира за то, что все они интересуются чем-то своим и совсем не хотят иметь с ней дела. Когда же из её жалоб оказалось, что она стремилась всех посвящать в свои личные неудовольствия, мне стало ясно, почему никто не хотел слушать её. Бедняжка не понимала, что наши тревоги так же мало интересны для других в этом мире, как и на Земле. И что поразительно: она продолжала испытывать здесь воображаемые неприятности совсем так же, как на Земле: всё было ей не по вкусу, всем она была недовольна. Этой душе я помог тем, что повернул фокус ее внимания на религиозные переживания здешнего мира и показал ей ортодоксальное Небо, о котором уже говорил в одном из писем.

Здесь, в настроениях этих двух леди, меня поразило, до какой степени все свойства внутренней жизни человека переносятся сюда; и в этом мире, где можно жить так привольно и свободно, свойства эти как бы возрождаются вновь в виде воображаемых ограничений и непреодолимых преград.

Но есть иное посмертное состояние, на мой взгляд, гораздо более тяжёлое. За время моего здешнего пребывания мне не раз приходилось видеть мужчин и женщин, погружённых в состояние глубочайшего сна, с лицами, лишёнными всякого выражения. Вначале, не понимая причины их сна, я пробовал разбудить одного из них, но мне не удавалось. Я возвращался к нему

снова и снова и находил его в прежней летаргии.

Однажды, когда я был с Учителем, я спросил его о причинах такого состояния, увидев одну из таких бессознательных форм. Он пояснил, что это те люди, которые отрицали бессмертие души. Они остаются в состоянии глубокого сна до тех пор, пока непреодолимый Закон ритма не извлечёт их из этого состояния бессознательности для нового воплощения. На мой вопрос, возможно ли вырвать их из этого состояния, Учитель ответил утвердительно. Но для того, чтобы противодействовать той силе, которая держит человека в таком состоянии глубокого сна, чтобы нарушить тот зарок, который человек сам наложил на свою душу, когда требовал бессознательности и уничтожения для себя, — чтобы противодействовать этому, нужно пустить в ход силу более могущественную. Этой силой является воля.

Моя неудавшаяся попытка показала, что для такого пробуждения нужна воля более могущественная, чем обычная человеческая воля, и я спросил Учителя, не могу ли я присутствовать при таком пробуждении. Из последовавшего ответа мне стало ясно, что должна быть очень серьезная причина — может быть, подвиг добра в прошлом такого человека, чтобы Учитель мог стать между ним и Законом причин и последствий, который тот самовольно привёл в действие.

Через некоторое время Учитель дал мне возможность наблюдать такое пробуждение. Я сожалею, что не могу передать вам, каким способом совершилось это поразительное воскресение из кажущейся смерти. Представьте себе у ног Учителя существо по виду мёртвое, с лицом, лишённым всякой жизни и выражения; и над ним — божественно прекрасную фигуру Учителя с выражением могучей силы на лице, с глазами, сияющими глубокой мыслью. Он указал мне на еле заметный свет, исходящий от безжизненного тела. Я его видел, но Учитель видел гораздо больше: в этом бледном излучении для Него было видимо всё прошлое того человека.

Сцена, которая последовала затем, была так величественно прекрасна, что напомнила мне «воскресение Лазаря». «Душа человека бессмертна», — сказал Учитель, пристально глядя в полураскрывшиеся глаза пробуждённого человека. И затем — тоном непреодолимого повеления: «Встань!»

Человек поднялся с усилием; и хотя тело его не имело почти никакого веса, видно было, как ему трудно вырваться из своей летаргии. Постепенно сознание возвращалось к нему, и слова Учителя начинали оказывать своё действие.

Эти слова прежде всего напомнили проснувшемуся о его прошлом. О том, как он заблуждался в своих теориях; о том, что смерти нет, а есть лишь Закон ритма, который понуждает душу вступать в плотную материю и выходить из неё так же, как в океане чередуются прилив и отлив, а в сознании — сон и бодрствование.

Приведя проснувшегося человека к полному сознанию, объяснив ему его положение, Учитель передал его одному из своих учеников. Последний должен был проводить перед сознанием проснувшегося то, что можно было бы назвать панорамой вечности, и делать это до тех пор, пока она не запечатлется неизгладимо в его сознании. Когда это произойдёт, проснувшийся возвратится на Землю и должен будет убеждать других сомневающихся и неверящих. Равновесие нарушенной истины будет восстановлено после того, как ему удастся обратить к осознанию бессмертия столько же людей, сколько он в прошлом совратил, распространяя свои лживые материалистические понятия о смерти.

Оставшись один, я долго размышлял в сердце своём обо всём виденном и слышанном.

В одном из моих посещений к вам я начал рассказ о том, что можно было бы назвать адом; но я был отозван, и письмо моё осталось неоконченным. Теперь я хочу продолжить начатое.

Прежде всего, нужно знать, что существует много видов ада, и они, по большей части, дело наших собственных рук. Это — одна из тех банальностей, которые основаны на факте.

Однажды, руководимый желанием найти тот особый вид ада, куда должен был притянуться пьяница, я разыскал ту часть астральной сферы, охватывающей

Землю, которая соответствует одной из стран, где особенно процветает пьянство. Освобождающиеся от тела души остаются обыкновенно поблизости от тех мест, где они жили, если не имеется какой-либо важной причины для их удаления оттуда.

Без особых затруднений я довольно скоро нашёл ад, кишаций пьяницами. Как вы думаете, что они делали? Раскаивались в своей слабости? Нисколько. Они толпились вокруг тех мест, где испарения алкоголя и ещё более тяжёлые испарения от тех, кто злоупотребляет алкоголем, делают атмосферу такой тошнотворной. Неудивительно, что люди с чувствительной организацией так не любят соседства кабаков.

Вы бы отвернулись с отвращением, если бы я рассказал обо всём, что видел там. Одного или двух примеров достаточно.

Я начал с того, что привёл себя в нейтральное состояние, так что мог видеть одновременно в обоих мирах.

Молодой человек с беспокойным взором и страдальческим лицом вошёл в один из тех «винных дворцов», в которых густая позолота и блестящая полировка поддельного красного дерева внушают несчастному путнику, что он наслаждается роскошью «царства от мира сего». Одежда молодого человека была изношена, и башмаки его выдвали виды. Лицо его было давно не брито.

Он наклонился к стойке, жадно опорожняя стакан с какой-то разрушающей душу смесью. А рядом с ним, ростом выше его, перегнувшись к нему так, что отталкивающее, распухшее, страшное лицо было прижато к его лицу как бы для того, чтобы вдыхать его проспиртованное дыхание, находилось одно из самых мерзких астральных существ, какое мне только доводилось видеть в этом мире. Руки этого существа (я употребляю это слово, чтобы выразить его жизненность) сжимали тело молодого человека: одна длинная и голая рука обхватила его плечи, другая обвилась вокруг его бедер. Оно в прямом смысле слова высасывало пропитанные вином жизненные силы своей жертвы, поглощая их, вбирая в себя, чтобы удовлетворить через неё ту страсть, которую смерть только удесятирила.

Было ли это существо из области ада, — спросите вы. Да, ибо я мог видеть его внутреннее состояние и убедиться в его страданиях. Навеки (слово «навеки» может быть употреблено для того, что кажется бесконечным) было оно обречено жаждать и жаждать и никогда не находить удовлетворения.

В нём осталась только та доля сознания, делавшая его когда-то человеком, та слабая искра, которая давала ему время от времени мимолётное прозрение в чудовищный ужас его собственного положения. Это не было желанием спастись, но само сознание невозможности избавления только усиливало его мучение. И страх виделся в его глазах, страх перед будущим, в которое он не мог заглянуть, но которое — он чувствовал это — влекло его к ещё большему мучению; перед будущим, когда астральные частицы его теперешней оболочки не смогут более удерживаться вместе за отсутствием объединяющей их души, когда они начнут тянуть и

раздирать то, что осталось от его астральных нервов, — в ужасе и мучении разрывать ту форму, которая была так близка к своему концу.

Ибо только душа сохраняется; то же, что покидается душой, должно погибнуть и распасться на составные части.

А молодой человек, прислонившийся к стойке этого позолоченного алкогольного «дворца», почувствовал невыразимый ужас и пытался покинуть это место; но руки того существа, которое было теперь его господином, охватывали его всё теснее и теснее, отвратительная, покрытая испарениями щека прижималась всё теснее к его щеке, желание вампира вызвало ответное желание в его жертве, и молодой человек потребовал другой стакан.

Воистину земля и ад соприкасаются друг с другом, и непроницаемой границы между ними не существует.

Я видел ад похоти и ад ненависти; ад лживости, где каждый предмет, который обитатель ада старался схватить, превращался в нечто иное, противоположное желанному предмету, где происходило вечное издевательство над правдой и где не было ничего реального, где всё становилось — изменчивое и неверное, как сама ложь, — своей собственной противоположностью.

Я видел обезумевшие лица тех, кто ещё не вполне отдался лжи, видел какие страшные усилия они делали, чтобы схватить реальность, мгновенно таящую в их руках. Ибо привычка к лживости, перенесённая в этот мир изменчивых форм, окружает неправдивую личность вечно меняющимися образами, которые не перестают дразнить и ускользать от неё.

Захочет ли такой человек увидеть лица любимых друзей — его желание исполняется, но как только появляются желанные лица, они немедленно превращаются в оскаленных фурий. Захочет ли он восстановить в памяти плоды своего честолюбия — они проносятся перед ним, но только для того, чтобы превратиться в позор, превращая гордость в бессильный стыд. Захочет ли он пожать руку друга — рука протягивается к нему, но в ней зажат нож, который вонзается во внутренности лжеца, не разрушая его, и всё те же бесплодные попытки возобновляются снова и снова, пока измученное сознание вконец не обессилит.

Остерегайтесь предсмертных раскаяний, ибо за ними последует жатва тяжёлых воспоминаний. Гораздо лучше переходить в вечность с кармической тяжестью, которую мужественно несёшь на спине, чем проскользнуть в задние двери ада с чувством трусливой неуверенности.

Если вы согрешили, примите этот факт безбоязненно и решите *не повторять* греха; тот же, кто останавливается на своих грехах в последний час свой, будет переживать их снова и снова после того, как перейдёт через порог смерти.

Каждое действие сопровождается своим неизбежным противодействием; за каждой причиной идёт её следствие, которое ничто, за исключением могучей динамики самой Воли, не может изменить; а когда Воля изменяет следствие предшествующей причины, это всегда происходит благодаря возникновению противодействующей, более могучей причины, чем первая, — причины столь сильной, что та, другая, неудержимо уносится вместе с ней, подобно тому как сильный поток увлекает слабую струйку воды из открытой трубы, объединяя и причину, и её следствие в энергичном стремлении своих вод.

Если вы признаёте факт своего греха, спешите творить добрые дела, более значимые, чем ваши грехи, и вы соберёте награду за них.

Да, я видел ангелов, если под ангелами подразумевать духовных существ, которые никогда не жили на Земле как люди.

В смысле жизненности, яркости жизнеощущения ангел находится в таком же отношении к человеку, в каком человек находится к скале. Если мы когда-то и испытывали это состояние небесной радости, то ныне совершенно утратили его из-за давнего слияния с Материей. Можем ли мы когда-либо вернуть его? Возможно. — Наша судьба в наших собственных руках.

Рассказать вам о том, кого я называю Прекрасным Существом? Если у него и есть имя на Небесах, я этого имени не слышал. Можно ли назвать Прекрасное Существо женщиной или мужчиной? Иногда оно кажется одним, а иногда другим. Здесь скрыта тайна, в которую я не могу проникнуть^[12].

Однажды вечером я отдыхал на лучах месяца; это означает, что поэт, скрытый в каждом человеке, пробудился и во мне. Мне казалось, что я лежу на лунных лучах, и моё сердце наполнилось экстазом. На мгновение я вырвался из когтей времени и жил в той небесной тишине, которая есть не что иное, как величайшая активность восторга, доведённого до предельной высоты. Вероятно, я переживал предчувствие того парадоксального состояния, которое мудрецы Востока называют Нирваной.

Я живо сознавал и лунный луч, и себя, вся же остальная Вселенная покоилась во мне. Никогда в жизни не был я так близок к осуществлению верховного сознания: «я есмь».

Прошлое и будущее казались одинаково пребывающими в настоящем. Если бы какой-нибудь голос прошептал, что это было вчера, я согласился бы с ним; если бы другой голос возразил, что это было миллион лет тому назад, я бы также согласился и с ним. Но было ли это вчера или миллион лет тому назад, мне было совершенно безразлично. Возможно, Прекрасное Существо появляется только перед теми, для кого миг и вечность — одно. Оно явилось ко мне, и я услышал голос, сказавший: «Брат, это я».

В моём сознании не было вопроса: «Кто говорит со мной?» Голос, сказавший: «это я», мог принадлежать только той Индивидуальности, которая сама почти столь же обширна, как Вселенная; которая погружалась в океан Всебытия, но также знает и малое в силу того, что всё заключило в себе.

Передо мной стояло Прекрасное Существо, светящееся своим собственным сиянием. Если бы оно оказалось не столь прекрасным, я был бы поражён; но само совершенство его формы и осанки порождало атмосферу торжественного безмолвия. Я не удивился потому, что само состояние моего сознания было чудом. Я был настолько высоко вознесён над своим обычным состоянием, что сравнить переживание тех мгновений, чтобы выразить их глубину, мне было не с чем.

Представьте себе юность, ставшую бессмертной, настоящее, сделавшееся вечным. Представьте себе цветущую свежесть детского лица и глаза бездонной мудрости. Вообразите блеск тысячи жизней, сосредоточенный в этих глазах, и улыбку на устах любви столь чистой, что она не просит ответной любви от тех, кого дарит своей улыбкой.

Но земной язык не может описать неземное, и не может земной разум охватить размеры тех радостей, которые Прекрасное Существо открыло мне в тот наивысший миг моей жизни. Ибо самые границы существования раздвинулись для меня, и значение души раскрылось в новых, неизведанных глубинах. Те, к кому является Прекрасное Существо, никогда уже не смогут остаться прежними. Они могут по временам забывать, могут даже в деловой сутолоке утратить

великую магию виденного Явления; но каждый раз, когда воспоминание о нём пронесётся в их душе, последняя будет неизменно воспарять в восхищении на крыльях пережитого восторга.

Это может случиться и с человеком, который живёт на Земле; это может случиться и с тем, кто носится в межзвездных пространствах; но переживание должно быть для всех одним и тем же, раз оно появилось, ибо только тому, кто находится в состоянии, близком Прекрасному Существо, может Оно раскрыть себя. И никому другому.

Песнь прекрасного существа

«Когда вы, люди, слышите проносящийся шелест, слушайте внимательно, ибо возможно, что это — долетающая до вас весть.

Когда вы чувствуете в сердце своём таинственное и прекрасное горение, возможно, оно посылается вам от неведомого чудесного очага.

Когда неведомая радость переполняет ваше существо, и ваша душа вырывается из привычного состояния и тянется... к какой-то желанной тайне, знайте, что сама тайна протягивает к вам свои тёплые и любящие, хотя и невидимые, объятия.

Мы, пребывающие в невидимом, видимы друг для Друга.

Здесь сияют нежные цвета и очаровательные формы, и взоры упиваются невиданной на Земле красотой.

О, вы не знаете всей радости простой жизни — быть и петь в вашей душе непрестанно, как птица поёт своей подруге!

Ибо всякий раз, когда поёт ваша душа, это — песнь, несущаяся к вашей подруге.

Не думаете ли вы, что лишь весна может потрясать и заставлять прислушиваться к шелесту крыльев?

Нет, весенняя пора сердца длится вечно, и осень может не наступать никогда.

Слушайте! Когда жаворонок поёт, он поёт для вас, когда поют водяные струи, они тоже поют для вас.

А когда радуется ваше сердце, всегда есть другое сердце, которое где-то отвечает на вашу радость, и душа внимающих Небес радуется извечной Радости.

Я радуюсь, когда Я здесь, и радуюсь, когда Я там. Всюду красота, где бываю Я.

Можете ли вы, дети Земли, отгадать, почему?

Выходите поиграть со Мною на покрытых цветами полях пространства. Я буду поджидать вас у перекрестка, где встречаются четыре ветра.

Вы не собьётесь с пути, если последуете за лучом, мерцающим в глубине садов надежды.

Есть музыка и в громовом шуме Земли, когда она проносится в пространстве.

Есть музыка и в тонах, неведомых тяжёлому слуху Земли, и в гармонии, аккорды которой — те души, что настроены на один и тот же лад.

Слушайте... Слышите вы их?

О, уши созданы для того, чтобы слышать, и глаза созданы для того, чтобы видеть, сердце же — для того, чтобы любить!

Часы идут, не оставляя следов, и годы подобны сальфам, танцующим в эфире, столетия же выступают торжественно и тихо.

Но мы улыбаемся, ибо радость пребывает и в торжественном ходе столетий.

Радость, радость всюду. Она и для вас, и для Меня; для вас столько же, сколько для Меня.

Хотите застать Меня там, где встречаются четыре ветра?»

Я думаю, теперь вам понятно из всего, переданного мной, что не все души, перешедшие воздушную границу, находятся или на небесах, или в аду. Немногие достигают крайних пределов, большинство проводит здесь предназначенный им период так же, как они проводили предназначенный им земной срок, не понимая ни возможностей, ни истинного значения своего положения.

Мудрость — дерево, растущее очень медленно; кольца, отлагающиеся вокруг ствола, изображают собой земные жизни, а борозды между ними — периоды между двумя жизнями. Кто горюет о том, что жёлудь медленно превращается в дуб? Точно так же неразумно думать, что истина о великом досуге души, которую я стремился передать вам, должна быть непременно грустной. Если бы человек должен был превратиться в Архангела в течение немногих лет, он страдал бы ужасно от мучительного напряжения роста.

Закон неумолим, но в то же время он и благ.

Тем не менее, многие души находятся на небесах, и небо не одно — их много, и я видел некоторые из них. Но не подумайте, что многие переходят с места на место, из одного состояния в другое, как это делаю я. Всё, что я вам описываю, явления не исключительные, но чтобы один и тот же человек мог видеть и описывать столько различных вещей — это явление исключительное. Этим я обязан, главным образом, своему Учителю. Без его указаний я не мог бы приобрести столь богатого опыта. Да, существует множество небес. На днях я испытал тягу к красоте, которая овладевала мною иногда и на Земле. Одно из самых странных явлений этого воздушного мира — могучее притяжение по влечению (я подразумеваю притяжение событий). Стоит лишь пожелать достаточно сильно чего-нибудь, и вы уже на пути к этому. Здешние тела, лёгкие, как пух, передвигаются очень быстро, когда их приводит в движение свободная воля.

Я почувствовал стремление к красоте, что равнозначно стремлению слиться с Небом. Переменил ли я своё место, или Небо пришло ко мне — этого я не могу сказать, — *пространство так мало значит здесь*. Каждая долина, существующая вовне, мгновенно становится долиной внутри. Мы желаем достичь какого-то места — и мы немедленно там. Почему это так, я ещё не могу объяснить вам, к тому же мне хочется говорить о небе, которое я только что видел: оно так прекрасно, что я до сих пор весь во власти его очарования.

Я увидел двойные ряды тёмных деревьев вроде кипарисов и в конце этой длинной аллеи я заметил нежный рассеянный свет. Где-то я читал, что небо освещается тысячью солнц, но это небо было совсем иное; освещавший его свет был нежнее, чем лунное сияние, хотя яснее его. Возможно, что так бы воспринимался солнечный свет через несколько слоев алебаstra. Но этот свет, казалось, ниоткуда не исходил. Он просто был. Продвигаясь, я увидел две фигуры, идущие рука об руку. На лицах этих существ было выражение такого счастья, какого никогда не увидишь на Земле. Только дух, не сознающий времени, может глядеть так.

Мне казалось, что это мужчина и женщина, хотя они были так не похожи на то, что вы называете мужчиной и женщиной. Они не смотрели друг на друга, подвигаясь вперёд. Лёгкое соприкосновение рук делало их в такой степени едиными, что они, повидимому, не нуждались в зрительном соприкосновении — оно не могло бы прибавить ничего к их удовлетворению. Подобно тому свету, исходящему ниоткуда, они просто *были*.

Несколько поодаль я увидел группу одетых в светлое детей, танцующих среди цветов. Держась за руки и образовав круг, они танцевали, а одежда их, похожая на лепестки цветов, развевалась ритмично взад и вперёд, в такт их танцующим телам. Великая радость наполнила

моё сердце. Они также не сознавали времени и могли танцевать здесь целую вечность — так думалось мне. Но была ли их радость минутной или вечной — это не имело значения ни для меня, ни для них. Подобно свету и подобно тем двум любящим, эти дети были, и этого достаточно.

Миновав аллею из кипарисов, я остановился у широкой долины, окружённой целым лесом цветущих деревьев. Запах весны стоял в воздухе, и в нём раздавалось пение птиц. Посреди долины находился фонтан, выбрасывавший высоко во все стороны водяные струи, играя ими в воздухе, откуда они падали прозрачным кружевом вниз. Атмосфера невыразимого очарования была разлита над всем. Время от времени по этой благоухающей долине проходили прекрасные существа, большинство которых, думается мне, принадлежало когда-то к человечеству. Они передвигались по двое или группами, улыбаясь друг другу.

На Земле вы часто употребляете слово «мир»; но в сравнении с миром этого места — величайший мир на Земле показался бы суетой. Я понял, что нахожусь в одном из самых прекрасных небес, но что я в нём — один; и только эта мысль об одиночестве пронеслась в моём сердце, как я увидел перед собой Прекрасное Существо, о котором писал в последнем письме. Оно улыбалось, и я услышал:

— Тот, кто с грустью сознаёт своё одиночество, не может оставаться на небе. Вот Я и явилась, чтобы удержать тебя здесь.

— Это и есть то небо, где ты всегда живёшь? — спросил я.

— О, Я живу везде и нигде. Я из добровольных странников, находящих очарование родного очага во всех небесных и земных местах.

— Значит, ты иногда посещаешь и Землю? — спросил я.

— Да, и даже до самых отдалённых пределов ада, но Я никогда не остаюсь там подолгу. Я хочу знать всё, что существует, и оставаться свободной от этого.

— Нравится ли тебе Земля? — спросил я.

— Земля — одно из полей моих игр. Иногда Я пою детям Земли, а когда Я пою поэтам, они уверены, что слышат голос своей Музы. Вот песня, которую Я спела одной душе, пребывающей среди людей:

«Сестра моя, Я часто с тобой, когда ты не знаешь об этом.

Для меня душа поэта — светлый источник, в глубинах которого Я могу видеть своё собственное отражение.

Я живу в чарах света и красок, которые вы, смертные поэты, тщетно стремитесь выразить в магических словах.

Я — и в закате солнца, Я — и в звезде, Я следила, как старился месяц и как ты делался юным.

В детстве ты искал Меня в быстро бегущем облаке; в зрелости ты воображал, что уловил Меня в блеске очей возлюбленной, но Я никогда не даюсь, Я всегда ускользаю от людей.

Я маню и улетаю, и от прикосновения Моих ног не склоняются головки расцветших цветов.

Ты можешь найти Меня и можешь снова потерять, ибо смертный не может удержать Меня.

Я ближе всех к тем, кто ищет красоту в мыслях или в форме; Я улетаю от тех, кто хочет задержать Меня.

Ты можешь каждый день подниматься в царство, где пребываю Я.

Иногда ты встретишь Меня, иногда нет; ибо Моя воля, что воля ветра — Я не поддаюсь ни на какие приманки.

Но когда Я Маню, души прилетают ко Мне со всех четырёх концов неба.

Твоя душа также прилетает, ибо ты один из тех, кого Я призывала чарами Моей магии.

Я нужна тебе, и ты имеешь значение для Меня; Я люблю видеть твою душу в часы её грёз и

восторгов.

Когда кто-нибудь из принадлежащих Мне грезит о рае, свет становится ярче для Меня, видящей свет во всём.

О, не забывай очарования минуты, не забывай обольщения сердца!

Ибо сердце мудрее, чем все маги Земли, и сокровища мгновения богаче и удивительнее, чем накопленные богатства веков.

Мгновение реально, тогда как века — лишь обман, лишь воспоминание и тень.

Верь, что каждое мгновение есть всё, и мгновение больше, чем время.

Время несёт на себе песочные часы, и шаги его медленны; его волосы выбелились инеем годов, и посох его притупился от неустанного движения; но ему ни разу не удалось поймать мгновение в его быстром полёте. Оно состарилось, закидывая сети на быстрокрылый миг.

Ах, эта магия жизни и бесконечного сочетания живых вещей!

Я была молода, когда возникло Солнце, и Я буду молода, когда Луна падёт, умирая, в объятья своей дочери Земли.

Разве ты не хочешь быть юным вместе со мной?

Прах есть ничто — душа есть всё.

Как серебряный серп месяца на водной поверхности озера — таков миг пробуждающейся любви;

Как увядший цветок на лоне утомлённого мира — таково мгновение умирающей любви.

Но есть любовь и Любовь, и любовь света к своему сиянию есть любовь души к душе.

Нет смерти там, где внутренний свет светит, озаряя внутренние поля — потустороннее, недостижимое достижение.

Ты знаешь, где найти Меня».

Вы хотите знать, на каком языке я говорю с обитателями Неба? Мне кажется, что я говорю на своём собственном языке, и они отвечают мне на нём же. Но, может быть, мне это только кажется, а на самом деле мы пользуемся пластическим языком самой мысли.

Разве вам не случалось при встрече с человеком, языка которого вы не знаете, чувствовать совершающийся обмен мыслей между ним и вами? Выражение глаз, мимика лица, неуловимый жест и — внутренний обмен совершился. Попробуйте усилить это взаимопроникновение в тысячу раз, и, может быть, получится то, что мне кажется беседой, сходной с земным обменом слов.

Я собираюсь сказать нечто такое, что может поразить немалое число лиц; но людям, слишком дорожающим своими собственными идеями и неохотно позволяющим другим иметь также свои идеи, я советовал бы совсем не раскрывать тщательно охраняемых дверей, которые отделяют страну так называемых живых от страны так называемых мёртвых.

То, что я утверждаю, можно выразить в следующих словах: существует много богов, и все вместе они составляют Единого Бога. Все боги существуют в Боге. Делайте, со мной что хотите, но *такова истина*, а истина жизненнее всех грёз, даже ваших или моих.

Видел ли я Бога? Я видел Того, Кого называют Сыном Божьим, а вы должны помнить Его слова о том, что тот, кто видел Сына, видел и Отца.

Но вы спросите меня обо всех богах, ибо в мировом пантеоне их много. Да, они существуют и здесь как реальность.

Вы спросите снова, можно ли создавать воображением богов и затем давать им жизнь в невидимом мире. Нет. Они существовали здесь изначально, и человек получил представление о них уже очень давно, с помощью своего психического и духовного восприятия. Человек не выдумал их, и материалисты, утверждающие это, знают ничтожно мало о законах бытия. Первобытному человеку было легче познать их по причине своего духовного сродства и большей близости к ним.

Читая народные сказания об этих богах, вы, весьма вероятно, относились снисходительно к наивным создателям мифов и благодарили свою счастливую звезду за то, что вам пришлось жить в более просвещённом веке. Но эти-то древние сказители и были на самом деле «просвещёнными», ибо они видели в других мирах и повествовали о том, что видели.

Многие из любимых богов нашего мира жили — по преданиям — на Земле, как люди. И это так. Эта мысль очень поражает вас?

Каким образом может человек стать богом, и как может бог стать человеком? Думали ли вы когда-нибудь об этом? Человек становится богом, развивая богосознание, что означает совсем иное, чем развитие своих собственных мыслей о Боге. В течение последних лет вы, наверно, слышали или читали о так называемых Учителях, о людях со сверхчеловеческими свойствами, которые отказались от малых радостей и мирских достижений, для того чтобы совершить нечто более великое.

Человеческие идеи о богах меняются, так же как меняются сами боги, ибо всё на свете находится в процессе «становления», как сказал Гераклит двадцать четыре века тому назад. Не воображаете ли вы, что боги стоят неподвижно, и что вы одни двигаетесь вперёд? В таком случае вы можете в один прекрасный день опередить ваших богов и начать поклоняться себе, не имея впереди себя никого более высокого.

С помощью Учителя я имел возможность лицезреть некоторых из наиболее древних богов. Если бы я перешёл сюда с высокомерным презрением ко всем богам, кроме моего собственного, мне едва ли было бы дано такое преимущество; ибо боги точно так же исключают из себя, как они включают в себя, и раскрывают они себя только тем, кто способен видеть их такими, каковы они в действительности. Вы, может быть, скажете, что это открывает двери политеизму, пантеизму и другим наводящим страх «измам»? Но ведь это только слова! А я говорю о фактах. И слава Богу, прошли времена, когда людей сжигали на кострах за то, что перед ними проносилось видение непризнанного бога.

Возьмите, например, бога, которого римляне называли Нептуном. Вы думаете, что это лишь

поэтическая фантазия древних составителей мифов? Если да, то вы заблуждаетесь. Предание говорит, что он управлял океаном. И что может быть более правильным и естественным, чем то, что наблюдение за элементами, наводнениями и приливами было предоставлено тому, кто способен этим руководить? Мы без конца слышим о законах природы. Но кто заставляет их действовать? Выражение «естественный закон» у всех на языке, но *Закон имеет исполнителей как на небесах, так и на Земле.*

Я узнал здесь, что существуют Планетарные Духи, боги планет, хотя сам я не удостоился чести сознательного общения ни с одним из них. Если же Планетный божественный Дух стоит так высоко, что Он вне возможности моего познания, как бы я мог осмелиться думать о приближении к Богу богов?

Сколь же парадоксален ум человека, если он стоит в страхе и трепете перед слугой, а к господину приближается без тени боязни!

Я узнал здесь, что Дух, охраняющий нашу планету, развился в бога могучей силы и ответственности в истёкших циклах существования. Того, кто имеет постоянное дело с микроскопом, эта идея не должна смущать. Бесконечно малое и бесконечно великое являют собою хвост и голову «Змия Вечности».

Кто, по-вашему, будут богами в будущих циклах существования? Не станут ли ими те, кто в настоящем цикле планетной жизни высоко поднялись над остальными смертными?

Не будут ли они самыми сильными и самыми божественными среди человеческих духов настоящего времени? Даже боги подчиняются Закону ритма, и они должны иметь свой период отдыха, и те, кто исполняют обязанности в настоящем цикле, наверно, пожелают иметь себе заместителей.

Для человека, жаждущего двигаться вперёд, двери, ведущие к высочайшим возможностям, открыты всегда.

Будете ли вы удивлены, когда узнаете, что разница между существами этого мира даже больше той, какая существует между обитателями Земли? Но это неизбежно, ибо здешний мир более свободный, чем ваш мир.

Я не исполнил бы своего долга, если бы не сообщил вам о здешних дурных существах; никто другой не скажет вам о них, а знание это необходимо для самозащиты.

Прежде всего, должен сказать вам, что существует большая симпатия между духами этого мира и духами мира Земли. Да, и те и другие — духи, и разница только в том, что одни облечены в плоть, а другие в более тонкое, хотя и не менее реальное, тело.

Знайте, что добрые духи, быть может, «духи справедливых людей, ставших совершенными», или же тех, кто стремится к совершенству, привлекаются могучей силой к тем сотоварищам-духам на Земле, идеалы которых созвучны их собственным. Магнетическое притяжение, существующее между людьми, можно назвать слабым по сравнению с тем, что возможно между воплощёнными и развоплощёнными существами. И даже само различие в материи является особой притягательной силой. Женщина не так привлекательна для мужчины, как существо во плоти привлекает пребывающего в астральном мире. Хотя между тем и другим понимания не больше, чем между мужчиной и женщиной на Земле. Но влияние чувствуется, и существа здешнего мира знают его источник лучше, чем вы, ибо они, по большей части, сохраняют воспоминание о вашем мире, тогда как вы об их мире забыли.

Никогда не бывает так сильна симпатическая связь между людьми и духами, как в моменты наивысшего человеческого волнения, будь то ненависть или любовь, или гнев или иное сильное чувство. Ибо тогда огненный элемент в человеке выражен наиболее сильно, а духов привлекает огонь.

(На этом месте писание неожиданно остановилось, влияние прекратилось и появилось снова только через несколько минут).

Вы удивляетесь, почему я ушёл? Для того, чтобы провести широкий охранный круг, который бы защитил вас и меня, ибо некоторым духам очень не хочется, чтобы вы узнали то, что я собираюсь сейчас сообщить.

Продолжаю. Когда человек взволнован, когда он испытывает восторг и вообще, когда тем или иным путём усилена его эмоциональная жизнь, духи привлекаются к нему. В этом тайна вдохновения; этим же объясняется, почему гнев растёт, питаясь собой.

Последнее обстоятельство я и хочу ввести в круг вашего сознания. Когда вы выходите из себя, вы теряете очень много — между прочим, и *контроль над собой*, и тогда вполне возможно, что другая сущность мгновенно присвоит себе контроль над вами.

Этот субъективный мир, как я его назвал, полон духами-ненавистниками. Они любят возбуждать ссоры как здесь, так и на Земле. Они забавляются злобным возбуждением в других. Они приходят в радостное содрогание, соприкасаясь с ядом злобы и ненависти; как некоторые люди упиваются морфием, так и они упиваются всякой негармонической страстью.

Понимаете, в чём опасность? Малейший зародыш гнева в вашем сердце может питаться и воспламеняться огнём их ненависти. К вам лично у них может быть полное безразличие, но чтобы удовлетворить свою злую страсть, они могут временно привязаться к вам. Человек, привыкший сердиться или отыскивать недостатки в других, бывает постоянно окружён дурными духами.

Но иногда безличный интерес к ссорам становится личным: злобный дух этого мира,

убедившись, что в соединении с тем или иным человеком он способен постоянно испытывать злобное возбуждение, может привязаться к своей жертве; вследствие такой связи его жертва будет постоянно предаваться злобным порывам. Это одно из самых ужасных несчастий, какое может выпасть на долю человека. Доведённое до предела, оно может перейти в одержимость и кончиться сумасшествием.

Тот же закон относится и к другим дурным страстям, таким как похоть или скупость. Остерегайтесь чувственных вожделений, избегайте полового влечения, в котором нет элемента сердца или духовной симпатии. В этой области бывают столь ужасные явления, что мне не хотелось бы говорить о них через вас.

Возьмём лучше случай, касающийся жадности. Я видел скрягу, считающего своё золото, и видел страшные глаза духов, наслаждавшихся его страстью. Золото имеет особое свойство, помимо своего покупного значения и всех ассоциаций, соединённых с ним. Некоторые духи так любят золото, как его любит скряга, и с той же стяжательной, иссушающей страстью.

Я не хочу этим сказать, чтобы вы остерегались золота. Приобретайте его, потому что оно полезно; но никогда не относитесь к нему с жадностью. Жадные духи не привлекаются только потому, что человек владеет символами богатства — домами и землями, промыслами или капиталами, или даже небольшим запасом золотых монет; не следует только собирать монеты для удовлетворения жадных страстей.

Существуют некоторые драгоценные камни, привлекающие к себе различных духов. Но вы выбираете носимые вами драгоценности, вероятнее всего, по чувству сродства с ними, и это вполне правильно. А теперь, когда я предупредил вас относительно страстей и исполненных страсти духов, которых вы должны остерегаться, я перейду к иным чувствам и к другим духовным соучастникам человеческой жизни.

Вы, вероятно, встречали людей, как бы излучающих солнечный свет, одно присутствие которых в комнате делало вас счастливой. Спрашивали ли вы себя, почему это происходит? Истинный ответ заключается в том, что их светлое настроение привлекает к ним «облако свидетелей», представителей радости и красоты жизни.

Я сам нередко грелся в тёплых лучах одного любящего сердца, которое я знал на Земле. Я слышал, как духи, толпившиеся вокруг этого человека, говорили: «Хорошо быть здесь». Из этого вы можете заключить, как трудно злу коснуться его. Множество любящих и сочувствующих духов постарались бы предупредить его, если бы какое-либо зло угрожало ему.

Точно так же можно утверждать, что радостное сердце привлекает радостные события; а также и простота, и кроткое смирение очень привлекательны для кротких развоплощённых душ: «Если не будете, как малые дети, не вступите в Царство Небесное».

Не приходилось ли вам видеть ребёнка, играющего с невидимыми товарищами? Вы назовёте их игрой его воображения. Может быть, и так, а может быть, и нет. Воображать — значит *творить* или же *привлекать* к себе уже сотворённые вещи^[13].

Я видел даже такое явление, как Прекрасное Существо, парившее в восхищении над обитателями Земли, которые испытывали истинное счастье.

Радостная песнь, которая вырывается из переполненного сердца, может привлечь сонм невидимых свидетелей, которые будут разделять радость поющего; ибо, как я вам уже говорил, звуки переносятся из вашего мира в наш мир.

Никогда не плачьте — если только это не для восстановления потерянного равновесия. Хотя плачущие духи, скорее, безвредны, потому что они слабы. Случается, что внезапный поток слёз очищает атмосферу души, но если слёзы бывают длительны, окружающее пространство заполняется плачущими духами. Можно было бы почти услышать звук роняемых ими через покров эфира слёз, если бы земные рыдания не производили столько шума.

«Смейтесь, и мир будет смеяться с вами», — это изречение достаточно верно, но верно также и то, что вы плачете не одни.

Есть одна неясная сторона, которую бы мне хотелось уяснить, даже рискуя навлечь на себя обвинение в «мистицизме» со стороны тех, для кого мистицизм означает темноту.

Я сказал, что земная человеческая жизнь одновременно и субъективна и объективна, но что объективная сторона преобладает; и что жизнь «духов», пребывающих в более тонкой среде, также и субъективна и объективна, но что в ней преобладает субъективность.

И в то же время я говорил о посещении Неба как места пребывания. Это требует пояснения. Вы помните изречение: «Царство Небесное внутри вас», а также: «Где двое или трое соберутся во имя Моё — там и Я буду среди них»?

Те места в невидимых мирах, которые я назвал христианскими небесами, и представляют собой те обители, где двое или трое, а может быть две или три тысячи — смотря по обстоятельствам — собираются во Имя Его, чтобы наслаждаться *царством небесным внутри себя*.

Собрание душ — объективно, это значит, что души существуют во времени и пространстве; небеса же, которыми они наслаждаются, — субъективны, хотя все собравшиеся души могут видеть одновременно одно и то же, например, Того, Кого они обожают как Спасителя. Яснее этого я сказать не могу.

Я уже говорил вам о том, кого я назвал Прекрасным Существом; Его местожительство — вся вселенная, Его избранные товарищи — всё человечество и все ангельские чины, игры Его — года и столетия.

Не знаю, по какой причине, но Прекрасное Существо было очень милостиво ко мне и к моим усилиям приобрести знание и показало мне многое, чего бы я иначе не увидел.

Когда руководителем путешествий по планете является ангел, путник оказывается в особенно благоприятных условиях. Рекомендательные письма к великим мира сего — ничто по сравнению с такой рекомендацией, ибо с Его помощью я смотрю в души всех существ, а мои посещения человеческих домов не ограничиваются гостиницей. Прекрасное Существо имеет доступ всюду.

Приходило ли когда-нибудь в голову вам, проснувшись после прекрасного сновидения, что ангел, может быть, поцеловал вас во время сна? Я видел такие вещи.

О, не бойтесь давать свободу вашему воображению! Самые необыкновенные вещи в то же время и самые истинные; банальные вещи почти все лживы. Когда большая мысль возносит вас на своих крыльях, не старайтесь удерживаться на твёрдой земле. Отпускайте себя. Кто отдаётся высокому вдохновению и имеет смелость верить в своё видение, тот сам может увидеть Прекрасное Существо лицом к лицу, как видел Его я. Когда несёшься в пространстве, зрение становится острым. И если сумеешь подняться достаточно быстро, можешь увидеть непостижимое.

Недавно я размышлял над семенем цветка, ибо нет ничего столь малого, что не вмещало бы в себе целый мир. Я погрузился в думы над семечком и забавлялся тем, что следил за его историей, поколение за поколением, до самого источника на заре времён. Забавное выражение «на заре времён», ведь время имело столько рассветов и столько закатов, не проявляя никакого признака утомления.

Я прослеживал генеалогию семечка до того времени, когда пещерный человек забывал о своих вечных поединках, чтобы насладиться ароматом пра-прародителя цветка; в этот момент мне послышался тихий музыкальный смех с левой стороны, и нечто лёгкое и воздушное, как крыло бабочки, коснулось моей левой щеки.

Я обернулся, чтобы посмотреть, но в это время быстро, как порхание ветерка, раздался тот же музыкальный смех с другой стороны, и другое нежное крыло коснулось моей правой щеки. А затем, что-то вроде покровы опустилось на мои глаза, и светлый голос пропел: «Отгадай, кто!»

Я весь трепетал от восторга, участвуя в этой божественной игре, и ответил:

— Может быть, та фея, которая заставляет слепых детей Земли грезить о цветах невидимого пространства?

— Как ты узнал Меня? — смеялось Прекрасное Существо, снимая покров с моих глаз. — Я и есть та фея. Ты, наверно, подсматривал, когда Я дотрагивалась до глаз слепых младенцев. Хочешь пойти со Мной и посмотреть, как Я это делаю?

И мы понеслись на самый необычайный вечерний обход, какой только можно себе представить.

Мы начали с дома одного из моих друзей; вся его семья собралась в столовой за ужином.

Никто не видел нас, кроме кошки, которая начала громко мурлыкать и выгибаться. Весьма вероятно, что, будь я один, она бы испугалась меня; но разве может кого-нибудь — даже кошку — испугать Прекрасное Существо?

Внезапно один из детей поднял голову и спросил:

— Отчего это молоко сегодня такое вкусное?

Другой малыш положил головку на стол и закрыл глаза. Мать хотела растолкать его, но Прекрасное Существо набросило покров на её глаза, и она не тронулась с места.

Я наблюдал, как перед внутренним взором заснувшего ребёнка Прекрасное Существо развернуло волшебную сказку. Но вскоре ребёнок вздрогнул и широко раскрыл глаза.

— Я видел, — сказал малыш (и назвал моё имя). — Он стоял вон там и улыбался, а с ним был Ангел.

— Уйдём, — шепнуло Прекрасное Существо, — от спящих детей ничто не может быть скрыто.

Мы понеслись по берегу реки, которая разделяет большой город на две части. Из открытого окна одного из домов, у самой реки, слышались звуки гитары, и нежный женский голос пел:

Когда другие уста и другие сердца
Поведают тебе свою повесть любви...
Тогда ты вспомнишь меня —
Ты вспомнишь меня.

Прекрасное Существо дотронулось до меня и шепнуло:

— Когда жизнь бывает так нежна для этих смертных, она становится волшебной книгой для Меня.

— И всё же Ты Сама никогда не испытывала человеческой жизни?

— Наоборот, Я испытываю её ежедневно, но Я только прикасаюсь к ней и спешу дальше. Если бы Я приобщилась к ней, может быть, Я не смогла бы оторваться и нестись дальше.

Слушая эти слова, я невольно воскликнул:

— Боюсь, что Ты из всего делаешь божественную игру!

— Тише, — засмеялось Прекрасное Существо, — тот, кто боится чего бы то ни было, потеряет Меня в тумане своих страхов.

При этом Она была так невыразимо прекрасна, что я воскликнул:

— Но кто же Ты? *Что* Ты такое?

— Не сказал ли ты сам, что Я — та фея, которая заставляет слепых детей Земли грезить о покрытых цветами пространствах?

— Я люблю Тебя непонятной любовью, — ответил я.

— Каждая любовь непонятна. Но давай поднимемся на вершины виденья. Когда ты совсем устанешь, схватись за Мой развевающийся покров, Я подожду, пока ты отдохнешь.

Странные вещи видели мы в эту ночь. Мы стояли над кратером действующего вулкана и смотрели, как танцуют духи огня. Вы думаете, что саламандры видимы только для невоздержанных поэтов? Они так же реальны для себя самих и для тех, кто их видит — как... как полисмены на перекрёстках лондонских улиц.

Реальное и Нереальное! Прекрасное Существо изменило все мои идеи относительно всей вселенной. Желал бы я знать, буду ли я, вернувшись на землю, помнить все виденные мною чудеса? Возможно, что если мне удастся вспомнить хотя бы немного, я буду поэтом в моей следующей жизни.

Какое это чудное приключение — спускание своей ладьи на вздымающееся море

возрождения!

Но вы можете подумать, если моё настроение отражается в вас, что я впал во второе детство? Так оно и есть — это моё второе детство в так называемой невидимой области.

Когда, во время странствования с Прекрасным Существом, мои глаза утомились от всей красоты, которую я видел, мой очаровательный товарищ показал мне такие сцены Земли, которые, будь я в одиночестве, вызвали бы во мне большую грусть. Но нельзя быть грустным, когда рядом с вами Прекрасное Существо. В этом Его очарование: быть в Его присутствии — значит вкушать радости бессмертной жизни.

Мы смотрели вместе на ночной разгул в том месте, которое вы на Земле называете вертепом порока. Был ли я возмущён? Нисколько. Я наблюдал за утехами этих крошечных человеческих существ, как учёный наблюдает за движением бактерий в капле воды. Мне казалось, что я смотрю на всё это с точки зрения звёзд. Я не решился сказать: с точки зрения Бога, для которого большое и малое — одно и то же; сравнение со звёздами вернее, ибо как можем мы судить о том, как видит Бог, если только не подразумеваем под этим Бога внутри нас самих?

Вы, читающие эти строки, когда вы перейдёте сюда, то будете многому удивляться. Малые вещи покажутся вам большими, а большие малыми, и всё размещается на своём месте в картине бесконечного плана, в котором и ваши затруднения, и все ваши мучения окажутся подробностями, неизбежными и прекрасными. Эта мысль возникла во мне, когда я странствовал от неба к земле, от красоты к безобразию, с моим лучезарным товарищем.

Если бы я только мог найти слова, чтобы передать вам влияние Прекрасного Существа! Оно не похоже ни на что иное во всей вселенной. Оно обманчиво, как лунный свет, и более нежно, чем нежность матери. Оно прекраснее самого прекрасного цветка и в то же время может смотреть с улыбкой на безобразие. Оно чище, чем дыхание океана, и в то же время не испытывает никакого ужаса перед нечистотой. Оно безыскусно, как малое дитя, и в то же время мудрее древних богов; настоящее чудо противоречий, причудливый странник небес, любимец невидимых миров.

Однажды я встретил человека в театральном костюме, который объявил мне, что он Шекспир. Теперь я уже привык к таким заявлениям, и они не удивляют меня, как удивляли семь-восемь месяцев тому назад (да, я всё ещё веду счёт вашим месяцам, имея для того особую причину). Я спросил этого человека, какие доказательства может он привести в подтверждение сказанного? На это он мне ответил, что его утверждение не требует никаких доказательств. «Этот номер со мной не пройдёт, — сказал я, — ведь я старый правовед!»

На это он засмеялся и спросил: «Но почему бы вам не присоединиться к игре?»

Я рассказываю вам эту довольно бессмысленную историю, потому что она иллюстрирует интересную сторону здешней жизни.

Несколько ранее одна вновь перешедшая сюда леди, увидев меня одетым в римскую тогу, подумала, что я Цезарь. Я сказал ей тогда, что все мы здесь актёры, подразумевая, что мы, подобно детям, «переодеваемся», когда хотим подействовать на своё собственное воображение или когда хотим оживить какую-нибудь сцену из прошлого. Такое разыгрывание роли обыкновенно бывает вполне невинным, хотя иногда сама лёгкость, с которой это делается, приносит с собой соблазн к обману, особенно, когда дело касается земных людей. Вы догадываетесь, о чём я хочу сказать. Лгущие духи, на которых так часто жалуются посетители спиритических сеансов, зачастую принадлежат к этим астральным актерам, которые нередко гордятся тонкостью своей игры.

А потому не будьте слишком уверены, что дух, выдающий себя за вашего покойного дедушку, и в самом деле есть эта уважаемая особа. Он может оказаться просто актёром, играющим роль для своего и вашего удовольствия.

«Как же различить такую игру?» — спросите вы. На это трудно ответить. Я бы сказал, что самое верное доказательство — в собственном глубоком и *неэмоциональном* убеждении, что перед вами находится подлинный дух. Есть какой-то инстинкт в человеческом сердце, который никогда не обманет нас, если мы без страха и предубеждения будем поддаваться его решению. Как часто в мирских делах мы действовали вопреки этому внутреннему указателю и оказывались на неверной дороге!

Если у вас будет инстинктивное чувство, что этот невидимый и даже видимый дух не то, за что он себя выдаёт, лучше прекратить всякое общение с ним. Если он подлинный и имеет нечто существенное сказать вам, он неизбежно снова придёт к вам; ибо так называемые мёртвые нередко чувствуют потребность войти в общение с живыми.

Но разыгрывание роли в здешнем мире, как правило, носит невинный характер и не имеет в виду обмана. Это потребность большинства людей быть время от времени не тем, что они есть. Бедный человек, который, одевшись в своё лучшее платье, в один вечер проматывает своё недельное жалованье, разыгрывая богача, действует под тем же импульсом, который заставлял героя моей истории уверять, что он Шекспир. И женщина, одевающаяся не по средствам, играет в ту же самую игру с собой и с обществом.

Всем детям знакома эта игра. Ребёнок скажет вам со всей убеждённостью, что он Наполеон Бонапарт или Джордж Вашингтон и очень обидится, если вы поднимете его на смех.

Вполне вероятно, что мой приятель с шекспировским стремлением был актёром-любителем на Земле. Если бы он был профессиональным артистом, то, наверное, назвал бы своё имя, более или менее известное, пояснив при этом, что он был всем известной знаменитостью.

Здесь очень часто гордятся своими земными талантами, особенно те, кто недавно перешли

сюда. Со временем это проходит, и интересы становятся более общими.

Люди не перестают быть людьми только потому, что они перешли границу видимого для вас мира. В действительности, особенности их характеров становятся ещё более заметными, потому что здесь гораздо меньше запретов. Здесь не налагается никаких наказаний за принятие на себя чужого имени. Здесь такие вещи всерьёз не воспринимаются, ибо для более острого зрения этого мира надетые личины слишком прозрачны.

Много верного, но в то же время много и вздора говорится об Адептах и Учителях, которые живут и работают на невидимых планетах. В настоящее время и я живу на так называемом астральном плане, и то, что я скажу вам о нём, есть результат опыта, а не теории.

Да, я встречал здесь Адептов — и Учителей. Один из них научил меня многому и руководил моими первыми шагами в этом мире.

Не бойтесь верить в Учителей. Учителя — это люди, поднявшиеся до высочайшей ступени могущества; и всегда — всё равно, воплощены они или развоплощены — они работают на этом плане жизни. Учитель может приходить и снова удаляться с него по желанию.

Нет, я не собираюсь объяснять, как это делается. Слишком неосмотрительные и горячие головы, не достигшие степени Учителя, решились бы попробовать и — не вернулись бы назад. Знание — это сила; но есть такая сила, которая может быть опасной, если применяется без достаточного запаса мудрости.

Все человеческие существа носят в себе зародыши учительства. Это может послужить ободрением для людей, которые стремятся к более интенсивной жизни, чем обыкновенное существование. Но достижение степени Учителя осуществляется постепенным и обычно очень медленным ростом.

Мой здешний руководитель имеет степень Учителя.

Здесь есть руководители, которые не достигли этой ступени, так же как есть преподаватели на Земле, не достигшие звания профессора; но тот, кто имеет желание учить тому, что знает сам, находится на верной дороге.

Я не стану скрывать, что мой Учитель одобряет моё стремление ознакомить мир со здешней жизнью, которая непосредственно следует за тем, что вы называете смертью. Если бы он не одобрил, я преклонился бы перед Его высшей мудростью.

Нет, дело не в Его имени. Я буду продолжать называть Его моим Учителем, когда буду время от времени приходить к вам. Через какое-то время я, вероятно, совсем перестану появляться. Не потому, что утрачу интерес к вам, но потому, что должен буду удалиться далеко от вашего мира, чтобы узнать вещи, понимание которых требует ослабления связей с Землёй. Позднее я, может быть, снова вернусь; но обещания не даю. Я приду, если смогу, если это окажется мудрым, и если вы не будете препятствовать моему появлению.

Не думаю, чтобы я мог сообщаться через кого-нибудь другого и писать письма, подобные этим. Мне пришлось бы провести другую личность через тот же процесс, через который прошли вы, и я знаю, что немногие, даже из тех, кто был моими друзьями, способны довериться мне в такой же степени, как вы. И потому, после моего удаления, не закрывайте двери слишком плотно на тот случай, если я решу снова прийти, ибо возможно, что я сообщу вам нечто чрезвычайно важное. Но с другой стороны, прошу вас, сами не зовите меня: ваш зов может отвлечь меня от важной задачи. Я не могу с полной уверенностью сказать, что вы окажетесь в силах это сделать, но это возможно и было бы нежелательно для меня.

Оставшийся на Земле может с такой сосредоточенной силой призывать друга, перешедшего далеко за земную атмосферу, что этой душе придётся вернуться слишком рано, отвечая на горячий призыв.

Не забывайте мёртвых, пока они не приобретут достаточно силы, чтобы чувствовать себя счастливыми без вашей памяти о них, но не наседайте слишком сильно на них.

Учителя, о которых я только что говорил, могут пребывать и близко и далеко, как Им

захочется; и Они могут отвечать и не отвечать, но обыкновенная душа очень чувствительна к призыву тех, кого она любила на Земле.

Мне пришлось видеть мать, усиленно отвечающую на слёзы и мольбы своего ребёнка, но ей не удалось дать ему почувствовать своё присутствие. Такие неудачи бывают причиной большой грусти для некоторых матерей.

Однажды мне довелось увидеть, как мой Учитель помог одной матери войти в контакт с осиротевшей дочерью, пребывавшей в неутешном горе. Сердце моего Учителя отзывается с необычайной нежностью на страдания мира; и в то же время Он с необыкновенной силой объясняет величайшие проблемы мысли. Он являет собой олицетворение Гермеса Трисмегиста, Трижды Великого — великого телом, великого умом, великого сердцем.

Он очень любит детей, и однажды, когда я невидимо был в доме одного из моих земных друзей, и его маленький сын, упав, расшибся и начал горько плакать, мой Великий Учитель, которого я видел буквально повелевающим «легионом ангелов», наклонился в своей астральной форме над ребёнком и начал утешать и ласкать его.

Меня это очень поразило, и я сказал Ему о своём удивлении. Он ответил на это, что помнит своё собственное детство в различных странах и что в Его памяти до сих пор сохранилось ощущение физической боли и потрясение от физического падения. Он прибавил, что страдания детей гораздо глубже, чем думают взрослые, и что смятение, которое вызывается приспособлением к новому, нежному и растущему телу, часто вызывает сильное страдание. Так, постоянный крик некоторых младенцев вызывается их бессилием перед геркулесовой задачей сформировать то тело, через которое будет проявляться их дух.

Он рассказал мне историю одного из своих прежних воплощений, когда Он ещё не был Учителем, и о том, какого тяжёлого труда ему стоило построить для себя тело. Он мог припомнить малейшие подробности той далёкой-далёкой жизни. Однажды мать наказала его за что-то, чего он не делал, и когда он стал отрицать свою вину, она бранила его за ложь, не понимая, несмотря на всю свою доброту, что правда была в самой основе той души, которой она дала внешнюю форму. Он прибавил, что именно после этого детского страдания, столетия назад, началась его сознательная борьба против несправедливости, которая сделала из него Друга и Наставника человечества.

Он придаёт большое значение восстановлению памяти прошлого, потому что эти воспоминания раскрывают перед нами все пути, по которым шло развитие нашей души.

Как правило, Учителя не говорят о своём прошлом и ссылаются на него только тогда, когда Их личный опыт помогает понять тот или другой закон, который Они хотят разъяснить. Идущего ощупью чрезвычайно ободряет мысль о том, что достигнувший больших высот должен был проходить через те же испытания, которые в настоящее время так мучают его.

Невидимые рождественские дары

Ещё не поздно пожелать вам весёлых рождественских праздников!

Как я узнал, что у вас Рождество? Я заглянул в знакомые мне дома и увидел там деревья, увешанные блестящими украшениями и дарами. Вас удивляет, что я мог видеть их? Но вы забываете, что мы освещаем своё место, а когда мы знаем, как нужно смотреть, то начинаем видеть позади покрыва.

Я не могу прислать вам материальный подарок, который вы могли бы повесить на своё рождественское деревце, но я могу послать вам доброе пожелание к празднику.

Матери, покинувшие маленьких детей, хорошо знают, когда на Земле приближается Рождество. Иногда они приносят невидимые дары, сделанные из тонкой субстанции этого мира силой воображения и любви. Я видел одну бабушку, которая в течение всего сочельника разбрасывала цветы вокруг любимых внучат. Благоухание этих цветов должно было проникнуть и в атмосферу Земли.

Не приходилось ли вам когда-нибудь внезапно чувствовать нежный аромат, который исходил непонятно откуда? Если да, то возможно, что кто-нибудь, любя, осыпал вас невидимыми цветами. Любовь сильнее смерти.

Обычай праздновать Рождество очень хорош, если вы не забываете истинного значения этого праздника. Для одних он означает рождение духа смирения и любви; и хотя любовь и смирение были в мире и прежде появления Иисуса из Назарета, но никогда — ни раньше, ни позднее — не приходили они с такой могучей силой. Были ли Вифлеемские ясли физической реальностью или только символом, — не имеет значения.

Странник, такой как я, желающий перенестись в определённое небо, должен, прежде всего, почувствовать то же, что чувствуют души, наслаждающиеся этим небом, и тогда только может он вступить в общение с ними. Он никогда не может оставаться только простым зрителем. Вот почему лично я избегаю того, что называют адом, но Небеса я посещаю часто. Посещал я и христианские небеса и знаю их красоту. «В доме Отца Моего обителей много». Это верно.

Был я также и в чистилище римских католиков. Не относитесь высокомерно к тем, кто заказывает мессы для упокоения души усопшего. Бывает, что его душа сознаёт такую заботу о нём. Она может даже слышать музыку и пение, а иногда её может достигать и фимиам, но самое главное — души усопших чувствуют силу мысли, направленную к ним. Чистилище реально в смысле реального переживания. Если вы хотите называть его сном, называйте, но сновидения бывают иногда страшно реальны.

Даже и те из перешедших сюда, кто не верит в чистилище, испытывают временно большую грусть, пока не приспособятся к новым условиям здешней жизни. Но если бы кто-нибудь сказал им, что они были в чистилище, они бы отнеслись к этому заявлению отрицательно, и тем не менее признались бы; что состояние их было мучительным. Самый верный путь для того, чтобы миновать этот тяжёлый переходный период, — переходить в мир иной с полной верой в бессмертие, с полной верой в силу души творить условия своего существования. .

Недавно моё сердце переполнилось любовью ко всем людям, и душа моя была полна идеей Христа. Вероятно, благодаря этому, я легко поднялся в самые высокие из христианских небес; и я увидел Того, Кого называют Спасителем, во всей Его красоте. Он тоже спускается по временам в ваш мир.

Не знаю, смогу ли я вам объяснить это? Любовь Христа всегда присутствует в мире, ибо всегда существуют сердца, которые поддерживают её свет. Если бы мысль о Христе-искупителе

поблекла в земном мире, он, по всей вероятности, возвратился бы на землю, чтобы снова зажечь пламя в человеческих сердцах; и что бы ни думали позитивно настроенные умы, никогда эта идея не была более реальна, чем теперь.

Мир вовсе не в таком уж плохом состоянии, как думают некоторые. Не удивляйтесь, если скоро настанет настоящее возрождение духовности. Всё на свете подчиняется Закону ритма.

Ангелы Христианских небес знают, когда празднуется Рождество на Земле. Иисус из Назарета есть реальность. Как духовное тело Он существует во времени и пространстве; как Христос, как прообраз духовного человека Он существует в сердцах всех людей, в которых пробуждена эта идея. Он — то же, что свет, отражённый во множестве водяных капель. Он — образец величайшего Учителя. Он усвоил Закон и провёл его через Свою жизнь. И когда Он сказал: «Отец и Я — Мы одно», этим Он указал всем людям, как осуществить в себе высокую ступень Учителя. И если кто-либо спросит, какова цель земной жизни, скажите им, что цель эта — эволюция человека в Учителя. Вечность длительна. Цель светит для каждого, у кого есть сила, а кто не в силах вести, тот может служить.

Я не решаюсь сказать, что каждый из нас достаточно силён, чтобы достигнуть учительства, но никто из нас не может быть настолько слабым, чтобы не иметь хотя бы небольшого участия в великой задаче развития Учителей из человечества. Великое счастье — служить. И те, кто служит, получают свою награду.

Большая ошибка, совершаемая всеми, оспаривающими проблему эволюции, состоит в непонимании факта вечности как вечности, в непонимании того, что быть бессмертным — значит не иметь ни начала, ни конца. Времени достаточно для развития если не в одном цикле жизни, то в другом, который последует за ним, ибо ритм не прекращается.

Пока я был на Земле, я не понимал идеи бессмертия; и только здесь, когда я начал собирать нити моего собственного прошлого, я осознал её. Более всего помогло мне в этом то Явление, которое я знаю как Прекрасное Существо; Оно научило меня упиваться торжеством бессмертия — Оно, Которое играет с бесконечностью, как дитя играет с шариками.

Когда Прекрасное Существо говорит: «Я есмь», вы чувствуете также, что и вы есть. Когда Прекрасное Существо говорит: «Я срываю столетия, как дитя обрывает лепестки маргаритки и отбрасываю плодоносное сердце, чтобы вырастали цветы, приносящие новые столетия», вы испытываете... Но нет таких слов, которые могли бы выразить восторг бессмертия, который ощущаешь под влиянием радости Прекрасного Существа.

Вы совсем забываете, что считали себя существом из плоти, когда этот светлый гений сознательного бессмертия ликует в упоении своим собственным бытием. Когда Прекрасное Существо берёт вас с собой на прогулку по «небесным лугам», вы чувствуете себя одним из сонаследников вселенских владений.

Прекрасное Существо было со мной в тот раз, когда я достиг высочайших христианских небес. Если бы я мог выразить то, что я там испытал, возможно, вы начали бы спешить сюда, а вы должны оставаться на Земле ещё долгое время, вы должны познать реальность бессмертия, оставаясь во плоти, и должны передать другим это знание.

Я говорил вам о тех небесах, в которых пребывают обыкновенные добрые люди; но те, кто любит Бога с глубокой страстью, достигают таких высот созерцания и экстаза, каких человеческая речь не в состоянии описать. Рядом с Прекрасным Существом я испытал эти экстазы прошлой ночью, когда вы были погружены в сон.

Где буду я в следующий Рождественский сочельник? Где-нибудь во вселенной; ибо мы не можем покинуть её, если бы даже захотели. Вселенная не может обойтись без нас, она была бы неполна. Возьмите эту мысль с собой в наступающий Новый Год.

Я давно не был у вас потому, что был занят опытом.

С тех пор, как я перешёл сюда, я так часто видел мужчин и женщин, находящихся в состоянии субъективной радости блаженных сновидений, если можно употребить такое слово, что решил, в свою очередь, провести несколько дней, погрузившись в свой собственный внутренний мир, чтобы испытать то же самое, что испытывают они. Я долго колебался, потому что не хотел засыпать на долгий срок и терять время, ценное и для меня и для вас.

Но когда я однажды выразил перед Учителем моё желание посетить высшую страну грёз, заключённую в моём собственном сознании, и высказал опасение, что я могу надолго заснуть, он обещал найти меня и пробудить ровно через семь дней по земному исчислению, если я сам не проснусь ранее этого срока. «Ибо, — сказал Он, — ты можешь установить в своём сознании «будильник», на который вполне можно положиться».

Этот факт был мне известен по прежним опытам, но я боялся, что психический сон глубже обычного земного сна и что мой «будильник» не начнёт действовать в назначенное время.

Во время земной жизни я часто слышал рассуждения о том, что духи, вступающие в общение со своими друзьями, почти ничего не говорят о своей потусторонней жизни. Очень возможно, что причиной служит неуверенность в том, что их поймут, если бы они вздумали описать своё новое существование, до того оно разнится с жизнью на земле.

Кроме того, большинство пребывающих здесь душ впадает в состояние грёз или сновидений, которые и я решил испытать на себе. Некоторые души время от времени просыпаются, и тогда они могут проявить интерес к явлениям и людям на Земле; но если сон очень глубок и душа желает покинуть всё земное, тогда это подсознательное состояние может длиться непрерывно в течение многих лет и даже столетий. Но душа, которая в состоянии спать в течение столетий, принадлежит, вероятно, к тем душам, жизненный ритм которых очень медленен.

Итак, перед тем, как погрузиться в глубокий сон, я наложил на себя зарок оставаться недолго в этом состоянии.

Да, эта страна грёз внутри меня самого была поистине полна чудес! На языке теософов это, наверное, и означает их отдых в блаженстве Дэвачана. Но как ни назови это переживание, оно стоит того, чтобы быть незабвенным.

Я закрыл глаза и погрузился глубже, чем мысль — туда, где беспокойные волны жизни затихают и душа становится лицом к лицу с собой и со всеми чудесами прошлого. В этом состоянии всё очаровательно. И если при этом душа способна запомнить свои сновидения, как это было со мной, в таком случае состояние грезящего не сравнимо ни с чем.

Погружаясь, я решил наслаждаться, и я действительно наслаждался. Я нашёл там призраки всех, кого любил в земной жизни. Они улыбались мне, и я понял тайну каждого из них, и что именно притягивало нас друг к другу.

Я нашёл там и все мои старые честолюбивые мечты, и я наслаждался плодами всех моих трудов на Земле. Прекрасный мир — этот внутренний мир души, розовый, как весенняя заря, и каждое желание сердца пребывает в нём. Неудивительно, что напряжённая земная жизнь бывает так часто тяжёлой и утомительной: эта жизнь грёз, следующая за ней, так прекрасна, что равновесие должно быть соблюдено.

Отдых! Покой! На Земле вы не знаете значения этого слова. Я отдыхал только семь дней, но до такой степени восстановились мои силы, так освежились они, что не будь у меня иных

намерений, я мог бы, кажется, снова вернуться на Землю.

Не пренебрегайте отдыхом, вы, кто продолжает вести трудовую жизнь под лучами земного солнца. Ибо каждый лишний час полного покоя увеличивает вашу трудоспособность. Не бойтесь. Вы не расточаете время, когда тихо лежите и мечтаете. Как я уже говорил, вечность длинна. Существует достаточно придорожных убежищ для отдыха на пути следования циклов времени.

Если вам хочется долгого-долгого небесного отдыха — что ж, пользуйтесь им. Наслаждайтесь им даже на Земле, если это привлекает вас. Не будьте всегда в напряжении, даже и в вашем литературном труде. Идите на простор и затейте игру с белками или растянитесь у горящего камина и мечтайте вместе с вашей домашней кошкой. Кошка, наслаждающаяся дремотой у тлеющего очага, наслаждается точно так же и ловлей мышей, смотря по настроению. Она не может вечно охотиться, так же и вы.

Попробуйте когда-нибудь погрузиться в Дэвачан, и вы почувствуете, до какой степени это освежит вас. Может быть, я неверно употребляю слово «Дэвачан», вы знаете, что я никогда не был силён в теософических учениях. Так, я слышал, что Нирвана определяется как состояние в высшей степени напряжённого движения, до того быстрого, что оно кажется неподвижным, подобно пущенному волчку или крыльям летящего колибри. Но Нирвана — не для всех людей, по крайней мере, не для всех современных людей.

Я упомянул о чудесах моего блаженного семидневного отдыха, но я не могу описать их. Разве это возможно? Один великий поэт как-то сказал, что нет мысли и нет чувства, которые не могло бы быть выражено словами. Может быть, он потерял свою уверенность теперь, когда провёл около 60 земных лет в этой Стране Чудес.

Когда я решил насладиться отдыхом, то приказал своей душе сохранить все мои сновидения. Конечно, я не могу сказать, не ускользнуло ли какое-нибудь из них, как и вы, просыпаясь, не можете сказать, все ли ночные переживания сохранились в вашей памяти. Но когда я вернулся в нормальную жизнь этого мира, которую вы называете астральной, я чувствовал себя, как путешественник, возвратившийся из дальнего странствования с запасом чудесных приключений, о которых ему не терпится рассказать. Но только я никому не рассказывал о них. Да и кто бы стал слушать это? Я не хочу надоедать никому, даже моим «развоплощённым» сожителям. Будь тут Лайонел, я позабавил бы его моими рассказами; но он для меня на время потерян.

Кстати, у него почти не было дэвачанического отдыха. Оттого ли, что, перейдя сюда так рано, он не успел исчерпать нормальный ритм? Возможно. Если бы он остался здесь до полной зрелости, он бы также устремился к более глубокому внутреннему миру. Но я не хочу рассуждать — это летопись переживаний, рассуждения я предоставляю вам.

Я нашёл в моём мире грёз прекрасное, невыразимо прекрасное лицо. Я не скажу вам — чьё; пусть это останется моей тайной. Несомненно, я видел много лиц, но одно было всех прекрасней, и это не было лицом Прекрасного Существа. Прекрасное Существо я вижу только тогда, когда обладаю вполне ясным сознанием, когда я бодрствую. Я никогда не видел Его во сне, лишь Его призрак проносился передо мной в сновидениях. В стране грёз, о которой идёт речь, мы видим лишь то, что существует в нашем собственном сознании. Там нет вещей — только воспоминания о вещах, только их изображения.

Воображение творит в этом мире, как творит оно и в вашем: оно настоящим образом формует из тончайшей субстанции; но я не думаю, чтобы мы в этой области, которую я назвал «высшей областью грёз», формовали из субстанции. Это — мир световых и теневых картин, слишком тонких, слишком неуловимых, чтобы можно было описать эту волшебную игру света и тени. Словами этого не передашь. Разве вы можете описать аромат цветка? Разве вы расскажете,

как ощущается поцелуй? И даже если бы вы вздумали пересказать любую испытанную эмоцию, например, страх — разве человек, никогда не испытывавший страха, мог бы понять вас? Так же и я не могу описать, как можно грезить в этом духовном мире грёз. Одно скажу: как бы вы ни наслаждались, каким бы восторгом ни упивалось ваше сердце, пока вы всё ещё в теле, вы будете иметь лишь тень от тени того, что я испытал за эти семь дней, отражение отражения той реальной мечты, которую я пережил в этой волшебной стране грёз. Отражение отражения! Мне нравится это выражение. Оно даёт верную картину, хотя и не передаёт непосредственного впечатления. Попробуйте же грезить, и хотя вы ещё на Земле, возможно, вы уловите отражение от отражения невыразимых словами радостей духовного мира грёз.

Хотите ли вы услышать другую песнь, или гимн, — называйте как хотите — того удивительного Ангела, которого мы знаем как Прекрасное Существо?

«Почему ты боишься спрашивать Меня? Я — великий разрешитель вопросов.

Хотя Мои ответы лишь символы, но ведь и сами слова только символы.

Я давно не навещал тебя, ибо когда Я с тобой, ты не можешь думать о другом, а тебе нужно думать о тех, кто прошёл тот самый путь, по которому идёшь и ты.

Ты можешь снять образец своих путей с других, но ты не можешь снять его с Моих путей.

Я вношу свет в темноту — Моё имя тебе знать ни к чему.

Имя есть ограничение, а Я не хочу быть ограниченным.

В давно прошедшие времена Ангелов Я отказался войти в образы Моего собственного творчества, Я соглашался лишь играть с ними. Вот намёк для тебя, если ты хочешь намёков.

Тот, кто удерживается своими собственными ожиданиями, становится рабом. Это одно из различий между Мной и человеком.

Какой земной отец захочет отделаться от своих детей? Какая земная мать пожелает того?

А Я! Я могу заставить розу расцвести — и затем оставить её, чтобы ей могли радоваться другие.

Моя радость — в творчестве. Мне было бы скучно дожидаться, пока опадут все лепестки с Моей розы.

Художник, способный забыть свои прежние создания, в состоянии творить всё более и более великие вещи.

Радость — в совершении, а не в удержании того, что уже сделано.

Сделать и выпустить из рук, да, это - магия богов.

Существуют человеческие расы, которым Я открыл Себя, они обоготворили Меня.

Но тебе не нужно обоготворять Меня, ибо Я не требую обоготворения.

Разве не значило бы ограничивать Себя собственными созданиями, если бы Я ожидал чего-либо от душ, к которым прикоснулась Моя красота?

Если бы ты знал магию этой свободы! Свободы творить и оставлять сотворённое!

Ты думаешь о магии удержания?

Да, есть магия и в удержании, пока удерживаемая вещь не доведена до совершенства.

Но когда она закончена, — будет ли это поэма, или любовь, или дитя, — оставь её.

И тогда ты будешь снова свободен и можешь начать новое творчество. В этом — тайна вечной юности.

Никогда не гляди назад с сожалением; оглядывайся только для того, чтобы узнать, что позади тебя.

Смотри всегда вперёд; лишь когда человек перестаёт смотреть вперёд, он становится старым. Он застывает на одном месте.

Я живу в каждом данном миге, это и значит жить в вечности.

Настоящее и будущее — товарищи Моих игр; мы не можем играть, когда углубляемся в прошлое.

Я же могу быть великим товарищем лишь в поисках радости-красоты».

За то, что я столько раз приходил к вам и рассказывал истории для вашего развлечения, могу я на этот раз произнести проповедь? Обещаю, что она будет короткой.

Вы живёте в стране, где острия церковных колоколен пронизывают голубой воздух, и, если смотреть на них с той стороны облачного покрова, острия эти похожи на поднятые пики нападающей армии — чем они в действительности и являются, когда одолевают вас неистоцимыми проповедями. Заурядная проповедь состоит почти всегда из советов, и моя проповедь не будет в этом отношении оригинальнее других. Я хочу дать вам совет, вам и всем тем, кто с вашей помощью выслушает меня.

Вы должны признать, что у меня были исключительные возможности подавать советов. По-настоящему, мне следовало бы указать вам с точки зрения серьёзного и глубокомысленного — хотя бы и несовершенного — наблюдателя потусторонние следствия тех причин, которые приводятся в действие обитателями Земли. Сказано, что причины и следствия — равносильны и противоположны. Очень хорошо. Теперь я хочу обратить ваше внимание на несколько иллюстраций этой аксиомы, которые мне приходили на ум в последнее время. Если мне придётся повторить одну или две вещи, которые я уже высказывал, это неважно. Вы могли забыть их, могли не применить их к делу подготовки своей души к будущей жизни по эту сторону «пучины смерти». Я употребляю это обросшее мхом выражение «пучина смерти» потому, что пишу проповедь, а не поэму, с церковной же кафедры почти всегда изливается достаточно избитая риторика.

Проповедники напоминают вам почти каждое воскресенье, что рано или поздно вы должны умереть. Но как вы понимаете это? Проникается ли ваше сознание тем фактом, что в любую минуту, завтра или через пятьдесят лет, вы можете внезапно очутиться вне этого тела, к связующей силе которого вы так привыкли; что вы окажетесь — в одиночестве или в сообществе — в чрезвычайно тонком и лёгком теле, вначале трудноуправляемом, без определённых средств общения с теми друзьями и родными, которые находятся в той же самой комнате, вместе с вами?

Можете вы себе представить такое состояние? Если нет, то проведите эту идею через сознание, охватите её обоими полушариями вашего мозга, пригвоздите её всей остротой вашего ума. *Вы непременно умрёте.*

Ради Бога, не пугайтесь! Я не имею в виду вас или какую-нибудь определённую личность, которая должна умереть завтра или в будущем году; но умереть *когда-нибудь* вы должны; и если вы будете напоминать себе об этом почаще, вы облегчите то потрясение, которое неизбежно, когда событие это совершается.

Не носите с мыслью о смерти. Боже вас сохрани придавать такое злое значение моим простым словам! Но будьте готовы. Вы застраховываете вашу жизнь на столько-то, чтобы обеспечить свою семью, но вы ничего не делаете, чтобы застраховать свой собственный будущий покой.

Всегда помните следующее: как бы точны ни были ваши распоряжения относительно ваших земных дел, несомненно, кто-нибудь изменит ваше желание по-своему. Нужно заранее знать это и сказать себе: «Не всё ли равно?» Научитесь чувствовать, что прошлое есть *прошлое*, что только будущее полно возможностей для вас, и чем скорее вы предоставите другим возможность заняться вашими, раз и навсегда сброшенными, земными делами, тем лучше для вас. Научитесь *выпускать из рук*. Это первое, на что мне хотелось обратить ваше внимание.

Не вступайте в новую жизнь, устремив один глаз на небеса, а другой обратив к земле. Вы не уйдёте таким образом далеко вперёд. *Бросьте*. Старайтесь *немедленно* отвернуться от этого мира.

Это может звучать для иных людей как бессердечный совет, ибо, несомненно, мудрый дух, взирающий на Землю из высших областей, может путём тонкого телепатического внушения оказывать благое влияние на земную жизнь людей. Но желающих оказывать такое влияние бесчисленное множество. Небеса над вашими головами буквально кишат душами, которые жаждут приложить руку к земным делам. Душам, которые не в состоянии «бросить», для которых принимать участие в чужих делах такая же непреодолимая опять-таки не считайте меня бессердечным. Я высказываюсь напрямик, но я люблю вас, обитателей Земли. Если я и задеваю вас, то для вашего же блага.

А теперь я подхожу к другому очень важному совету. Забудьте, если можете, все грехи, которые вы совершили во плоти. Вы не можете избежать их последствий, но вы можете уклониться от укрепления вашей связи с грехом, вы можете уклониться от возвращения на Землю, будучи загипнотизирована мыслью о своей греховности.

Не носитесь с грехами. Это верно, что вы можете исчерпать влечение к греху, анализируя его до тех пор, пока ваша душа не почувствует отвращения, но это слишком медленный и неприятный процесс. Отрезать забвением — гораздо лучше.

А теперь я хочу высказать мысль очень трудную для выражения по той причине, что она совершенно нова для большинства из вас. Мысль эта следующая: сила творческого воображения выражена сильнее в людях, облечённых в земные тела, чем в людях-духах, сбросивших эти тела. Это не значит, что большинство умеет применять эту силу, нет, большинство не умеет; но мне хочется указать вам на то, что они могут пускать её в дело. Плотное тело есть как бы сопротивляющаяся основа, могучий рычаг, благодаря которому воля может проектировать всё то, что замышляется воображением. Мне думается, что в этом — истинная причина того, почему Учителя сохраняют свои физические тела. Дисциплинированный ум, облечённый в тонкую материю нашего мира, сильнее недисциплинированного ума, облечённого в физическую материю; но Учитель, остающийся во плоти, может буквально повелевать легионами ангелов.

Это — нечто вроде предисловия к той истине, что какой вы на Земле рисуете вашу будущую жизнь в потустороннем мире, такова она и будет; препятствием является лишь недостаток силы воли; если этой силы достаточно, всё созданное воображением осуществляется легко, так как тонкая материя этого плана обладает свойством принимать любую форму, которую вы хотите дать ей.

Захотите двигаться вперёд после смерти — и вы будете двигаться; *захотите* научиться — и вы научитесь; *захотите* вернуться на землю, чтобы выполнить определённую задачу, — и вы вернётесь и выполните её.

Карма — железный закон, это верно; но ведь вы творцы своей кармы.

Но главное, не ожидайте, — потому что ожидание — та же просьба: бессознательности и уничтожения. Вы не можете уничтожить ту единицу силы, которую вы собой представляете, но вы можете самовнушением усыпить её на долгое время. Уходите из жизни с твёрдой решимостью удержать своё сознание, и вы удержите его.

Когда для вас придёт время вступить в ту область отдохновения, которую Древняя Мудрость называет *Дэвачаном*, вы, несомненно, вступите в неё; но это будет позднее, не сразу после вашего ухода.

Когда вы достигнете этого состояния, вы переживёте во сне всю прежнюю земную жизнь вашу и претворите все её переживания, весь опыт её; но к этому времени вы уже вполне отделаетесь от желания принимать участие в жизни ваших земных друзей.

Пока вы ещё на Земле, никогда не вызывайте духов умерших людей. Они могут быть заняты в другом месте, а вы можете быть достаточно сильны, чтобы отвлечь их от своего дела и привлечь — против их воли — к собственным нуждам.

Не могу не поблагодарить вас, пишущую для меня, за то, что вы никогда не зовёте меня, допускаете меня, когда мне удобно, и даёте мне высказываться, не прерывая моих мыслей вопросами и комментариями.

Вы должны помнить, что когда я впервые пришёл к вам, вы даже не знали, что я уже покинул Землю. Я нашёл вас в пассивном настроении и написал через вас письмо, подписанное знаком, значение которого не было известно вам, но который — я знал это — будет немедленно признан одним из ваших ближайших друзей. Это было очень удачным начинанием, ибо оно внушило вам доверие к подлинности моих сообщений. Прибавлю только одно слово перед тем, как покинуть вас.

Если бы вы настойчиво призывали меня в течение этих дней моего отдыха, вы могли бы насильственно прервать чрезвычайно ценный и интересный опыт. И потому моё последнее заключительное слово, моё благословение после проповеди будет таким: не будьте эгоистически настойчивы даже с так называемыми мёртвыми.

Если ваша нужда велика, души, любящие вас, почувствуют это и сами придут к вам на помощь. Это часто подтверждается и на Земле, среди тех друзей, психическое восприятие которых уже развито.

Сказав вам в последнее наше свидание, что вы должны «умереть», как выражаются на Земле, я сегодня чувствую потребность уверить вас, что вы никогда и ни в каком случае не можете умереть, что вы так же бессмертны, как ангелы, так же бессмертны, как сам Бог.

Нет, это не противоречие.

Я и прежде говорил о бессмертии, это всегда было моей любимой темой, но с тех пор, как я узнал Прекрасное Существо, бессмертие сделалось для меня торжествующей явью.

Прекрасное Существо живёт в вечности, подобно тому, как мы, по нашему представлению, живём во времени. Не хотите ли записать ещё одну песнь Прекрасного Существа?

«Когда вы видите Меня в зелёных деревьях и на зелёных лужайках, знайте, что вы приблизились ко Мне.

Когда вы слышите Мой голос в безмолвии, знайте, что это Я говорю с вами.

Бессмертные любят говорить друг с другом через смертных, и для них большая радость — будить ту радость, которая дремлет в душе детей Земли.

Когда пробуждается радость, пробуждается и душа.

Вы ищете Бога в том или другом человеке, и иногда вы находите Его в нём.

Но Меня вы ищете в вашей собственной душе; и чем глубже искание, тем прекраснее видение.

Да, Я и в природе, Я и в вас самих, когда вы ищете Меня там.

Ибо природа двойственна, и одну её половину вы носите в себе.

Все вещи и едины и двойственны — даже Я, и вот почему вы можете найти Меня.

Можете ли вы понять очарование свободы, возможность по своей воле проноситься вокруг неба и Земли и через души людей!

Я — легче пушинки одуванчика и долговременнее величайшей звёзды.

Вечное — неосязаемо, и только неосязаемое — непреходяще.

Дорога, ведущая к волшебному замку мечты, не длинна; наиболее отдалённая — и та ближе, чем для вас соседняя дверь, но один лишь мечтатель находит её.

Когда работа легка — плата обеспечена; когда дни полны тяжёлого напряжения, награда откладывается на будущее.

Будьте радостны, и Я награжу вас.

Я бы начертала Своё имя на лепестках вашего сердца, но одни только ангелы могут прочитать такие письма.

Кто носит Моё неведомое имя на лепестках своего сердца, тот принимается среди ангелов, как радующий их цветок, и его благоухание достигает небес.

Знай, дитя Земли, у сердца есть пыльца, и она оплодотворяет все цветы веры твоей.

Есть вера в душе, дитя Земли, и она несёт в себе семена всех вещей.

Времена года приходят, и времена года уходят, но весеннее время пребывает всегда.

Я же могу находить в вас лишь то, что было потеряно в Весеннюю Пору...»

Я уже говорил о своём решении посетить другие планеты, когда закончу писать эти письма через вас; но я не хочу умолчать, что вижу в этих путешествиях по вселенной гораздо меньшую духовную ценность, нежели тех других странствиях, которые я совершал и буду совершать по неизведанным тайникам моего собственного «Я».

Путешествия во времени и пространстве имеют для человека большое значение: он узнаёт другие страны и другие народы, видит разницу между собой и другими и постигает причину этой разницы; и всё же спокойные размышления приводят к внутреннему росту ещё скорее. Если человеку с раскрывшейся духовностью можно будет выбирать, то для него лучше всего будет уединение в пустынном месте и поиск в своей собственной душе тех тайн, что хранятся в её глубине, чем путешествие без такой проверки хотя бы и до самых пределов земли.

Познакомьтесь с вашей собственной душой. Узнайте, почему вы поступаете так или иначе, почему вы чувствуете то или это. Посидите спокойно всякий раз, когда вы сомневаетесь, и пусть истина поднимется из ваших собственных глубин. Всегда проверяйте ваши мотивы. Не говорите: «Я должен сделать это дело по такой-то причине, по этой причине я и делаю его». Такой аргумент — самообман.

Если вы делаете что-либо хорошее, спросите себя о причине этого. Возможно, вы найдёте даже в самом добром деле скрытый эгоистический мотив. Если вы найдёте его, не отрицайте этот факт перед самим собой. Признайтесь в нём самому себе, хотя объявлять об этом во всеуслышание нет никакой необходимости. Такое сокровенное понимание увеличит ваше сочувствие и ваше понимание при обсуждении мотивов других людей.

Стремитесь всегда к идеалу, но не считайте каждую эмоцию идеальной, если она в действительности не такова. Будьте всегда честны с собой. Пока у вас не будет смелости говорить себе только правду, вы не достигнете успеха в исследовании своей собственной души.

В промежутках между земными жизнями есть время для размышления, но привычка к размышлению должна быть заложена, пока вы ещё во плоти. Привычки, приобретённые во плоти, сохраняются и после того, как мы освобождаемся от неё. Вот почему так важно сохранять себя, насколько возможно, свободным от любых физических привычек.

Я сам сделал изумительное открытие в архивах моей собственной души. Я нашёл там воспоминание о моём прошлом, столь отдалённом, что трудно даже и представить себе. Вглядываясь, каким образом причины, приведённые в действие в одной жизни, вызывали свои последствия в другой, я приобрёл более ценные знания, чем все те, которые мне может дать моё предстоящее путешествие на другие планеты.

Всё без исключения существует в душе; всякое знание находится там. Осознайте эту идею, если можете. Непогрешимая часть нас самих сокровенна, и только мы можем вывести её на свет Божий. Вот почему я советую развоплощённым людям отвернуться от развлечений и от ярких миражей земной жизни. Лишь в тишине уединения может душа выдать тайны свои.

Но это не значит, что я равнодушен к земной любви; наоборот, я люблю глубже, чем когда-либо, тех, кого я любил на Земле; но я понял, что если я могу любить их мудрой любовью вместо немудрой, — это будет лучше и для них и для меня.

И всё же земной призыв бывает иногда очень силён, и моё сердце даёт ответ по эту сторону разделяющего нас покрыва.

Мой друг, я собираюсь покинуть вас на время, может быть, даже надолго.

Мне кажется, что мои ближайшие задачи по отношению к Земле окончены. И мне хочется ещё более облегчить свой груз и подняться на волнах эфира высоко-высоко и забыть в восторге новых переживаний, что мне снова придётся когда-то проделать тяжкий путь через узкие врата рождения.

Я собираюсь вместе с Прекрасным Существом в далёкий путь чудесных открытий. Мой Светлый Товарищ уже проделал это путешествие и может указать мне дорогу ко многим чудесам. Есть нечто грустное в этом прощании. Помните, как вы в последний раз видели меня в моём старом теле? Никто из нас не думал в тот день, что мы встретимся снова в чужой стране и при условиях до того необычных, что одна половина людей будет вообще отрицать возможность встретиться таким образом, а другая — не верить, что мы встретились на самом деле.

Но вы, разве вы не чувствуете меня более реальным сейчас, в этот вечер, чем когда-либо прежде? Когда мы были вместе в прошедшие дни, разве вы больше знали о том, что я намереваюсь сказать в следующую минуту, чем знаете это теперь? Напрягая сколько угодно ваш мозг, вы всё же не скажете, о чём я собираюсь говорить с вами. Для вас, по крайней мере, это будет служить доказательством, что я так же реален, как и тогда.

В настоящее время я уже сказал то главное, что мне вообще хотелось передать людям. И я желал бы, чтобы вы опубликовали эти письма, исключив только личные обращения.

Да, возможно, что мы долгое время не увидимся с вами. Но не грустите. Когда я уйду, возможно, придёт кто-нибудь другой.

Не запирайте слишком плотно ваших дверей, но охраняйте их внимательно и не впускайте никого без надлежащего пароля. Вы не можете обмануться: я дал вам достаточно указаний.

Сегодня мне трудно писать, ибо я чувствую грусть, покидая Землю. И всё же я в упоении от предстоящего путешествия. Подумайте только! Я увижу наиболее удалённые планеты и встречу с обитателями далёких звёзд!

Говорят, что на Юпитере живут существа изумительные на вид, и я увижу их. Окажутся ли они прекраснее, чем наше собственное Прекрасное Существо, которое любит маленькую Землю и старается оставаться вблизи от неё, потому что на ней так много борьбы?

О, эта радость борьбы! Это основная нота бессмертия, основная нота могущества. Пусть это будет моей последней вестью, направленной к людям. Скажите им, чтобы они радовались всем видам борьбы, чтобы они восхищались бесконечными возможностями сочетаний и творчества, чтобы они жили в каждом данном миге, готовясь в то же время к далёкому будущему, и чтобы они не преувеличивали значения временных падений и разочарований.

Когда они перейдут в этот наш мир и увидят свои жизни в перспективе, то убедятся, что большинство их тревог были ничтожными и что все лучи света и все тени были необходимы для полноты картины.

И у меня были и свет и тени, но я не жалею ни о чём. Учитель радуется затруднениям, как сильный пловец наслаждается сопротивлением воды.

Если бы я только мог показать вам, какая сила возникает, когда встречаешь борьбу не только мужественно, но и с радостью! Вы видели, как наслаждается здоровый мальчик борьбой. Его кровь обращается быстрее, его нервы напрягаются; но только тот, кто сохраняет самообладание, может оказаться впереди.

Жизнь — сражение. Мы облакаемся в материю, чтобы победить её — иначе она победит

нас.

Во вселенной нет ничего сильнее человеческой воли, если она направлена сосредоточенной силой. Каковы бы ни были ваши силы, напрягайте их как можно сильнее в жизненной борьбе.

И помните, что противники ваши — не другие люди, а условия. Если вы будете бороться с людьми — то и они, в свою очередь, будут бороться с вами; но если вы будете бороться с обстоятельствами — они будут поддаваться вам, сопротивляясь ровно настолько, чтобы держать ваши мускулы в здоровом напряжении.

И не забывайте Закона ритма, он — основа всего на свете. Рассчитывайте на ритм. Он никогда не обманывал и никогда не обманет. Следите за вашим собственным высоким приливом и плывите с ним; когда же настанет неизбежный отлив, — или отдыхайте, или размышляйте. Вы не можете избежать ритма. Вы превзойдете его, действуя в согласии с ним.

Вы можете также пойти вспять и обрести юность, ибо и время имеет свой прилив и отлив; и имеется много струй на высоко вздымающемся жизненном приливе.

Чувствую, что я многого не досказал. Но мы ещё встретимся.

Письмо 1

Возвращение «Х.»

5 марта 1915 г.

На далёкой звезде я услышал приказ: «Вернись на Землю и познай тайны любви и ненависти».

Я не знал, что я встречу, вернувшись на Землю, но подчинился приказу.

На подходе к Земле армия разгневанных существ преградила мне путь. «Что тебе здесь надо? — кричали они. — Здесь всё принадлежит нам. Мы не потерпим чужака».

Я призвал Учителя, и тот встал рядом со мной. Даже Он помрачнел, увидев, какая сила преградила путь.

«Началось... — сказал Учитель. — Так долго готовилось и так неожиданно началось».

Гнев есть космическая сила, и ненависть — космическая сила, и любовь — космическая сила, и страх — космическая сила. Вы полагали, что любовь — это просто красивое чувство? Вы думали, что ненависть — это просто раздражение? Я видел источники гнева и ненависти, любви и страха. И теперь я снова хочу писать для людей вашего мира в надежде, что мой опыт сможет помочь им понять, какие силы действуют внутри человеческих рас и стоят за ними.

Эта война — нечто большее, чем просто война людей, и даже нечто большее, чем война ангелов. Её корни уходят в Необходимость.

Рождается Новая Раса, а расы, как и люди, появляются на свет в муках и в крови своих предшественников. Но, как Ева навлекла на себя проклятье, внимая речам завистливого змия зла, так и мир навлекает на себя проклятье, когда человечество начинает прислушиваться к завистливым и злобным нащёптываниям тёмных сил, живущих в нашем мире и вокруг него.

Мне доводилось видеть эти силы воочию, мне приходилось сталкиваться с ними и бороться с ними. Я стал сильным, потому что мне приходилось сражаться.

Я вернулся в этот мир за пять недель до того, как началась война на Земле, но в пространствах над Землёй война уже была объявлена. Люди на Земле долго копили силы для этой бойни, и в это время существа над Землёй тоже готовились и вооружались. В глазах демонов, встретившихся мне на пути (а это были именно демоны), светилось торжество.

Начало уже было положено, зёрна гнева были посеяны в сердце Австрии, и их заботливо взращивали те, кто чувствовал, что жатва уже близка.

Вы, конечно же, понимаете, что добро и зло сосуществуют в человеческом эго. Силы добра и силы зла взаимно дополняют друг друга. У них есть своя форма, они обзавелись собственными эго. А их сосредоточенность на своей работе могла бы посрамить даже самых величайших гениев среди людей.

Но и они тоже, сознательно или бессознательно, служат той Космической Воле, чьи замыслы мы называем Волей Бога.

Я много нового узнал с тех пор, как развлекал вас своими рассказами о новопреставленных, мирно почивших в спокойной обстановке и перешедших в астральный мир естественно, как в соседнюю комнату. Но с недавнего времени туда стали попадать миллионы душ — потрясённых, изорванных, искромсанных, искалеченных своей собственной ненавистью и ненавистью тех, кто жаждал их смерти.

Тех, кто умер в течение последних восьми месяцев даже своей смертью, можно только пожалеть. Им всем пришлось пройти через область страданий — тем, кто вообще смог через неё пройти, ведь многие так и остались внизу и теперь кружатся в одном водовороте вместе с теми,

кто был убит на войне.

Если бы у меня не было великой цели и сознания величия моей миссии, которая заключается в том, чтобы *именно сейчас* открыть людям тайны Иного Мира, я ни за что не стал бы терзать ваши чувства пересказами всего того, что мне довелось увидеть и сделать после того, как я вернулся из путешествия среди звёзд.

Пусть вас утешит (если, конечно, вы нуждаетесь в утешении) моё уверение в том, что *раса проходит сейчас через ритуал посвящения*. Те, кто служил с бескорыстным энтузиазмом и отдал жизнь своему служению, когда-нибудь перевоплотятся снова, чтобы пожинать на земле плоды своего служения. Но не все погибшие были преисполнены энтузиазма. Многие ненавидели ради самой ненависти. Вот их-то и можно назвать неудачниками, не прошедшими испытание.

Посочувствуйте им, если хотите, но лучше не думать о них вообще. Они стали добровольными жертвами демонов — тех самых, что преградили мне путь, когда я, повинувшись приказу, возвращался на Землю, чтобы познать тайны любви и ненависти.

Любовь! Да, эта война породила больше любви, чем все предшествующие две тысячи лет Христианской эпохи. Поскольку человеческая раса наконец проснулась, и чтобы она опять не погрузилась в сон, я вновь стараюсь пробиться сквозь стену, отделяющую вас от меня.

Письмо 2

Страж порога

6 марта 1915 г.

Один из демонов показался мне начальствующим над остальными. Да и выглядел он не так, как другие, — ещё более самовлюблённым ещё более эгоцентричным.

Когда мы оказались друг против друга, я завёл с ним беседу — отчасти для того, чтобы удовлетворить своё любопытство, отчасти для того, чтобы усыпить его бдительность.

— Кто ты? — спросил я его. — Ты кажешься главным среди себе подобных.

Он гордо выпрямился.

— Я и есть главный, — ответил он, — и здесь, и на Земле.

— И на Земле тоже? — удивился я.

— Да, и на Земле тоже, — был ответ. — Потому что я — глубинная сущность человека, который велик среди людей, и этот человек послушен моей воле так же, как послушны его воле все остальные.

Сказав это, он назвал имя человека, которое привело меня в изумление, но я не стану его здесь повторять.

— Если ты — злой гений человека, который всё ещё жив, — спросил я тогда, — как же ты сейчас можешь действовать здесь самостоятельно, словно ты — отдельное существо? Почему ты не вместе с ним?

— Ты не всё знаешь, — сказал он мне.

— Я многого не знаю, — согласился я, — так объясни же мне, если можешь; я хочу это знать.

— Ну так знай же, — торжественно заявил он, — что я смог освободиться от сковывавшей меня земной формы, когда он признал меня своим наставником и начал поклоняться мне как своему гению.

— Он отпустил тебя? — спросил я.

— Он освободил меня, признав своим Руководителем. Он знает ещё меньше, чем ты, и потому называет меня именем, которое я презираю. Но пока я царствую, имя мне безразлично. Или почти безразлично, — поправился он, — однако тебе этого не понять, для тебя это слишком сложно!

— Но и я не так прост, как тебе кажется, — возразил я, — и встречал подобных тебе и раньше.

— Подобных мне — может быть, но не таких, как я. Я — царь над духами.

— Я разглядел твою корону, — сказал я, — мне уже не раз доводилось видеть такие прежде.

Во время этого разговора Учитель молча стоял рядом, но теперь я повернулся к нему с неммым вопросом.

Он отвёл меня немного в сторону и сказал:

— Когда человек слишком себя превозносит, он тем самым освобождает сидящего в нём демона. Обычно такому человеку кажется, что он подчинил себе демона и сам посылает его с поручениями сквозь Невидимый Мир; но на самом деле демон командует им, а желания человека становятся не более чем отражением приказов демона.

— И мне надо было самому увидеть это адское зрелище, чтобы усвоить этот урок! — воскликнул я.

— То, что тебе так или иначе предстояло узнать, самому ли, или с моей помощью, ты

теперь сможешь постичь на собственном опыте, — сказал Учитель. — Вот, ты уже увидел собственными глазами злого гения великого правителя.

— Он очень силён, — признал я.

— И сила его будет продолжать расти ещё некоторое время, — сказал Учитель, — а затем он отправится в Геенну.

— И когда это произойдёт?

— После того, как война окончится здесь, и на Земле снова воцарится мир. Но прежде война должна закончиться здесь, а уж затем мир вернётся на Землю.

— Что же это будет за война? — спросил я.

— Величайшая война всех времён, — ответил Учитель, — величайшая из всех, когда-либо бывших и здесь, и на Земле.

— Когда она начнётся?

— Здесь она, как видишь, уже началась. И не будь ты так далеко, ты знал бы об этом уже давно.

— Действительно, я был слишком далеко, — согласился я, — ангел показал мне много звёзд, и я многое успел узнать.

— Ангел хотел удержать тебя подальше от мира, чтобы ты набрался сил и как следует отдохнул, и смог бы теперь не только учиться, но и трудиться.

— Что же я должен сделать? — снова спросил я.

— Многое, — последовал ответ, — но прежде всего ты должен пробиться сквозь Астральный Мир к Земле, чтобы помочь своим европейским друзьям, которым угрожает опасность.

Скажу только, что гораздо легче переплыть Геллеспонт, чем пробраться сквозь скопище дьяволов, но мне это удалось. Ещё год назад у меня, возможно, ничего бы не получилось, поскольку силы добра были тогда намного слабее, нежели сейчас. У добра и зла, как и у моря, бывают свои приливы и отливы. Тогда было время прилива для зла.

Одного своего друга, которому угрожала опасность, мне удалось спасти; другой же пока был, как я убедился, вне опасности.

Однако вернусь к морю ненависти. Преодолевая его, я совсем изнемог, но тут появилось Прекрасное Существо, так долго служившее мне проводником в недавнем прошлом, и шепнуло мне кое-что на ухо. Оно стремилось подстегнуть моё честолюбие.

— Ты можешь стать летописцем этой великой битвы, — сказала Существо, — конечно, если сможешь добраться до Земли.

Пусть вас не смущает слово «честолюбие». Честолюбие бывает разным, и если под этим словом подразумевается искреннее желание лично участвовать в благородном деле служения, то не так уж важно, назовём ли мы его честолюбием, или как-то иначе, главное, чтобы за ним стояла любовь.

Письмо 3

Уведомление

10 марта 1915 г.

Я хочу, чтобы вы узнали об этом прямо сейчас, в самом начале нашей работы: месяц тому назад Силы Добра одержали верх над Силами Зла, так что здесь конец войны уже предрешён. Силы, приведённые в движение, исчерпают себя, и мир возвратится на Землю.

Письмо 4

Путь к пониманию

13 марта 1915 г.

Прежде чем начать описывать новые ужасы, я хотел бы сообщить вам, что из всех этих кошмаров в конце концов возникнет Красота, какой мир не знал за весь цикл своего существования.

Она появится не сразу, поскольку многое ещё придётся сделать; но для тех, кто хочет идти к ней, путь уже открыт.

Это утверждение покажется нелепым ещё не переродившемуся духовно человечеству, особенно сейчас, во время войны, когда каждая из воюющих сторон во весь голос заявляет о своей правоте, призывая проклятья на головы своих противников. Но, как это бывает во всех конфликтах, обе стороны неправы, хотя одна из них всё-таки менее неправа, чем другая. И та сторона, которая победит — а победит сторона менее неправая — должна будет понять и простить своего противника, прежде чем продолжить путь к своему великому будущему.

Хотя международные организации терпят сейчас временное фиаско, я всё-таки предвижу, что их ждёт большое будущее. Сейчас они просто пребывают в состоянии шока, все эти пацифисты, социалисты и прочие, стремящиеся к достижению идеала Вселенского Братства.

Даже сейчас, несмотря на состояние конфликта, постарайтесь распространить своё понимание и свою любовь на тот народ, который вы считаете своим врагом. И не пытайтесь достичь понимания просто повторяя, что он несёт с собой зло. Это ещё не понимание. Зло есть в каждом человеке. Постарайтесь понять этот народ, представив себя на время его частью. Поставьте себя на место этих людей: представьте себе, что вы оказались в одиночестве — пусть даже по своей собственной вине — против всего мира.

(Вы немного отклонились от истины, подумав, что никогда не оказались бы в таком положении, когда всему миру пришлось бы ополчиться против вас в целях самозащиты. Вы в этом уверены?)

Пытаясь вникнуть в сознание этого «враждебного» народа, вы уже ставите себя в подобное положение. И я вам советую делать это время от времени, чтобы вы смогли стать центром, началом, первой мельчайшей частичкой того международного взаимопонимания и взаимопрощения, которое должно сделаться если не всеобщим, то, по крайней мере, широко распространённым для того, чтобы вечно провозглашаемое, но так никогда толком и не понятое Вселенское Братство смогло хотя бы начать проявляться в этом отнюдь не братском мире.

Если все эти массы воюющих людей, долгое время искренне считавших, что они следуют этому идеалу братства, попытаются сейчас заключить мир друг с другом, если они научатся уважать чужие идеалы, как бы те не отличались от их собственных, то уже сейчас может появиться сила, способная приблизить окончание войны и уменьшить число людей, которым суждено погибнуть из-за противостояния их идеалов национальной гордости и патриотизму.

Возвращение от ненависти к любви и от критики к пониманию, которое последует за официальным объявлением мира, позволит всем конфликтующим духовным сообществам (если, конечно, они этого захотят) начать действовать в согласии друг с другом. Даже если члены этих сообществ не смогут решиться на это сразу из-за своей узколобой гордости и неспособности забыть все те резкости, которыми они обменивались в прошлом; если они окажутся слишком трусливыми, чтобы взять назад свои прежние слова и публично признать друг друга братьями, то пусть хотя бы в глубине души они начнут думать по-другому. И может

быть, со временем у них прибавится мужества, и какой-нибудь решительный лидер объявит своей пастве, что те люди, с которыми они когда-то сотрудничали во всём доверии и любви, возможно, пытаются следовать тем же самым идеалам, но только своим собственным путём.

Не думаю, что дальнейшее освещение этой темы будет способствовать лучшему её пониманию, так что все эти замечания можно трактовать просто как прелюдию, лёгкое вступление к той тяжёлой истории, которую я собираюсь вам рассказать.

Письмо 5

Астральные чудовища

15 марта 1915 г.

Известно ли вам, что я был рядом с вами, когда вы плыли через Северное море за две недели до объявления войны? Вы направлялись в Англию, повинувшись неодолимому импульсу, заставившему вас покинуть Европейский континент, чтобы быть рядом с людьми одной с вами крови. И я был рядом с вами.

Но когда вы оказались в безопасности, в окружении своих друзей, я ушёл. Я вернулся в эпицентр, где должна была разразиться война, вернулся в ту страну, где, несмотря на все уверения в обратном, высиживалось яйцо, которое снесла гораздо дальше к югу от этой страны одна безответственная птица.

Я сказал «безответственная»? Но только сумасшедший не может отвечать за свои действия. Правильнее было бы сказать — «заблудшая», ибо сумасшедшие — далеко не заблудшие души. Рука, убившая австрийского эрцгерцога (и не только она), всего лишь выполняла волю сил, противодействующих прогрессу. Этого человека тоже можно пожалеть, ведь Закон причины и следствия неизбежно воздаст ему за содеянное, ибо в этом суде нет лицепрятия и отсутствует возможность апеллировать в вышестоящие инстанции.

Я вернулся в Германию. В этой истории мне придётся называть вещи своими именами. И если я при этом оскорблю чьи-либо чувства, знайте, что у меня и в мыслях не было такого намерения. Но факты — вещь упрямая, и никакой благовидный предлог не в состоянии изменить их.

Я вернулся в Германию. Я незримо присутствовал на военных советах. Я слышал, как отдавались приказы, поскольку могу достаточно отчётливо слышать то, о чем говорится в мире людей, если напрягу свой астральный слух. Моё астральное тело — это хорошо отлаженный, хотя и очень тонкий механизм, откликающийся на малейшее усилие моей воли.

Но не делайте поспешного вывода, что все астральные тела — такие же совершенные, как моё. Не забывайте, что я — ученик Великого Учителя и что его цели — это не *Его* цели, но — Закона эволюции, которому Он служит.

Я вновь видел чудовище, о котором писал вам во втором письме. Правы те, кто говорит, что германский император долго колебался, прежде чем нажать на пружину, открывающую врата преисподней. Бог Войны гордился тем, что его считали Богом Мира; и хотя его пугала ответственность, свалившаяся на его плечи, она в то же время и радовала его, поскольку ещё больше возвышала его *эго*, и без того уже слишком много возомнившее о себе.

Пожалейте и его, но будьте предельно снисходительны. Воля свободна. Если он подчинил свою волю злему гению, то сделал это *добровольно*. Но той ночью глаза его были затуманены слезами, и он молился силе, которую называл Богом. И имя Бога было не только на его устах, но и в его сердце. Слово *Бог* разные люди понимают по-разному.

В этом конклаве злых духов находились и такие, кто не был связан с каким-либо индивидуальным человеком. Среди них были огромные элементарные существа. Когда Литтон писал в одном из своих оккультных романов о гигантской ступне, которая шагнула сквозь пролом в магический круг, начертанный одним чёрным магом в месте, где не ступала ещё нога человека, он имел в виду явление, встречающееся в природе.

Природа! Вы со своим ограниченным кругозором даже не представляете себе истинного значения этого термина. Все ваши науки до сих пор не смогли освоить даже азбуку Природы.

Изучите эту азбуку. Начните постигать её язык. Изучайте химию, биологию, электричество, открывайте для себя тайны вибрации материи на всех тех уровнях, которые в состоянии охватить ваше сознание. В них кроется знание будущего. Человек ещё только начинает постигать тайны Природы.

Всякое проявление ненависти, наблюдаемое вами в своём материальном мире, является лишь слабым отголоском той ненависти, что была выплеснута на Землю в прошлом году, когда пробил назначенный час — час, когда орбиты нескольких планетарных тел соединились и тем самым дали большую свободу существам, обычно гораздо более скованным в своих действиях.

Гигантская ступня! Я видел то огромное существо, которому она принадлежит. Его стихией был воздух, но вместе с ним были и земные существа, и даже чудовища из глубинных пластов материи, куда никогда не проникает свет солнца.

Описать вам одно из этих существ? Сейчас вы уже можете не бояться его, поскольку оно водворено назад, в своё логовище в недрах планеты. Грубое, синеватое, мешковидное тело с толстым, длинным хвостом отростком, покрытым щетиной, руки и ноги, похожие на продолжения всё того же мешка, и огромная голова, наполовину вросшая в складки уродливой шеи. Но глаза! В них не было даже намёка на какую-либо живую субстанцию. Они были широкими и круглыми, и в них сверкала злоба, накапливавшаяся тысячелетиями и вся теперь собравшаяся в этих бледных глазах. Вы считаете, что у зла должны быть чёрные глаза, но ещё страшнее, когда они бледные. Невообразимые страдания и ненависть ко всему, что по развитию выше него, читались в глазах этого существа, живущего в глубине материи. С самых низов астрального уровня плевалось оно своей ядовитой слюной, стараясь попасть на поверхность Земли. Огромное чудовище с бесформенной и беззубой пастью. Я не решаюсь сказать вам, что является пищей для этой пасти.

И снова повторяю вам: не бойтесь его. Теперь оно уже не сможет добраться до поверхности Земли. Срок его жизни подходит к концу. Но споры астральной болезни, извергнутые из бесформенной пасти чудовища, продолжают множиться, несмотря на все усилия тех, кто знает, как справляться с подобными вещами.

Существа воздуха никогда не выглядят так омерзительно, какими бы злобными они не были. К тому же лишь очень немногие из них действительно злобны (по сравнению с числом тех, что дружелюбно либо безразлично относятся к человеку).

Однако могут ещё проявиться наиболее мстительные из существ огня, до сих пор продолжающие делать спорадические усилия, хотя в невидимых сферах великая битва уже выиграна.

Постарайтесь пока ничего не предпринимать, ибо помимо военной опасности, Европе ещё угрожает и другая. Ждите и молитесь. Ведь молитва — духовная сила, достигающая высших пределов Астрального Мира, и потому всегда имеет далеко идущие результаты.

17 марта 1915 г.

Задумывались ли вы когда-нибудь о посмертных переживаниях человека, чьё убийство предопределило начало этой войны^[14]? Конечно же, нет; зато об этом задумался я: я искал его и нашёл.

Его искали и другие — души умерших и астральные души тех, кто уснул на Земле.

Воистину, его уход не был спокойным ни во плоти, ни в духе.

Даже если не принимать во внимание потрясения, вызванного насильственной смертью, сама угроза покушения, долгое время висевшая над ним, подобно чёрной туче, уже предопределила ту мрачную и беспокойную полосу, что ожидала его после смерти. Это — ещё одна иллюстрация к закону о том, что рано или поздно с нами обязательно случается то, чего мы больше всего боимся.

Поначалу он оказался в темноте в состоянии полудремы, похожей на смутный кошмар; затем его сознание постепенно начало проясняться, а вместе с прояснением стали возвращаться боль и душевные терзания. И наконец, наступил жуткий момент, когда он вспомнил, что потерял своё тело, и принялся искать его.

Зрелище собственных похорон произвело на него гораздо более гнетущее впечатление, чем на большинство других душ, поскольку просветление, начавшееся после смерти, уже позволило ему понять, что происшедшая с ним перемена означает нечто большее, чем просто личную смерть.

Силы зла, организовавшие его смерть, больше не нападали на него. Что ещё они могли получить от него? Он уже достаточно послужил их целям.

Будь в это время поблизости ещё кто-нибудь, чьё убийство вызвало бы столько же неясностей, подозрений и непонимания, возможно, тот человек страдал бы вместо него. Но чьё ещё убийство могло бы превзойти по этим меркам его собственное? В чём причина того, что именно на него пал этот незавидный жребий? Какие связи были тому виной? Его связи с германским императором, связи его семьи с теми, кто лично ему не был симпатичен, отношения нынешнего наследника с Россией — всё это и ещё многие источники ошибок, сомнений и заблуждений сделали его идеальной мишенью для подобного смятения чувств.

И его душе пришлось переживать это смятение, к которому добавились ещё и разочарование и горечь из-за того, что ему пришлось так неожиданно покинуть этот мир. Немалую роль сыграло и беспокойство за своих детей, которые оказались в весьма непростой ситуации, если учесть их семейное окружение.

Представьте себе, что каждый мужчина, каждая женщина и даже каждый ребёнок, узнав об этом событии, сразу же начинал думать — с негодованием, любовью, жалостью, сомнением или любопытством — об одной и той же душе; чуть ли не каждый человек почти во всех странах мира! Этого было более чем достаточно, чтобы полностью разрушить его астральное тело.

Обычно, когда умирает правитель, его провожают, думая о нём с любовью или же, наоборот, с нелюбовью, но редко смерть правителя вызывает сомнения. Его раса продолжает свой путь. «Король умер, да здравствует король!»

Некоторое время этот наследник великого престола был разлучён даже со своим другом, которого он любил. И опереться ему было не на кого. Мысли, мысли, мысли — мысли разной интенсивности обрушивались на него со всех сторон, истощали и мучили его.

Даже молитвы о том, чтобы облегчились страдания его души в Чистилище, не давали того результата, который обычно имеет молитва. Они просто тонули в огромном потоке мыслей, мчавшемся ему навстречу. Да, я сказал — «ему навстречу», ибо ему долго пришлось пребывать на пути этого урагана мыслей.

Даже те многочисленные помощники, которых я упоминал, когда писал для вашего мира в прошлый раз, мало чем могли ему помочь, поскольку им самим приходилось отражать тогда атаки злых существ, начавших войну в Астральном Мире.

Как правило, смерть одного человека не может произвести большого впечатления на целый мир. Те, кто любил его, скорбят; те, кто не любил и получил какие-то выгоды от его смерти, — радуются. Этот человек отошёл в мир иной, неся в своей бесплотной руке факел войны.

Спустя некоторое время он начал искать своего друга — правителя Германии [\[15\]](#) и нашёл его, но тот не мог увидеть его, хотя и чувствовал его присутствие в своей комнате. Он был слегка испуган. «Кто это может быть?» — думал он. Может, это его собственный ангел? Так не для того ли он пришёл, чтобы напомнить ему, что час его «великого предназначения» уже близок? Он стыдился своих сомнений, считая их слабостью; и решимость его силы, его злого «я» в конце концов возобладала над слабостью, и приготовления к войне продолжились.

Душа эрцгерцога была слишком смущена, чтобы хоть как-то повлиять на ход событий. Он был сильным человеком и снова сможет стать сильным, но как раз тогда, когда он мог воспользоваться своим невидимым влиянием, он не сделал ничего; он всё время старался стать видимым, и, по крайней мере, один раз это ему удалось.

Да, я говорил с ним, пытался дать ему совет; но у меня тогда были другие неотложные дела, и я оставил его на попечение одного священника, принадлежавшего к его собственной церкви. Это была добрая и сильная душа, подобная скале, возвышающейся над бушующим морем.

Я упоминаю о своей встрече с эрцгерцогом исключительно ради одной дамы, которая когда-нибудь прочтёт эти строки. Вряд ли я смогу полностью её утешить, но она будет рада узнать о спокойном и мужественном священнике, а я смогу, наконец, выполнить данное мной обещание, поскольку другого способа выполнить его у меня, похоже, не будет.

24 марта 1915 г.

Народы стали объявлять друг другу войну. Я и ещё двадцать других душ несколько часов провели во дворце в Потсдаме, своим незримым волевым влиянием пытаюсь ослабить волну воинствующего духа, шедшую к императору со стороны германской нации. Мы говорили, что Германия не хочет войны!

Похоже было на то, что «der Tag»^[16] уже близок и что война всё-таки торжествует победу. Сейчас нет нужды говорить об уверенности Германии в том, что Англия не сможет вступить в эту войну. А не вступи Англия в войну, дело было бы решено задолго до того, как я начал диктовать вам эти строки. Германский военный флот сразился бы с французским и уничтожил бы его.

(Было бы замечательно, если б вы перестали пугаться всякий раз, когда я говорю что-либо неприятное вам. Я говорю то, что знаю; а вы просто пишете то, что я вам говорю).

Я и двадцать других сконцентрировали свою волю на Потсдаме и Фридрихштрассе. Не потому, что мы не знали каков будет ее исход. Мы знали — эта война была предначертана звёздами. Но как солдат выполняет свой долг, даже если знает, что ему не выстоять, так и мы продолжали делать своё дело, оказывая сопротивление дьяволам войны.

Величайшего из Учителей не было тогда с нами; где Он был, я не знаю. Возможно, у Него были на то причины, которые мы просто не могли понять. Может, Ему приходилось сдерживать ещё более ужасные силы, стремившиеся к Земле от дальних звёзд.

Нет, это не фантазия, хотя и всего лишь предположение. На дальних звёздах тоже есть добро и зло. И если бы не сдерживающее влияние Тех, Кто наблюдал за всем происходящим отсюда, многие иностранцы в Германии были бы в то время просто разорваны на куски.

Что вы знаете о военном безумии, о безумии ненависти? Если бы вам сейчас, в вашем нынешнем воплощении, было знакомо это чувство, вы ни за что не смогли бы писать под мою диктовку, тем более что почти все те, кого вы любите и уважаете, находятся по одну сторону этой всё ещё продолжающейся войны. Вы можете усилием ума представить себе ненависть либо инсценировать её; но вы её не чувствуете, хотя и страдаете из-за её проявлений.

Самое худшее, что есть в немецком сердце, действительно, выглядит очень неприглядно, хотя я и призываю вас не испытывать ненависти к ним. Свои отрицательные черты есть у каждого, но немец — это самый большой задира на планете. Свирепым восточным расам всё же присуща некоторая сдержанность, выработанная в них многовековой культурой. Немца же сдерживает только германский Закон, он признаёт только сдерживающую силу этого германского Закона.

Ему несвойственно ощущение справедливости и несправедливости вообще, хотя он, как правило, весьма тонко чувствует, что справедливо, а что несправедливо в отношении его ближних — его родственников и сограждан. Но все те, кто оказывается за пределами его собственной расовой группы, выпадают и из его кодекса чести, каким бы благовоспитанным ни был этот отдельный немец.

Я говорю сейчас о расе, а не о тех немногих, кто, благодаря долгому проживанию за границей, впитал кое-что из идей всемирного братства и сумел развить в себе ощущение взаимосвязи всех народов.

И вот что я ещё вам скажу: немец может любить так же искренне, как и ненавидеть, но

любить он может только своё собственное — нечто такое, что являлось бы продолжением его самого, своё второе «я», самого себя, но только в несколько иной форме. Немец может любить свою жену-иностранку, если «германизирует» её. Немец может любить своего друга-иностранца, если тот не стоит на его пути к тому, чем он сам желает завладеть.

Я не говорю здесь о сиюминутных всплесках эмоций, которым подвержены эти эмоциональные люди. Не говорю я и об их внешней доброте — следствии избытка чувств.

И всё же я говорю вам: любите этих людей, как бы ни были они неприятны на первый взгляд; любите их так, чтобы они отошли от своего расового эгоизма и распахнули бы свои души для всего не германского. Мир никогда не сможет разбить оболочку, в которую заключили себя немцы, если будет бросать в них камни. Даже проиграв эту войну, они отнюдь не станут более приятными людьми из-за того, что будут слабее. Старайтесь полюбить их не через жалость, а через понимание.

Пройдут десятилетия, прежде чем высокомерный, себялюбивый немец увидит, что за пределами его оболочки есть вещи даже лучшие, чем те, что он создал для себя внутри неё. Он уважает только силу. Сила и должна сдерживать его. Но от своего принудительного преклонения перед превосходящей мощью он может постепенно перейти к признанию доброты, которая не использует силу для принуждения, когда для этого достаточно её самой.

С начала войны я посетил множество немецких домов, я входил в них самих, *превращаясь* на какое-то время в немецких мужчин и женщин, и я научился понимать их и любить их. Я даже начал восхищаться ими, поскольку их преданность всему немецкому безгранична. Направьте эту силу на реализацию идеи подлинного братства всех людей, и этот народ станет воистину великим. Возможно ли это? Нет ничего невозможного для человеческой души, а этот народ — очень человечен.

Основная проблема заключается в порочности их системы образования. Они сами внушают себе, что являются *избранным* народом. Когда же эта война убедит их, что они *не избранный* народ, сама сила разочарования может опрокинуть столп эгоцентризма, воздвигнутый в центре немецкой души. Однако мир не допустит, чтобы этот столп с грохотом обрушился вниз, но постарается слегка смягчить падение, именно — слегка, дабы милосердие ошибочно не приняли за усталость от войны.

У Матери-Земли есть беспокойное и непослушное дитя. Его следует наказывать, но нельзя лишать его места за семейным столом.

Я рассказал вам всё это, чтобы испытать вашу стойкость, поскольку в следующем письме я собираюсь поведать вам нечто такое, что потребует от вас ещё большего мужества и милосердия, другое название которого — любовь.

Письмо 8

Призраки Конго

27 марта 1915 г.

Я был в Польше, я был в Сербии; но сейчас хочу написать о Бельгии и о Карме — карме расы, карме старой и новой.

За всем германским нашествием стоят не только дьяволы внешнего мира, время которых пришло, которые побуждают немцев убивать, грабить, разрушать, насиловать и жечь; вместе с германской армией движется толпа недоразвитых земных духов, ранее страдавших в Конго ^[17]. Карма есть карма!

Миру известно кое-что о том, что произошло в Бельгии, что там натворили немцы. Я видел хладнокровно умерщвлённых мужчин, женщин и даже маленьких детей. Я был свидетелем того, как душа убитого мужчины пыталась оттащить солдата, который насилует его жену. Я видел, как заламывала руки в отчаянии душа матери, полагающей, что она всё ещё находится на Земле, матери, которая смотрела уже из этого мира, как над её маленькой дочерью издеваются ослеплённые безумием скоты. А один попавший сюда старик несколько дней преследовал солдата, пока тот не попал, наконец, на бельгийский штык; и когда душа немца отделилась от тела, не удовлетворившись этим мщением старик снова сцепился — уже с душой немца, и они разорвали друг друга на части. Немец даже не успел понять, что умер, и считал, что продолжает бороться с врагом на Земле.

В Конго есть много такого, что мы называем словом *вуду* ^[18]. Те, кто практикует вуду, подолгу не спят. Но они активно действуют в невидимом мире, подготавливая свои злые дела и строя свои козни. Они собираются вокруг пролитой крови и поглощают из неё жизненную силу, которую затем используют для того, чтобы сеять зло и смерть там, куда направлена их воля.

Вы, вероятно, полагали, что воля человека ослабевает, когда он отключает свой мозг? Она действительно ослабевает в том смысле, что при этом сокращается свобода выбора; но если выбор уже заранее сделан, воля достигает огромной силы, когда физическая основа мозга оказывается в полном её подчинении.

Но сейчас Бельгия уже пережила свою тяжкую карму и стоит теперь, как полностью обновлённая душа, перед ликом времени. Теперь другая раса подхватила тот груз, который она сбросила со своих плеч. Удастся ли ей рано или поздно избавиться от него? Германия сама свила вокруг себя сеть из неблагоприятных причин, и теперь эта сеть крепко опутала её плоть, чтобы терзать её на протяжении многих поколений. «Соблазны должны приходить; но горе тому, через кого они приходят».

Карма народов известна Учителям и Адептам.

Карма Англии! Думали ли вы когда-нибудь о карме Англии? Она, безусловно, наделала много ошибок, как и все прочие древние нации, но всё же продолжает оставаться орудием Мировой Воли. Она, более чем все прочие древние расы, служит делу объединения человеческих рас. Неужели вы могли подумать, что Британская Империя является всего лишь случайным сочетанием атомов? Неужели вы полагали, что Британская Империя появилась случайно?

И на этот раз Британской Империи, *возможно*, будет отведена важная роль. Её помощь может понадобиться Бельгии. И я имею в виду не просто присутствие в Бельгии английской армии.

Известно, что Учителя Мира сдерживают плохую карму человечества. И я тоже стараюсь внести свою скромную лепту в сдерживание плохой кармы Германии.

В Бельгии она опозорила человеческую расу. Всё то, что говорят о злодеяниях немцев в Бельгии, — правда, за исключением разве что одной вещи. Насколько мне известно — и об этом же говорили мне Те, Кто знает гораздо больше меня, — немецкие солдаты не отрубали руки живым бельгийским детям. Но они действительно убивали и насиловали женщин, глумились над беременными и издевались над молодыми матерями, убивали их грудных детей. Они сжигали людей заживо и заживо закапывали в землю раненых.

Я утверждаю, что немцы проделывали все эти вещи. Не знаю, должен ли я говорить, что всё это творили силы зла, злобные существа, сверхчеловеческие или бывшие некогда людьми злые силы, использовавшие как орудие исполнения своей воли тела немецких солдат, из которых они на время вышвырнули их истинные души?

Воспринимайте это, как вам заблагорассудится, поскольку оба объяснения верны. Далеко не все те, кто грабил и разорял Бельгию, были одержимы силами зла, если, конечно, не считать саму злобу одержимостью.

Помогите сдержать ту дурную карму, которую Германия создала себе в Бельгии.

«Вы слышали, что сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас; да будете сынами Отца вашего Небесного».

29 марта 1915 г.

В опустошённой нашествием части Бельгии — а большая часть Бельгии опустошена — один маленький домик остался таким же спокойным и не потревоженным, как и до войны, а вокруг — разрушенные стены, чёрные от дыма и серые от пламени взрывов.

В нём жили две женщины средних лет. Когда война пришла к их порогу, они предпочли остаться. Разумеется, они были очень напуганы, но всё-таки не убежали. Они видели, как горят соседние дома, слышали, как вокруг рвутся снаряды; и всё же, вверив себя защите тонких стен своего дома, ждали и молились. Они молились четырём богам — Богу-Отцу, Богу-Сыну и ещё двум другим — своим отцу и матери, несколько лет тому назад ушедшим в мир иной, своему отцу-бельгийцу и своей матери-немке!

Их вера была так сильна, что они нисколько не сомневались в том, что уцелеют, и они уцелели. Это может показаться невероятным, но их дом остался целым и невредимым среди развалин.

Любовь — это сила, которая может спасти. Отец и мать этих двух уже немолодых женщин нежно любили друг друга. И расовые различия не были препятствием для их любви. Эта женщина-немка и этот мужчина-бельгиец приучили их думать, что Германия для них — мать, а Бельгия — отец.

Их кости покоятся рядом на церковном дворе одной деревеньки, а их души внимательно следили за продвижением немецких армий. Они оберегали своих детей, которых очень любили.

Звучит невероятно, не правда ли? Однако я знаю, что это факт. Я встречался с их отцом и матерью, и встречусь с ними ещё. Это люди редкостной веры и редкостной любви, потому они и получили столь редкостную награду.

Спасать маленький домик намного легче, чем передвигать горы, а ведь сказано, что вера величиной с горчичное зерно способна сдвинуть гору с места.

Эти две души ещё не покинули сферы Земли; они решили дождаться своих детей. И когда пришла война, они встали, как стражи, на пороге их дома. Души тех, кто спокойно умер своей смертью, очень не любят разрывов снарядов, но эти двое не убежали. Если бы страх согнал их со своего поста, этот маленький домик, возможно, выглядел бы сейчас таким же, как и соседние.

Я слишком доверчив? А помните, как однажды, много лет назад, я сказал вам, что вы недостаточно доверчивы? Вижу, что помните.

Эти двое — отец-бельгиец и мать-немка — тоже были доверчивыми в общепринятом значении этого слова, и их дети — тоже. Если бы народы так же верили в силу любви, как они, то и войны никакой бы не было, поскольку не было бы даже армий для ведения этой войны.

Нет, я не призываю распустить все армии, я лишь призываю любить и верить. Чем больше будет веры и любви, тем меньше будут армии, и войны со временем совершенно исчезнут.

Я спросил отца-бельгийца, что он думает о войне, и тот посмотрел на свою жену-немку; я спросил мать-немку, что она думает о войне, и та посмотрела на своего мужа-бельгийца. И никто из них не сказал ни слова, чтобы не оскорбить чувств другого.

Вы подумали о том, как бы чувствовал себя сейчас я, если бы мой народ участвовал в этой войне? Теперь, когда глаза моей памяти открылись и я увидел свои прошлые жизни и узнал, что жил среди многих народов, сражался во многих армиях, лежал на коленях многих матерей из самых разных стран, мой дух совершенно преобразился.

Я присоединился к великому Белому Братству, члены которого считают всех мужчин своими братьями и всех женщин — своими сёстрами. Вам трудно будет взглянуть на мир моими глазами. Я просто смотрю и жду, подобно родителям тех двух бельгийских старых дев, и до сих пор дом моей веры стоит целым и невредимым, несмотря на бушующий вокруг пожар войны.

В великом Белом Братстве есть представители разных рас, в том числе и тех, кто сейчас ведут войну. Не думаете же вы, что они начали смотреть друг на друга косо из-за того, что мир сошёл с ума? Ничего подобного не произошло. Но каждый из них начал действовать там, где он мог принести наибольшую пользу. Каждый старался смягчить удар, пришедшийся на долю братьев своего брата, и каждый старался смягчить сердца своих собственных братьев по крови. Но коль скоро эта война была предначертана звёздами, Учителя Мира не могли её предотвратить, когда пробил её час.

Знаете ли вы, что значит быть членом великого Белого Братства? Это значит — *трудиться на благо человеческой расы, на благо всей планеты в целом.*

И вот ещё что я хочу сказать вам. Вы слышали о Чёрном братстве. Но это неверное определение. Братство не может быть чёрным.

Не бывает Чёрного Братства. Есть много чёрных Учителей, поскольку учительство, подобно одеянию, может быть как белым, так и чёрным. В этой войне чёрные силы, пробуждающие в людях жестокость, преследовали одну общую цель, что уже само по себе ограничивало их способность творить зло в течение долгого времени после того, как их труды дали желаемые результаты.

Вы понимаете, о чем я говорю? Само по себе объединение тёмных сил ослабляет индивидуальные способности каждого из его членов, поскольку главная сила зла — в его индивидуализме.

Если два человека трудятся во имя любви, они приобретают силу четырёх человек, но если двое объединяют свои усилия ради зла, я бы сказал, что при них остаётся сила всего лишь полтора человека. А что такое полтора человека против четырёх?! Если вы любите силу, используйте её на благие цели и тем самым умножайте её.

Не единство, но многочисленность элементарных^[19] злых сил, каждая из которых старается выплеснуть на мир свою злобу, сделала возможным это безумие.

Ненависть — разрушительная сила. Те, кто проникся этим чувством, после войны сами себя уничтожат. Те же, кто сохранил в себе любовь, станут после войны ещё сильнее. Особенно сильной станет Франция, потому что любви в ней гораздо больше, чем ненависти. В ней так много любви, что даже враги не могут её ненавидеть. И дело здесь не только в том, что ей несвойственна та грубая сила, которая отличает её могучего врага.

Возлюбите врагов своих. Это самый верный способ победить их.

Письмо 10

Один день, как тысяча лет

29 марта 1915 г.

Раз уж я пишу о войне, то не могу не обратиться к тем, кто потерял своих близких во время этой войны. Вы, скорбящие о безвременно ушедших, разве вы не читали, что один день будет, как тысяча лет, а тысяча лет, как один день.

Начнём с *перевоплощения*, которое ещё называют *ритмом*, и течение которого есть *бессмертие*. Бессмертие предполагает отсутствие начала и невозможность конца. *Дух всегда был и всегда будет*. В жизни духа один день может длиться, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день.

Рождение есть утро нового дня, смерть — его вечер. А время между жизнями есть период сна, когда к нам приходят сновидения. Вы вполне можете сказать и обратное: что жизнь — это сон, а смерть — пробуждение к реальности. Но наличие ритма не вызывает сомнений.

Погружение в сон есть прохождение через Астральный Мир, аналогичное пути души после смерти. Вы, пишущая для меня эти строки, и ещё некоторые люди способны проходить по этому пути, будучи в полном сознании. В один прекрасный день все люди научатся осознанно проходить по нему и смогут тогда восстановить свою прошлую память.

Вы, скорбящие об усопших, помните, что наша жизнь — это всего лишь один день для бессмертного духа. Ведь вам часто приходилось расставаться с теми, кого вы любите, на один день, и вас это совсем не огорчало. Ваши близкие просто уходят из дома, поскольку их ждут другие дела, но вы не сомневаетесь в том, что на следующий день встретитесь с ними снова. Так почему же вы не чувствуете, что в следующем дне души, или в следующей жизни (для Вечности это безразлично), вы вновь сможете поприветствовать тех, кого любите?

Друзья не обязательно будут встречаться в каждой жизни, тем более, если они не очень близки. Как в обычной жизни вы встречаетесь с каждым из своих друзей, как правило, не чаще одного раза в неделю, так и в более продолжительной жизни души вам не обязательно встречаться со всеми своими друзьями каждый день. Вы можете расстаться в понедельник, но договориться при этом, что обязательно встретитесь в пятницу. Четыре дня или четыре жизни — для Вечности это всё равно.

Но с некоторыми людьми вы расстаётесь всего лишь на несколько часов — с утра и до заката, а вечером снова встречаетесь в интимной домашней обстановке. Так что те, кто покинул вас в самый разгар дня жизни, возможно, ещё вернутся к вам на закате; точно так же можно сказать, что вы ещё встретитесь с ними в конце этого дня вашей души, в конце нынешней жизни, они будут с вами в сумерках астральной жизни и в прекрасном сне на Небесах, который ждёт вас вслед за нею. Не печальтесь. Любовь терпелива и, в конце концов, берёт своё.

С некоторыми своими друзьями вы, может быть, встретитесь спустя две, четыре или даже семь жизней; но с теми, с кем вы действительно близки, с теми, кого вы любите, кто вам действительно дорог, вы снова встретитесь на закате, или, в крайнем случае, завтра — в следующем дне вашей души, который вновь начнётся на Земле.

Как же вам готовиться к этой встрече? Разве не следует прожить весь этот день в радостном ожидании того, что с наступлением вечерних сумерек к вам опять вернётся ваша Любовь? А с приближением заката разве не облачитесь вы в белые одежды веры, в ваши вечерние одежды, и разве не сядете у окна в ожидании своей Любви? Любовь придёт. Неужели вы не слышите, предвкушая встречу с Ней, звука Её шагов на дорожке возле дома? Неужели вы не слышите звука

открывающейся двери? Идите же с улыбкой вперёд — навстречу своей Любви! Истинно: один день будет, как тысяча лет, а тысяча лет, как один день.

Я беседовал с душой одного английского офицера, который погиб, увлекая за собой в атаку своих солдат. Его смерть была быстрой и безболезненной. Выстрел в сердце, и вот он очнулся — после непродолжительной потери сознания, — как ему казалось, всё ещё во главе атаки. Но перед ним уже не было врага, не было ничего, кроме безмятежных равнин, возвышавшихся над полем боя, ибо его душевный подъём был настолько силён — а умер он, лелея в своём сердце мысль о своей Любви, — что он сразу же начал подниматься всё выше и выше, в те сферы, до которых может возвысить человека только Любовь.

Не увидев никого перед собой, он остановился, поглядел по сторонам и заметил меня.

— Брат мой, — сказал я ему, — твоя война осталась позади.

Он сразу всё понял. Те, кто уже прожил несколько недель в шатрах Смерти, сразу же узнают её, когда она поднимает свой занавес.

— А что с атакой? — тут же спросил он. — Мы победили?

— Да, — ответил я, — сила твоего духа помогла вам победить.

— Тогда всё хорошо, — последовал ответ.

— Отдохни немного, — сказал я, — отдохни и поговори со мной.

— Мы когда-нибудь встречались раньше? — спросил он. — Твоё лицо кажется мне знакомым.

— Моё лицо знакомо многим из тех, кто сейчас сражается там, — сказал я.

— Когда ты ушёл — *оттуда*?

— Три года назад.

— Тогда ты можешь многому меня научить.

— Да, пожалуй. А что ты хотел бы узнать?

— Я хочу знать, смогу ли я как-нибудь успокоить ту, для которой моя смерть станет огромным горем?

— Где она сейчас? — спросил я.

Он назвал мне место, где она жила.

— Идём туда, — сказал я. — Я пойду с тобой.

В Англии, в крохотной комнатке с такой же крохотной кроваткой мы увидели красивую женщину. В кроватке лежал малыш лет четырёх или пяти. Мы даже могли различать их голоса: мать и ребёнок говорили друг с другом.

— А когда вернётся папа? — спросил малыш.

— Я не знаю, — ответила мать.

— Папа *обязательно* приедет, правда же, мама? Ты же знаешь, что он приедет?

— Я молюсь, чтобы он скорее вернулся.

Вот и всё, что ответила мать сыну. Глаза детей в момент перехода в сумеречный мир, в мир, отделяющий бодрствование от сна, порою становятся на удивление пронизательными.

— Папа, папа вернулся! — вдруг радостно закричал малыш и протянул руки навстречу своему отцу.

Мать всё поняла, и лицо её побледнело. Но ей помогла справиться с горем мысль о том, что её любимый пришёл домой и что их сын *видит* его. Я полагаю, он останется вместе с ней до тех пор, пока она не сможет с ним воссоединиться. Эта задержка отнюдь не замедлит прогрессивный рост его души. Любовь есть исполнение Закона. В вечности есть место и для любви, и для разлуки. В любви тысяча лет проходит как один день.

Письмо 11

Многие языки

30 марта 1915 г.

Изучайте языки. В этой войне моим действиям очень мешает слабое знание немецкого языка.

С теми, кто находится здесь уже давно, я могу общаться просто при помощи мыслей, но те, кто лишь недавно попал сюда, продолжают говорить на том языке, на котором они разговаривали на Земле, и часто этот язык представляет собой какой-нибудь местный диалект. Это — одна из причин того, что деятельность моя имеет наибольший успех преимущественно в английской армии.

Я могу читать мысли немцев и французов, но они не всегда меня понимают. Родители тех двух бельгийских женщин находятся здесь уже давно, и потому мы общались друг с другом мысленно.

Изучайте языки. Когда вам придётся жить и действовать в этом мире, знание их, возможно, пригодится вам ещё больше, чем на Земле, ибо расстояния здесь преодолеваются со скоростью мысли, и человек способен в мгновение ока перенестись из одного места в другое.

Письмо 12

Прекрасное существо

1 апреля 1915 г.

Ангел, которого мы называем Прекрасным Существом, тот самый, что сопровождал меня в путешествии среди планет, хочет сказать здесь несколько слов о Любви и Ненависти. Мне кажется, их можно назвать выражением смертной и бессмертной сущности человека в первые дни войны.

Любовь и ненависть

«Тот, кого я любил, объявил мне войну, и народы земные восстали один на другого. Зелёные поля окрасились кровью, и не стало слышно голосов сверчков в пышных нивах — они потонули в криках боли и ярости, когда люди обрушили друг на друга свою ненависть. И сердце моё стало печальней, чем зимнее небо над Лондоном. Казалось, не осталось больше радости на Земле, ибо любовь умирала, и мир был мёртв, и люди умирали повсюду. «МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН^[20]» — было начертано на стенах храма человеческого.

И сказал я сердцу своему: «Куда же попали мы в разгар дня нашей жизни? И для чего мы ждём заката? Ведь любовь пропала, и весь мир пропал, так не пропали ли тогда и мы сами?»

А затем, глядя в пустоту своей собственной веры, услышал я голос, исходящий как бы из центра всего сущего, и этот голос сказал мне: «Возьми перо и пиши, ибо тому, кто уже всё потерял, открываются сокровища Истинной Сущности человека.

Я — та Истинная Сущность, о которой позабыли вы, когда пытались отыскать любовь во внешнем мире. Я — та Истинная Сущность, о которой забыли народы, когда отправились уничтожать друг друга. Я есмь Единая Сущность, и дом мой — во всех этих сердцах, преисполненных ныне любовью и ненавистью. И всякий раз, когда они ранят друг друга, они ранят Меня, когда они сомневаются друг в друге, они сомневаются во Мне, но когда они любят друг друга, они любят Меня. И никак иначе нельзя понять Меня, кроме как через любовь и ненависть, через веру и сомнение. Ведь любовь и ненависть — два полюса одного магнита, а сомнение и вера — Мои дети-близнецы.

Тот, кто никогда не сомневался, не знает, что такое вера; а тот, кто никогда не ненавидел, не может знать, что такое любовь.

Если в сердце не осталось радости, Я заполняю его собой. Хотя на земле люди Мои истребляют друг друга, на небе они по-прежнему живут в согласии. Освободившись от телесной слепоты, они видят друг друга в истинном свете.

Двое солдат отправились на войну, и пуля каждого из них пронзила сердце другого. Их ненависть была так же горяча, как и любовь. Но вот неожиданно оба оказались во мраке смерти, их руки соединились — и ненависть их обратилась в свою полярную противоположность, и они растворились в любви.

Двое друзей оказались на этой войне во враждебных станах, и с каждой раной становились они всё ближе друг другу — душа каждого страдала, чувствуя боль другого, и ни в жизни, ни в смерти не могли они убежать друг от друга.

Если вы откажетесь от того, кого любили, да не дерзнете вы никогда возненавидеть его. Даже если разум беспощаден, душа — сострадательна; даже если разум ослаблен сомнениями, душа может быть сильна своей верой.

И даже когда разум пребывает в бездействии, душа разума продолжает оставаться на страже, утирая слёзы с наших глаз своей невидимой рукой.

Если во сне вы плачете, знайте, что это плачет ваша душа, скорбя о тех слезах, что пролили по вашей вине ваши враги. Когда вы проснетесь утром и глаза ваши будут мокры от слёз, знайте, что вы отдаёте свой долг любви.

Будьте добры к тем, кто любит вас, ибо любовь — как беспомощный ребёнок: если вы изгоните её из своего сердца, сиротливо будет она скитаться в одиночестве.

Будьте добры к тем, кто ненавидит вас, ибо их брошенный ребёнок где-то скитается в одиночестве. Погружаясь в сон, пошлите свою любовь тому, кто изо дня в день причиняет вам боль. И если перед сном вы не оставите свою ненависть, утром проснётесь с мокрыми от слёз глазами.

Я — связующее звено. Я — Истинная Сущность, Чей дом — в каждом сердце. Я слышу всё, оставаясь в темноте. Я — слишком велик, чтобы возгордиться. Ради ближних своих Я не знаю покоя.

О том, как вы старались заставить себя ненавидеть, мне говорит грусть ваших сердец. Но вы не смогли заставить себя ненавидеть, потому что ваша душа никогда не спит.

Я — связующее звено, и светильник мой никогда не гаснет».

Я уже говорил, что когда мы — двадцать человек — стояли в Потсдамском дворце и на Вильгельмштрассе, величайшего из Учителей не было с нами.

Вам неизвестно имя, которым мы Его называем, да вам и нет нужды его знать. Он уже настолько далеко позади оставил все личностные ограничения жизни, той жизни, которую ведёте вы, что теперь в состоянии наблюдать её с высот Планетарного Логоса. Он может взирать на беспокойные и воюющие между собой земные существа так же, как вы разглядываете через микроскоп жизнь простейших микроорганизмов. Амебы, нарывы, жировые клетки — все они предстают перед Ним как части огромного Целого, и как бы они не воевали между собой, это всё равно не заставит Его стать сторонником одних в ущерб другим.

И никакие уверения, бесконечные заявления и напыщенные молитвы германского императора, всё ещё убеждённого в том, что Бог на его стороне только потому, что это — его сторона, не могут заставить Учителя даже улыбнуться. Абсурд или трагедия — для Него всё равно, если только они не ускоряют или не задерживают рост организма Человечества.

Если ваше сознание сможет обрести подлинное понимание Единого и множественного, а не просто воспримет их как одну из философских теорий, то в этом случае вы сможете осознать, что Единство охватывает всё множество, даже если в нём будут не только ваши друзья, но и ваши враги.

И вот ещё что вы должны помнить: провозглашать — значит творить. Провозглашайте и тем самым создавайте *братство*. Но не провозглашайте его слишком настойчиво, иначе вы очень быстро достигнете кульминационной точки допустимого ритма и, согласно Закону противодействия, получите нечто противоположное^[21].

Величайший из Учителей не сообщил нам, как нам казалось, ничего нового, когда на горизонте начали сгущаться грозные предвоенные тучи.

Мы, чьё знание ограничено, пытались взять на себя роль врачей, стремящихся сбить жар, сжигающий клетки Большого Человека — Человечества. Можно сказать, что мы прописали ему ментальное лечение, дабы ускорить процесс выздоровления.

Астральные силы, с которыми мы боролись, носились в воздухе подобно болезнетворным микробам. С точки зрения великого Учителя, они представляли собой не более чем инфузорий, которых вы можете рассмотреть только через микроскоп.

И если вы хотите понять Его и помочь Ему в Его работе, настройте своё зрение в унисон с Вечностью и со временем. Но не считайте свою собственную работу малозначительной из-за того, что она имеет ограниченный характер: это только иллюзия, что с точки зрения высшего она кажется незначительной.

Как же ещё может сам человек стать Учителем, как не благодаря этой работе, от которой зависит здоровье всего планетарного организма? Идеальное здоровье организма возможно лишь при условии идеальной работы каждой его клетки.

А теперь позвольте мне рассказать, чем была вызвана необходимость этой войны. Настало время человечеству воспринять идею *братства*, дабы приготовиться к появлению новой Расы, которое уже не за горами. Но вместо этого всё больше и больше усиливалось чувство отчуждения, хотя материальные открытия и нововведения последнего столетия уже сделали *братство* вполне достижимым в материальном мире.

В этой междоусобной войне ритм отчужденности достиг своей кульминационной точки. Без этой войны достижение братства между людьми оказалось бы отложенным на долгий срок

из-за нежелания человека достичь эмоциональной гармонии с Законом, действие которого уже было наглядно продемонстрировано ему в физическом мире.

Иными словами, тело начало расти быстрее, чем душа, и душе пришлось страдать вместе с телом; душе пришлось разорваться на части, чтобы она смогла исцелить себя своей же собственной силой — силой любви.

Я говорил о том, что вам не следует чересчур активно подгонять ритм идеи братства к его кульминационной точке. Это предостережение справедливо по отношению ко всем ритмическим волнам. Немцы хотели стать правящей расой на Земле. Но они утверждали своё превосходство столь активно, что в результате получили нечто совершенно противоположное желаемому. Утверждайте, но с умом.

Они вполне могли бы стать лидерами нового духа — духа Единства. Но они не справились с этой задачей и упустили предоставленную им возможность. Немцы, живущие в Соединённых Штатах, могли бы стать связующим звеном между Соединёнными Штатами и Германией. Но взгляните, во что они превратились сейчас!

Учителя потому и не позволили Германии обзавестись собственными крупными колониями, что её избыточное население могло бы в этом случае рассеяться по Земле и смешаться с другими расами. Немецкой крови необходимо было перемешаться. Её усилившаяся активность в материальной сфере смогла бы в этом случае оказать влияние на весь мир.

Но вместо этого Германия начала упиваться своим собственным величием. Она ускорила достижение кульминационной точки ритма, который в противном случае мог бы стабильно нести её вперёд. Это была её кармическая неудача.

Расы подобны органам тела Человечества. Если раса отказывается действовать в гармонии с телом Человечества и ради него, а значит, и ради себя, — она заболевает.

Но если даже сейчас Германия повернётся лицом к Высшему Единству и начнёт поклоняться Единой Системе, а не своему маленькому расовому богу, то она сможет восстановить свои утраченные позиции, пройдя период страданий и посвящения. Удастся ли ей это?

Поживём — увидим. Помогайте, подобно Учителям, сдерживать дурную карму этой расы.

3 апреля 1915 г.

Вы можете сделать гораздо больше, чем просто записывать всё то, что я говорю вам о братстве. Не щадя себя, вы должны помогать миру осознавать эту идею, указывая истинный путь как отдельным личностям, так и массам людей.

Вселенское Братство! Как прекрасно звучат эти слова! Тысячи уст повторяли их ради самой их музыкальности, в то время как подлинный их смысл никогда не открывался ни уму их, ни сердцу.

Вселенское Братство — это не просто братские отношения между всеми единицами Множества. Вселенское Братство — это ещё и их единство, осознанное и реальное, Единое Существо. Вселенское Братство есть возвращение Множества к Единству и ощущение радости от этого возвращения.

Вы часто повторяете древнее индусское слово, заклинание, мантру — АУМ, повторяете, как попугай; но если бы вы понимали значение слова АУМ, мне не пришлось бы проповедовать вам сейчас идею братства, а под словом «вы» я подразумеваю всех мужчин и женщин, разглагольствующих о Вселенском Братстве.

А-У-М — Единственное, Множественное и существующее между ними единство: Сущностное, НеСущностное и Отрицание разделённости. АУМ — семя, растение и его аромат.

Как вы считаете, для чего вы пришли в этот мир?

Вы, конечно же, слышали о Мулапракрити — вы, теософы. Мулапракрити — корень природы. Вы слышали о трёх гунах или качествах Мулапракрити — саттва, раджас, тамас. *Саттва* — свет, сущее, покой; *раджас* — действие, страсть, стремление; *тамас* — тьма, инерция, отрицание.

Многие из вас слышали ещё о Христе, Люцифере, Ахримане^[22] — это те же саттва, раджас и тамас, только под другими именами.

Вы, каббалисты, слышали о Нещаме, Руахе, Нефеше — стремлении, индивидуальном разуме, материальности.

Все вы слышали о Вишну, Брахме, Шиве — Хранителе, Творце, Разрушителе. Да, таким должен быть истинный порядок, ибо Вишну в каждой калыпе^[23] сохраняет, а Брахма воссоздает.

Кришна (Вишну) говорит в Бхагавад-Гите: «Я — Подлинная Сущность, пребывающая в сердцах всех существ».

Он — Единство *и в то же время* Множество, ибо Он пребывает во множестве, и множество пребывает в Нём. Кришну *невозможно* осознать иначе, как Истинную Сущность, пребывающую в сердце каждого существа. Невозможно понять Христа, не разглядев Его в сердцах всех существ.

Да, вы можете сражаться друг с другом и называть это ненавистью или войной; это и есть разделённость.

Разделённость необходима на определённом этапе эволюции, дабы эго смогло осознать свою самостоятельность; но приходит — и уже пришло — время расе вернуться назад, к своему Истоку, к Единству, к Атме^[24], которая присутствует в каждом человеке.

Я многое узнал с тех пор, как расстался с вами два года назад. На Земле я был далёк от того, чтобы беспрестанно говорить о Вселенском Братстве. Я стремился достичь «неповторимой индивидуальности». Что ж, я её достиг. За время своего двухлетнего путешествия среди планет, и не только планет, я нашёл ту силу, которую искал; но я нашёл и кое-что ещё — ЛЮБОВЬ,

самую большую силу на свете.

Братство — это ЛЮБОВЬ, вот почему я его проповедую. Индивидуальности можно достичь и через ненависть, но это не будет та самая «неповторимая индивидуальность».

Не бойтесь потерять своё собственное «я». До тех пор, пока вы способны любить ещё хоть кого-то кроме самого себя, потеря индивидуальности вам не грозит. Поскольку любить нечто другое — значит утверждать собственную индивидуальность.

Любить только своё обособленное «я» — значит утрачивать свою индивидуальность, ибо проявляться она может только по отношению к другим самостоятельным личностям. Оставшись в одиночестве во вселенной, вы можете быть либо ничем, либо ВСЕМ, но вы не сможете стать ВСЕМ иначе, чем через единство со всеми, а это единение и есть ЛЮБОВЬ.

Бунтуйте как хотите, но самим этим бунтом против остальных вы уже признаёте их равенство с вами, признаёте их существование, а за этим сосуществованием стоит Единство, Кришна, «Подлинная Сущность, пребывающая в сердцах всех существ».

Вас, возможно, шокирует то, что я скажу вам, но эта война, с нашей точки зрения, выглядит просто глупым ребячеством.

Война могла быть благородной много-много лет тому назад, когда человечество ещё только становилось на ноги и ему необходимо было ощутить свою индивидуальность, но с течением времени война становится не только ненужной, но даже глупой.

Я вовсе не думаю шутить серьёзными вещами. Я знаю гораздо лучше, чем вы, насколько серьёзна эта война, поскольку могу наблюдать её на обоих планах.

Войну между силами добра и зла нельзя называть глупостью. В сердце человека эта война будет продолжаться ещё очень долго, эон за эоном; но уже настал день, когда человек объявил войну тому злу, что гнездится в нём самом, предоставляя другим людям самим воевать со злом, которое кроется в них. Меч Марса — бога войны не начнёт ржаветь до тех пор, пока Марс, заключённый в человеке, не перестанет сражаться с прячущимися в этом же человеке силами тьмы.

Мне доводилось видеть воплощения заключённого в человеке зла, видеть его объективные формы, и могу вас заверить, что этот враг заслуживает того, чтобы обнажить против него свой меч. В каждом из вас сидит враг, достойный того, чтобы вы вызвали его на поединок.

Но у каждого человека есть также Истинная Сущность, божественная природа, Христос, Кришна, который пребывает в сердце каждого существа.

Хочу рассказать вам кое о чём, что я видел собственными глазами.

В одном сражении во Франции два солдата закололи друг друга штыками. Сидевший в каждом из них дьявол отлетел вместе с душой. Это не были обычные люди. Я видел этих двух дьяволов, этих двух «стражей порога», этих двух «элементалов желания», называйте их как хотите. Вы полагаете, что они тут же набросились друг на друга и продолжили бой? Ничего подобного. Каждый из них набросился на свою собственную душу. Друг друга они совершенно не интересовали: они не могли ничего дать друг другу и не могли ничего друг у друга отнять — эти дьяволы, «стражи порога», элементалы.

Вы понимаете, о чем я говорю? *Ваш враг прячется внутри вас.*

А тот, с кем вы сражаетесь во внешнем мире, — ваш брат. Возлюбите его братской любовью, и ваш дьявол начнёт слабеть, а ваш ангел, напротив, станет сильнее.

Ваш ангел — производное Атмы, Христа, Кришны, пребывающее в вас. Это та же самая Атма, тот же Христос и тот же Кришна, что и в вашем брате.

Все дьяволы сугубо индивидуальны. Все ангелы, напротив, похожи друг на друга, хотя некоторые из них могут быть сильнее и опытнее, чем другие.

Ищите Христа в самих себе, дабы он мог проявиться вместе с волной великой радости в

каждом человеке.

Вот что мне хотелось бы поведать миру этим вечером накануне Пасхи.

Нет, не подумайте, что я принялся писать очерки. Я пишу письма. Так что позвольте мне быть настолько непоследовательным в изложении, насколько мне заблагорассудится. Тем более, что под конец моих трудов вы сможете убедиться в том, что здание всё-таки выстроено по плану и каждая деталь находится на своём месте.

Пофилософствовав в предыдущем письме, я хочу рассказать вам одну историю.

Когда германская армия проходила через покорившийся Брюссель (а продолжалось это, я помню совершенно отчётливо, в течение трёх дней — бесконечный серо-зелёный поток людей, на бесчисленных шлемах которых попеременно отражался свет то солнца, то фонарей), я простоял однажды целый час на одном балконе, пытаясь прочесть мысли людей, друг за другом проходивших мимо меня.

Как я уже объяснял вам раньше, я без труда могу читать мысли немцев; только пытаюсь объяснить им что-либо, я зачастую испытываю затруднения.

Поток людей и поток мыслей, и каждый человек в нём — волна, и каждая мысль — волна!

Вот несколько мыслеволн, привлёкших моё внимание:

«Какой красивый город этот Брюссель!»

«Как ноют ноги. До ужаса неудобные сапоги!»

«Это дерево — совсем как то, что растёт у моего дома».

«Мама сейчас, наверно, варит кофе».

«Симпатичная девчонка — та, что несёт хлеб в корзинке!»

«Наверное, Гретхен будет теперь чаще болтать с Гансом, раз уж меня нет дома».

«Вон те ворота слева — те самые, что были на открытке, которую Мари прислала мне в прошлом году».

«Как ноют ноги. До чего же неудобные сапоги!»

«Так это и есть Брюссель! Всегда хотелось здесь побывать».

«Как болит голова!»

«Deutschland uber Alles! Deutschland uber Alles!»

«Интересно, заплатил ли лейтенант своему портному».

«До чего же жарко!»

«Что-то сейчас подельывает отец?»

«Сейчас бы кружечку пивка!»

«Хорошо, что нам не приходится разрушать этот Брюссель!»

«И всё-таки, к чему вся эта война?»

«Родина! Родина!»

«Интересно, что сегодня будет на ужин?»

«Знать бы, куда мы идём».

«Здесь не так хорошо, как Unter den Linden^[25]».

«Когда придём в Париж, надо будет обязательно посмотреть на Венеру Милосскую».

«Как болит голова!»

«У нашего малыша прорезались зубки!»

«Скорей бы, наконец, ужин!»

И так далее без конца, а серо-зелёная река всё текла и текла по улицам Брюсселя.

И это были люди, которые немного погодя начнут убивать, грабить, жечь и насиловать, и снова — убивать, грабить и жечь! И многие из них делают это уже давно — эти усталые люди с

их пустыми, совсем не воинственными мыслями — банальными солдатскими мыслями — о доме, о еде, о своих больных ногах, об открытках Мари, отправленных в прошлом году, или о кофе, который готовит мама!

Какая сила превратила их в дьяволов? Какой закон превратил их в зверей, заставив позабыть даже про свою усталость? Хриплый рёв боевой трубы? Или ещё какой-нибудь дьявол, стоявший за дьяволом, трубившим в эту трубу? Или это был злой дух нации, или же просто дух войны?

Здесь присутствовало всё это, вместе взятое.

Возможно, когда они только начали свой марш, они думали о славе и ненависти, о жизни, смерти и чести; но их марш затянулся, и их мысли стали примитивными, как у уставших от жизни стариков.

Но для чего всё это? Какая сила толкала их вперёд? Некоторые из них убивали беззащитных обывателей и беспомощных детей, бесчестили монахинь и невинных девушек, в бою гнали перед собой стариков и старух, используя их как щит от пуль неприятеля.

Что пробудило в них дьявола? Ваш друг был прав, когда говорил, что боевая труба — это как раз тот инструмент, который способен разбудить спящего в человеческой груди демона. Он говорит также, что вместе со звуками боевой трубы демонические силы могут проникать в наш мир извне и затем вселяться в людей. И тут он тоже прав.

Он говорит, что она привносит в душу элемент огня. Абсолютно верно! Огонь — элемент разрушения, очищающий разрушением всё то, что не в силах ему противостоять. Огонь в душе, огонь в нервах, огонь, изрыгаемый дулом винтовки, — и смерть, которую огонь несёт всему, что попадает на его пути!

В течение многих дней мне приходилось слушать тот оглушительный шум, с помощью которого Германия старается вселить ад в сердца своих солдат. Ещё вчера у меня от него весь день звенело в ушах.

Ну почему вы вздрагиваете? Разве вы ещё не свыклись с мыслью о том, что я могу путешествовать повсюду, мгновенно перелетая из европейского ада в нью-йоркское чистилище? Да, нью-йоркские немцы сейчас пребывают в чистилище, ибо они понимают, что их дело обречено. Чистилище предназначено для очищения. Так будем же надеяться, что в их сердцах оно выполнит своё предназначение. Я не считаю, что это жестоко, напротив — это благословение. Я люблю немцев, как и все прочие расы. Так же, как и вы — в глубине вашего сердца.

Да, это я надумил вас пойти к немецкому доктору, и надо сказать, мне это удалось без особого труда. Я просто хотел показать вам, каким добрым *должен быть* немец. И таких людей много среди этой страдающей в аду нации.

Вы должны понять, что это ад входит в человека, а не человек нисходит в ад. Разве не доводилось вам слышать, что человек — это микрокосм Макрокосма? Каждый из тех усталых серо-зелёных солдат, которых я видел марширующими по Брюсселю, был достаточно велик, чтобы вместить в себя и ад, и небеса, и мир духов. Каждый из них часто ощущал в себе Небеса, когда прислушивался к напевам своих учителей-музыкантов. Но когда начинала звучать боевая труба и в них пробуждались ненависть и жажда убивать, тогда в них вселялся ад.

Много раз я пытался удержать немецких солдат от позорных поступков своими слишком разуплотнёнными руками.

Однажды в Намюре мне удалось удержать одного молодого человека от поступка, который мог бы лишить его самоуважения до конца его дней, а жил он после этого происшествия всего лишь двадцать один день. Он был неплохим парнем, но в нём, как и во всех прочих, проснулся дьявол. Он обладал весьма высокой чувствительностью, благодаря чему мне и удалось заставить его почувствовать сдерживающую силу моих рук. Он решил, что это были руки его покойного

деда, умершего за год до этого. Что он сделал? Он пощадил свою жертву.

(Ну что ж, попытайтесь отыскать Намюр на карте, раз уж вам так хочется! Он должен быть на своём месте — там же, где и всегда. Меня мало заботит ваше знание географии Бельгии, но то, что вы вернулись в мир своих собственных мыслей, заставляет меня прервать нить моего рассказа).

8 апреля 1915 г.

Думали ли вы когда-нибудь о том, что ожидает Соединённые Штаты после войны? Соединённым Штатам уготована роль колыбели новой Расы. Вот почему вам было предназначено родиться здесь — вам, с чьей помощью я пишу эту книгу. Вот почему я решил именно вас попросить помочь мне в моей работе во имя торжества Вселенского Братства.

Нет, вам всем вовсе не обязательно всё время оставаться в Соединённых Штатах. Будет даже лучше, если вы продолжите смешиваться с другими расами в местах их постоянного обитания.

Теософское Общество не могло бы возникнуть ни в какой иной стране. Ни в какой иной стране не мог бы появиться спиритуализм. В Соединённых Штатах всегда с готовностью принимают всё новое, приветствуют всё неизведанное и любят вещи уже за одну только их новизну.

Разумеется, без злоупотреблений здесь не могло обойтись и не обошлось. Практически каждый обманщик может найти себе последователей в Соединённых

Штатах, но без этого гостеприимного отношения ко всему новому страна эта не смогла бы стать колыбелью Новой Расы.

Эту Расу составят не молодые, но напротив — самые старые и испытанные души, обогащённые опытом прошлых жизней. Простодушие и детская непосредственность американцев — следствие духовной зрелости. Раса как таковая сейчас переживает период своего младенчества, но составляющие её души — древние, как само время.

После необходимого им периода отдыха многие или даже большинство душ, земная жизнь которых была прервана этой войной, воплотятся затем в Соединённых Штатах. О, через каких-нибудь семьдесят пять или сто лет эта страна приобретёт совершенно удивительный облик!

Но вы не сможете туда попасть, если не отыщете источник неувядающей юности или же не постараетесь поскорее вернуться, отказавшись от отдыха на небесах.

Вдохновенный Понсе де Леон искал этот источник в Новом Мире. Если он и в самом деле существует, то только там, но Австралия и Россия в будущем создадут свою собственную сильную Расу. Нет, я не собираюсь рассказывать вам о Седьмой Расе. Она появится в своё время, но сейчас мне хотелось бы рассказать о Шестой Расе, к числу пионеров которой я отношу и вас.

Не выбрасывайте этот фрагмент из моей книги, потому что один ваш враг обвинил вас однажды в эгоцентризме. Наши враги всегда стараются найти в нас свои собственные качества, чтобы потом ненавидеть нас за них. Развейте в себе какое-нибудь качество, какого нет у вашего врага, и он (или она) полюбит вас за него. Наездник не станет завидовать музыканту из-за того, что тот музыкант. Но музыкант может завидовать другому музыканту, и эгоист, увидев другого эгоиста, проникается к нему ненавистью. Если бы немцы были слабой нацией, они не смогли бы так ненавидеть англичан за то, что те ещё сильнее.

Когда Шестая Раса полностью сформируется, все действительно развитые мужчины и женщины обретут способность видеть Астральный Мир, слышать невысказанные слова и читать мысли других людей. Разумеется, эта новая Раса будет состоять из людей, стоящих на самых разных ступенях развития. Всеобщее равенство развития — это всего лишь красивая мечта, — слышите вы, социалисты? Разве над вами нет вышестоящих существ, ваших руководителей? Менее развитые души, которым суждено воплотиться в Шестой Расе — это те, кто заслужил

право на *ускоренное* развитие в системе этой Расы. Чем же они заслужили это право? Своей готовностью духовно расти и изменяться.

Ступайте в горы и посмотрите, как растёт всё кругом. Прочтите хоть одну страничку из книги Природы.

Вас интересует будущее Англии. Вы имеете в виду Старую Англию. Не она ли дала вам вашу нынешнюю цивилизацию? Конечно, в этом участвовали и другие расы, но её язык говорит сам за себя.

Как я уже указывал раньше, Англия служила орудием в руках Великих, которые стремились установить братство рас. Этот факел она пронесла по всему миру. Она связала воедино континенты и создала ту цепь, которая должна в будущем связать между собою всех людей. Относитесь к ней с уважением, ибо она заслужила его.

Уважайте все народы как сообщества душ, душ ваших братьев, но помните, что большего уважения заслуживают те народы, которые действуют в соответствии с Законом, а не против него. Тем, кто ожидал увидеть Германию колыбелью Новой Расы, не стоит более шуметь перед дверью, ведущей в комнату роженицы. Они уже отпугнули прилетавшего к ней ангела.

В Европе — четыре жестоких расы, которые не в состоянии качать колыбель с божественным младенцем. Они бы даже не удосужились вынуть воткнувшуюся в его спинку булавку до тех пор, пока он совсем не обессилел бы от крика. Я не стану называть эти расы.

Шестая Раса — чувствительный ребёнок, и любовью её можно научить гораздо большему, нежели муштрой. Шестая Раса сама приучит себя к дисциплине, когда поймёт, что это ей необходимо. Её учителем станет любопытство, а её забавами — мирные науки и искусство. Её колыбельной будет гимн братству. Нет, ей не место в немецкой колыбели, но американцы германского происхождения вполне могут помочь качать её. Они умеют петь замечательные колыбельные, эти немцы, когда забывают о своей взрослой серьёзности и возвращаются к фантазиям детства, к мифотворческим фантазиям.

Нам хотелось бы видеть в Соединённых Штатах побольше французов, поскольку Франция может дать Новой Расе гораздо больше, чем любая другая нация, — Франция — это вдохновенный пророк и, прежде всего, Франция-критик. У американцев не слишком критический, не слишком аналитический и не слишком утончённый склад ума. Америке нужна Франция, её мужчины и женщины. Вы, наверное, слышали старую поговорку: «У каждого человека две родины — своя собственная и Франция». Возможно, я не совсем точно цитирую, но идея вам ясна.

Вы сомневаетесь в том, что человек, родившийся под сенью славы и очарования Франции, может пожелать переехать в Новый Свет? Но многие именно так и поступят, и ещё больше — последуют за ними, как через океан, так и через перевоплощение. Вы и сами попали сюда таким же путём, хотя вряд ли об этом догадываетесь.

Восстановите свою память о прошлых рождениях — вы, пионеры Шестой Расы! Вам это под силу. Это часть наследия вашей Расы.

Америка, «плавильный тигель» народов! Ты рождена не для создания внешних империй. Когда придёт время, передай Филиппинские острова нации, которой можно будет их доверить. Твоя империя — твоё собственное тело, твоя раса составлена из десятков рас, ты — наследница многих отцов, ты — мать единой Новой Расы!

Укрепите свою армию и военный флот, раз уж вы так нервничаете. Поставьте громоотводы на свои дома и сигнализацию на окна и двери. Почувствуйте себя в безопасности. А потом помечтайте о братстве, если вы в него верите.

Сядьте у камина, в котором горит уголь, добытый из земли голландцами, посмотрите, как дым втягивается в трубу, сложенную из кирпича, сделанного руками ирландца; возьмите в руки

газету, напечатанную на языке англичан, и почитайте её при свете лампы, сделанной немцем; поглядите на свой каминный коврик, сотканный турком или армянином; ощутите силу своих мускулов, которые вам помогает тренировать швед; насладитесь чистотой своего белья, которое вам стирает китаец; послушайте, как ваша дочь исполняет на фортепьяно русскую, итальянскую, польскую или французскую музыку; обведите взглядом все вещи в своей комнате, созданные сыновьями десятка других рас — ваших соседей, ваших сограждан, таких же, как и вы, американцев, и тогда скажите мне, неужели вы по-прежнему *боитесь* верить во Вселенское Братство и в Новую Расу — синтез всех рас!

8 апреля 1915 г.

Хотелось бы больше рассказать вам о Франции и о том, что она может сделать для Америки, родины Будущей Расы.

Я уже говорил о её любви, которая столь велика, что даже её недруги не в силах её ненавидеть. Я хвалил её критический талант, её способность анализировать вещи и сопоставлять их между собой. Но теперь я хотел бы поговорить о её учтивости и очаровании.

Вы сказали себе, что хорошие манеры — это всего лишь имитация добродушия. Но имитировать — значит стремиться. Если у расы есть изысканные манеры, значит, у неё есть утончённое сердце, которое грубым расам ещё предстоит совершенствовать.

Приглашайте французских учителей в свои школы — вы, американцы. Учитель-француз или мать-француженка учат своих детей не делать тех или иных вещей просто потому, что они некрасивы (можно ещё сказать — не эстетичны или неблагоприятны). Имитируя таким образом добродушие, в один прекрасный день вы, возможно, начнёте ощущать его — вы, американские дети.

Устанавливая стандарт хороших манер, вы не должны бояться иногда забывать об общепринятых этических нормах. Вы все впитали с молоком матери пуританскую этику, но нет ничего страшного в том, что вы нарушите эти заповеди, решив для разнообразия поработать над своим шармом.

Во Франции не найдёшь ни одного лица, которого ни разу не коснулась бы улыбка. Но когда сегодня днём я пересекал Францию, направляясь к вам, я увидел совершенно иную картину. Однако лица французов были всё так же мужественны, потому что это некрасиво — устраивать парад унылых лиц. Возможно, парадом уныния можно было бы назвать изобилие траурных одеяний на французах, но чёрный цвет является для них данью уважения всем умершим французам.

Вкус! Есть раса, которая им обладает. Как видите, когда я советую Америке учиться у Франции, я, конечно же, имею в виду положительные качества этой нации. Никто из нас не без греха.

Вкус французов, которые сейчас живут в Соединённых Штатах! Может, они издают журналы на английском языке, в которых клеймят своих врагов? Или стараются занять своё лобби в Вашингтоне и в Нью-Йоркском пресс-комитете? Если это так, то я ничего об этом не слышал, хотя здесь нам известно очень многое — нам, желающим знать всё, что происходит на Земле. Даже если они беспокоятся о своей израненной стране, они ни за что не станут орошать слезами ворот свежесглаженной американской сорочки. Если они ненавидят своего врага, то спокойной, благовоспитанной ненавистью. Если французы выигрывают войну, то не кичатся своей победой; а если терпят поражение, то не обзывают своих врагов гремучими змеями или как-нибудь ещё. И всё потому, что это было бы некрасиво. Возможно, это не стало бы нарушением общепринятых этических норм, но это был бы явно дурной вкус.

Американцы, напротив, любят хвастаться. Я говорил это ещё тогда, когда сам был американцем, ещё до того, как я был оторван от Земли и стал гражданином невидимого и универсального мира; и с тех пор общение с ангелами, Адептами и Учителями так и не заставило меня изменить своё мнение на этот счёт. Ангелы, Учителя и Адепты никогда не хвастают, а вот дьяволы — часто.

Советуя Америке перенимать у Франции всё то, в чём она преуспела, я отнюдь не пытаюсь принизить значение других рас. Каждой нации есть чему поучиться у всех остальных. Например, китайцы и японцы превосходят своих соседей по степени развития некоторых положительных качеств. Так же и американцы.

Эта война выявила доминирующие черты всех воюющих народов, да и остальные черты тоже. Думали ли вы, что «турок в тюрбане» (или, вернее, хотя и не совсем по-шекспировски, — турок в феске) может быть таким доверчивым? Вероломные расы всегда доверчивы, так же как жестокие расы всегда сентиментальны — во всём, что касается их самих. «Свободной Америке» следует опасаться слишком большого количества законов. Англия, чересчур хорошо осознающая свою добродетель, будет однажды введена в искушение. Германия, которая «превыше всего», будет повержена всем миром. Импульсивной Италии теперь приходится так много думать, что для любой другой страны подобную задумчивость мы сочли бы даже опасной. А «нейтральная Америка» стала теперь настолько пристрастной, что её правая рука грозит левой и обе вместе — телу.

Не сердитесь на президента Вильсона. Он решает проблемы нынешней войны так, как будто на дворе 500 г. до нашей эры, но взгляд издалека, как правило, создаёт самое верное впечатление. Профессор в нём всегда был сильнее политика. Сейчас он очень несчастен. Почему? О, это государственное дело, а я пишу для широкой публики! Я знаю столько секретов, что вынужден быть осторожным, как семейный доктор.

Но есть один «Американец, стоящий на страже этой ночью». Кто же это? Старый Авраам Линкольн, который отказался от Небес ради той страны, в которой он жил и ради которой умер.

Нет, больше я вам ничего о нём не скажу. Есть нечто святое в той душе, которая отказывается от покоя. Он не уйдёт далеко от Земли до тех пор, *пока Америка не пройдёт через следующее великое испытание*. Когда это произойдёт? Как сказала бы Прекрасное Существо: «Нет, дитя моё, ты слишком любопытна».

И всё-таки вам хотелось бы больше узнать об Аврааме Линкольне! Несколько лет тому назад мне и самому хотелось об этом узнать, но я не задавал так много вопросов. Это некрасиво, как сказали бы няньки-француженки.

10 апреля 1915 г.

В своей прошлой книге я напоминал вам о том, что ваши друзья, перешедшие в Астральный Мир, знали далеко не всё и что хотя их зрение стало более совершенным и менее затемнённым материей, всё же они не могут делать таких многословных пророчеств, как профессиональные гадалки, или, по крайней мере, они достаточно мудры, чтобы не пытаться их делать. Сейчас мне хотелось бы остановиться на этом вопросе подробнее, только тема моего рассказа будет гораздо более возвышенной, нежели обычные обитатели астрального уровня.

Начну с того, что среди нас нет абсолютного единства во мнениях относительно всех *деталей* окончания этой войны. У нас есть два особо рьяных спорщика, которые, хотя и стремятся к одному и тому же исходу — достижению мира, не во всём согласны друг с другом относительно наилучших путей его достижения.

Один наш Брат, всё ещё проводящий большую часть времени в физическом теле, очень хотел бы уменьшить силу удара, который должен обрушиться в этой войне на одну из наций. Нам всем тоже очень бы этого хотелось, но он ещё придумал план, реализация которого, по его мнению, действительно приведёт к существенному ослаблению этого удара. Он знает, что реализовать этот план ему вполне по силам, но он достаточно мудр для того, чтобы не подстегивать события. Он никому не навязывает свою программу. Он лишь старается ненавязчиво вдохновлять тех, в чьей власти начать реализацию программы мира по предложенному им образцу. Мы даже не пытаемся изменить поток его человеколюбивых мыслей, поскольку он — единственный среди нас (а говоря «нас», я имею в виду Братьев, достигших определённого уровня развития); так вот, он — единственный среди нас, кто проявляет к одной расе больше сочувствия, нежели ко всем остальным. Он не так стар, как некоторые из нас, но всё же он — один из самых великих.

Он волен делать то, что ему нравится, но сам я, признаюсь, не очень уверен. С одной стороны, он мудрее меня, но с другой стороны, на моё суждение не влияет сочувственное отношение к моей собственной стране, которая, к тому же, не участвует в войне непосредственно, так что я могу быть даже более беспристрастным судьёй, чем он.

Не подумайте, что я подозреваю своего Брата в слабости. Любовь — это не слабость.

Не так давно этот Брат рукою своего ученика записал одно предсказание, и оно, вероятно, сбудется. Но никто из нас даже пальцем не пошевелит ради того, чтобы оно сбылось. В конце концов, если это действительно наилучший путь, то его поддержат все.

Даже Учитель не знает всего, хотя незрячему взору менее развитого человека он представляется всезнающим. Но Учитель слишком мудр, чтобы пытаться навязать миру свою индивидуальную волю. Чёрный маг старается добиться исполнения своих желаний, навязывая свою волю другим, и это ему часто удаётся, но он далеко не всегда учитывает при этом ответную реакцию. Светлый Учитель помнит о ней всегда. Он действует в *соответствии* с Законом.

Сейчас в Америке появляется школа магии (поскольку то, чем она занимается, есть одна из форм магии). Учителя этой школы учат своих последователей добиваться желаемого результата, реализовывать в материальном мире материальные желания своих сердец. И это удаётся им — наиболее сильным из них, — если их желания не идут вразрез с великим потоком желаний, несущим расу вперёд. Но, как правило, эти материальные желания не полностью согласуются с кармой выражающего их человека, и, в результате, сложившееся равновесие хорошей и плохой

кармы оказывается настолько истощенным с одной стороны, что на следующую жизнь человеку остаётся только великое множество плохой кармы, слабой кармы, которая так и не была должным образом распределена в то время, когда человек забавлялся своей новой игрушкой — той магической силой, которую он использовал, чтобы превратить свою прошлую жизнь в сплошную беззаботную песню.

Самый лучший способ достичь желаемого — это желать того, что согласуется с предписаниями Великого Закона. Именно так и поступают Учителя. И я вовсе не отрицаю величия моего Брата, о котором я говорил до этого. Его желания, как и желания каждого из нас, согласуются с волей Великого Закона; и даже если любовь к своей собственной родине вдохновила его на создание плана действий, который представляется ему соответствующим Великому Закону, то всё равно можно не сомневаться в том, что он не стал бы приводить этот план в исполнение (даже если бы мог), не убедившись предварительно, что при этом он никоим образом этот Закон не нарушит.

Для человека, который ещё не достиг совершенства Учителя, всегда существует опасность того, что его умозаключения окажутся противоречащими Закону кармы. Если бедный человек хочет разбогатеть и это желание достаточно сильно, он может разбогатеть, но при этом он может упустить многие другие вещи, в которых его душа нуждается гораздо более, чем в богатстве.

Одной из величайших опасностей, грозящих Америке в будущем, является опасность чёрной магии. Среди сотен мужчин и женщин, увлекающихся «Новым Мышлением», «Христианской Наукой», церемониальной магией и некоторыми определёнными философскими учениями, пусть даже преследующими (на словах) самые высокие цели, с трудом можно найти хотя бы одного, чей интерес был бы действительно чистым и бескорыстным.

В Америке заключена великая сила. Неизведанные холмы и горы полны свежих, новых энергий, которые может использовать человек. И Астральный Мир над Америкой, тот слой астральной материи, который лежит непосредственно за пределами физического материка, подобно тому, как аура человека обрамляет его тело, — этот астральный слой над Америкой полон сил, элементарных и астральных, которыми могут осознанно пользоваться те, кто умеет с ними обращаться, и которые бессознательно используют те, чьи личностные желания настолько сильны, что могут приводить в движение более или менее имперсональные силы. И этот Астральный мир уже приведён в движение силой желания, или воли.

Великая опасность подстерегает на этом пути тех, кто использует эти силы во зло, а грань, отделяющая корыстные желания от зла, очень тонка.

В этой расе стремятся переродиться многие из тех, чья магическая деятельность, связанная с тёмными силами, была прервана ещё в древние дни Атлантиды. Да, то, что рассказывают об Атлантиде, — правда. И многие из тех душ возвращаются: некоторые — сюда, некоторые — в другие страны. Но основной их поток движется в направлении Нового Света. Так что именно вам, равно как и всем тем, кто знает, что магия, направленная на достижение корыстных целей, есть *Чёрная магия*, предстоит предостерегать всех, кто слишком увлечён мыслью о возможности построить своё собственное счастье за счёт других.

А предупредить их необходимо. И я сам хотел бы сказать тем, кто стремится к оккультному знанию с единственной целью — достичь исполнения своих корыстных желаний, что если они встанут на пути Закона, который прививает новой Расе бескорыстие, *они погибнут снова*, как погибли во времена Атлантиды. Я вовсе не хочу сказать, что погибнут их души, — пресекутся раньше срока только их земные жизни, а результаты их вредоносной деятельности будут сведены на нет.

Надеюсь, вас не слишком шокирует, если я скажу вам, что в Европе и до войны, и во время

войны действовали «искусственные элементарлы», созданные во времена Атлантиды. Эти существа — а у них есть сила и псевдоиндивидуальность — использовались в этой войне теми — ныне вновь воплотившимися — кто создал их много веков назад. Благодаря действию силы притяжения они снова оказались во власти своих создателей.

Одно из таких созданий было уничтожено в июле прошлого года, и я участвовал в его уничтожении.

Во время рождения Новой Расы необычайно активизируется воля. А потому используйте свою волю в согласии с Законом, а не вопреки ему.

Понимаете ли вы — вы, ставящие свои желания превыше всего, — что каждый из вас — всего лишь капля в потоке душ? Капля, которая, будучи отделена от потока, может быть сожжена солнцем и обращена в пар, после чего ей долго придётся скитаться в таком состоянии, прежде чем она сможет снова вернуться в поток.

Но не считайте таковым моего Брата, который хочет смягчить удар, направленный на его страну. Я тоже хочу лучшего будущего для своей страны, потому-то я и пишу сейчас о Новой Расе, которой предстоит родиться в Америке. Но если бы я узнал — от своих ли Братьев или благодаря своему внутреннему озарению — что новой Расе лучше всего появиться на свет в другой стране, то начал бы с не меньшим усердием трудиться ради достижения этой цели. Так же и мой Брат. Мы — те, кто трудится во исполнение Закона, — ставим благо человеческой расы выше всех своих личных привязанностей. Все расы суть одна Раса — человеческая, и мы все работаем вместе как одно целое.

11 апреля 1915 г.

Однажды ко мне пришёл Ангел, которого мы называем Прекрасным Существом, ведя за руку другого Ангела. Долгая дружба с этим необыкновенным Существом приучила меня никогда не удивляться ничему из того, что Он делает. Я принимаю все его причуды за проявления сознания, непохожего на моё собственное и более совершенного, ведь очень многим из того, что мне удалось узнать за последние три года, я обязан именно Его немного эксцентричной, но очень нежной дружбе.

Как я уже говорил в своём предыдущем письме, этому Прекрасному Существо (которое мы называем Ангелом за неимением лучшего термина) никогда не доводилось жить на Земле в физической оболочке. Это Существо принадлежит к иному этапу эволюции, нежели человек, и потому Его взгляды на человеческую жизнь имеют исключительную ценность.

Подойдя ко мне, Он улыбнулся и подвёл за руку другого, *подобного себе*, но ещё менее, чем Он сам, похожего обликом на человека.

Здесь, в небесных сферах, можно услышать порою весьма нетрадиционные суждения, но Прекрасное Существо, наблюдавшее жизнь людей, иногда забавляет меня восхитительным копированием обычаев смертных.

— «Облачённый в розовое», — сказала Прекрасное Существо своему собрату-Ангелу, — позволь представить тебя моему другу «Х.», судье, недавно прибывшему с планеты Земля. Безусловно, он не откажется стать твоим проводником по территории, где сейчас творится история. Спрашивай его, о чём хочешь, и он тебе ответит, если сможет. Он всё ещё не знает языка твоей далёкой звёзды, но он может общаться с тобою мысленно, ведь самая грубая твоя оболочка — это тело мысли.

Я сказал, что очень рад знакомству, и спросил, не хочет ли он увидеть поле боя.

— Мне непонятно значение слов «поле боя», — ответил он, — но я был бы не прочь на это взглянуть.

— Когда ты это увидишь, будешь понимать ещё меньше, — улыбнулось Прекрасное Существо.

А было это как раз в тот день, когда противоборствующие силы во Франции и в Бельгии необычайно активизировались в начале весенней кампании, и я повёл двух своих друзей на то место, откуда они могли бы наблюдать за битвой.

— Что эти существа внизу всё время посылают друг другу? — спросил Незнакомец в розовом.

— Эти предметы мы называем снарядами, — ответил я.

— Снарядами? — переспросил удивлённый Незнакомец.

Прекрасное Существо ответило за меня.

— Снаряды — это особым образом устроенные дома, в которых наши братья из великой бездны живут и развлекаются.

Выражение удивления на лице Незнакомца стало ещё более очевидным.

— Мой друг забывает, что вы не знаете языка Земли, в котором одно слово — условный символ идеи — может обозначать две идеи, даже очень непохожих друг на друга.

— Что это за предметы, которые те существа внизу посылают туда-сюда? — повторил Незнакомец.

Мне приходится переводить его речь на нормальный английский, чтобы она стала понятной. Буквально же его вопрос звучал примерно так: «Предметы, которые существа посылают друг другу?»

Благодаря долгому общению с Ангелами — как имеющими астральные тела, так и не имеющими их — я научился понимать такую речь, и я ответил, стараясь переводить привычные громоздкие словоформы на более простой язык идей:

— Предметы, которые существа под нами бросают друг другу, — это оболочки с содержимым, обладающим удивительной способностью разрушать формы других объектов, разбрасывая их части во все стороны.

— Они так играют? — спросил Незнакомец в розовом.

— Нет, — ответил я, — они воюют.

— Воюют?

Весь ужас, связанный в моём сознании с понятием «война», моя мысль передала нашему гостю-Ангелу, и его розовая вуаль побледнела от боли.

— Какое странное у меня возникло чувство... — сказал он. — Знаете, если бы вас здесь не было, друзья мои, я предпочёл бы уйти отсюда.

— Это чувство, — ответил я, — симпатическое отражение моих собственных эмоций, которые вызвали у меня мысли о войне.

— А что такое война?

— Ужасная страсть, которой предаются два противостоящих друг другу сообщества душ. Благодаря этой страсти они подавляют в себе свою природную жалость и начинают в больших количествах разрушать тела друг друга.

Вуаль незнакомца стала почти белой.

— И Бог допускает, чтобы творился весь этот ужас? — спросил он.

— Он допускает это на планете Земля.

В данном случае слово «Бог» нельзя воспринимать как точную передачу той идеи, которую подразумевал Ангел в своём вопросе, но, видимо, мне придётся довольствоваться им. Подлинное значение этой идеи не передаётся никаким словом никакого земного языка. Она подразумевает сочетание Любви, Времени и Цели, возведённых в превосходную степень, и лучшего обозначения для неё, чем «Бог», я подобрать не могу.

— Странная звезда — Земля! — сказал Ангел.

— Обитатели этого мира часто говорят примерно то же самое, — ответил я. — Это часть мудрости расы, унаследованной от далёких предков, которые, впервые попытавшись приспособить своё небесное сознание к суровым условиям этой звезды, на которую их поместили для того, чтобы они, участь, говорили друг другу: «Станный мир».

— Значит, условия этой планеты вынуждают их творить перед нами этот ужас?

— Вовсе нет.

— Тогда для чего они это делают?

— Их заставляет сила привычки.

— Значит, когда-то это было необходимо?

— В очень далёкие времена, — сказал я, — люди были более изолированы друг от друга, чем сейчас, потому что на Земле воплощалось совсем немного людей, и сияющий Архангел, ответственный за их обучение, научил их развивать в себе мужество и находчивость и подчёркивать своё «я», устраивая единоборства друг с другом.

— Но здесь, под нами, миллионы существ! — воскликнул Ангел. — И я вижу, как их тела падают тысячами!

— Это они называют великой победой, — сказал я, — а один из их командиров даёт тем,

кто убьёт достаточно большое количество людей, маленькие железные крестики.

— Железные крестики? Почему железные?

— Железо — металл Марса, — сказал я, — а Марс — их бог войны.

— А почему крест?

— Это символ их Христа.

— Это тот, кто умер здесь, чтобы научить людей любить друг друга?

— Тот самый, — подтвердил я.

— Воистину, я готов согласиться с далёкими предками этих людей, от которых они унаследовали выражение «странный мир».

— Может, подойдём поближе? — спросил я.

Незнакомец заколебался, а затем сказал с терпеливой улыбкой, глядя на Прекрасное Существо:

— Мой друг хочет, чтобы я кое-что узнал об этой звезде. Я хочу спуститься ниже.

Мы спустились и оказались примерно в сотне футов над той полосой, которая разделяла противников.

— Смотрите! — воскликнул Незнакомец. — Души отлетают от своих тел! Так вот в чём цель этой затеи — освободить души от оков?

— Не совсем, — ответил я, — каждый из них предпочёл бы видеть своего противника в оковах, но поскольку практически это сделать почти нереально, они избирают противоположное.

Незнакомец выглядел ещё более изумленным.

— Мой друг, — объяснило Прекрасное Существо, — из тех сфер, где Закон противоположностей не действует.

— Ты никогда не брал меня туда с собой во время наших странствий! — воскликнул я.

— Нет, конечно, — ведь ты слишком привязан к Закону противоположностей.

Это была наша старая шутка — моя и Прекрасного Существа.

— Посмотри! — прервал меня Незнакомец. — Одна душа направляется к нам.

Я пошёл вперёд, чтобы поприветствовать новопривывшего. Это был немецкий офицер.

— Добро пожаловать, — сказал я, но он, похоже, не понял меня. Лицо его астрального тела было перекошено. Очевидно, ему пришлось принять мучительную смерть.

Иногда мне кажется, что Прекрасное Существо знает все земные языки, и хотя Его природа настолько чиста, что лишь немногие на Земле способны понять Его, но когда душа покидает тело, она начинает понимать речь Прекрасного Существа, если, конечно, в её природе есть то, что способно улавливать высшие вибрации, делающие жизнь этого Ангела столь насыщенной и удивительной.

— Добро пожаловать, — сказала душе Прекрасное Существо на языке её родины.

— Где я? — спросила удивленная душа.

— В мире, который над Землёй, — ответило Прекрасное Существо.

— Так значит...

— Это значит, что ваше имя будет занесено в списки погибших.

— Значит, это всё-таки случилось!

— Да.

— Но я всегда боялся смерти.

— Как видите, её незачем бояться.

— А где кайзер?

— В своём штабе.

— Я смогу доложить ему?

— Если хотите.

И мы отправились дальше на восток — медленно, потому что новоосвобождённая душа ещё не знала, что расстояние на самом деле ничего не значит.

Мы увидели главнокомандующего сидящим за столом и разглядывающим какую-то карту. Его лицо было измождённым и осунувшимся.

— Вот, — сказал я Незнакомцу, — тот человек, которого весь мир за пределами его страны считает виновником этой великой войны.

Незнакомец (и вместе с ним душа) приблизились к главнокомандующему, чтобы прочесть его мысли. Я передаю их так, как я их слышал — разрозненными и трагическими в своей важности: «Наши войска гибнут! Боже, покарай Англию! Я — избранник Божий! Я не могу ошибаться! Мои генералы всё путают. Я понижу в звании... (тут он назвал имя новоприбывшей души, которая была с нами). Он виноват в этом поражении. Я приказал ему захватить позиции противника. А он вместо этого потерял наши собственные. Я не могу ошибаться! Я — избранник Божий!»

Прекрасное Существо повернулось к душе, которая раньше была генералом.

— Хотите доложить о себе кайзеру?

Он повернулся к нам, в глазах его была грусть.

— Я не стану беспокоить кайзера, — сказал он.

Между нами воцарилось молчание. Немного погодя

Прекрасное Существо вновь повернулось к генералу, на его лице была написана жалость.

— Могу я что-нибудь для вас сделать?

— Не могли бы вы отвести меня к моей матери — она умерла от горя ещё в первые дни войны, когда погиб мой брат. Я очень устал. Я хочу видеть свою старую мать.

В глазах Незнакомца в розовом светилось удивление.

— Оказывается, на этой странной звезде есть даже любовь! — сказал он.

12 апреля 1915 г.

Представьте себе поле битвы: вытянутую, изломанную двойную линию людей, коней, орудий и прочих атрибутов войны.

В прежние дни на Земле я изучал когда-то теорию и практику войны, но в этой войне все мои познания оказались почти бесполезными. И причина здесь не только в том, что изменились сами условия ведения военных действий, но ещё и в том, что раньше я представлял себя стоящим по ту или по другую сторону воображаемого поля битвы; теперь же я наяву пребываю одновременно и с той и с другой стороны, словом — повсюду. Я читаю мысли командиров обеих сторон, я сижу в окопах вместе с солдатами, иногда наполовину погребёнными в грязи и в воде, я езжу по полям вместе с кавалерией, выдвигаюсь вперёд вместе с артиллерией, сопровождаю навверх души убитых, вместе с ними прохожу сквозь ад недоумения, которое почти всегда охватывает их после того, как они оказываются безжалостно выброшенными из своих тел.

Поистине, «война — это ад!» И не стройте себе никаких героических иллюзий — вы, живущие в мире и рассуждающие о том, чего вы не можете знать.

Даже когда стихают выстрелы, ужасы не кончаются. Мрачная и тихая дождливая ночь наполнена страждущими и мятущимися душами. Часто какая-нибудь душа бродит туда-сюда в поисках своего товарища, с которым её породнили узы боевого братства — того прекрасного цветка, который расцветает на безобразном стебле войны. Часто они вновь и вновь переживают ярость и ужас последней атаки; они вновь вонзают воображаемый штык в тело воображаемого врага; или, когда они собираются вместе, а так обычно и бывает, то всей своей массой безрассудно бьются о какое-нибудь стоящее на их пути препятствие, всякий раз ощущая *противостоящую* им силу.

Генерал, о котором я писал в своём предыдущем письме, был человеком духовно развитым, поэтому он очень скоро смог освободиться от пут материи; он был одним из тех патриотов, для которых собственная страна — это бог, а её император — герой, за которым нужно вдохновенно следовать. Но большинство из тех, кто гибнет на полях сражений, — простые солдаты, которые сражаются по воле массы, стоящей за их спиной. Эти, как правило, сразу же попадают в темноту и затем блуждают в течение какого-то времени во мраке и недоумении.

Но некоторые, напротив, пребывают в полном сознании практически с момента своей смерти. И часто нападают на солдат противника, когда те спят. Сны на полях сражений бывают ужасны в своём сходстве с реальностью.

А иногда, опять-таки из-за всеобщей неразберихи, души совершенно теряются и стремятся держаться поближе друг к другу (даже если это души бывших врагов), чтобы избавиться от ощущения гнетущей тоски, которое навеивает им тьма, разделяющая «невидимые» миры. Страх заставляет их забыть о том, кто их бывшие друзья, а кто — бывшие враги. Вот ещё один бледный цветок, расцветающий на безобразном стебле войны!

Астральные формы не слишком развитых людей зачастую выглядят здесь пугающе обезображенными, их сознание еле теплится, и они не могут чувствовать ничего, кроме боли. Неудивительно, что сны бескорыстно любящих людей полны ужаса в эти тёмные, нависшие над миром ночи, ибо во множестве стран есть немало людей, которые, хотя и не воюют, но посвящают часы своего ночного отдыха самоотверженному труду во спасение душ, которые так отчаянно нуждаются в помощи. Есть один человек, которого вы знаете, — он несёт сейчас на

своих плечах почти сверхчеловеческую ношу, но никому не говорит об этом.

Нет нужды говорить вам, сколько таких ночей вы сами провели в течение многих последних месяцев, и если мы попросили вас прекратить эту работу, то лишь для того, чтобы у вас оставалось больше сил на то, чтобы сейчас записывать за мной эти сообщения. Воплощённая душа не может работать без отдыха день и ночь. Это было бы равносильно сожжению астральной свечи с обоих концов.

Когда вы вернётесь в те страны, что ныне разорены войной, многие ваши друзья расскажут вам, что им довелось пережить в эти страшные месяцы примерно то же самое, что пришлось пережить и вам. В критические минуты приходится обращаться за помощью к тем, кто в состоянии нам помочь, а сейчас их помощь нужна практически постоянно.

Постарайтесь понять, что души, остающиеся в нижних слоях астрального мира, действительно пребывают недалеко от поверхности физической планеты.

И те, кто зависает над полями сражений, на которых их постигла роковая участь, продолжают испытывать воодушевление либо ужас, слыша голос боевых труб. Они по-прежнему слышат свист пуль и ощущают разрушительную силу разрывов. Каждый день к этим привязанным к земле несчастным вновь и вновь возвращаются переживания военной поры, каждую ночь они с ужасом ожидают наступления утра, когда звуки войны возобновятся снова. Они не могут никуда уйти. Они несвободны уже просто потому, что их тела погребены здесь же, всего лишь в нескольких футах под землёй, или вовсе лежат не погребёнными, что ещё хуже.

Я советую вам, по крайней мере, в течение нескольких лет воздерживаться от посещения тех мест, где шли бои. Вы можете отправиться в Швейцарию или в южные районы Франции, но постарайтесь не задерживаться долго в Северной Франции или в Бельгии, или в каких-либо иных местах, которые так или иначе были поражены войной.

Мир мыслей над Англией сейчас растревожен, но непосредственно примыкающий к земле слой астральной материи не заполнен ужасными эманациями смерти. Астральные формы стремятся туда из более опасных областей, но, чтобы туда добраться, им необходимо сначала оторваться от того места, где они претерпели самые жестокие мучения.

Гораздо легче защитить себя от грустных мыслеформ, чем от обезумевших астральных существ и «кипящей» астральной материи, возникающей над полями сражений.

Вспомните, ведь даже поле битвы при Ватерлоо до этой войны было не самым подходящим местом для того, чтобы проводить там ночь. Спустя некоторое время вы сможете ненадолго посетить места недавних боёв просто для того, чтобы набраться практического опыта, но не делайте этого прямо сейчас. Сегодня самое подходящее для длительного пребывания в Европе место — горы Швейцарии.

И желательно, чтобы вы проводили там побольше времени.

Помните, вы говорили мне, что в детстве часто видели на горах и в долинах своего штата образы американских индейцев? Это были те, кто много лет назад бродил под лучами солнца по этим горам и долинам и кто до сих пор остаётся в плену у разреженной материи, примыкающей к этой территории. Глаза ребёнка, как правило, очень чисты. И над полями сражений в Европе пронизательный взгляд ещё долгие годы будет замечать образы тех, кто не может оторваться от этого места. Я уже не говорю о хрониках Акаши. Война — это ад, и этот ад не заканчивается подписанием мирного договора.

И это одна из причин того, почему нам хотелось бы, чтобы вы и другие, верящие в братство, донесли дух этого идеала до воюющих ныне народов. У вас нет представления о спокойной вере как о великой и истинной идее. Человек действительно любящий своих ближних способен оказывать влияние не только на узкий круг друзей. Вся атмосфера вокруг него пронизана братской любовью, и восприимчивые души чувствуют это.

Совершите как-нибудь с этим чувством в душе прогулку на пароходе вверх по Рейну.

14 апреля 1915 г.

Осмелюсь ли я рассказать вам о чистилище, в которое ярость баталий направляет так много душ, ещё совсем недавно ходивших по Земле в облике людей, ежедневно отправлявшихся из дома на работу, любивших своих жён и детей и обменивавшихся банальностями в перерывах между работой, совершенно не подозревая о том, что с каждым часом они всё ближе и ближе подходят к Великому Событию? Да, осмелюсь.

Мы последуем за одной душой, за которой следовал я сам. Её историю я могу восстановить по памяти, потому что каждый её акт навсегда запечатлён в моём разуме. Нет, мне вовсе не нужны мозговые клетки для того, чтобы запомнить что-либо. Вам они тоже не понадобятся, когда вы освободитесь от оков своего мозга.

Это был холостой мужчина, полковой офицер-англичанин. Внешне он был такой же, как и все остальные, но сознание его было иным. Он жил в своём собственном внутреннем мире, ибо много читал и много размышлял. Он не был, что называется, очень хорошим человеком. Далеко не все англичане хороши даже сейчас, когда Англия воюет; я говорю это тем из вас, кто приходит в ярость, услышав малейшую критику в адрес своего родного острова, и даже, в том числе, и вам — той, кто пишет сейчас для меня!

Этот человек был не очень хорошим, потому что в его сердце было мало любви. Нельзя сказать, что он был неспособен любить, но он неспособен был пробуждать любовь в других и потому чувствовал духовный голод. Иногда на него накатывало ощущение непреодолимой тоски, и тогда он впадал в раздражение и начинал пить или же бранить своего слугу, или то и другое сразу. А временами, когда весь мир и он сам становились ему особенно противны, он пускался в «загул».

Но началась война.

Он сразу же почувствовал, что шум и суeta военных приготовлений смогут стать естественным выходом для его раздражения. И с радостью отправился на войну.

В Лондоне он знал одного немца и очень его не любил. Немец был слишком болтлив, а его громкий и резкий голос раздражал чувствительный слух утончённого офицера. Увлекая своих солдат в битву, он как раз вспоминал об этом немце. Он думал, что ему наконец-то представилась возможность сразиться именно с этим немцем, лицом к лицу, и эта мысль приносила ему удовлетворение.

Ненависть стала для него почти что чувственным наслаждением. Немцу удалось соблазнить одну вульгарную женщину, которую страстно желал сам офицер. Он ненавидел себя за эту страсть и ненавидел немца за то, что тот всё испортил. Мы всегда ненавидим тех, кто мешает нам спокойно ненавидеть самих себя.

Офицера убила немецкая пуля в первые же дни войны. Где? Да какая разница, где! Если я скажу, кто-нибудь, возможно, узнает этого человека, а мне не хотелось бы выдавать тех, кто, пусть даже невольно, делится со мной своими секретами. Даже когда я прислушиваюсь у закрытой двери жизни, я не стремлюсь потом рассказывать другим слишком много о том, что услышал. Я стараюсь быть благоразумным.

Я буду называть этого человека своим другом, поскольку мы с ним настолько сдружились, что теперь я имею на это право.

Накануне битвы, в которой мой друг нашёл свою смерть, я был рядом с ним, стараясь

смягчить жестокость, овладевшую его сердцем. Это чувство редко встречается среди солдат того участка северного фронта, на котором он находился, ибо для них война — это что-то вроде благородного спорта (или, по крайней мере, она была для них таковой в сентябре прошлого года).

Но мой друг был исключением, потому-то я и решил рассказать именно о нём. И мои замечания по поводу его исключительности в данном случае необходимы для того, чтобы не слишком напугать читателя. Я не хотел бы, чтобы мои читатели думали, будто их друзьям тоже пришлось пережить нечто подобное. Знай же, всяк склонившийся над этой страницей, что мой друг — это не твой друг, это совсем другой человек. То, что пережили ваши друзья, было не столь ужасным. Ведь они были лучше, чем он, потому что вы их любили, а тот человек был намного хуже, потому что его почти никто не любил. Его сразила ружейная пуля. Всё вокруг него погрузилось во тьму, и на некоторое время он лишился сознания.

Его привёл в чувство грохот разорвавшегося снаряда.

«Начался бой, — подумал он, — чертов слуга! Он должен был разбудить меня на рассвете».

Вокруг него были солдаты его полка, но, казалось, что они стали выше, чем были, и видел он их смутно, как в тумане. Он протер глаза.

«Чёрт их раздери! Кого это они поставили на моё место?»

Он подумал так, потому что увидел, что вместо него командует какой-то младший офицер.

В полном недоумении он оглядывался по сторонам. Да объяснит ему кто-нибудь, наконец, что происходит?! Он направился туда, где обычно находился старший офицер; офицер был, как всегда, на месте.

«Что это со мной? — подумал он. — Может быть, я сошёл с ума?»

Он отдал честь офицеру, но тот не обратил на него никакого внимания.

«Я, должно быть, сплю?» — предположил он.

Он подошёл к солдату, заряжавшему ружьё, и дотронулся до его руки. Но солдат тоже никак на это не отреагировал. Тогда он схватил солдата за руку. Всё так же, не обращая на него внимания, солдат поднял ружьё и выстрелил.

Тогда мой друг подошёл к двум разговаривавшим между собой солдатам и услышал, как один из них сказал: «Бедняга ...! Получил пулю в самое сердце! Он был букой, но неплохим офицером. Жаль его».

Тот «бедняга», о котором они говорили, как раз и был он сам. «Получил пулю в сердце — неплохой офицер — бука — умер!»

Он всё понял. Бывает, что понимание случившегося приходит ещё позже. Он был «мёртв».

«Ну и хорошо!» — инстинктивно подумал он.

За его спиной с грохотом разорвался очередной снаряд.

И тут он увидел перед собой лицо, сразу же привлёкшее его внимание. Это была зловредная, наглая рожа, которая, впрочем, тут же трансформировалась в лицо его врага — того самого немца из Англии, которого он так ненавидел.

«Как? Это ты?» — спросил он.

Призрак ничего не ответил, но вновь изменил форму. На этот раз перед ним возникла та женщина, за страсть к которой мой друг ненавидел самого себя.

«И ты тоже?!» — изумился он.

И вновь призрак изменил внешность. Теперь он стал похожим на слугу, которого он в своё время частенько осыпал проклятьями и который ушёл от него год назад.

«Так и ты тоже умер?» — спросил он, но лицо уже успело принять свои первоначальные очертания. Теперь это снова была просто наглая, зловредная рожа, не похожая ни на одного конкретного человека.

«Да кто же ты, в конце-то концов?» — потребовал объяснений мой друг; но ответа так и не получил.

И тут его заинтересовал глаз призрака — его левый глаз. Он вдруг начал увеличиваться и рос до тех пор, пока не достиг размеров мишени, вроде тех, что вывешивают в тире. В центре глаза, в окружении глазного белка, появилась необычная, сине-зелёная радужка. А чёрный зрачок — огромный, как блюдце, — не мигая смотрел на него с невыразимой, сосредоточенной злобой.

«Что ты делаешь?» — снова спросил мой друг, но по-прежнему не услышал ответа.

Затем видение пропало. А на его месте возникла толпа отвратительных человеческих и получеловеческих теней. Рядом разорвался ещё один снаряд, и тени пустились в пляс. Они вцепились в моего друга и закружили его в своём хороводе — всё быстрее и быстрее, пока ему не стало дурно. Вдруг они остановились, и каждый из них превратился в того ненавистного немца из Англии. И тут к ним присоединилась ещё одна толпа сумасшедших существ. Они тоже видоизменились, и перед моим другом предстала дюжина двойников той женщины, за страсть к которой он ненавидел самого себя. Эти женщины и двойники его врага попарно взялись за руки и принялись целоваться. Почувствовав отвращение, мой друг решил уйти, и ему это удалось. Он увидел, что летит через долину прямо над головами солдат германской армии. Он услышал звуки ненавистного ему языка.

«Что за дьявольщина!» — подумал он, и тут же перед ним возник самый настоящий дьявол — с хвостом, рогами и копытами.

— Раньше ты думал не обо мне, правда? — ухмыльнулся злобный дух.

Моего друга смутило и напугало его появление, поскольку дьявол, несмотря на все свои неприглядные аксессуары, очень уж был похож на него самого.

— Ты тоже сейчас изменишь внешность? — спросил он.

— О нет! Я меняюсь медленно. Я меняюсь только вместе с тобой.

— О чём это ты?

— Только ты можешь изменить меня.

— Ну тогда меняйся! — сказал мой друг. Но демон оставался таким же, каким и был.

— Изменись! — повторил мой друг. Но стоящая перед ним фигура оставалась прежней.

— Вижу, ты обманул меня — я не могу тебя изменить!

— Я же сказал, что меняюсь медленно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я меняюсь только одновременно с тобой.

— Значит, я нисколько не изменился?

— А я за тем и слежу, чтобы ты не менялся.

И так, в компании со своим дьяволом моему другу пришлось пройти по местам, от описания которых я воздержусь, — задолго до меня с этим прекрасно справился Гёте, когда писал свою «Вальпургиеву ночь». Безрассудный и отчаянный, он следовал за своим поводырём до тех пор, пока не выбился из сил. Дни, недели тянулись, как один нескончаемый кошмар.

— Неужели я никогда не смогу от тебя освободиться? — спрашивал он своего спутника.

— Сможешь.

— Но как?

— Освободившись от самого себя.

— Это легче сказать, чем сделать.

— Да, сказать — легко, сделать — трудно.

Часто они оказывались на полях сражений — прямо на линии атаки или в гуще солдат. Единственным развлечением моего друга было изредка вдыхать аромат кофе и жареного мяса.

Он пытался пить бренди из фляг, когда солдаты подносили их к своим губам, они не видели его и потому не прогоняли. Моего друга всё сильнее терзали голод и отчаяние. С кем бы он ни встречался, его спутники всё время принимали форму мужчины, которого он ненавидел, и женщины, которую он похотливо желал. Он видел их омерзительные совокупления. Иногда призрак женщины обращался к нему с ласковыми словами. Он проклинал её, но всё же льнул к её руке. Однако всякий раз, когда он пытался её поцеловать, призрак исчезал.

Иногда во время больших боёв в нём просыпался боевой пыл. Он набрасывался на солдат противника, как будто хотел отомстить им за все свои страдания. Он пытался вырвать из их рук винтовки, а когда душа кого-либо из них отделялась от тела, старался вывести её из темноты и из состояния сна, в которое она попадала, но это ему никогда не удавалось. Ему вообще ничего не удавалось. Само его существование было тщетным, горьким и безрадостным.

Однажды я подошёл к нему и дотронулся рукой до его лба.

— Ты не такой, как все остальные, — сказал он равнодушно, — откуда ты?

— Я пришёл издалека, — ответил я, — хочешь пойти со мной?

— Куда угодно, лишь бы подальше отсюда, — согласился он.

— Ты хотел бы остаться один?

— Нет. Одному ещё хуже.

— Самое худшее уже позади, — утешил его я.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что на этот раз источник твоих низменных желаний уже истощился. Ты устал и с отвращением вспоминаешь ту жизнь, которую ты вёл с тех пор, как освободился от своего тела.

— Какое странное выражение — «освободился»! Только сейчас я чувствую, что очень хочу освободиться.

— И я помогу тебе вырваться ещё из одной темницы, в которую ты заключён, помогу сорвать ещё одну оболочку с самого себя, которая не выпускает тебя на волю.

— А для чего это тебе?

— Чтобы ты не тратил сил понапрасну, когда будешь стараться освободиться от этой оболочки самостоятельно, — сказал я, — а сейчас ты, наверное, хочешь спать?

— Да, я бы не отказался немного отдохнуть.

Он спал, а я тем временем пытался ускорить его освобождение, и когда он пробудился, на сей раз уже в другом, более свободном мире, я по-прежнему был с ним.

— Что бы ты хотел увидеть? — спросил я.

— Что-нибудь красивое, — ответил он. — Что-нибудь красивое и чистое.

— Может быть, танец эльфов? — спросил я с улыбкой.

— Танец эльфов? Разве такие вещи на самом деле бывают?

— Во вселенной есть бесчисленное множество форм жизни и сознания, — пояснил я, — и раз уж твой опыт заставляет тебя верить в дьяволов, значит ты, без сомнения, сможешь поверить и в эльфов.

Едва я успел это сказать, как они тут же приблизились к нам: гибкие, прозрачные формы, весело танцующие в усыпанных цветами просторах Елисейских Полей. Они кружились и покачивались вокруг нас — эти существа, чистые, как сам воздух, по которому они порхали, лёгкие, как само счастье, которое они излучали, вечные, как надежда, и ещё более прекрасные, чем сны смертных людей.

Тень грусти окончательно слетела с лица моего друга, он тоже заразился этим весельем и стал лёгким, как воздух, и чистым. Он присоединился к их танцу и вместе с ними закружился вокруг меня.

Признаюсь вам в порыве откровения, что я тоже танцевал с эльфами. Сотоварищ и друг

Прекрасного Существа тоже окунулся в море вселенской жизни и поплыл по нему под парусами беззаботности. Тот, кто слишком много знает о скорби этого мира, должен иногда облегчать свою ношу, полностью отдаваясь чувству радости.

Когда эльфы снова удалились в своё неприкосновенное убежище, я заметил, что к нам приближается ещё какая-то форма.

— А сейчас что бы ты хотел увидеть? — спросил я его.

— Могу я увидеть одного человека, который до сих пор живёт в Англии? — спросил он несколько смущённо. И всё же в его просьбе я уловил ту непоколебимую уверенность, которая свойственна душам, научившимся доверять своим собственным желаниям, — так бывает, когда в них, благодаря очищению желания, начинает проникать высшая мудрость.

— Пожалуй, да, — ответил я.

Подошедшая к нам форма была мне незнакома, но мой друг сразу же узнал и поприветствовал её. Рядом с моим другом стояла женщина, в которой сразу же можно было признать натуру энергичную и деятельную и в то же время чистую, ибо без этого чистого излучения в тех сферах, где мы тогда находились, вообще невозможно было никакое общение.

— Давайте присядем, — предложил я, — так мы будем чувствовать себя уютнее.

Эти двое рядом со мной, казалось, были счастливы от одного только присутствия друг друга. «По-братски, рука об руку» сидели они рядом; и хотя я знал, что одна из них — всего лишь подобие живой женщины, в этот момент она казалась мне абсолютно реальной, ибо все добрые побуждения сердца — реальность, а в тех сферах, в которые я привёл своего друга, все побуждения могут быть только добрыми. Здесь нельзя встретить врага, и та женщина, которую он любил, тоже любила его, иначе она не смогла бы оказаться здесь.

Вскоре я оставил их вдвоём и вернулся к своим трудам на поля сражений, поскольку там были и другие, кто нуждался в моей помощи; другу же моему пока ничто не грозило.

Немного погодя я вновь приду к нему на помощь, чтобы он смог достичь ещё большей степени свободы. Нам интересна судьба тех, кому мы в своё время помогли, и мы продолжаем оказывать им помощь и дальше.

Вас удивляет то, что именно этому человеку я решил оказать помощь, тем более, что, судя по начальным строкам этого письма, он был личностью малопривлекательной.

Открою вам маленький секрет: именно из-за его непривлекательности я его и выбрал. Его никто никогда по-настоящему не любил, поэтому он и нуждался в помощи больше, чем другие. Те, кого любят, уже получают помощь благодаря этой любви.

«Улавливаешь ли ты мою мысль, дочь Земли?» — как сказала бы Прекрасное Существо.

Сейчас я живу для того, чтобы помогать человечеству пережить ужасы войны. Послужите и вы этой цели, любя тех, кто менее всего достоин вашей любви. Так вы сможете познать тот Путь, которым следуют Учителя Сострадания.

16 апреля 1915 г.

Не огорчило, не обескуражило ли вас то, что я рассказал вам о тщетности борьбы в промежуточном мире, отделяющем рабство в мире плотной материи от свободы более чистых сфер? Не стоит из-за этого огорчаться: это всего лишь необходимая переходная стадия. Она длится недолго: несколько дней, несколько лет — какое это имеет значение для беспредельного потока вечности? Вы тоже проходили через неё множество раз. Все проходят через неё на своём пути к более свободной жизни, хотя и не для всех она тянется так же долго и мучительно, как для моего друга. Да, это — кошмар, но кошмар не может длиться вечно. Думайте о радости и о свободе, которые ждут вас впереди! Они стоят того, чтобы заплатить за них перевозчику.

Правда, я не стал рассказывать вам о самых ужасных вещах, которые можно встретить на своём пути в этот переходный период, я не рассказал вам о самом ужасном, что мне приходилось видеть во время моих путешествий по полям сражений. В этих ненаписанных главах нет особой нужды, поскольку цель книги, которую я вам сейчас диктую, — научить людей братству вместо разобщенности и миру вместо войны.

Хотите знать, каким образом вы сами можете сократить продолжительность этой войны и ускорить наступление мира? Тогда слушайте!

Вы, лично вы, можете приблизить наступление мира! Эта мысль кажется вам невероятной? Но когда я говорю «вы», я имею в виду и других — всех тех, кто устал от войны и от её матери — ненависти.

Наносил ли вам кто-либо когда-либо ущерб в ходе вашей жизненной битвы? — Ведь жизнь — это тоже разновидность войны.

Обратитесь мысленно к тем, чьи интересы сталкивались с вашими, к тем, кто причинял вам боль или ненавидел. Вспомните их одного за другим, а не всех сразу, и каждого в отдельности постарайтесь понять. Постарайтесь взглянуть на себя их глазами, почувствовать то, что они чувствуют по отношению к вам в своём сердце. И если они все ещё вас ненавидят, то попробуйте и вы поначалу возненавидеть себя ради солидарности с ними. Но, стараясь по-прежнему оставаться на их позициях, вы заметите, что ваши недобрые мысли по отношению к себе постепенно начнут меняться и ваш собственный образ из враждебного начнёт превращаться в дружественный.

То, что я вам сейчас советую, никак не может быть чёрной магией, ибо цель сего действия — бескорыстна. Этим вы лишь делаете первый шаг к смячению враждебности, существующей в этом мире. Но я предостерегаю вас от использования этого метода с целью добиться расположения какого-либо человека, которого вы любите эгоистично или со страстью, поскольку результатом этого станет крайне нежелательное состояние дисгармонии.

Когда таким образом вы поймёте и простите всех своих личных врагов, переходите затем к душам воюющих народов. Постарайтесь понять и их, поставив себя на их место, и тем самым смягчите их сердца. И хотя с этой задачей справиться намного проще, чем с первой, результат может оказаться несравнимым с затраченными усилиями. И к тому же, великой или малой, но вы всегда остаётесь частью единого Целого.

А этот факт подводит меня к мысли о расовом духе, расовом существе, ибо у каждой расы есть свой Хранитель — сложное существо, обладающее индивидуальностью и самосознанием, которые, впрочем, вам вряд ли удастся понять.

Обращали ли вы внимание на то, как на вас саму влияет переезд из одной страны в другую? Разве ваши чувства и ваше сознание не начинают меняться уже на самой границе? Помните ли вы о том потрясении, которое вам пришлось однажды пережить, впервые ступив на землю тогда ещё чужой вам страны?

Расовым духам кажется, что среди подобных себе они имеют вполне нормальные размеры, так же как и вы — люди — отнюдь не склонны считать себя невообразимыми гигантами среди своих друзей и знакомых. Размеры — понятие относительное. Ранее я сравнивал расы с органами человеческого тела. Но говоря о них сейчас как о самостоятельных существах, я вовсе не противоречу сам себе. Есть ли у вас какие-либо основания полагать, что органы вашего тела не могут быть наделены своим собственным, более или менее самостоятельным сознанием? Ваши клетки живут в ваших органах, органы — в вашем теле, вы сами — в своей расе, а ваша раса — существует в теле человечества Земли. В свою очередь и Земля как отдельное существо входит в сообщество планетарных духов Солнечной системы, а Солнечная система вместе со многими ей подобными — в ещё более великое сообщество Космоса.

Один маленький сгусток крови, образовавшийся в мозге, способен серьёзно осложнить работу всего вашего космоса.

Таким образом, вы видите, что нет ничего невероятного в моём утверждении, что вы можете ускорить, *пусть даже в бесконечно малой степени*, процесс примирения расовых духов, простив и примирившись со своими личными врагами, особенно если они принадлежат к расам, оказавшимся по другую сторону этой войны.

Малое — не значит «маловажное», а важное — совсем не означает «великое», хотя вы привыкли думать по-иному. Да, вы, лично вы и каждый из вас способны ускорить наступление мира.

16 апреля 1915 г.

Я уже писал вам о голоде и жажде, которые испытывают в астральном мире люди, потерявшие свои тела; а ещё я писал вам о злых астральных существах, которые развязали эту войну, чтобы утолить свою злобу. Эти существа тоже голодны, а война даёт им необходимую пищу. Знаете ли вы, что поддерживает их жизнь? Они могут жить долго благодаря крови и эманациям кровавой бойни. Я видел, как мириады этих существ носятся над полями сражений и жадно сосут кровь, льющуюся из тел раненых и убитых.

Непогребённые тела тоже могут утолять их голод. Из Венгрии и других стран сбежали вампиры, чтобы питаться за счёт живых. Страшная усталость от войны открыла для них дверь, скрывающую жизненные силы, которых они так жаждут.

«Кровь — особенная жидкость», как говорил Гёте. Злое существо может продлить свою жизнь ещё на один срок, если выпьет достаточно крови.

Если вы прекратите питаться тушами мёртвых животных, вы тем самым перестанете подкармливать определённых злых существ, заключённых внутри вас. Ученики великих Учителей воздерживаются от животной пищи не просто из-за своей сентиментальности. Вы и сами говорите, что мясная пища подпитывает страсти. А что такое страсть — как не голод, удовлетворить который можно лишь поглощением чего-то внешнего, отличного от себя самого? До тех пор, пока вы не откажетесь от привычки к мясной пище, вы не сможете полностью освободиться от влияния существ, живущих за счёт крови и других составляющих мяса. Ешьте чистую пищу, и мало-помалу вы достигнете чистоты мыслей и чистоты желаний.

Я вовсе не призываю вас сегодня же отказаться сразу от всех желаний, поскольку желание есть движущая сила, и даже ваше стремление к идеалу — это тоже желание. Но не желайте больше крови и плоти мёртвых животных, и все прочие желания, не способствующие дальнейшему продвижению вашей эволюции, исчезнут сами по себе.

О желании сказано много всякой чепухи. Вы желаете развиваться духовно, вы желаете делать то, что делают Учителя; вы не желаете быть просто ягненком, которого Учителя без его ведома используют в своей работе. И здесь тоже — желания. Если вы считаете «желательным» сократить свой путь к достижению сознательного единства с Целым, значит, вы, скорее всего, желаете достичь этого единства; вы не желаете просто плыть к цели, повинуясь течению.

Я не говорю о страстных желаниях, об амбициях. Для оккультного развития вовсе не нужно быть амбициозным. Более того, если в своём стремлении к оккультному развитию вы слишком амбициозны, то для вас существует опасность превратиться в чёрного мага. Но совершенно спокойно вы можете «желать» даже единства с Богом.

Всякое действие на этом уровне проистекает из желания какого-либо рода, потому и говорят, что желание и воля суть одно и то же. Возможно, так оно и есть. Говорят также, что желание есть нечто временное, в то время как воля — это своего рода вышестоящая мотивирующая сила; но если бы я сам стремился противопоставить одно другому, то сказал бы, что воля, в своих наиболее благородных ипостасях, — это то же самое желание, но желание более возвышенных вещей.

Музыка может быть величественной, а может быть просто танцевальной, однако всё это — музыка. Сила ветра может раздувать пламя, которое пожирает ваш дом во время пожара, а может и надувать паруса корабля, который несёт вас навстречу мечте вашего сердца. Однако это

— всё тот же ветер. Вы можете даже возмечтать о том, чтобы начать мечтать о возвышенном. Вы можете заставлять себя желать только того, что *согласуется* с Законом, а не того, что противоречит ему. Разве это не то же самое желание?

Советую вам не кормить впредь кровавыми жертвоприношениями скрытые в вас элементарные силы, жаждущие подобной пищи, я вовсе не призываю вас убивать желание. Напротив, вы должны пожелать очистить свой организм от плоти мёртвых животных, прежде чем вы сами, по собственной воле, прекратите ею питаться. Таящееся в вас зло — голодная, алчущая, эгоистичная природа — высасывает ту кровь, которая проходит сквозь ваши губы, подобно тем злым существам, что носятся над полями сражений и пьют кровь, сочащуюся из ран павших. Если вы больше не нуждаетесь в этих тварях, перестаньте подкармливать их кровью.

Прекратив есть мясо, вы не убьёте свою эмоциональную природу, вы всего лишь очистите её. Весь мир души — это мир эмоций, и чистые элементарные существа всегда очень эмоциональны, хотя они и не пьют крови.

Да, разум стоит выше эмоций, он — шире, чем эмоции. Вы можете иметь разум без эмоций, а можете иметь и эмоции — сколь угодно развитые — но без разума, как у животных. Но человеку присуще и то и другое. Только благодаря своему внутреннему регулятору — природе желания своей души, — он может жить и действовать в мире души как развивающееся существо. Когда вы достигнете наивысших Небес, вы будете жить в мире мысли, имея в себе ровно столько от природы желания, сколько вы успели очистить, усвоить и запомнить. Вы сможете переместить в высшие сферы гораздо больше душевной динамики, если по дороге не будете обкрадывать саму себя желанием вкушать кровавую пищу. Пусть этим занимаются демоны, которые пируют на полях сражений.

В царствование *братства*, наступление которого я всячески стараюсь приблизить, Раса будет питаться только чистой пищей. Даже сейчас уже прослеживается тенденция к исключению из рациона питания трупов животных.

Желания Новой Расы должны быть очищены, и тогда её эмоции станут сильными и возвышенными. Эмоции у человека намного сильнее, чем у льва. А Богу присущи эмоции космического масштаба.

17 апреля 1915 г.

Дабы никто не подумал, будто я, радея о братстве, сознательно или бессознательно стараюсь не судить слишком строго своих собственных соратников, своих братьев за совершаемые ими несправедливые поступки, в этом письме я хочу поговорить о справедливости.

Будучи в своё время тем, кого называют судьёй, и участвуя в судебных процессах, я смог приобрести некоторые практические навыки установления равновесия между снисходительностью и суровостью. Справедливость — это тот бог, которого я всегда ставил высоко в своём личном пантеоне, и потому, вынося приговор, я никогда не позволял себе из-за своей слабости или чувствительности попирать правоту добродетели и потворствовать неправоте злодейства. Я выносил мягкие приговоры, когда чувствовал, что из этого можно извлечь максимум добра; я выносил суровые приговоры, когда полагал, что это позволит самым надёжным образом обуздать зло.

О Вселенском Братстве, как и о большинстве других идеалов человечества, было рассказано и написано много всякой ерунды. Но *Вселенское Братство — это не всеобщее потворство злу — это всеобщее признание идеала добра*. И вам никогда не создать братства, действительно достойного этого высокого наименования, если вы будете не поднимать, а напротив, опускать — планку справедливости.

Справедливость — это равновесие, справедливость — это баланс сил, справедливость — это устойчивость. Именно ради приведения человечества в более устойчивое состояние я и призываю людей сосредоточиться на любви, позабыв о ненависти.

Находясь долгое время в Европе, в непосредственной близости от западного фронта, я помог тысячам душ выбраться из астрального кошмара, в который они попали вследствие неожиданной и преждевременной потери своих тел, но никогда я не пытался нарушить баланс между причиной и следствием, помогая душе обрести такую степень свободы, к которой она ещё не готова. Я часто оставлял людей страдать, хотя и мог бы сократить период их страданий; я предоставил многим душам и далее продолжать неспешную битву со своими низменными желаниями в Астральном Мире, ибо я знал, что если они будут сорваны с дерева боли до того, как успеют созреть, им всё равно придётся выдержать ту же самую или даже более жестокую битву в какой-либо следующей жизни, и противостоять им будут те же самые силы, от которых они сейчас освобождаются в тех сферах, где примитивные желания изживаются с гораздо большей лёгкостью, чем на Земле, уже хотя бы в силу того, что удовольствий там — намного меньше.

В одной из воюющих армий был очень жестокий офицер, которого ненавидели его собственные солдаты. Он попал сюда к нам и многие из его подчинённых также, и я даже не попытался защитить его от их упрёков, потому что ему необходимо было понять, что несправедливость заслуживает порицания. На Земле солдатам затыкала рты армейская дисциплина, но здесь офицеру пришлось осознать, насколько дурно он с ними обращался. Никаким иным способом это не удалось бы ему объяснить. Если бы я начал читать ему наставления, он бы просто посоветовал мне заниматься своими делами. Но Закон справедливости не читает наставлений, он демонстрирует. Мрачные, укоряющие тени тех, кто долгое время находился с ним рядом, продемонстрировали ему его собственную несправедливость. Кстати, он до сих пор ещё окружён ими. И я ни разу даже не попытался прийти ему на помощь. Хотя, возможно, и смог бы ему помочь, но такая явная оппозиция с моей

сторону Закону справедливости привела бы лишь к тому, что он оказался бы на своём собственном эгоистичном небе с таким грузом несправедливости в душе, что в следующей земной жизни эта тяжесть просто раздавила бы его. Чувство обиды, накопившееся у его солдат, было очень велико, и хотя я мог бы смягчить его (ради них самих, а не ради него), я всё же не делал этого, позволяя чувству истощаться *естественным* образом.

Если бы больше никто не нуждался в моей помощи и не заслуживал её более, чем они, тогда я, возможно, уделил бы им больше времени, но всё равно не добился бы большого успеха. Я поступил точно так же, как поступил бы на Земле, попади ко мне в руки это дело, и я уверен, что поступил справедливо.

Когда я вижу душу, страдающую от несправедливых суждений других людей, я стремлюсь восстановить справедливость, как делал бы это и на Земле, но я нахожусь здесь не для того, чтобы нарушать Закон причины и следствия. Когда я могу помочь, я помогаю, но от меня будет гораздо больше пользы, если я стану предотвращать появление нежелательных причин, чем отвращать их вполне закономерные следствия.

Когда я убеждаю людей помочь Учителям сдерживать плохую карму Германии, я руководствуюсь вовсе не сантиментами. Я рассуждаю как справедливый судья. Народ Германии, обманутый своими вождями, слепо ступил на путь, сущность которого он плохо себе представлял. Коллективно они, безусловно, несут ответственность перед другими расами, но индивидуально каждый из них виноват гораздо меньше, поскольку их самих обманули, и они не знали, что агрессия их страны есть дело неправо и имеет сатанинское происхождение.

И всё же Учителя, способные видеть ваш мир сверху и как бы со стороны, надеются, что законопослушный немецкий народ не всегда будет вызывать ненависть у остального мира из-за того, что самонадеянная партия войны заставила его напасть на своих соседей. Нет, я вовсе не отрицаю, что у немецкой нации есть свои неприятные черты, как, впрочем, и у любого другого народа, но из всех рас, втянутых в эту гигантскую бойню, германская раса гораздо хуже прочих осведомлена о причинах, побудивших её начать эту войну. Прирученная властями пресса и политика *lese majeste*^[26] не позволили немцам узнать то, что, возможно, сделало бы их менее послушным орудием в руках их вождей.

Карма тех, чья неразумная и чересчур самоуверенная политика развязала эту войну, — это индивидуальная карма, и её можно изжить только индивидуальными страданиями, когда придёт время этим людям понести так называемое наказание; но карма основной массы немецкого народа — это расовая карма. Немцы *позволили* повести себя навстречу собственному поражению. Только представьте себе, как глубоко должен проникнуть свет гласности и демократии во все уголки и закоулки германского общества *после* этой войны — а именно так и должно случиться в силу одного только Закона противодействия. Те, кто был обманут и пострадал от этого, потребуют, чтобы подобное никогда больше не смогло повториться. В последующие 20 лет жизнь германского правительства будет такой же открытой, как и жизнь правительства Соединённых Штатов. Появятся и так называемые «выгребатели мусора» с фонарями на шляпах.

Повинуясь тому же Закону противодействия, Англия пробудится от своей дремоты, завалившей полки её магазинов иностранными товарами, потому что она была слишком инертна, чтобы произвести свои собственные.

И всё тот же Закон заставит французов стремиться к очищению своей политической машины от коррупции. Во Франции уже произошло кое-что, о чём она пока предпочитает не распространяться.

Великое потрясение, вызванное этой войной, заставит каждый народ взглянуть на себя по-новому, лучше осознать свои собственные мотивы, заметить, в чём он пока ещё не соответствует

стандартам, настоятельно диктуемым Новым Временем.

Взгляните на перемены, происходящие в России, а следом за ней придёт очередь Австрии.

Из-за великих несправедливостей этой войны справедливость устремится вперёд гигантскими шагами. Снова — Закон противоположностей! Этот закон может объяснить очень многие вещи.

Когда я пишу о братстве, на воцарение которого в мире я очень надеюсь, то вовсе не имею в виду какую-то нереальную Утопию, которая вот-вот ворвётся в мир под звуки фанфар. Я вовсе не повторяю пророчество, в котором говорится, что Царство Божие уже близко. Человеческая раса пока ещё не готова к наступлению Царства Божия на Земле и ещё долго не будет готова, но если даже один человек из каждых десяти сможет понять, что братство — это тот идеал, к которому следует стремиться, он сможет стать закваской для остальных девяти десятых и тем самым сделать хлеб, вкушаемый человеческим обществом, гораздо более приятным, чем сейчас. Но хлеб не сможет сразу же превратиться в яблочный пирог. И вряд ли можно возлагать такие надежды непосредственно на *следующую* расу, но если вы сохраните память об этом пророчестве на протяжении достаточно большого числа смертей и рождений, вы увидите, какой сладкий хлеб выйдет, в конце концов, из планетарной печи, когда под лучами солнца появится ещё одна — Седьмая Раса.

Письмо 25

Во имя любви

17 апреля 1915 г.

Мои последние письма были столь серьезными и философскими, что я позволю себе немного романтики.

Задумывались ли вы когда-нибудь о тяжёлой жизни военных сестёр милосердия и о том, откуда они берут столько сил для своих дневных и ночных трудов? Любовь — вот источник почти сверхчеловеческой выносливости многих женщин, которые кажутся своим подопечным ангелами света и врачевания.

Одной медсестре (назовём её — Мэри, поскольку она принадлежит к тому же самому типу женщин, что и Дева Мария) приходилось сотни раз подниматься на Небеса вместе с душами тех, о ком она заботилась. Так неужели эта любовь не будет защищать её здесь, на Земле на протяжении всей её жизни и не перейдёт вместе с ней затем в небесный мир? Можете не сомневаться — всё будет именно так.

Мэри — не учёный и не поэт. И если ваши пути когда-нибудь пересекутся, вам вряд ли придёт в голову пригласить её на приём, но зато Мэри будет прекрасно смотреться в обществе ангелов, и даже боги не стали бы удивляться, увидев её в своей компании.

Она была обычной медсестрой до того, как отправилась на войну, и до того, как белый огонь любви коснулся её личного «я» и сжёг его на алтаре как жертву во имя блага её страны.

Она была хорошенькой медсестрой и в часы досуга когда-то носила модные шляпки и обожала платья с тесьмой и оборками, ибо любовь к красоте и изысканный вкус часто поселяются в сердце, способном на героизм.

Когда началась война, Мэри была обручена с одним солдатом. Он ушёл на фронт, и Мэри тоже последовала за ним; и в течение долгих, долгих дней они ничего не знали друг о друге.

О каждом раненом, которого приносили к ней, Мэри заботилась так, как будто это был её потерянный сердечный друг, и многие жизни были спасены благодаря её нежной заботе и той атмосфере надежды, которая исходила от неё, подобно аромату, испускаемому цветком розы.

«Если вдруг его ранят, — говорила она себе, — какая-нибудь девушка будет заботиться о нём так же, как я забочусь об этих людях».

Мэри вовсе не беспокоилась о том, что какой-нибудь другой девушке посчастливится ухаживать за её любимым и что в его сердце при этом может расцвести цветок любви и признательности к той, другой, а не к ней. У Мэри почти не было времени на то, чтобы думать о себе: её мысли целиком были поглощены другими.

Возможно, именно потому, что она не чувствовала ревности и не считала любимого своей собственностью, когда его действительно ранило, он попал именно в тот госпиталь, где так самоотверженно трудилась его невеста. Разумеется, ухаживать за ним было поручено именно Мэри — по-другому и быть не могло, а ранен он был очень тяжело. И во время операции, когда жизнь его висела на волоске, Мэри стояла рядом и ассистировала. Она не упала в обморок и не расплакалась даже тогда, когда врачи отрезали его изувеченную руку, ту самую руку, на которую она мечтала опереться до конца своей земной жизни. Мэри в этот момент думала о его матери и была довольна уже тем, что эта женщина сейчас далеко и не может видеть того, что пришлось увидеть ей самой. А последующие часы своего отдыха она использовала для написания письма его матери — это было ободряющее письмо, которым она пыталась отогнать страх, закравшийся в её собственное сердце.

Том (я буду называть его Том, хотя на самом деле его зовут иначе) никогда не верил ни в какую жизнь, кроме земной, и Мэри, видя, как его оставляют силы, весь день и почти всю ночь молилась, чтобы произошло нечто такое, что позволило бы ему поверить в Небеса и в ангелов. На войне случается всякое; вот и Тому пришлось долго пролежать на поле боя после того, как разорвавшийся рядом снаряд изувечил его правую руку, в результате чего в рану попала инфекция ещё до операции, когда врачи делали всё возможное, чтобы сохранить его жизнь для Англии и для его невесты Мэри.

Том знал, что он может вскоре покинуть этот мир. Мэри не утаила от него возможность такого ужасного исхода, хотя всё ещё продолжала скрывать это от его матери. Она поступила так потому, что надеялась, что в ближайшие дни или часы, возможно — последние, которые ему суждено провести под солнцем верхнего мира, обязательно произойдёт какое-нибудь чудо — чудо мысли или любви — и откроет Тому глаза на то, что сама она называла Истиной.

Каждый день я ненадолго заглядывал в ту просторную белую палату, где лежал Том, но даже если бы он видел меня, я вряд ли смог бы его утешить, потому что разговаривать я могу только с теми, чей слух подготовлен к восприятию необычных звуков.

Я сочувствовал Мэри. Своей первой книгой мне удалось убедить многие души в реальности бессмертия, и теперь мне очень хотелось убедить в этом ещё одну — ради Мэри, — поскольку я знал, что если Том уйдёт из жизни, будучи твёрдо уверенным, что смерть означает его полное исчезновение, она и в самом деле могла бы уничтожить его на долгое время.

Желая найти выход из этого сложного положения, я обратился за советом к Прекрасному Существу. Знания этого Ангела в сравнении с моими — всё равно что свет электрической дуги в сравнении со светом сальной свечки.

Вместе с ним мы отправились в госпиталь, где Мэри, сидя рядом с Томом, рассказывала ему о будущей жизни, о Боге, о Христе и ангелах. Её попечению были вверены и другие раненые, но другие сёстры согласились взять на себя часть её работы, чтобы у неё оставалось больше времени для Тома, ибо весь мир любит влюблённых, особенно в страшную пору войны.

«Не подумай, что я не хочу в это верить, — говорил он Мэри, — я просто не могу. Вот если бы я смог увидеть собственными глазами ангела или кого-нибудь, кто уже точно мёртв, тогда — другое дело. Но разве такое возможно?»

Прекрасное Существо подошло ближе, улыбнулось и покачало своим воздушным покрывалом перед глазами умирающего, но он ничего не заметил.

Тогда Прекрасное Существо осветило ярким светом пространство вокруг него и запело так, как могут петь только ангелы, но Том и на этот раз ничего не увидел и ничего не услышал.

— Похоже, тебе придётся «материализоваться», — сказала мне тогда с капризной улыбкой Прекрасное Существо. — Эти глаза затуманены материей и не способны видеть ничего более тонкого.

Меня не очень-то привлекало это предложение, но мой непредсказуемый Друг продолжал развивать свою мысль дальше.

— Вон там, на кровати лежит один смертный. Он из тех, кого называют медиумами от природы, потому что их тонкие тела не столь прочно связаны с физическими и их можно без труда отделять и некоторое время ими пользоваться. Попробуй материализоваться с его помощью, пусть Том увидит нечто такое, что он сможет принять за ангела.

— Но ведь я не ангел, — возразил я, — и в глазах умирающего атеиста я вряд ли смогу сойти за него.

— Попробуй и увидишь, — сказала Прекрасное Существо, указывая на человека, лежавшего на соседней кровати, в котором Оно признало медиума.

Я поглядел на этого «медиума», и мне сразу же открылась история всей его жизни. Это был

довольно грубый человек, трактирщик, к нему как нельзя лучше подошёл бы один общеизвестный эпитет, от упоминания которого я, впрочем, воздержусь.

— Входить в эфирное тело этого человека?! — сказал я с отвращением. — Да я к нему и близко не подойду!

— Ах, какие мы привередливые! — сказала Прекрасное Существо. — Если бы я не знал тебя так хорошо, подумал бы, что ты — фарисей.

— Называй меня как хочешь, — ответил я, — но с помощью этого тела я не стану производить никаких феноменов.

Прекрасное Существо рассмеялось.

— Но это же так просто, — сказала Оно как бы самому себе, — так просто и так убедительно.

Ангел подошёл к спящему трактирщику (воздержусь от более резких эпитетов в его адрес), и вскоре над ним начала подниматься полупрозрачная субстанция. По своей земной привычке я протёр глаза, потому что никак не мог поверить, что это происходит на самом деле. Чистый и возвышенный Ангел облачался в нездоровые излучения спящего медиума, и едва маятник настенных часов успел качнуться два десятка раз, как превращение было закончено, и полностью материализовавшийся, обретший способность говорить Ангел подошёл к кровати Тома.

Заметив его, Том даже приподнялся на кровати от удивления и потрясения.

— Кто ты? — хриплым голосом спросил он.

— Я — ангел, — просто ответило Прекрасное Существо, и это была правда. — Я пришёл, чтобы доказать тебе, что чудеса бывают, а ещё — сказать, что я обязательно встречу тебя по ту сторону жизни после того, как ты оставишь своё тело.

Мэри тоже видела и слышала его. Сдержав возвышенный восторг и удивление, она опустила на колени: ведь ей тоже никогда раньше не приходилось видеть ангела, хотя её вера и была настолько сильна, что могла бы сдвинуть горы.

— Так значит, это правда! — воскликнул Том. — Я не умру вместе с моим телом. А ты ... ты так прекрасен!

Прекрасное Существо и в самом деле так удачно произвело превращение, что смогло сохранить даже в чужом теле всю свою славу и ту удивительную красоту формы, которая придаёт столько очарования ангелам невидимого мира.

— Все мои сомнения исчезли, — сказал Том, — я верую и умру счастливым.

— Я обязательно приду тебя встретить, когда ты покинешь это тело, я не забуду, — улыбнулся мой Друг. — А теперь — до свидания, до скорой встречи. Оставляю тебя на попечение Мэри, она ведь тоже своего рода ангел.

Вслед за этим заимствованная форма медленно направилась к телу спящего трактирщика, и в следующее мгновение мой Друг снова стоял около меня в своём собственном чистейшем естестве, только на его плечах и стопах остались тёмные пятна, похожие на грязь.

— Ничего, на свежем воздухе они скоро исчезнут, — улыбнулось Прекрасное Существо. — Но разве это не стоило того, чтобы убедить душу в её собственном бессмертии?

Мы вышли под открытое небо, но только что пережитая сцена всё ещё стояла у меня перед глазами. И теперь, встретившись с чем-либо, что покажется мне недостойным меня, я всегда буду вспоминать, как самое чистое Существо из всех, что мне доводилось знать, облачилось в омерзительную оболочку грубого трактирщика, оставившую грязные пятна на Его прекрасных плечах и сияющих стопах, как погрузилось Оно впервые в скверну этого мира — во имя Любви.

Письмо 26

Учитель разума

17 апреля 1915 г.

Сегодня вечером, 17 апреля 1915 года, над передовыми позициями одной из воюющих наций прошло Великое Духовное Существо, чьё тело — это Разум, и которое действует исключительно посредством разума.

Настал тот час, когда некоторые из тех, кто храбро сражался за свою несчастную страну, смогут узнать, что их дело безнадёжно проиграно. Возможно, в тот самый вечер это поймут лишь немногие, но их знание будет распространяться дальше, и вместе с его распространением наступит перемена в духе. Это очень грустно, когда приходится сражаться за безнадёжное дело. Для этого требуется особая преданность, редкая преданность.

Ну и какие же последствия мог иметь этот визит Небесного Существа, удивляетесь вы? Потерпите, скоро узнаете. Я не часто позволяю себе пророчествовать. Я лишь излагаю возможные результаты известных мне причин. И вы можете делать то же самое, если не позволите своим личным пристрастиям восторжествовать над разумом. Для того, чтобы чётко представлять себе следствия, проистекающие из какой-либо конкретной причины, разум не должен быть отягощён желанием, он должен быть беспристрастным, как вычислительная машина. Именно благодаря этой божественной алгебре Учителя могут заглядывать в будущее.

Когда на вопрос, адресованный вашей Высшей Сущности, вы получаете ответ в виде символов и изображений, знайте, что информацию для ответа внутренний человек получает как раз благодаря этой трансцендентальной математике. Ему известны такие причины, о которых вы сами ничего не знаете, и на основании этих причин он может предсказывать грядущие последствия почти с такой же точностью, с какой астрономы предсказывают наступление затмений. Я сказал — почти, потому что, имея дело с человеческими существами, даже самые великие Учителя должны принимать во внимание один непредсказуемый фактор — *свободную волю* человека. Направление её действия тоже можно предугадывать, но только предугадывать — и не более. Неожиданный всплеск свободной и непредсказуемой воли — и вот уже вводятся в действие совершенно новые причины, и вычисления можно начинать сначала.

Но в изучении непредсказуемого элемента воли есть и своя особая прелесть. Возможно, именно поэтому некоторые люди находят, что кошки намного очаровательнее собак. Кошка — своенравное, непредсказуемое животное, таковы же и многие люди.

Великое Существо, проходившее этой ночью над линией фронта, в течение довольно долгого времени наблюдало за ходом событий на Земле. Это был Один из тех, кто служит Планетарному Духу Земли, распространяя среди человечества определённые идеи, когда наступает их черёд сыграть отведённую им роль в истории. Я не могу рассказать вам многого о жизни этого Существа, поскольку и сам мало что о Нём знаю. Оно настолько совершеннее меня, что любые мои представления о Нём неизбежно должны быть крайне ограниченными. Вероятно, раньше Он тоже был человеком, но даже в этом я не уверен.

Мне говорили, что именно Он в своё время впервые внушил небольшой, но очень мужественной группе американцев уверенность в том, что рабство в Америке необходимо отменить, что именно Он внушил Колумбу мысль о том, что, отправившись на Запад, тот сможет найти землю, хотя и не смог заставить своего подопечного осознать такой великий факт, что там, по другую сторону западного Океана, лежал огромный самостоятельный континент, разделявший этот океан с тем, чьи воды омывают восточные берега Азии. Также мне говорили

ещё, что именно это Существо помогло человечеству приобрести знания об электричестве.

Можете ли вы вообразить себе жизнь подобного Существа? Можете ли вы расширить своё сознание настолько, чтобы оно соприкоснулось с Его сознанием?

Я откровенно признаюсь, что это сложно даже мне, несмотря на то, что я уже смог вспомнить так много из своего огромного прошлого и вычислить так много возможных следствий, проистекающих из причин, которые я сам же и создал в далёком прошлом, тех следствий, которым предстоит формировать мои будущие земные жизни.

Попробуйте представить себе самостоятельное, активно действующее Существо, лишённое, однако же, физического и даже астрального тела; Существо, состоящее из мысли (то есть низшей субстанцией которого является мысль); Существо, которое влияет на избранного Им исполнителя Его воли, непосредственно входя в контакт с его открытым разумом. Какие личные желания могут быть у такого Существа? Какие оно может иметь амбиции? Само это низменное и ограниченное понятие — «амбиция» — звучит нелепо, когда речь идёт о мотивах, которыми руководствуется в своих действиях это Существо.

Мы здесь обращаемся к Нему по имени, однако выдать его вам мне не позволено. Это имя обладает *огромной мантрической силой*, и если вы станете часто его повторять, оно может поднять ваше сознание и ваши собственные вибрации на такую высоту, что вы уже практически не сможете продолжать жить в вашем физическом теле и, следовательно, не сможете выполнять ту работу, которая является для вас и привилегией и обязанностью на данном этапе вашей эволюции.

Ученики великих Учителей могут проходить под руководством этого Существа через определённое посвящение, но те, кто проходит через него, навсегда отказываются от обычной человеческой жизни. Они проникают в суть причин, что делает их настолько динамичными, их личности и их мысли — настолько могучими, что ради блага самого мира им не следует соприкасаться с ним слишком тесно, потому что жизнь всех вещей подчинена Закону цикличности, и чрезмерное ускорение человеческой эволюции было бы опасным для самого человечества. Она может успешно протекать только с определённой скоростью. Превысите эту скорость, и вы наверняка получите какую-нибудь катастрофу.

Я точно знаю, какого уровня должно достичь моё развитие, прежде чем я смогу пройти посвящение, которым руководит это Существо. И когда я достигну этого уровня, я уже не смогу, как сейчас, приходить и писать с вашей помощью, если, конечно, вы сами к тому времени не усовершенствуете на пропорциональную величину своё собственное сознание, потому что в противном случае мне пришлось бы ускорять естественный темп вашего духовного роста, что было бы небезопасно для вас.

С тех пор, как я здесь, я многое узнал об этих Существах, ответственных за высшую эволюцию человечества. В настоящее время даже достаточно просвещённые люди в основной своей массе были бы не в состоянии вообразить себе уровень Их развития.

Эти Существа всегда одиноки и должны быть одинокими, хотя каждый из Них знает о существовании себе подобных — своих коллег по работе. Представьте-ка, что вам самой приходится проводить целые столетия, тысячелетия и даже десятки тысяч лет в одиночестве, однако всё это время напряжённо думая, мысленно прослеживая весь ход эволюции — той эволюции, которую вы сами для себя уже давно прошли, прослеживая её с помощью одного лишь разума, ибо свою эмоциональную природу вы также уже оставили далеко позади; и делаете вы всё это не ради собственного блага, но лишь потому, что деятельность эта согласуется с великим законом другого Существа, которое ещё значительнее и ещё выше вас.

В некоторых школах учеников приучают к послушанию, но не для того, чтобы контролировать их действия в угоду Учителю, а для того, чтобы ученик смог сделать таким

образом свои первые шаги по пути послушания Космической Воле. Ему придётся ещё очень долго идти этим путём, прежде чем ему будет доверена та работа, которую выполняет Существо, прошедшее этой ночью вдоль линии фронта одной из воюющих армий, излучая свет своей мысли и внушая ясность своей цели тем немногим, чья восприимчивость была достаточно развита для того, чтобы почувствовать Его присутствие.

Не жалуйтесь на усталость — вы, делающие только лишь первые, самые лёгкие шаги на Пути, который однажды приведёт вас к Учителям! Этот Путь действительно тяжёл; как сказал один вдохновенный писатель — он *всё время ведёт в гору*, но есть на этом подъёме и такие ступени, на которых путник может ненадолго остановиться, чтобы передохнуть и насладиться панорамой пройденного пути. Похоже, что и я сам достиг сейчас такой ступени, и хотя я по-прежнему беспрерывно тружусь, мой труд доставляет мне радость.

Ужасная битва, которую некоторым из нас пришлось вести с элементарными сущностями, теперь закончилась. Самое худшее из бедствий, угрожавших человечеству, по счастью, удалось благополучно предотвратить. Так что труд нынешний совсем не тяжёл в сравнении с тяготами той войны. Если бы мир знал, чем он обязан Учителям, которых большинство людей считает просто выдумкой! Но эти Учителя трудятся не ради признания и не ради благодарности.

Идите же по Их стопам, ибо это — единственный Путь, который может увести людей от тех ужасных бедствий, что совсем недавно грозили захлестнуть их мир. (Здесь я имею в виду не только возможную победу немцев).

Великой целесообразностью продиктована необходимость держать в секрете от основной массы человечества определяющие эволюционные законы, управляющие жизнью планеты. *Человеческий разум должен сначала возвыситься над узким кругом каждодневных проблем чтобы вместить такое Знание.*

Вы все пользуетесь словами, подлинного значения которых не осознаёте. Вы говорите об ангелах-хранителях, об аде и чистилище, об искуплении и о таинстве причастия. Причастие! Я мог бы рассказать вам о причастии, во время которого действительно вкушают Тело и пьют Кровь Господню, но я не сделаю этого, потому что вы расскажете об этом всему миру, а если вы это сделаете, существующие в мире силы зла вас уничтожат.

Но я и так уже слишком близко подошёл к тем вещам, о которых не следует говорить, а потому я пока что пожелаю вам спокойной ночи — действительно спокойной, — а сам вернусь к своим трудам, следуя за тем светлым Существом, что прошло по полям сражений этим вечером.

18 апреля 1915 г.

Вас, возможно, удивляет, почему те элементарные сущности, которые, как я уже говорил, развязали эту великую войну, именно в это время стали столь агрессивными? Почему они с такой неистовой силой набросились на человечество? Думаю, не будет ничего плохого, если вы узнаете кое-что о причинах этой агрессивности, тем более, что вы уже видели достаточно много её последствий.

Тезис о том, что за последнее столетие человечество добилось большего материального прогресса, чем за предыдущие две тысячи лет, уже успел превратиться в обычную газетную банальность. Но этот рост не сопровождался соответствующим нравственным усовершенствованием, и потому злым элементарным сущностям, которые опасаются за свою власть в своих же собственных царствах, удалось достичь столь значительных успехов в своих нападениях на человеческую расу.

Но человек продвигался вперёд гигантскими шагами не только в материальной сфере, некоторые его открытия и изобретения затрагивают и невидимые миры. Двери человеческого разума открываются теперь в неизведанные пространства эфирного мира, в котором живут эти сущности. Человек уже начал подчинять себе элементарные стихии, а это значит, что он *может* подчинить себе и элементарные сущности. Один американец уже настолько близко подошёл к одной из великих и опасных тайн, что тем, кто боится слишком быстрого прогресса человечества, пришлось опустить непроницаемую завесу перед глазами его пытливого разума.

Оккультные общества распространились по всему миру. В прежние дни эти общества были действительно тайными, и ни один человек не мог приобщиться к их знаниям, не пройдя предварительно через испытания, подтверждавшие его нравственную готовность к дальнейшему обучению и овладению новыми тайнами. Но двери, ведущие в невидимое, теперь осаждают целая армия оптимистов-интеллектуалов, не прошедших через эти испытания. Любопытство побуждает их стремиться к тому, во что ранее были посвящены только аристократы духа. Демократия проникла даже в оккультные чертоги, и священные тайны были публично разглашены теми, чьи личные амбиции не знают границ. Обитатели Невидимого Мира сами оказались жертвами вторжения.

Теперь эти обитатели будут подчиняться Великой Душе, которая, как они знают, более могущественна, чем они сами. Они сбегаются на Её зов, как послушные дети, и беспрекословно выполняют затем все Её приказы. Но невидимые сущности очень ревниво оберегают свою свободу и подчиняются только тому, чьё превосходство не вызывает у них сомнений. Многие — да что там многие! — большинство из тех, кто ныне стремится открыть двери Невидимого Мира, не в состоянии управлять им, ибо властвовать над невидимыми силами во внешнем мире может только тот, кто уже установил контроль над этими силами *внутри* самого себя.

В предыдущем письме я говорил о нависшей над Америкой опасности *чёрной магии*, но эта опасность существует повсюду. А что такое *чёрная магия*? Вкратце её можно определить как использование тех самых сил Невидимого Мира в своих корыстных целях. Лишь после того, как человек возвысится над самим собой, невидимые силы будут служить ему беспрекословно и долго.

Загляните в любую газету, и вы увидите там объявления различных мужчин и женщин, которые обещают (*за деньги!*) сделать то, что достижимо *только при помощи этих невидимых*

сущностей. Какое богохульство! Какая самонадеянность! И если бы авторы этих объявлений действительно могли претворять свои обещания в жизнь, это было бы по страшнее сыпного тифа. Подобные объявления пробуждают в сердцах невежественных людей всё доселе дремавшее в них любопытство, всю их амбициозность и весь их неумный эгоизм. Эти неподготовленные дилетанты пытаются делать то, что Адепт не позволил бы себе даже в мыслях, ибо *их действия направлены главным образом на то, чтобы подчинить себе свободную волю других людей*. Они стремятся воздействовать на суждения и желания других, руководствуясь при этом исключительно узкими и субъективными интересами тех, кто им платит. И ради этого они приводят в движение невидимые силы. Позвольте ли вы ребёнку забавляться зажжёнными спичками в пороховом складе? Однако как раз нечто подобное и творится в последние годы во всём западном мире.

Поэтому неудивительно, что невидимые сущности взбунтовались. Они покорно последовали бы за Учителем, однако они противятся вмешательству дурака.

Но боятся они отнюдь не дураков. Напротив, они боятся только больших учёных. Человек достиг такого прогресса в науке, что теперь ему просто *необходимо* очистить свои мотивы, ибо в противном случае он будет *уничтожен*.

Вот ещё одна причина того, что я так активно проповедую идею *братства*, пытаюсь спасти людей от их же собственной глупости. Если ощущение братства станет всеобщим, эти эксперименты с неведомыми силами будут не так опасны. Тогда основная масса человечества приобретёт способности Белого Учителя, чьи мотивы *всегда бескорыстны*.

Большие учёные ближе всех остальных подошли к той чистой деятельности, когда разум и только разум действует исключительно ради разума; подобным же образом действует то Великое Существо, о котором я недавно писал вам, — тот Великий Посвящённый, который служит миру, влияя *в строгом соответствии с Законом эволюции* на мысли определённых людей, избранных орудиями эволюционного развития.

Как мало знают люди об окружающем их Невидимом Мире!

Совсем недавно я последовал за вами в лекционный зал в Нью-Йорке, так вот — он был переполнен невидимыми существами ещё больше, чем мужчинами и женщинами в физических телах. Как вы сами прекрасно понимаете, именно в этом и заключалась причина охватившего вас тогда беспокойства. Целью этого собрания была организация структурного ядра Общества исследования аномальных явлений, а именно — Невидимого Мира, некромантии и обрядовой магии. Безумство из безумств! Я услышал, как один из присутствовавших там мужчин выразил уверенность в том, что новообразованное Общество не будет, подобно Обществу Психических Исследований, отгораживаться от внешнего мира, но напротив, это Общество будет приглашать всех, кого интересует изучение невидимого, в том числе и репортеров. Пресс-атташе от оккультизма!

Позвольте мне описать здесь нескольких присутствовавших там слушателей, остававшихся невидимыми для всех, за исключением одного человека. Над собранием зависло в нетерпеливом ожидании высокое, худое, голодное существо с химерическим лицом и брюхом голодной пиявки. Оно почти что с нежностью внимало речам одного из ораторов.

Другое — обрюзгшее и полусонное — уже успело подкормиться с тех пор, как появилось в зале.

Ещё одно — испуганное и измученное — пыталось найти выход, но никак не могло выбраться из ауры желания одного из участников этого причудливого сборища.

И ещё одно — сильное и злобное — металось с места на место в поисках новых жертв. Уж оно-то непременно будет присутствовать на собраниях этого Общества. Оно будет стараться поддерживать его жизнеспособность, потому что знает о том, какую великолепную возможность

предоставляет ему это

Общество. О том, что это за возможность, я предпочту умолчать.

Так для чего же вам посещать подобные места?

Письмо 28

Величие войны

20 апреля 1915 г.

Я уже писал вам о красоте мира; теперь я хочу написать о красоте войны, ибо у войны тоже есть своё великолепие. Всё, что возводит человека к высшему пределу энтузиазма, — прекрасно; ибо что есть красота — как не излучение Света, вспышка той жизни, что являет собой Солнце в человеке?

Я сожалею о том, что эта война началась. Я видел страдания, муки, агонию, и через своё сострадание сам испытывал их. Всё это, конечно же, наложило на меня свой отпечаток. Но, останься я в безопасности на одной из нейтральных звёзд, я бы так ничего и не узнал о величии войны.

Человек стал слишком покорным, но так и не приобрёл сопряжённых с покорностью добродетелей; и эта война, таким образом, исполняет волю богов, вновь бросая человека в дикость, в первобытность, где находятся самые корни жизни и откуда истекает та живительная сила, что в будущем расцветёт в виде веры — такой могучей, какой ещё не видывал мир.

Страдание и радость вечно противоположны и вечно равны друг другу. Какое-то время человек может пребывать в нейтральном состоянии сытого полусознания; но когда к нему приходят обе крайности — радость и страдание, он уже не может пребывать в полусознании, — он живёт и бодрствует, и слава сияет над ним.

Могли ли Учителя предотвратить эту войну? Они могли бы задержать её; но её *причины* были сокрыты в сердцах людей, в невидимых силах, пребывавших как внутри них самих, так и во внешнем мире, и далее оттягивать неминуемый взрыв — означало бы препятствовать *планетарным* целям.

И те, что не убиты и не умерли, сейчас гораздо более живые, чем они были двенадцать месяцев тому назад, и даже так называемые «мёртвые» суть не мёртвые, но живые усопшие.

Мы отбросили назад силы зла, это правда; но битва, происходившая в нашем мире, — это всего лишь часть общей битвы.

Если вы не против, я расскажу вам историю одного человека, которого я знал ещё в мирное время. Это был самодовольный субъект, погружённый своею сытостью в полусонное состояние. Он разглагольствовал о жизни, об этике и о гражданском долге, не выходя при этом из рамок привычных банальностей. Но что он в действительности знал о жизни, этике и гражданском долге?

Назовём его Джонсон. Несколько месяцев он провёл на войне, сражаясь за Англию и за спокойствие Англии; и теперь, когда он говорит о жизни, его речь наполнена смыслом, потому что жизнь для него теперь — противоположность и в то же время неизменная спутница смерти. Он любит жизнь, и от него исходит свет величия жизни.

У Джонсона был сын — единственный ребёнок. Каждый отец поймёт, что это значит. Во время большого отступления, одним из руководителей которого был и Джонсон, он вдруг увидел своего сына — раненого, но ещё живого. Лишь на одно мгновение отец обернулся к своему мальчику... а затем вернулся к своему отряду, чтобы не оставлять его без командира, при этом отдав своего сына на милость армии, опьянённой безжалостным духом завоевания.

Больше Джонсон не будет говорить банальностей о жизни. Он узнал, что такое смерть, и что такое муки неизвестности — вещь ещё более страшная, чем сама смерть.

24 апреля 1915 г.

Вчера умер человек, мысленно повторяя перед смертью ваше имя.

Нет, он не был вашим другом, более того — вы никогда его не видели. Ещё в прошлом году, находясь в Англии, он прочёл предыдущую книгу, написанную мной с вашей помощью, и очень серьёзно заинтересовался ею. В течение нескольких месяцев он мечтал о встрече с вами, но, будучи человеком скромным, предпочитал не торопить события.

А потом разразилась война, и он вместе с армией отправился в Бельгию.

После своего первого боя он начал денно и нощно размышлять обо всех фактах и перспективах, изложенных в этой книге. Существует ли другая жизнь, продолжающая нынешнюю земную? Может ли человек вернуться, как утверждал это я, и может ли он передать женщине, всё ещё пребывающей в мире живых, весть о том, что чувствует он теперь среди «мёртвых»? На самом ли деле я видел всё то, о чем рассказываю, и на самом ли деле я побывал в мире прообразов и в небесном мире, где я видел Спасителя человечества с агнцем на руках и т.д. и т.п.?

Лишь в одном этот человек никогда не сомневался — в искренности того, кто записал это послание. Это он чувствовал инстинктивно, и ещё — благодаря особому англо-саксонскому духу рыцарства, который трудно понять представителям некоторых других рас.

Он часто беседовал в окопах со своими однополчанами о будущей жизни. Он часто молча сидел и курил, глядя куда-то в пустоту, и когда кто-то из солдат спрашивал его, о чём это он так напряжённо думает, он отвечал: «Я думаю о книге, которую прочёл прошлым летом. Не знаю — правда ли всё это». А когда его спрашивали, о чём эта книга, он начинал рассказывать о «Письмах Живого Усопшего», цитируя по памяти целые предложения, или же просто излагал своими словами отдельные её сюжеты, объясняя при этом смысл разбросанных в ней тут и там различных философских концепций. Иногда обсуждение книги затягивалось на весь вечер.

Вы никогда не были на войне ни как солдат, ни как сестра милосердия, и всё же вы побывали на войне.

По странному совпадению, эта книга вышла в свет за несколько месяцев до того, как огромное количество человеческих душ было изъято из истории мира. Задумывались ли вы над этим? Лично я никогда не задумывался до тех пор, пока сам Учитель не указал мне на это.

Но нашего друга, который умер вчера, мысленно повторяя ваше имя, особенно интересовал один вопрос: сможет ли он в том случае, если ему суждено пасть от руки врага, приготовить такой же «маленький домик на небесах», о каком мы когда-то писали, для девушки, которую он оставил в Англии и которую очень любил; и если он действительно построит этот домик, где будет ждать её, то сохранит ли она верность ему после его смерти, и придёт ли она к нему по прошествии лет, и будет ли жить с ним в этом маленьком домике?

Этому молодому человеку довелось прочесть несколько сочинений одного американского мистика по теории о взаимодополняющих друг друга душах, и он верил в то, что оставленная им в Англии девушка как раз и была для него такой взаимодополняющей душой — подобной той, что я описал в своём рассказе о человеке, ожидавшем свою любимую в приготовленном им на небесах домике.

Но об этом он ни слова не говорил своим товарищам в окопах. Им он рассказывал другие истории из книги — все, кроме этой. Странно, что именно о самом желанном объекте своих

мыслей мы не спешим рассказывать окружающим, по крайней мере, так поступают большинство из нас.

И ещё один эпизод из книги вызвал у нашего друга особый интерес — это рассказ о женщине из невидимого мира, совершившей путешествие в Египет вместе со своим всё ещё живым мужем. Он размышлял, а сможет ли он, если вдруг умрёт, отправиться в духовной оболочке в одно маленькое местечко в Северном Уэльсе (так он сам его называл), где однажды побывал со своей возлюбленной, и которое они выбрали для своего будущего свадебного путешествия.

Однажды вечером он даже написал ей длинное письмо, в котором просил её приехать туда этим летом в случае его гибели, говоря, что попытается встретить её там. Но затем, поразмыслив, уничтожил письмо, боясь, что оно навеет его невесте грустные мысли.

Когда же я заметил вокруг него тот особый свет, который начинает исходить от духа, скрытого внутри его носителя, в том случае, если этому носителю грозит скорое разрушение, я решил ждать поблизости, зная, что в скором времени мне придётся прийти ему на помощь.

И вот наступил миг, когда тело его упало на землю, и от него начали отделяться тонкие тела. Я подождал совсем немного, а затем приблизился, чтобы пробудить дух ото сна, в который тот должен был погрузиться. Я подул на лоб астрального тела — ибо астральное тело тоже имеет лоб, вы не должны заблуждаться на этот счёт, — так вот, я подул на лоб астрального тела человека, который оказал большую честь нашей книге, думая в последние секунды своей жизни о ней и о нас.

Он открыл глаза и увидел меня.

— Привет, «Х.»! — сказал он мне. — Я так и думал, что ты встретишь меня здесь. Ты — молодец, не подвёл меня.

— Да, я всегда был отличным парнем! — ответил я. — А как это тебе удалось так быстро понять, что с тобой произошло?

— Просто я увидел тебя.

— А откуда ты меня знаешь?

— Я видел в журнале твою фотографию.

— Неужели я всё ещё похож на того старого увальня? — спросил я, потому что очень гордился тем, что мне в какой-то степени удалось вернуть свою прежнюю молодость и привлекательность.

— Да, — сказал он, — ты выглядишь в точности как на той фотографии.

— Странно, — ответил я.

И тут я догадался, что моё собственное знание о представлениях этого человека обо мне как о старом судье, описанном в прежней книге, могло заставить моё тело трансформироваться так, чтобы он смог узнать меня, причём произошло это без всякого участия моей воли.

— Может, ты хочешь немного поспать? — на всякий случай спросил я его, хотя в его глазах не было даже намёка на сон.

— Нет, «Х.», спасибо. Я хотел бы вернуться в Англию. Но у тебя, наверное, есть более важные дела, чем исполнение моих желаний и прихотей.

Я рассмеялся.

— Твои желания и прихоти так же важны, как и мои собственные, — сказал я. — Мы отправимся в Англию вместе.

И мы отправились в путь.

Над Ла-Маншем мы увидели пересекавший его транспорт с войсками.

— Хотелось бы мне, чтобы все эти парни знали то, что знаю я, — сказал мой друг. — Если бы они знали, какого хорошего товарища я здесь нашёл, то сражались бы с удвоенным

мужеством.

Вы, священники, не пугайтесь, когда вам приходится повторять «земля к земле, прах к праху», и уходящие души провожайте всегда с торжественными лицами! И пусть не удивляет и не смущает вас беззаботная болтовня моего нового товарища — молодого солдата. Он чувствовал себя так, как будто находится в компании своего старого друга, и он уже понял, что смерть не более свята, чем жизнь, и потому не требует особой торжественности.

Мы отправились в гости к девушке. В молодости мне часто доводилось наносить визиты дамам, но никогда я не испытывал такого любопытства, как в тот раз, когда вместе с солдатом отправился навестить его девушку. И то, что она нас не видела, не имело никакого значения. Я уже успел к этому привыкнуть.

Когда мы, наконец, увидели её, она расчёсывала волосы — прекрасные длинные волосы, а на каминной полке под зеркалом, в которое она смотрелась, стояла фотография моего друга. И в тот момент, когда на ней задержался её любящий взгляд, мой друг встал между фотографией и своей возлюбленной. Девушка вскрикнула:

— Боже мой, глаза! — они живые! — и уронила на пол гребешок.

Тут её разум озарила догадка, и она произнесла, стараясь, чтобы её голос звучал как можно более торжественно:

— Дорогой мой, если это действительно ты, если волею судьбы ты и в самом деле пришёл сейчас ко мне, то знай, что я люблю тебя и всегда буду любить. Мы обязательно встретимся на небесах. Сказав это, она опустилась на маленький стул и залилась слезами.

Я оставил моего друга с нею; но иногда я буду возвращаться, чтобы посмотреть, как у него идут дела, и со временем постараюсь преподать ему несколько уроков, от которых может зависеть его будущее благополучие. Мне не хотелось бы, чтобы он снова оказался вблизи от полей сражений. Для чего ему это? Он исправно послужил и заработал свою награду.

Возможно, как-нибудь в дальнейшем я расскажу вам ещё кое-что о человеке, который умер, повторяя в мыслях ваше имя, да и моё тоже^[27].

Письмо 30

Роза и крест

25 апреля 1915 г.

Всё более и более я восхищаюсь и удивляюсь своему знакомому, которого мы называем Прекрасным Существом. Наверное, мне никогда не удастся Его понять, потому что мыслит Оно совершенно не так, как мы.

Вчера Прекрасное Существо снова летало над полями сражений. Мне следовало бы написать вам об этом раньше, несколько часов спустя, как я у вас появился, но я решил не беспокоить вас, видя вашу усталость. Пусть вас это не смущает. Иногда Учителя Сострадания кажутся своим ученикам абсолютно бессердечными; но Они знают то, чего не знают их слуги, — то, что самая трудная дорога ведёт на самую высокую гору, на вершине которой их ждёт отдых.

Итак, Прекрасное Существо летало над полями сражений. Представьте себе розу, выглядывающую из жерла пушки, птицу, нежно поющую в эпицентре землетрясения, жемчужину в потоке оползня или Ангела в аду.

Вы ещё не знаете, что это значит — «поле битвы». Вчера в крошечном аду умирали тысячи людей. Грохот! грохот! грохот! — пока нервы не возопят от боли и отчаяние не охватит душу. Расстаться с жизнью среди этого кипящего водоворота — означало, в большинстве случаев, попасть в другой кипящий водоворот, ещё более шумный и жаркий, чем тот, что остался позади.

Как могу я написать вам о войне и пощадить при этом ваши чувства? Великие Учителя вовсе не стремятся щадить чьи-либо чувства. Они хотят, чтобы вы чувствовали и чувствовали без конца до тех пор, пока сама сила чувственной волны не поднимет вас наверх, к состоянию Адепта. А ещё они хотят, чтобы вы думали и думали без конца, пока нестерпимый холод логики не откристаллизует окончательно вашу *истинную сущность*. Лёд и пламень!

Если вы не желаете знать того, что пришлось выстрадать солдатам разных национальностей ради того, чтобы вы были свободны, значит, вы недостойны этой свободы. Не избегайте страданий. Плевелы должны отделиться от зёрен, чтобы из них смогли появиться ростки.

Души, умирающие за свою страну в аду сражений, приближают тем самым рождение Нового Времени. Страдая вместе с ними, вы тем самым рождаете новое в себе. Не ищите радости в годину скорбных трудов человечества, если только вы не находите радость в самом страдании. Да, я знаю, *когда* впервые и *через кого* эта великая идея проникла в ваше сознание. Но в этот час мировой боли — это тайна великих душ.

Когда ваши страдания затянутся настолько, что вы уже не сможете больше страдать, тогда полюса поменяются местами и *радость* от страданий озарит вашу душу. И тогда ваше собственное *прекрасное существо* воспарит над полем битвы, на котором ваша низшая сущность будет лежать убитой.

В каждом из вас заключено *прекрасное существо* — та птица, что нежно поёт посреди землетрясения, та роза, что нашла приют в раскалённом пушечном стволе, жемчужина, которой не страшен оползень, Ангел, что освещает ад.

Все обычные чувства человеческого сердца в это время обостряются. Ни один человек с началом этой войны не смог остаться прежним — ни один в целом мире. Душа человечества пребывает ныне в муках. Нынешняя инкарнация человечества обернулась сама против себя и теперь рвёт самое себя на части. Сердце человечества превратилось в пропасть, в которую люди пали настолько глубоко, что совсем перестали видеть в темноте. Стражам добра и зла пришлось

бросать в эту пропасть свои пылающие факелы, чтобы таким способом, пусть неожиданно и бесцеремонно, пробудить от спячки тех, кто оказался внизу.

О, земные сердца, не погружайтесь снова в сон! Любите и жалеете друг друга, ибо боль одного — это боль каждого, и над полем битвы страдающей расы парит Прекрасное Существо.

Человечество — это Единое Целое, и в то же время человечество — это множество, и только вместе вы можете наследовать Отцу вашему, который на Небесах.

Вам знаком символ Розы-Креста. Лишь после того, как все ваши члены будут распяты на безжалостном дереве, лишь через боль ваших израненных и измученных нервов великая алая Роза Любви сможет раскрыть на вашей груди свои благоуханные лепестки, как раз в том месте, где сходятся перекладины Креста.

Всё человеческое в вас — это боль Креста, всё божественное в вас — это благоухание Розы, а вы сами — человек и божество — и есть та самая Роза-Крест.

И если вы уклонитесь от мучительной боли на кресте, которая к тому же не сулит вам поначалу ничего, кроме себя самой, то вам так и не удастся ощутить благоухание розы, которая тоже ничего не предлагает вам, кроме себя.

Не отказывайтесь от великого Посвящения, о люди всех рас! Не прячьтесь за стенами страха, когда к вам приближается великое Посвящение!

На ужасном кресте войны расцветёт алая роза новой Расы. И её алая роза может расцвести на кресте смертной формы каждого человека.

Роза символизирует равновесие между Востоком и Западом, между восходящим и заходящим солнцем, между человеком и божеством. Боковые перекладины креста уходят в бесконечность, его подножие погребено в субстанции вечности, вершина пребывает среди ангелов и богов, а сердце розы присутствует повсюду. Она есть в сердце каждого из тех мириадов существ, что боятся прикоснуться к беспощадному дереву.

Каждый день я слышу крики тех, кто своими страданиями пытается искупить грехи всей расы. И когда они, истерзанные, лежат на поле брани, перекладины креста пронзают их трепещущую плоть, а в их сердцах распускаются лепестки розы.

Их убивает ненависть, но гибнут они за любовь, ибо любовь и ненависть противоположны друг другу и вездесущи. Их любовь к своей родине — это их призыв к искуплению, к единению с Богом, установившим закон Востока и Запада, Высоту и Глубину, противоположные друг другу силы — Любовь и Ненависть. Они принесли себя в жертву. И теперь для них будут воскресение и жизнь, когда истечёт срок их пребывания среди мёртвых, срок их пребывания в аду.

А у дверей склепа они явятся Магдалине — той, чьи грехи были прощены за её большую любовь, и она призовет учеников, чтобы поделиться с ними вестью о великой радости.

Душа мира есть воскресший Христос, и ученики радуются, узнавая об этом.

Так как же я могу утаивать от вас великое событие, о котором возвестило время?

Душа мира была продана за тридцать кругляшков серебра, и мировой Иуда с именем Бога на устах запечатлел свой предательский поцелуй, и римские солдаты уже делят одежды. Понтий Пилат умывает руки, не желая брать на себя ответственность, а его жена рыдает в своих покоях из-за того, что пренебрегли её сном. Жрецы Синедриона удовлетворённо качают головами, но завеса в Храме Человечества уже разорвана сверху и до низу.

Как же ты сможешь получить послание, если ты не страдал, о слушающий у дверей Времени? Кто же поверит тебе, если ты не постиг истину искупления? До тех пор, пока все члены твои не будут распяты на кресте, о мир, страдающий в этот час, Роза не расцветёт!

Храните спокойствие и помните, что Бог — это Бог. Когда чувства спокойны, лепестки начинают раскрываться, радость начинает проникать в сердце и переполняет его, и тогда каждая частичка Креста оживает и начинает радостно трепетать в сердце Розы, и мир наполняется её

ароматом.

И Прекрасное Существо — лучик Святого Духа — реет над Голгофой поля битвы.

Письмо 31

Сербский колдун

26 апреля 1915 г.

От жертвенности Розы-Креста до истерзанной Сербии — неблизкий путь, но именно такое путешествие вам придётся проделать сегодня утром вместе со мной.

Эта страна оказалась наиболее восприимчивой к болезнетворным астральным вирусам — тем самым, что выплёвывало в вышестоящий мир омерзительная сущность, о которой я писал вам в одном из предыдущих писем. И эта повышенная восприимчивость имеет свои причины.

Давным-давно в горах Сербии жил злой колдун — человек, для которого все его знания были исключительно средством достижения своекорыстного интеллектуального наслаждения, которое он из них с успехом извлекал. Он смог настолько возвыситься над уровнем обычного человеческого сознания, что банальные мирские блага уже не интересовали его. Для него весь мир был не более чем презренным местом, от которого следовало держаться подальше, а живущие в нём люди — всего лишь насекомыми, не заслуживавшими его внимания, если только они не могли служить достижению его корыстных целей.

Он считал себя чем-то вроде божества, и столь усердны были его эгоистичные труды, что, обрати он свои знания на благо человеческой расы, частью которой являлся он сам, он действительно мог бы стать подобным богу. Но эгоистичные и злые существа никогда не стремятся к божественному. И в лучшем случае они могут лишь на одну ступеньку возвыситься над человеком. Гусеница может превратиться в бабочку, но если ей ненавистен солнечный свет и воздух высших сфер, то лучше её крыльям вовсе не отрастать.

Так вот, этот человек, этот колдун-эгоист узнал, что, используя определённые магические заклинания, он может призвать к себе элементарные сущности, а затем с их помощью создать астральные существа — хотя и бездушные, но подпитываемые его собственной энергией.

И тогда в его жизни началась полоса настоящего, активного служения злу.

Он подыскал себе место в горах, которое счёл достаточно надёжным убежищем, и затем соответствующим образом намагнитил окрестности своей хижины, превратив её в центр сосредоточения астральных сил. Одной из идей, вызванных им к жизни для своей собственной защиты, было его право на единоличное владение этой территорией.

Но владелец этой горной местности, где обосновался колдун, решил, что окрестности его хижины — превосходное место для охоты на диких зверей, водившихся в тех местах, и вскоре тишина уединённых магических изысканий колдуна была нарушена громом выстрелов охотничьих ружей, а сами охотники даже дерзнули пересечь своими нечестивыми телами тот незримый круг, что колдун провёл по границе своей территории.

Это говорит о том, что он был не таким уж и всесильным, поскольку, если бы он трудился в своей хижине на благо всего человечества, ни один из представителей этого человечества не смог бы осквернить это место. Убежища Учителей Сострадания надёжно ограждены от непрошенных вторжений.

Движимый яростью и разочарованием, он призвал проклятья на головы охотников и на всю округу, и с помощью своей *чёрной магии* создал существ, способных исполнить его проклятья. Он создал их на поверхности земли, равно как и под землёй, и в воздухе, и каждому из них дал особое поручение, пригрозив страшными карами в случае неповиновения. Таким образом, свои способности он использовал именно так, как Закон, в соответствии с которым трудятся настоящие Учителя, категорически запрещает их использовать.

Ему всё же удалось заставить охотников убраться из этих мест, но существа, которых он вызвал и которых создал, так и остались там — по причине ли его недостаточного знания, или же недостатка ответственности, чтобы самому прогнать или уничтожить их.

И когда он умер в довольно преклонном возрасте ста двадцати лет, и существа эти освободились от надзора его воли, они всё равно продолжали оставаться там в полуодушевлённом состоянии, в нижних слоях Астрального Мира.

Прошло сто или более лет, и над Европой разразилась невиданная война. И когда вместе с нею из Незримого Мира пришли злые духи, ища себе добычи и удовольствий, эти старые астральные чудища тоже пробудились от своей спячки и присоединились к ним; и вся округа, проклятая злым колдуном, оказалась отравленной ядовитым дыханием этих существ, чьим единственным *raison d'être*^[28] является ненависть одного человека к людям, потревожившим его в то время, когда он занимался своим преступным делом.

Я не собираюсь описывать здесь процесс, с помощью которого он создал этих существ и наложил на всю округу своё злое заклятие, потому что не намерен выдавать этому погрязшему в эгоизме миру знаний, с помощью которых он сможет только умножить число своих будущих страданий. Мне бы только хотелось, чтобы вы поняли, что Сербия — действительно опасное место. Потому-то оно и было избрано в качестве эпицентра, из которого началось распространение разрушительных волн великой войны.

Сербы — храбрый народ, и к тому же они ничего не знают об обрушившемся на них астральном бедствии. Они стали добычей злых сил, потому что последним *было легче до них добраться* через ту область, отмеченную древним проклятьем.

Людям Новой Расы пришло время узнать, что в Астральном Мире встречаются такие вещи, которых следует избегать. Если бы некоторые учителя не поведали людям так много, в этом предостережении, возможно, не было бы необходимости, но увы, мир уже успел приобрести настолько чёткое представление о том, что внутри и за пределами их собственного мира существует другой мир, что их естественное любопытство начинает представлять угрозу для них же самих, и потому необходимо предупредить их, чтобы они не шутили с невидимым, пока их бескорыстная преданность себе подобным ещё не настолько велика, чтобы они могли изучать Незримый Мир без риска быть смертельно укушенными той змеёй, что притаилась там среди цветов.

Старый колдун отправился в те сферы, где учёные эгоисты могут продолжать свои исследования, уже не будучи стеснёнными ограничениями плотной материи, но у дверей следующего воплощения его уже поджидает ответственность за всё то, что он содеял в горах Сербии во время своей предыдущей земной инкарнации. Когда он снова вернётся в ваш мир, его новое тело станет жертвой всех тех напастей, что он сам же создал, всеми силами пытаясь защитить себя от других людей, которые, однако, обладали такими же правами, что и он сам.

Держитесь подальше от Сербии, пока она не очистится от этой заразы — вы, чья работа не связана непосредственно с уничтожением этой чумы. Но иное дело те целители и другие учёные, что сознательно отправляются туда, чтобы спасти расу от грозящих ей кошмаров, — им принадлежит вся честь и вся слава войны и мира, ибо они по доброй воле согласились (их высшие сущности согласились) стать орудиями служения миру.

Я уже говорил, что злые элементалы боятся учёных, и хотя учёные борются с этой чумой, используя материальные средства, сила их воли и их бескорыстных намерений распространяется за пределы их материальных действий, влияя также и на Невидимый Мир, наполняя его живой энергией, хотя их объективный разум даже не подозревает о его существовании.

Да, честь и хвала учёным!

27 апреля 1915 г.

Я говорил вам о распятии, через которое проходит сейчас душа расы. А теперь я хочу рассказать об Иуде, который продал эту расу за тридцать сребреников.

Читатель этой книги, будь ты иудаистом, христианином, индусом или магометанином, если тебе хоть что-нибудь известно о процессе инициации души, то ты должен знать, что евангелическая драма — неважно, исторический ли это факт или миф, трактуй её сам, как тебе хочется — это *правдивое описание процесса посвящения*.

И неотъемлемой частью этого процесса является предательство Иуды. Без него чаша горечи не была бы полна, а она всегда должна быть наполненной до краёв, пьёт ли её душа расы, душа отдельного человека или же душа Христа.

«Отец мой, для чего Ты оставил меня?» — эти слова были на устах многих искалеченных солдат на этой страшной Голгофе, где распятой оказалась вся раса.

Все эти трудные месяцы — с августа и до весны — раса несла свой тяжкий крест, и теперь — в апреле — её пригвоздили к этому кресту и оставили умирать. На кровоточащие брови надвинут терновый венец, гвозди вонзились в ступни и ладони, вместо воды поднесён уксус, и теперь с миллионов губ срывается крик: «Или, Или, лама савахфани?!^[29]»

Предательства Иуды никак нельзя было избежать, как и деяния Тифона. Не будь Иуды, история была бы неполной. Если бы Тифон не убил Осириса, то не смог бы восстать Гор — его сын.

Но, несмотря на всё это, я всё-таки стою здесь — спрятавшись за завесой невидимого, как, возможно, сказали бы некоторые недоброжелатели — и прошу мир смягчить ужасную кару Иуде, насколько это будет в его власти. Вспомните, не сам ли Он сказал на кресте: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят»?

Ничто из Нагорной Проповеди, ничто из священных писаний Востока, ничто в анналах всего мира не может сравниться по своему величию и духовной значимости с этими восемью словами — «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят»!

Те, что грешат сейчас против расы, действительно не ведают, *что* они творят. Они опьянены яростью разрушения, они обезумели от сознания собственной вины, но они не могут знать всего того, *что* они делают. Только посвящённые души среди немцев смутно догадываются, что на самом деле натворила Германия.

И всё же я говорю вам — прощайте и жалейте их, ибо им выпала ужасная роль, и страдания их будут безмерны.

Пусть не пугает вас то, что тысячами гибнут ваши братья по крови, и даже когда вы почувствуете, что вы умираете вместе с ними в своей духовной сопричастности, помните, что *в конце концов должно восторжествовать Добро*, потому что раса находится сейчас на стадии подъёма. И кровь её пролита не напрасно.

Разве не знала человеческая Раса, делясь хлебом с Германией во время последней вечери, что *именно Германия* предаст её? Раса знала.

И подсознательные сущности людей в том страшном июле знали и видели во снах, что близится тяжкое испытание. Помните? Ещё до того, как эта драма разразилась на Голгофе народов, она уже успела отзвучать во многих наиболее чувствительных душах.

О том, что Германии суждено предать мир, было заранее написано в её душе; но если мир и

дальше будет продолжать ненавидеть её за это предательство, в сердце человеческой расы откроется рана, которая будет болеть ещё тысячу лет. «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят».

Признать необходимость существования зла в системе Космоса ещё не значит примириться с этим злом. Простить грешника — не значит умалить его грех. Несовершенный разум неспособен понять суть ужасного *Закона равновесия сил*, и потому Стражи священного знания до сих пор были столь сдержанными в своих публичных высказываниях.

«Необходимо, чтобы зло приходило в этот мир, но горе тому, через кого зло приходит», — в тысячах церквей повторялись эти слова, но вторая половина этой фразы всегда понималась гораздо лучше, чем первая — «Необходимо, чтобы зло приходило в этот мир».

Будучи тем, что она есть, Германия никак не могла не предать Расу накануне этого распятия. *Было предначертано у что Раса человеческая должна быть предана*, и ни одна другая нация, кроме Германии, не могла сделать этого.

Тифон должен был убить Осириса, повинувшись закону своего собственного бытия. И теперь Изида — великая Мать, Женское Начало Мира, — стена, бродит по земле, разыскивая части тела своего мужа.

А части эти разбросаны на тысячи миль по всей линии фронта. Изида и в самом деле осталась вдовой.

И коль скоро каждый человек является воплощением великого Архетипа, то ныне есть и человек, ставший воплощением Предателя. Это — *Вильгельм Германский*.

Болезнь, долгое время разъедавшая его мозг и послужившая одной из причин его мании величия, стала тем уязвимым местом, местом, не охраняемым светильниками магического круга Европы, через которое в мир смогли проникнуть силы зла. Истинно: «горе тому, через кого приходит зло»!

И говоря теперь, что мир не должен ненавидеть нацию, которую Зло избрало своею пособницей, я вовсе не призываю проявлять сентиментальную слабость, когда скорое завершение всех этих событий станет уже очевидным. Но мир хотя бы в целях самозащиты должен сделать так, чтобы Германия никогда больше не смогла повторить своего предательства. Конкретные пути достижения этой цели я оставляю на усмотрение специалистов, ибо я всего лишь скромный дух и говорю с вами, сидя в своём безопасном убежище за завесой невидимого.

29 апреля 1915 г.

В своём стремлении сдерживать плохую карму Германии я вовсе не пытаюсь нарушить Закон справедливости, Закон причины и следствия. Наоборот.

Ваше понимание Закона кармы должно быть весьма поверхностным, если вы так и не поняли, что время — это тоже один из факторов. Многие вполне платежеспособные фирмы в одночасье разорились бы, если бы все их вкладчики вдруг одновременно потребовали свои деньги обратно. Плохая карма Германии — это её моральная и финансовая задолженность. Дайте же ей немного времени, чтобы успеть приспособиться к абсолютно новому образу мышления.

На днях я случайно услышал, как вы обсуждали со своим другом^[30] гипотезу о том, что воспринятый Германией неверный лозунг «Deutschland uber Alles», будучи беспрестанно повторяемым, смог заслонить собой реальные факты и что человеческая раса, возможно, восходит сейчас к эре разума, когда достаточно мощная концепция, пусть даже ложная, будет способна изменять факты, подстраивая их под себя.

Поживём — увидим.

Мысль о том, что Германия и немцы — превыше всего остального мира, настолько глубоко укоренилась в умах этой расы, что вытравить её оттуда будет очень непросто.

Как вы сами заметили, истории известна и другая раса, объявившая себя «избранной» Богом и за это самонадеянное утверждение рассеянная по земле, ставшая бездомным народом, да и единым ли народом вообще?

Попытка создать что-либо, говоря об этом как об уже существующем, сама по себе не нова. Утверждение и отрицание используются, и весьма успешно, современной школой мыслителей, полностью игнорирующих существующие в природе факты.

Теперь, отрицая и игнорируя природные факты, мы можем либо ослабить на определённое время и в определённой степени воздействие природы на нас самих, либо наоборот, потерпев неудачу на этом поприще, стать в большей степени, чем когда бы то ни было, игрушками в руках природы в силу одного только сознания собственного провала.

Целитель от христианской науки, не справившийся с лечением и честно признавшийся в этом, может либо продолжать настаивать на своих способностях, несмотря на свой явный провал, либо окончательно потерять уверенность в себе и в утверждениях своей науки, либо он может пересмотреть в свете фактов и то и другое и заняться подлинным изучением тайн природы и разума.

Германия может избрать любой из этих трёх путей, после того как убедится в истинности древнего изречения мудрейшего из людей о том, что взявший меч от меча и погибнет.

Пытались ли вы когда-нибудь убедить немца в чем-то, что он считает неверным? Вижу, что пытались. И что, смогли ваши аргументы доказать ему, что он тоже может ошибаться? Боюсь, что нет.

Сейчас Германия и в самом деле превратила себя в великую нацию, просто постоянно постулируя своё величие и превосходство во всех отношениях. Но её ошибка состоит в том, что она попыталась доказать это на практике. Пытаясь доказать какой-либо тезис, вы тем самым молчаливо признаёте, что утверждение, противоположное вашему, также имеет под собой какую-то почву, и если вы не в силах подтвердить свою собственную точку зрения, вы признаёте

себя побеждённым, если, конечно, вы не немец. Немец, даже если убедить его против его воли, продолжает оставаться при своём мнении.

Если факты не подтверждают его собственных взглядов, значит, эти факты — ложные. Но теперь факты — истинны, и Германия действительно во всех отношениях не превосходит все прочие нации на земле. Конечно, она может выставить больше орудий и больше солдат, чем, скажем, два или три каких-нибудь других государства, это — факт, который мы с готовностью признаём; но превосходство в количестве орудий и солдат — это всего лишь превосходство в орудиях и солдатах. Его не назовёшь превосходством во всех отношениях.

Германия высказывалась в том отношении, что правда есть сила. Что ж, пусть попробует доказать свою силу, а уж потом мы побеседуем о том, сколько же в силе правоты.

За несколько лет до того как я покинул Землю, я был сильнее подавляющего большинства своих знакомых, но если бы на этом основании я решил отправить их всех в нокаут и поснимать с них часы, то потом вся моя сила была бы нужна мне только для того, чтобы перемещать своё шестифутовое тело из угла в угол в пространстве тюремной камеры. Часы бы я снял, но сохранить их при себе всё равно бы не смог, потому что моя индивидуальная сила в конечном счёте оказалась бы сломленной силой того общества, в котором я жил. Точно так же и с Германией.

Большинство людей считают себя выше своих друзей и знакомых и втайне досадуют на то, что их друзья и знакомые этого не признают. Но даже будучи уверенными в своём предполагаемом превосходстве, они, как правило, не пытаются утвердить своё превосходство ударом в подбородок.

И если я сам начну считать себя выше всех людей и всех ангелов, то на самом деле при этом ни в чём их не превзойду, разве что выявлю своё дурацкое самомнение.

Даже если христианский учёный, сломав себе ногу, будет утверждать, что нога у него в полном порядке, существующего факта это не изменит. Но с тем, что сила этого утверждения может помочь ему скорее справиться с травмой, нельзя не согласиться. Часто это действительно срабатывает.

Самомнение Германии добавило ей энергии и сделало её материальное настоящее более грандиозным, чем её материальное прошлое; но это никак не могло доказать её «всестороннего» превосходства, разве что она смогла бы убедить в этом весь мир, заставив его признать своё подчиненное положение. Немцы — недостаточно авторитетные адвокаты, потому что всегда преувеличивают значение фактов, свидетельствующих в их пользу, и оспаривают факты, говорящие против них.

Им настолько непонятен критический разум других, более критически настроенных рас, что они, пытаясь переубедить их, просто настаивают на своей точке зрения, и, таким образом, становятся изначально пристрастными.

Но одну службу миру Германия всё-таки сослужит: она сделает его сильнее. Это трагическая услуга, которая обернётся против самой же Германии. Многие отцы своей слепой жестокостью делали своих сыновей ещё более жестокими, чем они сами. Многие люди, ранив своих друзей, в ответ получали удар ножом в самое сердце. Друг может стать более ожесточенным, чем раньше, но на пользу ли это ему? Возможно. Опыт — вещь полезная. Человек растёт не только через удовольствия, но и через боль. И если жестокость Германии сделает европейские расы более сильными, они все от этого выиграют — все, кроме Германии. Доктора, который даёт слишком горькое лекарство, часто просто спускают с лестницы, при этом даже не заплатив за визит.

Был однажды такой учёный-«психиатр», который говорил, что его дочери незачем учиться играть на фортепьяно: достаточно ей внушить себе, что она пианистка, и она действительно ею

станет.

Так вот, Германия выступает сейчас в роли той самой дочери, которая доверилась этому учению, а в результате превратилась в кошмар для всех соседей. Она и себя подвергает опасности, поскольку её могут просто выселить за нарушение общественного порядка.

Также и группа индивидуумов, настаивая на чём-либо, не обязательно добивается результатов, пропорциональных своей численности.

Помните, что я писал вам о белых и чёрных магах: что двое стремящихся к добру имеют силу четырёх, но двое действующих *вместе* во имя зла обретают силу всего лишь полутора человек? А чего же сейчас добиваются совместными усилиями немцы? Только лишь блага для себя — в точности, как чёрные маги.

Немецкое чванство так глубоко въелось в немецкую душу, что немцы теперь искренне верят в то, что завоёвывая и поработав другие страны, они тем самым оказывают им услугу. Нет, я нисколько не преувеличиваю. Я слышал, как сами немцы говорили об этом, Причём без всякого намёка на шутку.

В сумасшедших домах полным-полно людей, мнящих себя царями, но вот появляется новый пациент, который объявляет себя Царём царей. Так вот, даже такие пациенты не так убеждены в своей царственности, как убеждены в ней немцы. Если бы факты определялись одной только убеждённостью, эти люди действительно были бы царями. Но что же на самом деле? Для самих себя — они цари, столь же убеждённые в том, что немцы — «превыше всех», как и те цари в соломенных венцах, что сидят в сумасшедших домах.

Бесполезно спорить с царём в соломенном венце. Ведь у него в руках неоспоримый аргумент — корона из соломы. Разве вы сами не видите? И если вы не приветствуете его надлежащим образом, он просто отворачивается и уходит прочь.

Но даже «царя» из сумасшедшего дома можно вылечить и вернуть ему здравый ум — такой же, как у других людей. Именно этого я и желаю Германии. И этого же желают Германии Учителя, ибо Германия занимает в анналах Учителей высокое место. Царь в соломенном венце поддаётся ложной идее собственной царственности, но не теряет свою душу. Он остаётся бессмертным сыном Божьим. Его дух столь же чист, как мой или ваш. Он лишь впал во временное заблуждение, как правило, вызываемое чересчур долгими размышлениями над кажушимися несправедливостями и неуважением. Нечто похожее происходит и с Германией.

Когда идея собственного превосходства начала отравлять разум этих благородных людей, они ещё не были великой нацией. Они чувствовали, что с ними обращаются несправедливо и не проявляют должного уважения. И единственной отдушиной для их уязвлённого эгоизма остался мир разума, где убеждение играет огромную роль. Они отвернулись от мира и начали сплетать себе соломенные венцы. Они были царями, и каждый, кто не замечал этого, был недостойн чести стать их другом.

Однако затем, когда их помешательство стало буйным, пришёл великий доктор — Война и изолировал их в сравнительно тесном пространстве, но маленькие люди, которых они сбили с ног своим первым ударом, всё ещё лежат, распростёршись на земле, и пока не могут прийти в себя. Потомкам этих царей придётся возместить ущерб. Закон для наций ещё более строг, чем закон для отдельных людей.

Кто осмелится заявить, что у государства нет никакой морали? Может ли государство быть духовно подчинённым человеку? Не более чем Планетарный Дух подчинён государству. Существует космическая мораль, и каждого, кто нарушает её — будь то государство или человек — рано или поздно ждёт расплата. Карма — это Закон.

29 апреля 1915 г.

Вчера, проходя вдоль линии фронта, где стоит, сдерживая своего могущественного противника, великая французская армия, и повсеместно отмечая дух отваги и решимости, сливавшийся как бы в сплошную бесконечную линию живого света, я вдруг заметил в надземных сферах знакомое лицо.

Я остановился, очень обрадованный этой встречей, и сильфида^[31] — а я встретил именно сильфиду — также остановилась, приветствуя меня улыбкой.

Помните, в своей предыдущей книге я рассказал вам историю сильфиды по имени Мерилин — знакомую человека, изучавшего магию и жившего на *rue de Vaugirard*^[32] в Париже?

Именно Мерилин я повстречал тогда над той светлой линией, указывающей путнику в астральных сферах место, где солдаты *la belle France*^[33] сражаются и умирают за тот же самый идеал, что вдохновлял когда-то *Jeanne d'Arc*^[34] — выдворить из Франции чужеземцев.

— Где твой друг и учитель? — спросил я сильфиду, и она указала мне вниз на окоп, от защитников которого явственно исходили излучения решимости победить.

— Я здесь для того, чтобы не расставаться с ним, — сказала она.

— Здесь ты тоже можешь разговаривать с ним? — спросил я.

— Я всегда могу с ним говорить, — ответила она, — всё это время я была ему очень полезна и ему и Франции.

— Франции? — переспросил я с возрастающим интересом.

— О, да! Когда его командир хочет узнать, что затевается на этом участке фронта, он часто спрашивает об этом моего друга, а мой друг спрашивает меня.

«Действительно, — подумал я, — французы — очень вдохновенный народ, если уж офицеры их армий ищут наставлений в царстве невидимого! Разве не было похожих видений у *Jeanne*?»

— А как ты сама добываешь нужную информацию? — спросил я, подойдя поближе к Мерилин, которая на этот раз выглядела гораздо более серьёзной, чем несколько лет назад, когда мы встретились в Париже.

— Да ничего особенного, — ответила она, — просто спускаюсь туда и смотрю по сторонам. Я знаю, на что следует обращать внимание, — это он меня научил, — а когда я приношу ему новости, он сторицей вознаграждает меня тем, что дарит мне ещё большую любовь.

— А ты? Ты всё ещё любишь его так, как прежде?

— Как прежде?

— Да, как тогда, в Париже.

— Должно быть, время тянется для тебя слишком медленно, — ответила мне сильфида, — раз о том, что было всего лишь несколько лет назад, ты говоришь — «как прежде».

— Так что же, для тебя несколько лет ничего не значат?

— Для меня — ничего, — ответила она, — я живу долго.

— А ведомо ли тебе будущее твоего друга? — спросил я.

На лице Мерилин отразилась растерянность, и она медленно произнесла:

— Обычно, я знала всё, что должно было с ним случиться, потому что могла читать его волю, а всё случалось именно так, как он хотел, но с тех пор, как мы попали сюда, мне кажется, что он утратил прежнюю силу воли.

— Утратил собственную волю?! — воскликнул я удивлённо.

— Да, потерял её; теперь он постоянно молится какому-то великому Существо, которое любит гораздо больше, чем меня. Он всё время повторяет одну и ту же молитву: «Да будет воля Твоя!» Но ведь до сих пор всегда была его воля, а сейчас, — как я уже говорила, — он её потерял.

— Но возможно, — сказал я, — с волей получается так же, как однажды было сказано о жизни, тот, кто теряет свою волю, напротив, воистину обретает её.

— Надеюсь, он тоже скоро её обретёт, — сказала она, — раньше он всегда давал мне интересные поручения, и я помогала ему добиваться того, что требовала его воля, а теперь он только и делает, что всё время отправляет меня туда. А мне там совсем не нравится!

— Почему?

— Потому что там есть что-то такое, что угрожает моему другу.

— И как к этому относится его воля?

— Знаешь, даже об этом он каждый день говорит великому Существо, которое любит больше, чем меня: «Да будет воля Твоя!».

— А думала ли ты о том, что и сама можешь научиться этой молитве? — спросил я.

— Иногда я повторяю её вместе с ним, но я не знаю, что она означает.

— И ты никогда не слышала о Боге?

— Я слышала о многих богах: об Изиде и Осирисе, о Сете, о Горе — сыне Осириса...

— А может быть, это кому-то из них он говорит: «Да будет воля Твоя!»?

— Нет, нет! Это совсем не те боги, к которым он обращался во время своих магических занятий. Похоже, что ему удалось отыскать какого-то нового бога.

— Или же он вернулся к самому древнему из всех богов, — предположил я. — Как же он Его называет?

— «Отче наш, сущий на небесах».

— Если ты тоже научишься говорить нашему Отцу, который на небесах: «Да будет воля Твоя!», — сказал я ей, — это поможет тебе скорее обрести ту душу, о которой ты мечтала и которую ждала, когда мы виделись в прошлый раз в Париже.

— Как же наш Отец сможет мне помочь?

— Это Он наделил душами людей, — сказал я.

Глаза сальфиды заблестели каким-то почти очеловеченным блеском.

— А мне Он мог бы дать душу?

— Говорят, что Он может всё.

— Тогда я попрошу, чтобы Он дал мне душу.

— Но для того, чтобы попросить Его о душе, недостаточно просто повторять ту молитву, которую повторяет твой друг.

— Он только говорит — ...

— Да, я знаю. Предположим, ты будешь повторять это вслед за ним.

— Я буду повторять, если ты объяснишь мне, что это значит. Я хочу делать всё так, как делает мой друг.

— Когда мы говорим нашему небесному Отцу: «Да будет воля Твоя!», — сказал я, — это значит, что мы отказываемся от своих собственных желаний, от стремления к удовольствиям, к любви или к счастью, или к чему-то ещё и складываем все эти желания к Его ногам, жертвуя ради Него всем, что мы имеем или надеемся иметь, потому что любим Его больше, чем самих себя.

— Очень странный способ для того, чтобы достигать исполнения собственных желаний, — сказала она.

— А это делается вовсе не для исполнения собственных желаний, — ответил я.

— Тогда для чего же?

— Просто из любви к Небесному Отцу.

— Но я не знаю никакого Небесного Отца. Кто это?

— Это Источник и Цель существования твоего друга. Это Тот, кем в один прекрасный день снова станет твой друг, если сможет всегда повторять Ему: «Да будет воля Твоя!».

— Тот, которым он снова станет?

— Да, потому что когда он соединяет свою волю с волей Небесного Отца, Небесный Отец живёт в его сердце, и оба они сливаются воедино.

— Значит, Небесный Отец — это, в действительности, Истинная Сущность моего друга?

— Даже величайший из философов не смог бы выразиться более точно, — подтвердил я.

— Тогда я тоже люблю Небесного Отца, — прошептала Мерилин, — и теперь я целыми днями буду повторять Ему: «Да будет воля Твоя!»

— Даже если Его воля разлучит тебя с твоим другом?

— Как же она может разлучить меня с моим другом, если Отец — это его собственная Истинная Сущность?

— Хотелось бы мне, чтобы все ангелы понимали всё так же, как и ты, — сказал я.

Но Мерилин уже отвернулась от меня, полностью погружённая в свои думы, снова и снова повторяя с радостной улыбкой на лице: «Да будет воля Твоя! Да будет воля Твоя!»

«Воистину, — сказал я себе, — продолжая свой путь вдоль светлой линии, — тот, кто поклоняется Отцу как Истинной Сущности своего любимого, уже обрёл душу».

1 мая 1915 г.

Однажды ночью, когда умолк шум битвы и полная луна освещала своими лучами истоптанную землю, заполненные людьми окопы, по-весеннему нежную зелёную траву и неброско раскрашенные цветы, я столкнулся лицом к лицу с могущественным Существом, закутанным в тёмную мантию. Неторопливой и величественной походкой двигалось оно вдоль передовых позиций.

Увидев меня, существо остановилось. Остановился и я, поражённый его грациозностью, высоким ростом и окружающим его ореолом царственности. Его лицо было скрыто от меня.

— Кто ты, — спросил он, — блуждающий здесь в этот час, как будто погружённый в раздумья?

— Я — человек, которому о многом надо подумать, — ответил я, — а этот час более всего подходит для размышлений.

— И о чём же ты размышляешь?

— О войне — той, что под нами.

— И о чём же ты думал, когда мы встретились?

— Я думал о мире, — сказал я, — и спрашивал себя о том, как можно остановить эту кровавую бойню.

— Закономерный вопрос, — сказала царственное Существо, — быть может, я смогу тебе чем-нибудь помочь.

— Почему бы тебе не сбросить своё покрывало? — предложил я. — Я привык видеть лица тех, с кем разговариваю.

Существо отбросило край мантии, закрывавший его голову, и я увидел лицо, выражение которого даже затрудняюсь описать. В нём отражались сила и злоба, и ещё — странная красота, одновременно и недо- и сверхчеловеческая. На нём как бы застыли вечная боль и вечная борьба, но в глазах горел огонь воли, поразивший меня своей силой.

— Кто ты? — спросил я.

— Какая разница, кто я, — ответило Существо. — Я тот, кто пришёл, чтобы разрешить загадку, занимающую твои мысли.

— Но ты не похож на ангела мира, — сказал я, — скорее, ты похож на тех, кто своими руками ещё больше разжигает пожар войны.

— Именно поэтому я и разбираюсь в том, как следует восстанавливать мир. Что может знать о мире миролюбивое существо? Только воину известен смысл этого слова.

— Я готов выслушать всё, что ты мне скажешь, — ответил я ему, — поскольку вижу, что тебе известно кое-что о Законе.

— Я — один из исполнителей Закона, — сказал он, — и я знаю, как можно вернуть мир на Землю.

— Ты расскажешь об этом мне?

— Для этого я и пришёл сюда, и для этого встретился с тобой, — ответил он.

— А как ты обо мне узнал?

— Я знаю всех самых сильных тружеников и ещё многих из тех, кто менее силён. Ты — из числа сильных.

— То, что ты говоришь, — слишком большая честь для меня, — сказал я, — ведь я — всего

лишь скромный солдат в армии исполнителей Закона.

— Скромность свойственна великим, — заметил он, пристально глядя мне в глаза, как будто стараясь определить, какой эффект произвели его слова.

— Кто бы ты ни был, — сказал я, — а я догадываюсь, что существо ты необычное, — знай, что вопрос о моём личном статусе уже давно перестал входить в сферу моих первостепенных интересов.

— Вот поэтому ты и можешь послужить интересам мира.

— Тогда говори, — попросил я.

Некоторое время он смотрел на меня огненным вопрошающим взглядом, а затем спросил:

— Ты устал от войны, от трудов войны?

— Меня больше утомляет моё сочувствие страждущим.

— И ты хотел бы, чтобы они перестали страдать?

— Временами мне кажется, — сказал я скорее сам себе, нежели ему, — что ради прекращения всех тех ужасов, что творятся там внизу, я с удовольствием отдал бы свою собственную жизнь.

— Свою жизнь? А что ты имеешь в виду, говоря о собственной жизни?

— Я имею в виду сознание своей свободы и свободу своего сознания.

— Неплохое определение для жизни подобных тебе существ, — отметил мой собеседник.

— Так ты в самом деле готов пожертвовать своей жизнью ради мира?

— С радостью, если, конечно, это действительно сможет спасти мир.

— Такое возможно.

— Тогда не мог бы ты перейти сразу к делу? — потребовал я. — Я чувствую, что ты собираешься сказать мне нечто важное.

— Что же может быть важнее, — возразил он, — чем принесение в жертву во имя мира такой жизни, как твоя?

— Продолжай.

— Есть способ, — сказал он, — освободить людей там внизу от дальнейших страданий, пожертвовав тем, что ты называешь «сознанием свободы и свободой сознания».

— И вновь я говорю тебе — продолжай.

— В моих силах, — сказал он, подходя всё ближе ко мне и впиваясь в меня своими горящими глазами, — в моих силах так повлиять на умы людей в сражающихся армиях, в армиях по обе стороны фронта, что они откажутся продолжать войну друг с другом.

— И предадут каждый свою родину?

— И восстаноят мир, — поправил он меня.

— А какая роль во всём этом будет отведена мне?

— Очень важная роль.

— Ты опять говоришь загадками.

— Что ж, я объясню, — ответил он. — Но чтобы ты понял меня, я должен сначала рассказать тебе о том, кто я такой. Я — один из тех, кто служит Добру тем, что противостоит ему, и придаёт ему тем самым ещё большую силу и активность.

— Я так и подумал. А теперь ты можешь сказать мне прямо, для чего тебе понадобился я?

— Я хотел предложить тебе следующее. Если ты действительно хочешь, чтобы эта бойня прекратилась — а она длится уже достаточно долго, чтобы достичь той цели, которой служу и я залить весь мир кровью, причинить ему такие разрушения, каких не исправить потом и за десять лет созидательного труда, пробудить всю ту ненависть и все те дурные страсти, что гнездятся в сердце человека, — если ты хочешь, чтобы эта бойня прекратилась, то у меня есть средство, которое может её прекратить.

— Да, но при чём тут я?

— Я уже давно за тобой наблюдаю, — сказал он, — и вижу, с каким усердием ты следуешь принципам, данным тебе твоим Учителем.

— Тогда почему ты спросил меня при встрече, кто я такой?

— Только для того, чтобы как-то начать разговор.

— Так, так, — сказал я.

— Я наблюдал за тобой, — повторил он, — и понял, что с твоей силой и твоими познаниями ты мог бы принести огромную пользу, если бы переменял свои симпатии и примкнул к нам. Твоё сознание свободы возросло бы ещё больше.

— Но это сознание свободы было всего лишь моим определением жизни! Я полагал, что, стараясь приспособить своё собственное суждение к ограниченности моего разума, ты скажешь мне, что, потеряв свою жизнь, я обрету её.

Едва заметная улыбка слегка исказила морщинистое лицо стоявшего передо мною существа.

— А ты был бы нескучным помощником, — сказал он, — подумай ещё раз, прежде чем отказаться от моего предложения.

— Ты предлагаешь мне сделку, — ответил я, — но так и не сказал прямо, в чём же она заключается. А я — старый юрист и потому привык соблюдать формальности.

Улыбка тут же слетела с лица моего собеседника, и он сказал мне:

— Если ты станешь одним из нас, я остановлю эту войну.

— А ты можешь?

— Могу.

— Как ?

— Я тебе уже говорил.

— Но то лекарство, которое ты предлагаешь, хуже самой болезни, даже если предположить — в чём я лично сомневаюсь, — что пациент согласится его проглотить.

— Значит, ты не согласишься пожертвовать собой, даже если я докажу тебе, что смогу выполнить свою часть сделки?

— Не соглашусь.

— Значит, на самом-то деле судьба мира тебя мало заботит!

— Ты говоришь, как настоящий немецкий пропагандист, — сказал я ему.

— Ты хочешь сказать, что они рассуждают так же логично, как я, — уточнил он.

— Я всегда удивлялся, — ответил я, — в какой это школе они так здорово освоили такую логику.

— Так ты отказываешься от моего предложения?

— Мне непонятно, почему ты вообще стал тратить на него своё время и силы.

— В любом случае, об этом не стоит жалеть: само общение с тобой — это уже настоящее удовольствие.

— Я уже слышал раньше, что дьявол — великий льстец.

— Дьявол просто очень вежлив.

Мы стояли, глядя друг на друга оценивающим взглядом. Он действительно был интересным объектом для изучения.

— Давай забудем на время о том, что у нас разные идеалы и разные цели, — сказал я ему, — и поговорим просто как два разума...

— Равные по своей силе, — вставил он.

— Как два разума, — повторил я. — Скажи мне, почему, стараясь привлечь меня на свою сторону, ты решил сыграть на моей любви к миру и на моей готовности пожертвовать собой ради него?

— А на чем ещё я мог бы сыграть?

— Но ведь должно же у меня быть какое-то слабое место, какой-то тайный грех, используя который, твой острый ум мог бы попытаться меня пленить.

— О, я слишком умён для того, чтобы искушать тебя при помощи твоих скрытых слабостей, ибо ты полон решимости бороться с ними! Таким способом сбить тебя с пути невозможно. Только тех, кто недавно встал на этот путь, можно без труда свалить, играя на их недостатках. Но с душами более великими мы боремся, используя их же добродетели.

— Продолжай, — попросил я, — мне это и в самом деле интересно.

— На Земле говорят, — продолжил он, — что ободрать кошку можно разными способами. Так же и нейтрализовать работников, что служат Учителю, за которым следуешь и ты сам, тоже можно по-разному. Когда мы не можем сбить работника с пути при помощи его дурных страстей: его ненависти, злобы, жадности, похоти, зависти или страха — нам иногда удаётся ослабить его при помощи его благородных страстей: его любви, его преданности или готовности к самопожертвованию.

— Благодарю за откровенность, — сказал я. — А теперь мне остаётся лишь пожелать тебе спокойной ночи.

И я продолжил свой путь, говоря сам себе вполголоса:

— Воистину, змея — коварнее всех тварей полевых, и человеку нужна вся его мудрость, чтобы противостоять ей.

7 мая 1915 г.

И всё-таки они продолжают нападать на нас — грозные силы Тьмы и Зла, всемерно стремящиеся выплеснуть на мир свою ярость и насытиться кровью убитых.

Меня не было рядом с вами несколько дней — совершенно не было времени. Вы думали, что время для меня уже ничего не значит? Пока что это не так. Если бы время для меня ничего не значило, я не смог бы говорить с вами, как говорю сейчас — в определённом промежутке времени. А если бы я преодолел пространство, то не смог бы поместиться рядом с вами в вашей комнате.

В течение тех шести дней, что вы меня не видели, я был и здесь, и там, и повсюду в Европе, побывал даже в Азии, поскольку мир подвергся нападению со всех сторон.

Немногим раньше я говорил вам, что мы уже отогнали полчища зла. Но они собрались с силами и снова ринулись в атаку, может быть, не такую мощную, как первая, но зато более отчаянную и ещё более яростную.

На этот раз целью их атак стали Соединённые Штаты и вообще весь континент той древней вымершей Расы, которая многие столетия назад питала их кровью во время своих магических ритуалов, тот континент, на котором после всех этих долгих трудов должна родиться Новая Раса.

Если бы я всегда помнил о Законе ритма, то знал бы заранее, что приливная волна зла нахлынет снова и что нам придётся сражаться с нею ещё раз. Даже сейчас она может найти свежие силы и предпринять ещё одну атаку, хотя та неизбежно будет ещё слабее.

Те злые существа, которых мы уничтожили, — уничтожены и до поры до времени нас больше не потревожат, но уничтожили мы совсем немного по сравнению с количеством тех, кто ещё остался и способен действовать. Помогите же нам своими мыслями.

Многие наши друзья на Земле за последние несколько дней потеряли уверенность или очень устали. Но вы держитесь!

Каким будет твой день, такой будет и твоя сила, о Мир, за который мы сражаемся, и для которого мы завоюем в конце концов венец мира и братства!

Как я уже говорил раньше, мир сейчас претерпевает муки обряда посвящения. Испытание водой, испытание воздухом, испытание огнём — через всё это должен пройти мир, прежде чем он сможет занять своё место среди Посвящённых в Звёздной Иерархии. Пути назад больше нет, и мир не имеет права на неудачу. Если он не выдержит испытания, то вскоре в круге Зодиака появится вакантное место. Но он выдержит.

Я снова повстречал то злое существо, о котором писал вам в самом начале этой серии писем. Теперь он мечется в ярости, упоённый властью, которую даёт ему его положение. Пока его час ещё не пробил, он всеми силами старается самоутвердиться.

Уже близка развязка, и если теперь я прихожу к вам не так часто, как раньше, то только потому, что не могу слишком часто покидать свой пост.

Никогда не теряйте мужества. Ваша вера, как и прежде, должна быть свидетельством признания всё ещё не видимых вам вещей.

Эта вторая схватка с силами Тьмы сделает нас ещё сильнее, а их — слабее.

Я знаю много такого, о чём не могу рассказать вам, поскольку вы ещё недостаточно сильны, чтобы воспринять эти вещи, но помните об одном — Закон ритма всегда остаётся в силе, это — Закон законов, и после этой бури обязательно наступит соответствующая ей полоса

затишья, после всей этой агонии будет отдых и покой любви. Когда вся ненависть будет израсходована, на её место придёт Любовь.

Не испытывайте ненависти, но стойте непоколебимо, просто отбивая все направленные против вас атаки. Не расходуйте понапрасну своих сил. Они вам будут нужны снова и снова. И если мы используем вас в качестве материальной опоры, отталкиваясь от которой своими эфирными стопами, мы можем преодолевать гораздо большее пространство, то только потому, что вы сами предложили себя на служение миру, и ваши услуги были приняты. Помните об этом.

Сейчас ещё не время говорить о награде, но Закон справедливости всегда стоит на страже.

Укрепляйте, насколько это возможно, дух тех, на чью долю выпали слишком большие страдания, и мы укрепим вас. Ангелы, которых вы видели прошлой ночью, — это охранители тех, кто служит Учителям. Каким будет твой день, такой будет и твоя сила.

Я подскажу вам одно заклинание, которым вы можете пользоваться во время грозы и отчаяния, — обратитесь к пребывающему в вас Духу и повторяйте:

«Во имя твоих дорог, что ведут к добру, и твоих шагов, что все ведут к миру».

Только в контакте с разумом, с желанием и материей Дух борется и страдает. А в его собственном доме всегда царят мир и благодать. Когда буря начнёт реветь слишком громко, постарайтесь возвыситься до этого дома и войти в него, там вы найдёте покой и тишину.

Не выпускайте своё тело из-под контроля. Если вы ослабите свой контроль над материей, вы уже не сможете служить материальной опорой, а ведь именно сейчас те, кто окончательно переходит жить в Астральный Мир, на первых порах испытывают очень большие трудности.

Оставайтесь спокойной, уверенной и уравновешенной. Будьте не зыбучим песком, но скалой.

Вот и всё на данный момент.

Эта работа над письмом позволила отдохнуть и мне и вам. И я ещё вернусь.

8 мая 1915 г.

Если бы вас было не так легко напугать, если бы вы не выходили так быстро из пассивного состояния, в котором только вы и можете воспринимать мои слова, если бы любой, даже самый лёгкий шок не возвращал вас сразу же к вашему нормальному объективному сознанию, то я ещё вчера рассказал бы вам о гибели «Лузитании», а не ограничился бы одними намёками на эту катастрофу.

Вы прекращаете писать сразу же, как только ваш мозг начинает работать, это вполне естественно, но, как видите, это ограничивает мою возможность передавать вам определённые сведения.

Мы были рядом в тот момент, когда судно тонуло. Нас было несколько, включая того, кого мы называем Прекрасным Существом.

Будьте мужественны. Это единственный совет, который я могу дать вам сейчас, да могу ещё разве что посоветовать вам пока оставаться в Америке. Ту пользу, которую вы могли бы принести в Англии, сейчас перевешивает одно обстоятельство, которое станет вам понятным ещё до середины августа^[36].

Если вы заглянете в то письмо, в котором я рассказывал вам о великом Существо Мысли, проходившем вдоль немецкой линии обороны и внушавшем тем, кто в состоянии был Его понять, мысль о безнадежности их дела, то вы увидите, что в нём я призывал вас следить за последствиями. Так вот, эти отчаянные и безрассудные атаки, предпринимаемые немецкой нацией во всех направлениях, и есть следствия данного события.

15 мая — очень важная дата^[37]. Нет, сверх этого я вам больше ничего не скажу.

Силы добра одержат победу.

Скоро до вас дойдут тревожные новости из Европы. Но что бы ни случилось, сохраняйте спокойствие. Мы делали и делаем всё, что в наших силах.

Спасибо вам за то, что вы сделали для моего друга и ученика. <...> Но вы можете сделать для нас ещё кое-что. <...>

Есть много такого, чего вы не понимаете, но что понятно нам. Путь посвящения тернист для всех. Любите друг друга — вы, идущие этим путём. Это облегчает дорогу.

11 мая 1915 г.

Вы сможете принести нам гораздо больше пользы, если не отступите перед чувством скорби, вызванным этим кризисом и охватившим ныне весь мир.

Каждый день старайтесь возвыситься до уровня духа, подняться над физическим миром, над желаниями астрального плана, над низшим уровнем разума и так далее, всё выше и выше, к Источнику всей жизни и всей мудрости.

Каждый день специально выделяйте время для этого упражнения. Используйте иудаистское заклинание, которым вы пользовались и раньше, а чтобы придать ему силу, совмещайте его с занятиями йогой, в которых у вас также имеется большой опыт. Такое сочетание двух систем придаст вам ещё большую силу, поскольку оно позволяет избежать слишком тесной идентификации *истинной сущности* с какой-либо конкретной расой или какой-либо эпохой, что неизбежно ограничивало бы ваши способности. Оккультное развитие и оккультные способности принадлежат всем эпохам и всем расам. Знание Новой Расы, которая вот-вот должна появиться, будет включать в себя все системы прошлого, извлекая из каждой то, в чём она превосходит всё остальные.

Не скатитесь опять в то болото депрессии, из которого мне пришлось вас сегодня вытаскивать. Вам вовсе не обязательно умирать тысячу раз для того, чтобы понять, что такое смерть. Мне же кажется, что вы и так слишком глубоко погрузились в пучину вселенской скорби. Так что восстаньте духом — хотя бы немного.

Ваше сострадание не станет менее искренним, даже если вы не будете умирать от жалости каждый день.

Ваша настоящая работа начнётся только после войны, когда мир сможет и захочет прислушаться к учению о *братстве*. Не сгорите раньше времени — вот вам мой совет и совет моего Учителя, который передаёт вам его через меня.

Учителя тоже очень обеспокоены этим кризисом, однако же Они не теряют присутствия духа. Они знают, что после бури должно наступить затишье, и не утрачивают своей веры.

Как сможете вы помочь кому-либо, если постоянно будете находиться в состоянии той ужасной депрессии, что охватила вас в последние дни? Вам не следует обращаться за помощью к кому бы то ни было, кроме нас. Вы знаете, где нас найти. И поэтому ваш долг — укреплять слабеющий дух и слабеющую веру тех, кто не получил ещё тех гарантий, которые получили вы.

Это письмо — не упрёк, но урок для вас. Я вовсе не призываю вас вернуться к эгоистичному покою, отстранившись от всех бедствий сегодняшнего дня и забыв о судьбах мира. Я сам никогда не забываю о мире. Я тружусь днём и ночью. Но какую пользу я смог бы принести тем истерзанным войной душам, которые попадают к нам сюда, если бы всякий раз при встрече с ними начинал рыдать? — Да никакой. Напротив, я стараюсь, чтобы они становились сильнее, видя мою силу, и воодушевлялись моей надеждой.

И если я говорю вам, что настоящая ваша работа начнётся только после войны, это отнюдь не значит, что в данный момент вам вовсе ничего не следует делать. Ничего подобного. Вы можете сделать многое, причём в обоих мирах. Но если вы сами будете умирать от ран, которые здесь увидите, и если вы позволите, чтобы вас затянуло в омут отчаяния, то как же вы будете вытаскивать из него других?

Я не могу повторять каждый раз, что *эта война — инициация для мира*. Из пепла старого

мира восстанет новый, просветлённый мир — мир-феникс. И мне бы хотелось, чтобы и вы восстали вместе с ним.

Агония не может длиться вечно. Сейчас она особенно ужасна, но это означает только то, что уже близка развязка.

Когда я говорил вам, что здесь вопрос уже решён, это вовсе не означало, что и на Земле война должна окончиться уже через пару дней. Изучите причину и следствие. Вспомните самые различные взлёты и падения, подчинённые Закону цикличности. Приливная волна должна истощить свои силы, ударившись о берег, и только потом она начинает сползать обратно в море.

Сохраняйте спокойствие. Сохраняйте веру, как хранят её Те, чья задача — поддерживать веру во всём человечестве.

Когда вы говорите, что будете страдать до тех пор, пока страдает мир, вы говорите так, как и подобает нашему ученику, и другого решения мы не приемлем. Но помните, что, страдая, человек должен оставаться сильным. Мы не хотим, чтобы вы уклонялись от приобретения опыта, но вы должны овладеть этим опытом и использовать его, а не допускать, чтобы он овладел вами и использовал вас.

Когда я недавно писал вам об Америке, разве я не упомянул об «Американце, который стоит на страже этой ночью», о старом Аврааме Линкольне, который отринул Небеса ради того, чтобы охранять и защищать ту землю, за которую отдал жизнь? Пусть мысль об этом придаст вам сил и уверенности.

И у других стран, которые вам дороги, тоже есть свои невидимые стражи. Свои Охранители есть даже у той страны, которую вы не любите, и они следят за тем, чтобы эта страна не зашла настолько далеко, чтобы не суметь потом вернуться в лоно человеческого братства. Там тоже есть души, которые прекрасно понимают, что их страна уже достигла того предела, превысить который — значит окончательно превратиться в изгоя среди других народов. Даже в Америке есть немцы, которые это осознают. И если бы я сейчас назвал для примера имена некоторых из них, вы были бы очень удивлены.

Хорошо, что американские немцы могут *ощутить* негативное отношение американцев к этому недавнему акту пиратства в нейтральных водах. Пусть это заденет их за живое. Для них это единственный способ усвоить данный урок.

Неужели вы думали, что, диктуя вам эту книгу, которая должна быть опубликована после войны, я внушал свои мысли только вам одной? Нет, я внушаю свои мысли и другим людям тоже.

Через несколько дней после того, как я рассказал вам о стоящем на страже Аврааме Линкольне, одна газета опубликовала на своих страницах рисунок, изображающий президента Вильсона, за спиной которого стоит призрак великого Линкольна. Думаете, это простое совпадение? Нет, не совпадение. Просто я внушал свои мысли и мысли стоящих за мной Учителей ещё и другим умам, помимо вашего. Я — труженик астрального мира. Влиять на умы людей — это одна из возложенных на меня обязанностей, и потому мне часто приходится перемещаться с места на место, чтобы быть там, где я необходим; но я нигде больше не пробовал писать так, как пишу сейчас с вашей помощью. Правда, я пытался это делать, но без особого успеха. Редко можно найти хорошего «секретаря», который мог бы писать под диктовку из другого мира, ибо он должен уметь отличать мысли диктующего от своих собственных мыслей, объективных и субъективных, а также обе эти категории мыслей — от мыслей безответственных существ, любящих совать свой нос в земные дела.

Вы хотите знать, почему я не рассказываю вам больше никаких историй? Расскажу обязательно, но не ранее своего следующего визита.

13 мая 1915 г.

История, которую я собираюсь рассказать вам сегодня, — довольно грустная, но ведь мы пишем о войне.

Это произошло через три дня после гибели «Лузитании». Покинув горы и долины разорённой войной Франции, я отправился через море, чтобы быть там, где в тот момент был нужнее всего.

Приближаясь к месту катастрофы, я встретил душу ребёнка, которая бродила потерянно, ища кого-то. Это была девочка с грустными и испуганными глазами, лет примерно двенадцати.

— Могу я чем-нибудь тебе помочь? — спросил я, беря её за руку, чтобы она прекратила на время свои бесплодные метания и задержалась около меня.

— Я потеряла маму, — сказала она. — Где моя мама?

— Я не знаю, — ответил я. — Давай искать вместе!

Перепуганной душе очень часто бывает трудно отыскать в Астральном Мире другую душу, тогда как спокойная душа обычно справляется с этим без особого труда. Точно так же и на Земле: когда мы пытаемся в спешке отыскать кого-либо, кажется, что его намеренно удерживает вдали от нас чья-то невидимая рука.

Продолжив свой путь вместе с ребёнком, я встретил ещё много таких же сбитых с толку душ. И все они кого-то или что-то искали.

— Где мы? — спросила малышка. — Я думала, мы едем в Лондон.

— Разве ты не знаешь, что ваш корабль затонул?

— Значит, я и в самом деле утонула, когда упала в воду?

— Да.

— А я думала, что мне всё это приснилось, я ведь тогда спала.

— Да, ты спала, но то, что ты утонула, — не было сном.

— А где же я тогда?

— Ты в другом мире.

— В другом мире. Я думала, другой мир — на небесах.

— Да, небеса — это тоже другой мир.

— Значит, сейчас я в каком-то другом месте? А здесь не очень плохо?

— Нет, в самое мрачное место ты не попала, — сказал я, — а постепенно ты найдёшь дорогу и на небеса.

— Но почему я утонула? Почему наш корабль утонул? Это был такой красивый корабль, мне так нравилось играть на палубе!

— Корабль затонул потому, что Германия воюет с Англией.

— А что же я-то им сделала? Зачем меня утопили?

— Чтобы доказать, что Англия — не единственная хозяйка на море.

— А я-то здесь при чём?

— Ты ни при чём, дитя моё. Ты здесь абсолютно ни при чём. Просто ты стала случайной жертвой.

— Но кто же нас потопил?

— Капитан подводной лодки.

— Наверное, он очень плохой человек.

— Трудно представить, чтобы такое мог сделать человек хороший.

— А почему я никак не могу найти свою маму? Она тоже утонула?

— Этого я пока не знаю.

— Значит, ты тоже не всё знаешь?

— Конечно, всего я знать не могу.

— Но ты же ангел?

— Нет, я не ангел.

— А кто же ты?

— Человек.

— Ты тоже утонул?

— Нет, я ушёл в этот мир уже три года назад.

Девочка заплакала. Вы думали, что после смерти дети никогда не плачут? Умершие дети плачут очень часто. Разве вы сами не заплакали бы, узнав, что вы утонули, после того как проснулись и не нашли рядом свою маму?

Я тоже чуть не расплакался вместе с нею, потому что у меня тоже были дети, и один из них умер совсем малышом.

— Но почему же мне пришлось вот так утонуть?

Наверное, я была очень плохая, просто я не знала об этом? — спросила малышка.

— Нет, я думаю, что ты была не такой уж плохой.

Пролетая над бурным морем, мы увидели труп женщины. Он плыл лицом вверх, освещенный бледным светом. Девочка тоже могла его разглядеть, хотя и не так хорошо, как я.

Доводилось ли вам когда-либо видеть живого ребёнка, рыдающего над мёртвым телом своей матери?

Если подобное зрелище кажется вам печальным, то не вдвойне ли печально видеть, как живая душа ребёнка рыдает над телом матери, душа которой уже отлетела?

Мне эта сцена показалась одной из самых душераздирающих из всех, что когда-либо доводилось наблюдать.

— Пойдём, моя маленькая, — сказал я, — твоей мамы здесь нет.

Немного поодаль мы увидели тело ребёнка. Оно тоже плавало лицом вверх, залитое тусклым светом. Я сразу понял, чьё это тело. Поняла это и девочка.

«Теперь оно совсем некрасивое!» — сказала она.

— Пойдём, дитя моё, — повторил я, — нам надо найти твою маму.

Но казалось, что этот плавающий в воде «предмет» прочно удерживал её возле себя. Тело действительно выглядело некрасивым, хотя стоявшая рядом со мной душа была прекрасной, несмотря на всю свою грусть.

— Что с *ним* теперь будет? — спросила она испуганным шёпотом.

— Не знаю.

— Как ты думаешь, его где-нибудь похоронят?

— Если его найдут, то похоронят.

— А ты можешь подсказать им, где его искать?

— Да, но если мы будем ждать, пока кто-нибудь сюда придёт, мы можем совсем потерять твою маму.

Мы встретили множество мечущихся над водой женщин — матерей, искавших своих детей, жён, которые искали своих мужей; некоторые искали свои потерянные тела, некоторые же просто бесцельно бродили, охваченные печалью и недоумением.

— Как грустно умирать, — сказала девочка.

— Умирать не всегда грустно, — возразил я, — иногда смерть бывает прекрасной.

— А где тот человек, который нас утопил?

— Ты хочешь его видеть?

— Я хочу, чтобы он увидел меня.

— Он будет видеть тебя во сне до конца своей жизни, — сказал я, — всё равно, доживет ли он до старости или же умрёт завтра.

Тут впереди мы заметили женщину. Она шла нам навстречу, заламывая свои бесплотные руки.

— Где моя девочка? Где моя девочка? — повторяла она снова и снова.

— Мамочка, я здесь! — закричала малышка, и обе слились в объятиях.

— Я тебя нашла! Я тебя нашла! — повторяли вновь и вновь мама и дочка, не выпуская друг друга из объятий.

Желая хоть немного умерить их печаль по поводу всего происшедшего, я не сразу с ними расстался.

— Пойдёмте со мной, — сказал я им, как только они снова обрели способность слушать меня.

— Куда?

— Нам лучше быть подальше отсюда.

— Я хочу домой, — сказала девочка.

— Теперь у нас нет дома, — сказала мать, — мы — в другом мире.

— Значит, вы тоже поняли, что произошло? — спросил я её.

— Да, я знаю, я знаю!

— Не присоединитесь ли вы ко мне? — повторил я.

— Вы — ангел? — спросила мать, точно повторив вопрос своей дочери.

Я объяснил ей, кто я и что я здесь делаю.

— Значит, нам уже ничем нельзя помочь? — спросила женщина.

— Я для того и пришёл сюда, чтобы оказать вам необходимую помощь.

— Но куда же нам теперь идти?

— Куда угодно, лишь бы не оставаться здесь.

Во время нашего разговора к нам подошла ещё одна женщина, тоже искавшая своего потерянного ребёнка; а затем подошёл ещё один ребёнок — не её, — искавший свою мать.

Должен вам сказать, что я и сам толком не представлял себе, как мне быть со всеми этими растерянными и напуганными душами. Куда я мог отвести их, чтобы они смогли отдохнуть и утешиться?

Вся астральная область вокруг Земли наполнена скорбью и плачем. Только самым сильным и самым решительным душам под силу сразу же подняться над всем этим мраком и ужасом. И откуда было взять такие силы этим только что прибывшим сюда душам? Ведь вам, я уверен, уже известно, что здесь, в этом мире, мы следуем за своими мыслями и желаниями, в том числе и за своими страхами и за своим горем.

Я отвел мать и дочь в другую часть света и оставил их там вместе с остальными на попечении двух более опытных душ, добровольно возложивших на себя печальную обязанность оказывать помощь новоприбывшим. Но как не можем мы научить маленького ребёнка дифференциальному исчислению, так не можем мы и переместить сразу же в более высокие, умиротворённые сферы тех, в чьих сердцах ещё нет мира.

(Я должен сперва спросить у Учителя, насколько далеко мне будет позволено зайти в своём рассказе о тех ужасных условиях, которые нас окружают).

Даже восстановление на Земле мира не сможет сразу же очистить Астральный Мир от язв, причиненных ему войной. Вы думаете, что вы страдаете (и я лучше, чем кто бы то ни было,

знаю, как много вам приходится страдать), но вы всегда можете убежать от своих страданий в материальный мир — вы можете гулять под лучами солнца по зелёным горам, а иногда можете подниматься к высотам духа, возвышаясь над астральными и материальными противоречиями. Но эти миллионы страждущих не могут вернуться в физический мир, и лишь немногие из них способны возвыситься до уровня духа. И потому проблемой их ближайшего будущего могут заниматься только величайшие из Учителей Мудрости, ибо в таких случаях только Их великая мудрость может найти верное решение.

Не теряйте мужества — вы, для которой уже недалёк ещё один день столь же сильных тревог. Не теряйте мужества, ибо, хотя вы этого, возможно, и не осознаёте, но и я сам, в котором вы ищете опору, тоже во многом опираюсь на вас. Это тайна, которую я, может быть, раскрою вам со временем, а может быть, и нет. Вы — та устойчивая опора, от которой я могу отталкиваться, когда мне требуется сила материального характера. И эту опору я ни за что не стану перегружать.

Если вы не в силах выдерживать этого напряжения без чьей-либо поддержки, вы можете пообщаться с моим сыном, но воспользуйтесь этим средством только в самом крайнем случае. Вам следует научиться выдерживать всё в одиночку.

Во время работы над нашей предыдущей книгой вам не приходилось испытывать такого сильного напряжения, но и вы не были нам так нужны, не так насущна была потребность в вашей силе. К тому же вы и не могли тогда сделать всего того, что делаете сейчас, и я сам не мог многого из того, что умею теперь.

И вновь я говорю вам: не теряйте мужества.

Те раны и искажённые болью лица, которые вам видятся по ночам, те горестные зовы о помощи, на которые вы пытаетесь ответить, могут дать вам некоторое представление о том, что нам приходится видеть и в каких условиях приходится действовать — ежедневно, еженощно, ежечасно.

Мне пришлось использовать субстанцию вашего собственного эфирного тела, чтобы сконструировать себе оптический прибор, с помощью которого я могу теперь разглядывать мир под солнцем — ваш мир. Но эта услуга, которую вы мне оказали, в конечном счёте не принесёт вам никакого вреда. И к тому же, разве вы не посвятили себя служению человечеству? Ведь люди есть и у вас и здесь у нас, и те «глаза», которые я создал себе из вашей субстанции, теперь позволяют мне делать для них то, что в противном случае было бы мне не под силу.

Считайте это плюсом для вашей положительной кармы.

14 мая 1915 г.

Не теряйте веры в будущее мира. Или вы не изучали Закон ритма? Или вы не знаете, что высота всегда равна глубине и что когда процесс находится в своей низшей точке, он готовится в это время к очередному подъёму?

В эти дни двадцатого столетия жизнь течёт быстро. Тысячу лет тому назад потребовалось бы целое десятилетие для того, чтобы пережить все те ужасы, что вы пережили за последние десять месяцев. Вероятно, и восстановление будет столь же быстрым. Не теряйте веры в будущее мира. Даже некоторые немцы не одобряют нападения на «Лузитанию»! Не всё в порядке в этой империи, даже с точки зрения самой империи. Сохраняйте спокойствие и ждите результатов.

14 мая 1915 г.

Когда-нибудь расы человеческие вернутся к позабытой ими ныне Любви. Когда-нибудь немцы и англичане, итальянцы и австрийцы, французы и турки все вместе усядутся за праздничный стол Жизни и провозгласят тосты за здоровье, а не за смерть друг друга.

И день этот наступит скорее, чем это можно предположить, судя по нынешней ненависти и ожесточенности.

Война сменяется миром, ненависть — любовью точно так же, как после бури снова начинает светить солнце.

Любовь и ненависть! Чтобы узнать одно, вам следует увидеть и другое. Конечно же, мне нет нужды говорить вам об этом! Что вы знали о любви до того, как сами стали объектом чьей-то ненависти?

Любовь и ненависть — близнецы, рождённые эмоциями.

Когда-нибудь люди будут искать своих врагов уже не вовне, а *внутри себя* когда-нибудь они станут бороться только с тем злом, что заключено в них самих, и тогда им уже не придётся убивать своих братьев. Когда-нибудь любовь вернёт себе доминирующее положение в мире, а ненависть вернётся на его задворки.

Я уже рассказывал вам о злобных сущностях, развязавших эту войну. Но есть также и добрые существа, которые страстно желают прекратить эту братоубийственную бойню.

Сегодня вечером в сферах, расположенных над миром, царит необычная тишина. Что это: затишье перед бурей или же, наоборот, — после бури? Всё подчинено Закону ритма. Сохраняйте спокойствие и ждите с верою в Бога.

Иногда гроза делает воздух более свежим. И нынешние громы и молнии тоже придадут воздуху новую свежесть. Да, в мире стало слишком душно, и его атмосферу следовало очистить.

Не кричите, не плачьте и не смейтесь. Сохраняйте спокойствие и верьте в Бога.

Что я имею в виду, когда говорю о Боге? Загляните глубже в своё сердце, и вы увидите, что Я — ЭТО Я.

Когда мир переживал пору своего детства, человек верил в Силу, пребывающую вне его самого. Теперь же, в пору зрелости, человек верит в Силу, пребывающую как вне, так и *внутри* него. Это и есть Бог, Я — ЭТО Я!

Стремитесь к высотам Духа и готовьте себя к Служению миру. Дух распят на кресте материального мира. Христос облачается в материю, дабы облагородить и возвысить её. Любовь облачается в одежды ненависти, чтобы любовь и ненависть могли слиться воедино.

Что я имею в виду? Разве вы не знаете, что любовь и ненависть составляют Единое Целое, что это вечные противоположности, взаимодополняющие друг друга?

Когда ненависть отдыхает, вступает в свои права любовь; когда отдыхает любовь, вступает в свои права ненависть. Но этой ночью любовь и ненависть слились воедино. Попробуйте понять смысл моих слов, если сможете. Загляните в магическое зеркало и найдите там искомую картину.

Единение любви и ненависти! Это *нейтральная* точка, в которой эти две противоположности идут рука об руку.

Этой ночью собираются на совет Те, кто служит миру — конклав Учителей. В котором часу — спрашиваете вы? Постарайтесь уснуть, и час станет вам известен. Если вы будете вести себя

достаточно тихо, то сможете даже послушать у приоткрытой двери. В противном случае — ничего не услышите.

Вам кажется, что сегодня вечером я говорю слишком уж странные вещи? Сегодня вечером все вещи выглядят странными, если под странным понимать необычное.

Постарайтесь соблюдать тишину и помните, что Бог живёт в сердцах людей, но в некоторых Он пока что спит. Бог внутри вас будет спать до тех пор, пока вы сами Его не разбудите.

«Вот заповедь моя: любите друг друга, как я любил вас».

Любите врагов ваших, даже когда они гонят вас, ибо в гонящих и ненавидящих тоже есть Бог, но он спит.

Ненавдя своего врага, вы никогда не сможете понять его. Вы никогда не сможете понять Учителей, пока ненависть и любовь не сольются в вас воедино.

После объявления мира ваша любовь снова устремится навстречу вашим нынешним врагам. Так почему же, в предвидении этого события, нельзя любить их уже сейчас, этой ночью? Ваш враг более всего нуждается в любви как раз в тот момент, когда он менее всего демонстрирует это. Не нарушайте тишину и знайте, что мир сейчас стоит у самого подножия престола Духа.

Ненависть вам не поможет. Ненависть вообще нельзя осознанно использовать ради собственного блага. Вспомните слова Богочеловека: «Прости им, ибо не ведают, что творят».

А теперь ложитесь спать и послушайте у приоткрытой двери комнаты, где проходит совет Учителей. Возможно, вы услышите там даже такое, о чём пока что не сможете поведать миру.

Письмо 42

Урок Каббалы

15 мая 1915 г.

Надо ли мне напоминать вам о том видении, которое открылось вам прошлой ночью — земные расы в виде Сефиротов^[38] на каббалистическом Древе Жизни?

Вы знаете о Каббале больше, чем я, но вы так никогда и не узнали бы о каббалистических соответствиях народов Земли, если бы Учитель сам не указал вам на них.

Правда в том, что Германия (*Гебура*^[39], *Марс*, *Пахад*^[40], *Жестокость*) стала настолько жестокой, настолько «марсианской», что поставила под угрозу жизнь всего Древа, поскольку нарушила его равновесие; и только с помощью силы Соединённых Штатов, изображённой в виде определённого Иециратического^[41] Пути, и при условии благоразумных отношений Соединённых Штатов с другой Сефирой, олицетворяющей Британскую Империю, справедливость в отношениях между Британией и Германией может быть восстановлена.

Учитель и мне рассказывал кое-что о Каббале.

Благодаря этому видению вы теперь знаете, какую роль в судьбах мира предстоит сыграть Соединённым Штатам — роль *Хесед*^[42], милосердия. Это и будет лейтмотивом Шестой Расы, тогда как Германия стремилась создать её — Шестую Расу — в себе при помощи крови и железа! Какое недомыслие и недалёковидность!

Пожалуй, вам не нужно рассказывать миру о том, какое место в вашем видении занимали на Древе Жизни другие расы, за исключением того, что Трое Божественных^[43] вообще не представлены в виде рас материального уровня. Это вы можете утверждать, ссылаясь на мой авторитет, чтобы какой-нибудь немецкий каббалист не начал спорить, что Тевтонская раса занимает место *Кетер*^[44]. Нет, на материальном уровне Трое Божественных не представлены.

Наблюдайте и молитесь, чтобы Америка пошла правильным путём. До сих пор она двигалась безошибочно. В те дни отступления рядом с президентом

Вильсоном постоянно находилась великая душа Авраама Линкольна. Я ведь говорил вам, что он отказался от отдыха, чтобы иметь возможность помогать той стране, за которую умер, *когда для неё наступит день великого испытания?*

И так каждый день я буду сообщать вам понемногу то, что подсказывает мне моё собственное разумение.

Хорошо, что вы смогли подняться до уровня этого видения, иначе вы, пожалуй, остались бы настроенной чересчур воинственно.

Теперь молитесь, чтобы живая душа великого сына Америки Авраама Линкольна укрепила руку и подбодрила дух вашего Президента.

Доподлинно будущее известно одному только Богу.

16 мая 1915 г.

Тем, кому эта война принесла страдания, кому пришлось страдать либо от телесных ран, либо от ран душевных, кажется иногда, что Христос отвернулся от христианского мира и, наверное, удалился на какую-нибудь другую звезду, где Его учение было бы понято и Его закон Любви смог бы оказать реальное воздействие на жизни и сердца людей.

Но Христос, умерший ради того, чтобы научить людей жить, никак не мог оставить мир в этот час суровых испытаний.

Он — всё тот же Христос, любящий и сострадающий; и тот, кто пытается поставить на Его место Христа безжалостного и ненавидящего, тот оскверняет

Его священное имя, и когда-нибудь ему придётся понести страшную кару за это богохульство.

Однажды я встретился с Христом лицом к лицу — Он прогуливался в это время по земле в Галилее. Вы удивлены, вы — христиане, которые надеются, что смогут встретить Христа после смерти? Почему же я не мог встретиться с Ним? Или я мало послужил и при жизни, и после смерти? И разве не служу я сейчас по мере своих скромных сил? Да, я видел Христа.

Ждите, и Он снова придёт «в облаках небесных с силою и славой великой», хотя на этот раз Он может и не ходить по земле облаченным в материальную форму. Для чего Ему теперь возвращаться на землю в смертном теле, если всё больше и больше мужчин и женщин открывают в себе духовное зрение, обретая тем самым способность видеть Его, не расставаясь при этом со своим физическим телом?

Раньше я рассказывал вам о Прекрасном Существо на полях сражений, теперь же я расскажу вам о том, что делает на полях сражений Христос.

Он никогда не боялся боли — Сын Света, показавший путь боли трепещущим душам людей. Крест Христа — живой, и сила его будет проявляться всё больше и больше по мере того, как мир будет приходить в себя после своего крещения кровью.

Когда полубоги уходят, боги приходят им на смену. Когда Марсу, полубогу, богу войны придётся вернуться на своё обычное место, тогда в сердцах мужчин и женщин сможет проявиться вместо него Бог любви и сострадания.

Мудры те, кто пророчит христианской вере новое возрождение к жизни. Сейчас христианство стало старым и консервативным. Убедившись, что само оно спасено, оно и думать забыло о спасении мира. Почувствовав себя в безопасности, оно не потрудилось обезопасить мир от Марса, бога войны.

Многие души в свой последний час, в час своей агонии видели Христа; многие души во Франции, в Бельгии, в Польше и на вспененном войною море узнавали Друга, который роднее, чем брат.

Многих матерей посещали ясные видения их умирающих сыновей, которых поддерживал Христос. Католики, протестанты, «вольнодумцы» — все они просили Сына Марии помочь их сыновьям в последний, самый ужасный миг или же после него.

Вчера я видел, как один человек — простой солдат, — едва пройдя через объятия смерти, вознёсся из вопиющего ада Бельгии сразу же к высоким небесам, оставив позади беспокойные сферы Астрального Мира, и произошло это только потому, что, умирая, он воззвал к Христу, в которого верила его мать, и попросил Спасителя забрать его из этого кошмара на небеса над

миром, в которых царит покой. С тех пор, как началось это испытание огнём, многим пришлось пройти этим путём, но многие так и остались внизу. Не у каждого хватает веры для такого великого полёта.

С какой бы религией вы не имели дела, пусть в ней будет Христос и крест Христа! Какое ещё утешение может быть для души, которая *чувствует* боль и видит, какую страшную боль приходится сейчас терпеть всему миру? Философия — неплохая вещь, я и сам называл себя философом, но любовь есть высшее достижение философии, а Христос — высшее проявление любви.

Сейчас говорят о новой религии, как будто любовь Христа — это старая и никому более не нужная любовь. Любовь Христа возрождается всякий раз, когда душа в момент просветления открывает для себя эту тайну собственного сердца.

Поклонитесь Христу в своём собственном сердце, ибо Он — там. Поклонитесь Христу в сердце вашего друга, ибо Он — там. Поклонитесь Христу, скрытому в сердце вашего врага, ибо и там Он тоже есть. А затем уже убивайте, если сможете и если вы точно знаете, кого вы хотите убить.

Новый дух проник в сердца солдат. Они продолжают воевать, но во сне им было открыто, что воюют они со своими братьями.

И даже те, что убивают на море, пираты со знаком орла, они тоже — ваши братья. «Прости им, ибо не ведают, что творят». Победите их, ибо таков ваш долг, но не забывайте, что они — ваши братья.

У Христа, парящего над полями сражений, нет своего флага. Он — первый среди нейтральных, потому что любит Он всех, даже пиратов со знаком орла и тех, что убивают на море. Даже римских солдат на Голгофе Он не проклинал.

Он по своей воле познал все ограничения плоти, чтобы понять их суть после их преодоления. Нам не дано понять суть каких-либо ограничений до тех пор, пока мы через них не переступим.

Кто лучше Него знает, что такое агония искромсанной плоти, переломанных костей и истерзанных нервов? Сможет ли раненый солдат научить Его чему-нибудь ещё? Может ли переживший предательство мир посоветовать Ему, как Он должен поступить с Иудой? «То, что ты делаешь, делай быстро».

Тот, кто предал мир, уже повесился от избытка рвения. Не думайте, что он не чувствовал боли, когда в Риме сжигали его изображение. Он это чувствовал. На какой-то миг Верховный Главнокомандующий ощутил просветление. Вчера я видел, как его демон шёл, рыча, вдоль линии фронта. Когда я встретил его впервые, несколько месяцев назад, он не был столь разъярённым.

Если бы я только мог заставить вас понять, что всё то, о чем я говорю, — факты, а не фантазии! Всё это я видел сам так же ясно, как вы видите перед собою стол или карандаш в своей руке. И если я говорю, что беседовал с демонами, это значит только то, что я беседовал с демонами. А когда говорю, что видел Христа, — значит, я действительно видел Христа. Я не сочиняю роман, и из путешествия среди звёзд я вернулся вовсе не для того, чтобы посостязаться в мастерстве со сказочниками. Я диктую вам всё это, чтобы сделать явным то, что в противном случае осталось бы тайным, чтобы раскрыть миру причины, дабы он не заблуждался относительно следствий. Я хочу помочь даже той расе, которую сейчас проклинаят все остальные расы, включая их союзников-турок.

Только милосердие Христа достаточно велико, чтобы простить даже это всемирное предательство. И я говорю вам, что этих предателей спровоцировали, вдохновили и в свою очередь предали вполне *персонифицированные* силы зла, отчаянно пытающиеся запустить часы

цивилизации в обратном направлении.

Но Христос изгонял бесов и воскрешал мёртвых. Так почему бы Ему не изгонять и тех бесов, что поддерживают сейчас войну? Почему бы Ему не сопровождать мёртвых в ждущие их в итоге сферы мира и покоя? И разве не может Он возвысить вас до уровня Своего собственного милосердия?

27 мая 1915 г.

На этот раз я не стану рассуждать о милосердии. На этот раз мы поговорим о восточных ветрах и отравляющих газах и о демонах, связанных с отравляющими газами.

Снова против мира ополчилась вся преисподняя. У нас здесь сейчас ещё хуже, чем в последний предвоенный месяц.

Одиннадцать дней меня не было с вами. И за все эти одиннадцать дней у меня не было ни единого свободного часа на то, чтобы встретиться с вами.

Если бы у вас было достаточно сил, чтобы услышать то, о чём я мог рассказать вам в это время, вы ни за что не решились бы поведать об этом миру, но я могу сказать вам и много такого, что вы в состоянии услышать и что мир вправе узнать.

Восточные ветры и отравляющие газы! Сама идея выглядит сатанинской, ибо люди умирают в неопишуемых мучениях от газов, которые приносят эти ветры от немецких позиций туда, где война ведётся обычными средствами. Но отравляющие газы — дьявольское оружие, и дьяволы летят вместе с ними. Я видел, как сонмища их, клубясь, летели вперёд, видел их глаза, горевшие ненавистью, их рты, перекошенные от ярости и злорадства.

О, вы, живущие пока что в безопасности в своей собственной стране! Если бы вы могли заглянуть за линию вражеских окопов, если бы вы увидели всё то, что носится в воздухе над военными лагерями ваших противников, вам бы стало их даже жаль. Многие там, на Земле стали абсолютно похожими на буйнопомешанных.

Если люди, взывающие к силам ненависти, насылают такие адские дымы, чтобы души и мучить себе подобных, значит, их уже нельзя в полной мере назвать людьми.

Я, способный видеть их души, прихожу в ужас от этого зрелища. Пожалуй, это даже хорошо, что вы сейчас одна, поскольку в одиночестве вам будет легче выдержать то, что я вам расскажу.

Если бы не та работа, которую вам предстоит выполнить в будущем, если бы не та работа, что вы делаете сейчас и будете делать в дальнейшем, я бы забрал вас из вашего мира насовсем, по крайней мере, из нынешней вашей инкарнации.

Но вам придётся претерпеть всё до конца, как до конца терплю я сам, поскольку ваша работа ещё не окончена.

Те, кто говорит, что в Германии всё хорошо, нагло лгут, или же они просто загипнотизированы той ложью, которая всё ещё заставляет Германию верить в возможность её победы.

Если бы ад победил небеса, все души оказались бы уничтоженными. Если бы сейчас победила ненависть, весь мир развалился бы на части.

Ненависть! Вам неизвестен подлинный смысл этого слова. Ненависть Англии, ненависть Америки, ненависть Италии! Каждая молекула расы, спровоцировавшей эту войну, отравлена ненавистью. Младенцы впитывают её вместе с молоком своих матерей и становятся больными. Дети видят её в глазах своих родителей и отворачиваются в страхе за самих себя. Нет, вы не знаете, что такое ненависть.

Вместе с отравляющими газами восточный ветер принёс навстречу мне безглазого демона. Откуда он взялся? Из какого-нибудь подземного ада, где нет света, и потому не нужны глаза. Если бы я умел рисовать, то изобразил бы его для вас; а слова предназначены только для описания тех вещей, что известны расе по её опыту; из тех же, кто мог видеть эти вещи, никто не

пользовался речью для того, чтобы описать их. Ощупью прокладывая себе путь, это астральное чудовище наконец вцепилось в свою жертву — в пленного, находившегося в руках французов, в того, кто плевал в своих тюремщиков, охваченный безумием ненависти.

Нет, я не должен говорить вам о том, что произошло дальше; скажу лишь, что астральная душа пленного покинула своё тело и больше уже не вернулась.

Эту попытку рассказать миру о том, что мне теперь известно, можно сравнить с попыткой воспроизвести музыку Бетховена с помощью свистульки. Я чувствую себя сейчас так, как чувствовал бы себя математик, взявшийся обучать маленьких детей своей науке. Я не решаюсь говорить вам больше просто потому, что вы всё равно не сможете это воспринять.

Мир уже стар, мир считал себя мудрым, и вот до чего он дошёл!

Есть много убеждённых душ, желающих научиться чувствовать на астральном уровне. Я слышал однажды, как в вашем присутствии один человек сказал, что такая-то атака была «всего лишь астральной». Я слышал, но не сказал ни слова.

Да знаете ли вы, что представляет собою Астральный Мир, вы — ищущие знаний о нём? Астральный Мир — это мир *ощущений*, мир эмоций, мир любви и ненависти. И сейчас этот мир стал настолько плотным из-за переполнивших его дурных страстей, что его уже можно «резать ножом». И сейчас его действительно часто режут — ножами и штыками — и полчища демонов страдают от соприкосновения с этой сталью. «Всего лишь астральной!» Но даже астральный мир над Нью-Йорком, который, как вы знаете, ужасен, ничто — по сравнению с астральным миром над полями сражений. Держитесь от него подальше! Всё равно вы не сможете принести там никакой пользы. Если можете, отправляйтесь куда-нибудь в горы и ищите там, в чистом дыхании сосен, спасения от отравляющего астрального мира Нью-Йорка. Поезжайте туда и оставайтесь там до тех пор, пока давление не ослабнет. Там, где вы сейчас, вы тоже не сможете сделать ничего полезного.

В чистом воздухе сосновых лесов мне будет легче диктовать. Прочь от ядовитых испарений вовлечённого в войну Нью-Йорка, ибо дьяволы перемещаются вместе с ветрами ненависти, а вы не должны стать их жертвой.

Ваша работа ещё не окончена.

Письмо 45

Сверхчеловек

1 июня 1915 г.

В одной из верхних сфер Астрального Мира — не в самой сфере чистого разума, но очень близко к ней — я встретил прошлой ночью человека, который прохаживался туда-сюда, опустив в раздумье голову.

— Что тебя тревожит, друг? — спросил я, приблизившись к нему.

Он прекратил свои беспокойные метания и посмотрел на меня.

— Кто ты? — спросил он равнодушно.

— Я — судья, — ответил я.

В его глазах появился интерес.

— Ты, должно быть, откликнулся на зов моей мысли, — сказал он, — потому что мне действительно нужен судья.

— Ты хочешь, чтобы я вынес кому-то свой приговор? — спросил я, с трудом удерживаясь от улыбки после его странных слов.

— Да, я хочу, чтобы ты вынес свой приговор мне.

— И какое же преступление ты совершил?

— Я совершил — если, конечно, это преступление, о чём ты мне как раз и должен сказать, — в общем, я виновен в том, что вёл нацию к её собственной гибели.

— Изначально со злым умыслом? — поинтересовался я.

— Возможно, и так, — ответил он, — но не в том смысле, в каком подразумеваешь это ты в своём вопросе. Я никогда не думал, что у них хватит духу поверить мне.

— Ты пробуждаешь моё любопытство, — сказал я. — Кто это — «они»? И в чём именно они не должны были тебе верить?

— Это немцы, — ответил он, — немцы, которых я презирал. И они поверили моей теории о том, что человек становится сверхчеловеком, если делает только то, что ему хочется.

— А отстающих забирает себе дьявол?

— Да, отстающих забирает дьявол.

Он вперил в меня свой угрюмый взгляд, а я ждал продолжения его слов.

— Что за народ эти немцы! — сказал он наконец. — Что бы они ни делали, они берутся за дело слишком серьёзно. Им нельзя доверять никаких великих истин.

— Похоже, что они действительно разобрали твоё учение по косточкам, — согласился я.

— Я хотел сделать из них богов, — пожаловался он, — а вместо этого превратил их в дьяволов.

— Только Богу под силу творить богов, — сказал я. — Возможно, ты был слишком честолюбив.

— М-да! Возможно, я был слишком доверчив.

— Скрытность гораздо безопаснее, — подхватил я, — ты рассказал им слишком много.

— Или, может быть, слишком мало.

— Сколько томов это составило?

— Спроси об этом у библиотекарей. Только не у иностранцев — те всё время составляют из них сборники, чтобы угодить читателям.

— А чем я могу тебе помочь? — спросил я.

— Рассуди меня.

— А почему ты сам себя и обвиняешь и защищаешь?

— А кто ещё может обвинять или защищать меня?

— Тогда начни с обвинения.

— Я совратил целый народ и привёл его к катастрофе.

— Поясни подробнее.

— Я хотел излечить их от мягкотелости. Следуя за мной с присущей им обстоятельностью, они могли бы *стать полностью* твёрдыми: ни сердца, ни внутренностей.

— Продолжай, — попросил я.

— Я проповедовал сверхчеловеческое. А они поступали как недочеловеки.

— Пока что, — прервал его я, — ты обвиняешь только их, а не себя.

— Но как же я могу обвинять себя, не обвиняя их? — возразил он.

— Тогда и я попробую спуститься на ступеньку ниже и поговорить с тобой как человек с человеком.

— Хорошо, что ты не сказал — как душа с душой.

— Ну, с меня достаточно и человека! Как я уже говорил, ты был слишком честолюбив.

— Да, слишком честолюбив для человека; я слишком устал от людей и слишком любил то, чем мог бы стать человек!

— Похоже, мы уже перешли к защите, — сказал я.

— Из тебя ещё не выветрился судейский дух, — проворчал он.

— Ты ведь сам просил меня быть твоим судьёй.

— Да, это так.

— Мне жаль тебя, — сказал я.

Он улыбнулся снисходительно-грустной улыбкой.

— Похоже, у тебя есть и сердце и душа, — сделал вывод он.

— А ты слишком долго был один, — отозвался я, — ты растерял своё былое красноречие. Может, позволишь мне и обвинять, и защищать, и судить тебя? Ты сможешь прервать меня, когда захочешь.

— Хорошо, — согласился он.

— Ты был рождён под беспокойной звездой, — начал я. — Ты стремился следовать за героями, но они разочаровывали тебя тем, что были людьми. Тогда ты сделал своим героем себя, но это принесло тебе самое большое разочарование.

— Кажется, ты всё обо мне знаешь.

— В том и заключаются слава и позор твоего величия, что каждый знает о тебе всё.

— Я не согласен с этим! Всего обо мне вы не знаете.

— И чего же мы не знаем?

— Вы не знаете, как я любил человека!

— Но ты говорил о нём с презрением.

— Потому что он мог бы вырасти до *сверхчеловека*.

— О, да! Чтобы топить детей на «Лузитании», прорубать себе путь через Бельгию, растерять всех своих друзей и стать проклятием для всей планеты!

Он поднял палец, останавливая меня.

— Ты говоришь сейчас не обо мне, а о немцах, — сказал он.

— Но они — единственные, кто довёл твою философию до её логического завершения.

— И поэтому ты смеёшься надо мной?

— Я вовсе не смеюсь над тобой. Я только излагаю факты. Это ты посмеялся над ними и чуть было не привёл их к гибели.

— Но я всего лишь проповедовал сверхчеловеческое.

— Настолько выше человека, что человек тебя просто не понял.

— Разве это моя вина?

— А чья же ещё?

— Может быть — их?

— Ничего подобного. В тебе было слишком много ненависти. И ты научил их ненавидеть человека.

— Я учил их ненавидеть всё то, что ниже сверхчеловеческого.

— Но ведь и сам человек — ниже сверхчеловеческого. Значит, ты научил их ненавидеть самих себя.

— Но и каждый из них — тоже был ниже сверхчеловека!

— Зато теперь каждый попытался им стать. Ты научил их этому. Они вообразили себе, что уже стали сверхлюдьми, стали выше добра и зла. Ты учил химии малых детей, и они взорвали свою всемирную колыбель.

— Я только хотел, чтобы они знали.

— Но начинать следовало с азбуки.

— А что бы ты назвал азбукой сверхчеловеческого? — спросил он.

— «А» — это любовь, «Б» — смирение, «В» — истина.

— Но почему же тогда я не научил их ни любви, ни смирению, ни истине?

— Потому что ни любви, ни смирения, ни истины ты не знал.

— Я не знал любви?!

— Да, любви ты не знал.

— И я не знал смирения?!

— Твоё высокомерие стало притчей во языцех.

— И я не знаю истины?!

— Тебе известна только половина истины, а половина истины — это ещё не истина, так же как половина яблока — это ещё не яблоко.

— Не хочешь ли ты сказать, что моё учение было ложным?

— И величайшей ложью в нём было то, что *они* могут превратиться в сверхлюдей, когда они ещё не готовы к восприятию сверхчеловеческого.

— Но человек должен возвыситься!

— Человек должен возвыситься над самим собой, а не над другими, — ответил я. —

Чувствуешь, в чём разница?

— Чему же мне следовало их учить?

— Тому, что сверхчеловеческое — это слуга человека, а не обидчик и не тиран.

— Но они бы не поняли.

— Не будь столь самоуверен. Ведь нашлись же немногие, которые поняли Сына Человеческого...

— А, ты о нём!

— ...Которого ты отверг.

— Но он учил людей быть рабами!

— «Кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом».

— Ну, если ты хочешь цитировать Писание...

— Я цитирую Сверхчеловеческое.

— Значит, ты полагаешь...

— Я полагаю, что ты отверг единственный *хорошо известный* пример своего собственного идеала.

— И ещё ты думаешь...

— Да, я думаю, что ты сошёл с ума, потому что слишком поздно понял, что твоё учение — ложно. Я думаю, что ты просто не нашёл в себе достаточно мужества, чтобы опровергнуть свои собственные выводы и тем самым возвыситься над самим собой; возвыситься над собой и в самом деле стать Сверхчеловеком.

— Так ты думаешь, что я всё знал?

— Я знаю, что ты знал. Я знаю, что Он явился к тебе в видении, что ты сам понял, в чём была твоя ошибка, и что ты так и не смог принять своё новое понимание, потому что оно пришло к тебе слишком поздно.

— Ты знаешь слишком много, — сказал он.

— Ты просил меня быть твоим судьёй, — напомнил я ему.

— Но не палачом.

— Ты сам стал себе палачом и палачом своего народа.

— Моего народа! — презрительно процедил он.

— Я же говорил, что ты не знал любви! — напомнил я ему.

— И что ты мне теперь прикажешь делать?

— Возвращайся на Землю и учи людей тому, как человек может превзойти самого себя. Возвращайся на Землю и учи людей следовать за Сыном плотника, отвергнуть которого ты их призывал. Вернись в Германию и опровергни самого себя.

— Как же я смогу вернуться?

— В другом теле, конечно же, в чистом и здоровом теле, чистоту которого тебе придётся поддерживать.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты сам прекрасно знаешь, что! Я ведь говорил тебе, что ты не знал Любви. Ты знал только привередливость, чванство и стремление произвести сенсацию.

— Ты задал мне трудную задачу, — сказал он.

— Вечность — штука долгая, — ответил я. — И к тому же новой Германии потребуются твоё новое учение.

— Должен ли я благодарить тебя? — спросил он.

— Не обязательно. Это я благодарю тебя за то, что ты не опротестовал мой приговор.

— Доброй ночи, — сказал он.

— Доброй ночи, — повторил я.

И душа Фридриха Ницше удалилась. Может быть, к вратам перерождения?

2 июня 1915 г.

После нашего вчерашнего разговора, когда я рассказал вам об измученной душе, попросившей меня вынести своё суждение относительно учения, совратившего целую нацию, я вернулся во Францию к полям сражений (уж меня-то немцы не смогут пустить ко дну своими торпедами).

Двигаясь не спеша вдоль немецких позиций, я увидел высокую величественную форму, с головой укутанную в чёрное, — ту самую, что я описывал в одном из предыдущих писем.

На сей раз я поприветствовал его, не дожидаясь, пока он сделает это сам.

— Ну, как идут твои дела? — спросил я.

Он отбросил своё покрывало, и я увидел перед собой мрачное и величественное лицо, на котором глубоко запечатлелись раздумья и порок.

— Идут, как всегда, — ответил он. — А чем был занят ты?

— Этим вечером — писал для мира людей, — ответил я.

Он рассмеялся.

— Ты писал им о мире?

— На этот раз — нет. Я писал о своём разговоре с одной великой и беспокойной душой.

— Да, я знаю.

— Откуда ты знаешь? Ты подслушивал?

— У меня есть свой «телефон дальнего действия».

— Замечательная вещь — телефон, — заметил я. — Это ты инспирировал его изобретение?

— Я? О нет! Я противодействовал его изобретению.

— Но почему?

— Это плохо, когда человек слишком много знает.

— Но когда человек, несмотря на все твои старания помешать ему, всё-таки изобретает что-нибудь, ты ведь пытаешься обернуть эти изобретения против него самого, не так ли?

— Разумеется.

— Ты — очень интересный собеседник, — сказал я. — А заинтересовал ли тебя мой разговор с душой Фридриха Ницше?

— Гораздо больше, чем ты можешь предполагать до тех пор, пока не узнаешь, почему он мне был так интересен.

— А ты объяснишь мне, почему?

— У меня нет причины держать это в секрете. Я откровенен с теми, кто способен видеть меня насквозь.

— А почему бы тебе не научить этому немцев?

— Это испортит мне всю игру. Я хочу уничтожить их после того, как они мне послужат, но если они всё поймут, то станут настолько правдивыми, что своею искренностью обезоружат весь настроенный против них мир.

— Но и в своей жестокости они сейчас достаточно искренни, — сказал я.

— О да! Но это совсем другое дело. А вот если бы они стали искренними в своём раскаянии, мир бы их простил.

— Ну, а что ты скажешь о Ницше? — спросил я.

— Только то, что вдохновлял его я.

— Ты неплохо потрудился.

— Я всегда очень серьёзно отношусь ко всему, что делаю.

— Расскажи мне об этом подробнее, — попросил я.

— Какого работника я мог бы приобрести, — воскликнул он, — не реши ты примкнуть к силам добра!

— Но я и здесь оказался неплохим работником, — возразил я, — мне даже удалось расстроить кое-какие твои замыслы.

Он рассмеялся резким, отрывистым смехом.

— Не думай, что это меня очень беспокоит, — сказал он. — У меня ещё много других возможностей. И если ты даже закроешь передо мною дверь, я всегда смогу пробраться через окно.

— А как тебе удалось приблизиться к Ницше?

— По-разному: то так, то иначе. Он закрывал дверь только перед человеком, а я, как видишь, всегда ещё и Сверхчеловек.

— Да, я заметил это ещё во время нашей первой встречи. Тот, кто выходит за рамки человеческого, должен сделать выбор между добром и злом.

— Нет смысла обманывать тебя, и я больше не буду пытаться это делать, — сказал он. — Да, это я побудил Ницше к проповеди немцам идеи сверхчеловека. Потому что, вообразив себя сильными, они могли избрать только путь зла.

— И что тебе это дало?

Вместо ответа он задал мне встречный вопрос:

— Ты когда-нибудь играл в шахматы?

— Часто и во многих жизнях, — ответил я.

— И тебе нравилась эта игра?

— Очень.

— Ты играл на деньги?

— Нет.

— Что же в таком случае вызывало твой интерес?

— Что? Да сама игра.

— Вот именно, — сказал он. — И я отношусь к своей работе как к игре. Когда я играю, я, конечно же, стараюсь выиграть. Но если и проигрываю, я всё равно получаю удовольствие от самой игры.

— И ты играл с душой великого человека?

— Как кошка играет с мышкой. Я обнаружил в нём искренний дух, но одно уязвимое место в его голове и такое же — в сердце. С ним я справился без особого труда.

— Но как тебе удалось этого добиться?

— Обычным способом.

— То есть?

— Лестью.

— И он не почувствовал подвоха?

— Пришлось обрядить ворону в павлиньи перья. Ведь он — эстет.

— Значит, ты всегда расхваливаешь свой товар, когда пытаешься всучить кому-нибудь kota в мешке?

— Не всегда в этом есть необходимость. Только когда имеешь дело с такими, как ты.

— Да, — сказал я, — ко мне ты пытался подъехать с речами о мире. Но у меня — слишком хорошее чутьё.

— Да, те, *Другие*, тебя многому научили.

— А Ницше когда-нибудь видел тебя так же, как я сейчас?

— Он видел моё гордое лицо и трепетал, ощущая мою силу. Он проникался завистью и стремился стать таким же, как я. Знаешь, это очень забавно, когда эти смертные в своей гордыне искренне стремятся подражать мне!

— И ты учил его быть сверхчеловеком?

— Да, и я учил его презирать Того, кто на самом деле был Сверхчеловеком.

— Ты хочешь сказать, что сам ты в действительности не Сверхчеловек?

— Мой ум — выше человеческого уровня, но всё остальное — ближе к земному.

— Но ты всегда держишься с таким достоинством.

— О, у земли и у всего, что связано с землёй, тоже есть своё достоинство!

— Неужели этот немецкий философ так и не узнал, кто ты такой на самом деле?

— Узнал, но только в самом конце, когда было уже слишком поздно, чтобы суметь всё проделанное повернуть вспять.

— Значит, — воскликнул я, — в конце он всё-таки увидел две формы сверхчеловеческого: тебя и Христа!

— Да, увидел. И то, что он увидел, свело его с ума.

— И тебя не мучает совесть из-за того, что ты делаешь?

— Совесть? А что это такое?

— Видишь ли, угрызения совести — это эмоция, которая возникает у людей, когда они чувствуют, что сотворили зло.

— Эмоция, которая возникает у людей, — повторил он. — Но я ощущаю только те человеческие эмоции, которые доставляют мне чувственное наслаждение.

— Например...

— Ты и в самом деле чересчур любопытен и чересчур назойлив!

— Признаю, я назойлив и любопытен, — сказал я. — Но мне это интересно: ты берёшься за дело длиною в целую жизнь — жизнь человека — только для того, чтобы превратить его в орудие достижения *всего этого*, — и я жестом показал на проходившую под нами линию фронта.

Глаза его заблестели, и он ответил:

— Что такое жизнь человека по сравнению с величию всего этого? Можно трудиться тысячу лет и так и не добиться ничего, сравнимого с этим!

— Значит, тебе это нравится, вся эта бойня?

— Что за глупый вопрос! Это вознаграждает меня за все мои труды, это прославляет меня, возвышает меня. Вся эта кровавая резня — дело моих рук и рук мне подобных.

— Неужели ты уже заранее планировал всё это, когда подбивал одного человека совратить своими сочинениями нацию?

— Да. И он был для этого идеальным орудием. Никто другой не подходил лучше него для достижения нашей цели — амбициозный, неудовлетворённый, аристократичный, самонадеянный, никого не любящий — в самом широком смысле этого слова, способный на безрассудную страсть и, следовательно, на разочарование, и, наконец, что тоже немаловажно, готовый воспринимать видения.

— В которых являлся ему ты?

— Да. Поначалу он видел меня во сне, восхищался мною и стремился мне подражать.

— А затем ты начал рассказывать ему о Сверхчеловеке?

— Да, используя при этом довольно старые аргументы: что женщин вообще не стоит принимать в расчёт, что женская любовь мешает мужчине, что женщина порабощает мужчину, если он не поработит её сам; что Природа — это дьявол, а не Великая Матерь, и потому её

следует покорять всеми возможными способами; что человек возвышается до Сверхчеловеческого, когда отвергает всё, что может оказывать на него влияние, в том числе и Природу, и признаёт лишь то, что даёт ему свободу, например, своё превосходство над другими существами, его власть над ними, его власть над своими собственными мыслями, власть над добром и злом, над истиной и ложью.

— Твоё учение — само по себе великолепное *сочетание* истины и лжи, — сказал я.

— Разумеется, — ответил он, — но чего ты хочешь? Одной только истиной этого никогда не удалось бы добиться.

И он указал своей длинной рукой на простирившееся под нами поле битвы.

— А чему ещё ты учил своего избранного ученика? — спросил я.

— Всему, чему он потом сам учил мир. Когда он удалил из своего сердца женский лик, я открыл счёт, а он решил, что немного приблизился к Сверхчеловеку.

Когда он начал раздуваться от гордости и чувства собственного превосходства, я записал в свой актив ещё одно очко, а он подумал, что уже совсем близко подошёл к Сверхчеловеку. Когда он читал Евангелие и смеялся про себя над смирением Сына Человеческого, я приписывал себе сразу два очка — одно против него и ещё одно против твоего Христа.

— Спасибо, — сказал я, — за то, что ты причислил меня к последователям распятого Христа. Тут ты не ошибся.

Не обращая внимания на это моё последнее замечание, он продолжал:

— Я поддерживал его стремление создать новый идеал вождя, нового Христа, Антихриста, сурового Немецкого Христа, который должен был покорить людей не любовью и состраданием, а твёрдостью и жестокостью. О, эту работу я проделал великолепно! Многие немцы установили этот мой идеал на место Сына Марии. Многие немцы поставили меня на место своего Солнечного Бога и назвали меня Сверхчеловеком, хотя у него и не хватило смелости прямо назвать меня Антихристом. Напротив, он приписал мои качества Христу и назвал нас обоих одним именем, и, прикрываясь этим именем, хотел уничтожить всякую жалость и сострадание в себе самом и во всех других, хотел уничтожить любовь, потому что она мешала ему стать таким, как я. Это я научил его поклоняться кресту как символу жестокости — не самопожертвования во имя любви к человеку, а жертвы во имя себя.

Он замолчал, глядя на звёзды, безмятежно сиявшие над нами.

— Мне кажется, — сказал я, — что ты и сам сознаёшь превосходство Христа над Антихристом.

И вновь он не обратил внимания на моё замечание, но продолжал развивать свою собственную мысль.

— Какое интеллектуальное наслаждение мне доставляло это превращение христианской нации в эгоистичных чудовищ, жестоких ко всему, что *им самим не принадлежит!* Любого иноплеменника они должны были ненавидеть, презирать, использовать, высмеивать и оскорблять всеми возможными способами. Я учил их, что только таким образом они могут превратиться в сверхлюдей, преодолеть свою человеческую природу.

— Но для чего ты рассказываешь всё это мне? — спросил я. — Почему ты выкладываешь передо мной все свои карты, если знаешь, что мои — всё равно лучше?

Когда он повернулся ко мне, его глаза, казалось, были готовы испепелить меня.

— Потому что я завидую тебе, — сказал он.

— Что это — ещё один завуалированный выпад против меня и тех принципов, которых я придерживаюсь?

Мой мрачный собеседник вновь рассмеялся своим отрывистым, невеселым смехом.

— По правде говоря, нет, — сказал он. — Ты уже давно не интересуешь меня как

противник.

— То есть...

— То есть — мне уже надоело играть в эту игру, по крайней мере, сейчас. Да и души, которые мне удалось обмануть, уже устали от меня и от моего учения. Они уже видят перед собой новый свет — некоторые из них.

— Возможно, — сказал я, — они увидели свет Христа, истинного Сверхчеловека.

— Возможно, — согласился он.

— А ты сам видел когда-нибудь этот свет?

— Фу! — сказал он. — Неужели ты настолько самонадеян, что пытаешься обратить самого дьявола?

— Ну что ты, нет!

Вдруг он снова повернулся ко мне:

— Хочешь, чтобы я стал твоим учеником?

— Опять-таки, нет, — ответил я. — С этой просьбой тебе лучше всего обратиться к какой-нибудь доброй женщине. Её тебе легче будет обмануть.

— Похоже, что тебе известны все мои трюки.

— Мой Учитель многое рассказал мне о таких, как ты, и о ваших методах.

— Тогда мне остаётся только пожелать тебе приятного вечера, — сказал он и растворился во тьме.

Мир, ради которого я пишу всё это, тебе я стараюсь сообщать то, что может вооружить тебя знаниями. Когда Сатана просит вас обратить его, берегитесь, чтобы он не обратил вас. Когда Сатана показывает вам Сверхчеловека, даже самого Христа, сперва убедитесь, что этот его Христос — не Антихрист; убедитесь в том, что Он полон сострадания, что Его сердце скорбит о горестях и *несовершенствах* мира, что Его терновый венец действительно свидетельствует о Его самопожертвовании ради человека, а не просто служит Ему украшением. Ибо Он сказал: «По тому узнают все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою». И ещё: «Берегитесь, чтобы кто-нибудь не прельстил вас. Ибо многие придут во имя моё, говоря: «Я — Христос», и многих прельстят, <...> ибо восстанут Лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных».

Письмо 47

Новое братство

9 июля 1915 г.

Я хочу рассказать о Новой Расе, приближающейся Расе. Мир сейчас вынашивает ребёнка, и уже нынешнее поколение сможет удивлённо заглянуть в чистые глаза младенца, который искупит грехи своих родителей.

Скрепите вашу веру со знаменем Новой Расы, трудитесь ради неё, готовьте для неё одежды и будьте готовы к её пришествию.

Вы уже поддерживаете связь с теми, кто поможет Новой Расе встать на ноги, кто станет её учителями и наставниками. Присоединяйтесь же и вы к Великому Делу, которое намечено для Америки в ближайшем будущем. Нет, вам вовсе не обязательно всё время оставаться здесь, но и не следует уезжать надолго. Уезжайте и возвращайтесь, потому что из поездки вы можете привезти с собою новые впечатления и дух романтики Старого Света, чтобы развлечь и вдохновить ими Новый Свет.

Но всегда будьте лояльны ко всему новому.

В первозданной природе Америки заключена сила, которая может время от времени подзаряжать вас новой энергией. Эта дикая природа искупит и грехи американских городов. Жизнь в городах протекает слишком приземлённо. Они забыли Бога. Но на открытом воздухе, под открытым небом пробудившаяся душа обретёт способность воспринимать послания.

Отправьте своих детей на природу, чтобы они пили там воду незагрязнённых источников. Вода, поступающая из водопровода, может освежить тело, но вода из горных источников освежает душу.

За покрывалом Природы прячется лицо Великой Матери, и хотя Она не всегда улыбается, Её глаза всегда полны мечтаний и загадок. Природа — не Дьявол. Напротив, Дьявол ведёт с Природой вечную войну. Природа — это Изида, Мать. Не слушайте тех, кто богохульствует. Они путают Изиду с Тифоном. Именно Изида, Природа, произведёт на свет Гора. Вернитесь к Природе и просите послания у Неё. Она ждёт в тиши лесов, журчание ручейка — это Её шёпот; когда листья шумят на деревьях от ветра, это шелестит Её платье. О, дети Новой Расы, встречайте свою Мать, ибо Она уже близко! На Её руках вы обретёте покой, который восстановит ваши силы, а в Её глазах вы прочтёте Любовь, чуждую всякого эгоизма, блаженство самопожертвования.

Слишком долго вы жили в городах, позабыв о вскормившей вас Матери. Слишком долго вы не чувствовали доброго магнетизма земли, передающегося при соприкосновении с нею босых ног. Слишком долго вы ходили по мёртвым, каменным и совсем не магнетическим улицам, которые только забирали у вас энергию, ничего не давая взамен. Вернитесь же к лесам и ручьям. Прочтите свою судьбу, заглянув в глаза настоящих звёзд, а не тех, что напечатаны на астрономических картах. У Юпитера есть для вас послание, которое он передаст, только встретившись с вами лицом к лицу. Есть своё послание и у нежной Венеры, и у беспокойного Марса. Ступайте же к ним, и в тиши горных вершин, наедине с Матерью-Природой, они передадут вам свои знания.

Не стройте свой храм на базарной площади. Пусть пределы лесные станут вашим собором.

Возвращайтесь в город, когда вас принудит к этому необходимость, потому что всегда полезно знать противоположное. После базарной толкотни тишина собора кажется ещё более глубокой.

Воздавайте почести, когда они заслужены, тем, кто вёл детей к познанию тайн первозданной жизни. Вы, взрослые, — те же дети, только ставшие немного повыше. Водите хороводы вокруг берез или вокруг костра. Я уже упомянул, когда писал вам о вашем парижском камине, который топили дровами, что дым от сгорающего дерева может навевать видения. Но что такое камин в Париже в сравнении с костром в лесу? Да, я тоже был там той ночью, стоял немного в стороне от всей компании и наслаждался видом костра.

Мой привет Вождю!

Спасение Америки как раз и кроется в этом Движении за возвращение к дикой природе. Движение! Вы вполне можете называть так этот процесс. Его пробудили силы самой земли; его вдохновляет Дух расы; оно будет распространяться всё дальше и дальше, охватывая всё более широкий диапазон.

Тот, кто бросит камень на пути этого движения, сам же о него и споткнется. И того, кто привнесёт в это движение сатанизм, самого поглотят демонические силы. И останется от него меньше, чем остаётся от дров после того, как догорит костёр.

Пребывайте в мире. Мы стоим на страже, и вместе с нами — души тысяч, десятков тысяч, миллионов коренных американцев, которые не могут обрести покой до тех пор, пока не передадут кому-нибудь пылающий факел тайн Природы, унаследованный ими от своих далёких предков.

Те, кто притеснял их и грабил, относились к ним с презрением; но их прощение искупит твои грехи, о, Америка новой Расы!

Известно ли вам, что многие из тех, кто обрёл покой в «счастливой стране изобильных охотничьих угодий», сейчас возвращаются, чтобы снова воплотиться в той стране, которую они некогда любили? Взгляните на выступающие скулы многих детей, посмотрите на их орлиные глаза и стройные, подтянутые фигуры.

О, Америка, в погоне за своей судьбой ты допустила однажды великую несправедливость! Да, это так. Постарайся же теперь искупить её. Пусть перевоплотившиеся краснокожие дети играют в диких лесах, научи их древнему кодексу чести и мужества, и тогда они рука об руку будут трудиться вместе с воплотившимися душами, которые приходят ныне из Европы, — рука об руку будут они идти вперёд, связанные *Братством Друзей Леса*.

Мой привет Вождю!

9 июля 1915 г.

Я всё ещё чувствую живейший интерес к той стране, где я появился на свет. Впереди её ждут тяжёлые дни, и великая душа Авраама Линкольна как никогда близка в этот момент к кормилу государственной власти, потому что между миром и войной сейчас установилось равновесие, и каждый день может стать решающим.

Нельзя допустить, чтобы с этой страной случилась какая-нибудь непоправимая беда, ибо она — великий пионер расовой свободы. Как я уже говорил вам несколько месяцев назад, одна рука Америки угрожает другой, и обе вместе они угрожают всему телу.

Пусть же она сохраняет мир, насколько это возможно без ущерба для её чести! Но если всё же наступит этот чёрный день, то пусть она встретит его, гордо расправив свои плечи; и если её внешним врагам при этом добавятся ещё и враги внутренние, что ж — ей к этому не привыкать. Помню, кто-то однажды попросил, чтобы Бог уберег его от его друзей, а уж с врагами он смог бы справиться и сам.

Нынешнее спокойствие американских немцев таит в себе угрозу. Но если придёт тот час, когда потребуются решительные действия, им всё же следует предложить вернуться в лоно их нынешней натурализации, а с теми, кто все-таки откажется, следует поступить сурово, вплоть до депортации. Есть ещё одна страна, которая может принять их, чтобы переправить назад в Фатерлянд^[45], некогда ими покинутый ради той свободы, которую они теперь оскорбили и предали.

Мир проходит сейчас через суровое испытание, и Сатана вместе со своими присными трудится не покладая рук. Наша задача — выстоять, хотя порою сохранять стойкость бывает очень нелегко.

Сохраняйте спокойствие и верьте в свою Родину, которая ещё подарит жизнь Новой Расе — синтезу разных рас.

25 июля 1915 г.

Теперь вы уже достаточно ясно представляете себе, какими методами пользуются силы Зла, чтобы помешать прогрессу, разрушить то, что создавалось веками, уничтожить тех, кто трудится ради будущего, и запугать тех, кто стремится расстроить их козни.

Заметьте, что ни один из этих методов нельзя назвать созидательным. Все они — разрушительные, ниспровергающие. Созидательные войны — изобретение ангелов, но эту войну созидательной никак не назовёшь.

А теперь позвольте мне рассказать о некоторых вещах, от которых следует обезопасить себя нарождающейся в Америке Новой Расе. В ней, как и везде, где активны силы прогресса, так же активны и силы оппозиции. Я уже достаточно написал о благотворных последствиях этого нового рождения; теперь же я хочу сделать несколько предупреждений и проанализировать некоторые влияния деструктивного характера.

В Америке всё больше набирает силу весьма значительная группа людей, стремящихся установить свой контроль над природой желания и над волей других людей, дабы использовать их потом в своих корыстных целях. Эти люди не сосредоточены в каком-либо одном месте и не имеют единой организации, но создали множество мелких организаций, причём некоторые из них действуют совершенно автономно. Здесь, в Астральном Мире, на языке, который используем мы — труженики этого мира, такие организации именуются «группами».

Тех, кто платит им либо деньгами, либо службой, они обучают некоторым правилам, позволяющим контролировать свой собственный разум и разум других людей. Они предлагают многим рудименты астрального знания, приберегая более сложные принципы для ограниченного круга лиц. Некоторые из их учений — истинны, некоторые — ложны; но лишь немногие из них предлагают своим ученикам действительно работать *над собой*. А как сказал один Великий Учитель — каждый шаг в психическом развитии должен сопровождаться тремя шагами в развитии характера.

Я не стану называть имён тех, кто наиболее преступным образом обучает заклинаниям чёрной магии мужчин и женщин, абсолютно не готовых к восприятию подобного знания.

Достаточно того, что у читателя возникнет вполне естественный вопрос: «А что же это такое — *чёрная магия*?» Кажется, я уже приводил ранее подобное определение, но почему бы нам не повторить его ещё раз.

Чёрная магия есть попытка установить контроль над волей или астральной природой, или разумом других людей при помощи средств, отличных от нормального физического либо правомерного ментального воздействия в виде устной или письменной речи, будь то использование естественных или искусственных элементаров, или же собственная ментальная или элементарная природа человека.

Чёрная магия может быть использована для достижения осознанного воздействия, или — *чёрная магия* может быть использована для осознанного причинения вреда; её приверженцы зачастую используют *субстанцию тела своей жертвы* для установления симпатического контроля над её астральной и эфирной природой.

Тем, кто считает шутки с подобными вещами остроумной и веселой забавой, я хочу сказать следующее: опасайтесь тех мужчин и тех женщин, которые стремятся с помощью *нормальных или аномальных средств* завладеть жизненно важными флюидами вашего тела, особенно

кровью.

Я не стану вдаваться в детали. Скажу лишь, что тем, кто прислушается к моим предостережениям, нет нужды меня благодарить; а те, кто пропустит их мимо ушей, пусть потом пеняют сами на себя.

Лично мне не доставляет никакого удовольствия вставать потом между силами зла и их жертвами. Поступая таким образом, я принимаю на себя всю ярость этих сил, с которыми потом борюсь по мере возможностей.

Но, пусть будет так! Я достаточно компетентен, чтобы иметь с ними дело. Я хочу лишь предупредить каждого, кто попытается уничтожить мною сделанное или причинить вред тем, кто самоотверженно и с беззаветным мужеством помогает мне в моих попытках защитить свою собственную страну от дьявольских сил, уже захлестнувших Европу, — я хочу предупредить каждого заинтересованного в этом злого колдуна, что если он встанет у меня на пути, то пострадает от этого он сам, а не я.

Тот охранный круг, который я и стоящие за мною Учителя очертили вокруг наших помощников, силы зла могут пересечь только с большим риском для носителя этих сил.

Для этого нет нужды использовать чёрную магию. Мы никогда не пользуемся ею. Но мы знаем, как можно отвлечь вредоносный поток от намеченной им жертвы и с сокрушительной силой обрушить его на самого же пославшего.

И ещё я хочу предупредить тех, кто в силу своего невежества или безответственности позволяет, чтобы дьявол использовал их как своё послушное орудие, с помощью которого он мог бы таскать для себя каштаны из огня, — вас обожжёт огонь, а раскалённые дьявольские каштаны пристанут к вашим пальцам.

Но эта тема неприятна даже мне самому, и я с удовольствием её оставлю.

Я хотел бы, чтобы меня слышали те, кто плохо разбирается в этих вещах, а таковых — большинство, даже среди тех, кто «изучал психизм».

Многие безвинные (или наполовину безвинные) души доходили до грани безумства под давлением дурных мыслей тех, кто волевым усилием направлял на них этот ментальный поток.

Таковым я могу посоветовать не ослаблять себя да лее страхами, но укреплять свои силы молитвой.

Я уже говорил, что в каждом из вас есть бог и есть дьявол. Обратитесь к богу, и он защитит вас от дьявола. Если бы внутри вас не сидел собственный дьявол, то и дьяволы других людей не могли бы причинить вам никакого вреда. Помните об этом.

Заставьте вашего дьявола служить вашему богу.

Если вы хотите использовать знаки и символы, то размышляйте во время медитаций о кресте Христа. Крест Христа — достаточно глубокий символ, чтобы медитировать над ним всю жизнь.

Не пользуйтесь *чёрной магией* для самозащиты от той же *чёрной магии*. Просите собственного бога, чтобы он направил зло назад, к его источнику.

Перед сном обезопасьте себя молитвой, обратитесь к своему богу с просьбой о защите. Иногда злые силы, будучи не в состоянии добраться до вас, пока вы бодрствуете, делают это, когда вы спите. Детская молитва: — «Пока я буду этой ночью сладко спать, прошу я Бога мою душу охранять» — сильнее заклинаний колдуна.

Ребячество — говорите вы? Да, но я пишу сейчас для тех, кто ещё ребёнок во всех этих вопросах, будь им семь лет или семьдесят.

Из всех стран на Земле Америка менее всего осведомлена об опасностях *чёрной магии*. Так что оставайтесь детьми до тех пор, пока не приобретёте приличествующее взрослым знание этих материй.

«Я — вне опасности, потому что хорошо во всём этом разбираюсь», — зачастую самодовольно повторяют те, кто уже почти попался в сети злых сил. Поистине, недостаток знания — величайшая из опасностей.

Если вам нужна дополнительная защита, дети мои, то постарайтесь сдерживать свои собственные дурные эмоции и недружелюбные страсти, берегитесь зависти и излишне критического отношения к другим. Дьяволы приносят волны гнева и возмущения.

Остерегайтесь искушений и помните, что *юные души искушаются через свои недостатки, а души более великие — через свои добродетели.*

Пусть не обманывают вас слова о том, что зла не существует. Зло существует, пока существует добро.

Лишь очень немногие из вас могут сказать о себе, что они уже стали «выше добра и зла», большинство же даже не имеет представления о том, что это такое. Но слова эти — могучее искушение для тщеславных душ.

Когда вы действительно станете выше добра и зла, вы уже не будете злословить о своих соседях, не будете завидовать их обаянию или их состоянию, не будете стараться использовать их в своих собственных целях, не будете бояться, что какой-нибудь злой человек причинит вам вред, не будете пытаться выдать свои недостатки за достоинства и не станете обманывать самих себя относительно мотивов ваших действий.

Проверьте себя, дети мои. Поищите в себе недостатки. И если не найдёте ни одного, то повесьте свою арфу на ближайшее дерево — ваш прогресс уже закончен.

Человек совершенствуется, когда признаёт свои недостатки, борется с ними и преодолевает их. И если вы — само совершенство, то этот мир — неподходящее место для вас.

Поистине, «выше добра и зла»!

Не судите, да не судимы будете. Но не пытайтесь заигрывать с дьяволом, чтобы доказать, что и его вы тоже не судите.

Да, все люди — ваши братья, даже очень плохие люди. Но вам следует заниматься *прежде всего* своими собственными недостатками, а об остальном пускай позаботится Бог.

Это касается, главным образом, вас, дорогие дети мира, ибо для меня — всё гораздо проще в моём убежище, где я вознесен над вашими страстями.

28 июля 1915 г.

Этим письмом я заканчиваю вторую книгу, дабы её содержание скорее смогло стать достоянием тех, кто хочет с ним ознакомиться.

Об астральных событиях этой войны можно написать целые тома, причём без риска исчерпать эту тему. То, что смог дать вам я, это лишь небольшой обзор — несколько событий, кое-какие размышления.

Но вот что вам, пожалуй, непременно следует усвоить — что рядом с полями сражений всегда есть ангелы и дьяволы.

Что те, кто наблюдает за войной сверху, видят и причины и следствия и, исходя из этих причин, могут строить убедительные прогнозы, основываясь на информации гораздо более полной, чем та, которой обладают жители Земли. Что война, как и всё прочее, подчинена Закону ритма. А потому — не отчаивайтесь, когда ситуация становится тяжёлой для той стороны, которую вы называете своей. А когда ваша сторона начинает двигаться вперёд слишком быстро, вам следует ожидать яростного противодействия, как во время отступления из пригородов Парижа.

Что хотя зло и должно существовать, пока существует добро, хотя зло — это всего лишь противоположный полюс магнита, всё же обязанностью тех, кто желает идти Светлым Путём, является постоянная борьба за справедливость. Но это вовсе не отказ от заповеди Христа: «Не противься злему». Парадокс, говорите вы? Но в парадоксах заключена великая мудрость, конечно же, для тех, кто нашёл ключ к ней. Существование зла делает добро ещё сильнее. Как сказали бы индусы, это — Кали-Юга^[46].

Что эта война являет собой попытку персонифицированных сил зла уничтожить человечество. Предыдущая попытка была предпринята опять-таки в Европе перед так называемыми Тёмными Веками Средневековья, но наступивший Ренессанс восстановил равновесие.

Что каждый человек имеет в себе как принцип Христа, так и демонический принцип; что воля — свободна, и что человек сам волен выбирать между двумя этими принципами.

Что новые расы рождаются в войнах и революциях. Имеющий уши да услышит.

Что я, хотя мой кругозор и шире вашего, тоже не могу знать всего. Я делаю выводы на основе предпосылок — так же, как и вы. Я вывожу предположительные следствия из известных мне причин, но внезапное вторжение непредсказуемой воли может создать новые причины, и тогда мне приходится рассчитывать всё с самого начала. Мои предсказания не есть результат божественного всеведения. Я просто могу видеть дальше вашего, вот и все. А моя логика при этом может быть ничуть не сильнее, чем у вас. К примеру, когда мы отразили нападение сил зла в первые месяцы войны, я совершенно упустил из виду Закон ритма, который неизбежно должен был позволить им повторить своё нападение после того, как они вновь восстановили бы свои силы. Даже дьяволы способны вырабатывать свою собственную энергию. Да, они тоже являются Силовыми Единицами, и именно так их и следует рассматривать. В другой раз я не повторю подобной ошибки.

Мой Учитель, который стоит сейчас рядом со мной, настаивает на том, чтобы я сказал, что даже Учителя не могут знать всё. Как мой кругозор намного шире вашего, так и Их кругозор намного шире моего; но то, что происходит на самых отдалённых звёздах, и Они могут видеть не

всегда. Они призывают вас стать такими же, как Они, но Они понимают, что вас сдерживает Закон ритма, и что через каждые два шага, которые вы делаете по направлению к Ним, вас неизбежно отбрасывает, по крайней мере, на один шаг назад. Тем, что вы не откатываетесь назад на те же самые два шага, вы обязаны своей свободной воле и ещё более великому ритму, приливной волне, которая сейчас несёт вперёд всё человечество. Каждое ваше достижение — это маленький всплеск на поверхности большой волны, которую вы далеко не всегда можете разглядеть.

Вы просили меня подробнее рассказать об Учителе, но мой Учитель предпочитает остаться в тени. Однако я могу поведать тебе, о мир, что у моего Учителя всё ещё есть физическое тело, и он ходит по земле, как обычный человек. Он может действовать как в Материальном, так и в Астральном Мире, а также в более высоких Мирах, находящихся над ними, и цели Его жизни находятся за пределами вашего понимания. Он — слуга Закона, и счастье Его в том, чтобы действовать в соответствии с Законом. И напротив. Чёрные Учителя (а таковые тоже существуют) *противодействуют* Закону. Я рассказывал вам о своём разговоре с одним из них и дал вам некоторое представление об используемых ими методах.

Если вы сильны, вам не нужно бояться Чёрных Учителей. Вы можете даже встретиться с ними без риска для себя, как и я. Меня они боятся на много больше, чем я их. Я не сворачиваю со своей дороги, если вижу, что мне навстречу идёт один из них. Я нахожу их весьма занимательными, хотя и осознаю трагизм выпавшего им жребия. Они выполняют ужасную миссию, которую, однако же, должен кто-то выполнять, и потому их страдания безмерны. Они — заблудшие братья Светлых Учителей. Поначалу они учились в одной и той же школе, но наступил великий «момент выбора», и злые *оторвались* от своих истоков. Светлые Учителя не стараются уничтожить их, потому что знают, что рано или поздно они сами себя уничтожат. Стоит ли тратить силы на то, чтобы торопить закат?

Не позволяйте, чтобы Чёрные Учителя и их прислужники сбили вас с пути, избегайте их по мере возможности, пока не станете сильнее, чем они сами. А когда вы станете сильнее, вам уже не придётся бояться.

Когда они не могут повлиять на вас непосредственно, они стараются сделать это через тех, *кого вы любите*. Не теряйте самообладания. Вы — не сторож брату своему. Если ваш брат предпочитает дьявола, пусть он в полной мере получит удовольствие от своего выбора. Воля — свободна.

Засвидетельствуйте об истине, которая пребывает внутри вас самих, но не пытайтесь оборвать вой псов, призывающих ведьм на шабаш.

Войдите в Священный Храм и затворите за собой дверь, а затем призовите ангелов. Собачий вой и лай не могут заглушить музыку ангельских голосов.

Оставайтесь спокойными и помните, что Бог — это Бог.

После всех испытаний приближается великий день для Америки. Солнце поднимется над громадой облаков, но свежесть рассвета принесёт с собой великие труды во имя Новой Расы и во имя *братства* рас. По всей Америке начнут возникать движения за обучение и совершенствование человечества. Окажите им помощь, ибо при этом вы будете действовать в соответствии с Законом. Так вы выучите свой первый урок в школе Светлых Учителей, пароль для которых — СЛУЖЕНИЕ.

Хотя на этот раз я не ухожу слишком далеко, всё же я оставляю тебе своё благословение, о мир, ради которого я трудился и страдал — гораздо больше, чем ты за этот трудный последний год.

А ещё я хочу поблагодарить тебя, мир, за тот огромный интерес, который ты проявил к моей предыдущей книге — «Письма Живого Усопшего». Да, я всё ещё жив, и даже в большей

степени, чем тогда, когда писал вам свои первые письма. Постепенно моя жизнь приобретает такую интенсивность, какой я и вообразить себе не мог в то время, когда жил на Земле как человек среди людей.

В этих «Письмах о войне» из иного мира я попытался дать вам некоторое представление о той интенсивной жизни, которую я веду сейчас, после возвращения из путешествия среди звёзд. Я намеревался рассказать вам об этом путешествии сразу же по возвращении, но в этом случае моя история оказалась бы не столь злободневной и поучительной, как это повествование о войне в Астральном Мире. Потому что Астральный Мир намного ближе к вам, чем отдалённые звёзды, и прежде чем научиться читать романы, вам следует сначала освоить азбуку.

Я — всего лишь скромный слуга Закона, ученик в школе Тех, Кто намного мудрее меня. Но чтобы приобрести, я должен сначала отдать. Чтобы чему-то научиться, я должен научить. Чтобы самому двигаться вперёд, я должен подталкивать вперёд и вас.

Мне показалось, что в данный момент мир более всего нуждается в знании разгадок некоторых тайн, кроющихся за этой войной. Я был невидимым солдатом этой войны, на которой получил немало ран. Были у меня и бессонные ночи и полные трудов дни, но они дали мне силу, которую я иначе не смог бы приобрести. Теперь я сильный, потому что я служил.

Послужите и вы, и награда найдёт вас в положенное время!

А теперь я собираюсь немного отдохнуть, потому что вскоре мне предстоит ещё одно поручение, которое я должен исполнить.

Но я буду недалеко.

«X.»

Письмо 1

Дух Америки

3 февраля 1917 г.

Я хочу написать об Америке — стране моего предыдущего и будущего рождения.

Величественна дорога, по которой следует Дух Америки, и первые этапы этого пути уже пройдены им.

Дух Америки!

За каждой страной наблюдает её собственный Дух, наставляя и вразумляя её детей.

Попробуйте почувствовать, как Дух Америки бродит один в ночи среди лесов — попробуйте увидеть, услышать и вызвать его. Возможно, вы получите ответ: вы признаете его, а он признает вас.

Если вы — одна из тех, кто способен слышать слова, произносимые Великими в тишине, то вашей душе, возможно, удастся что-нибудь услышать. И если это вам удастся, не спешите сообщать миру об услышанном, но сохраните всё в своём сердце, поскольку то, что хранится в сердце, могут иногда почувствовать и понять другие сердца.

Если вы из тех, кто стремится к служению, тайна вашего сердца будет услышана в тишине Теми, Кто способен слышать в тишине.

Приближается час, когда миссия этой страны получит возможность проявиться. Приближается час, когда Дух этой страны объявит ей свою волю. Но это будет непросто. Слишком многие силы пытаются вырвать поводья из сжимающей их руки, слишком много глаз глядят в разные стороны, и каждая пара глаз видит свою собственную цель. Но есть и воля настолько сильная, что когда придёт её час, она соберёт воедино отдельные воли других людей и поведёт их в одном направлении, подобно сильному ветру, увлекающему за собой соломинки.

Вы не знаете возможностей воли, за которой стоит Бог. Вы не знаете величия той цели, за которой стоит Бог и перед которой лежит будущее. Те, кто встанет на пути Духа этой страны, будут сметены, подобно соломинкам, пытающимся противостоять ветру.

Из своего невидимого мира я могу видеть деяния многих. И моя вера незримо укрепила уже многие сердца. И теперь я так же незримо буду ждать, когда свершится predetermined судьбой.

И я прошу вас — ту, которая следовала за мной с самых первых шагов, сделанных мною в сумерках моей новой жизни, ещё до того, как пришло прозрение; ту, которая сопровождала меня в моих странствиях по полям сражений — как в вашем мире, так и над ним, — проследовать за мной ещё немного; и пусть ваш разум не задумывается над теми истинами и над теми советами, которые я хочу передать вам. Потому что мои советы — беспристрастны, как дождь, а истины, которые я вам хочу передать, — свободны, как свет.

Я проделал уже очень большой путь с тех пор, как оставил своё тело несколько лет назад — несколько лет, промелькнувших как один миг, несколько лет, пролетевших для мира так же быстро, как и для меня, но не столь безболезненно, как для меня. Поскольку тот, кто знает, из-за чего и ради чего он испытывает боль, переносит её легче, чем переносит ребёнок, который знает только то, что он страдает.

Я бы написал вам и раньше, но вы не желали меня слушать. Дитя! Неужели вы позволите, чтобы ваше продвижение было остановлено на полпути по вине ваших желаний или нежеланий (которые также являются желаниями, но только с противоположным знаком)?

Наткнувшись на стремление вашей воли избежать продолжения начатого вами труда, я

попытался найти другой путь, но и он оказался слишком захламлѣнным предрассудками, предубеждениями и прочим мусором в виде осколков мыслей, накопленных за годы проживания в мире безверия. Вы, жившая хоть и недолго, но во многих домах, позволяете входить к вам беспрепятственно; и единственное, что может создать препятствия на пути — это ваша воля, но и это препятствие я сейчас отмечаю.

Я буду входить и выходить, и говорить, когда мне вздумается.

Письмо 2

Не бойтесь

8 февраля 1917 г.

Не говорил ли я вам много месяцев назад, что душа Авраама Линкольна всё ещё следит за той страной, которой он отдал свою жизнь, чтобы спасти её от распада, и не оставит её до тех пор, пока она не пройдёт через ещё одно великое испытание? Вы спросили тогда, что это будет за испытание. Вы спрашиваете об этом и сейчас?

И всё-таки, вы не знаете.

Но месяцы постепенно проходили один за другим, становясь достоянием прошлого. Когда весной 1915 года вам было видение германского императора, стоящего в своём шипастом шлеме против Дяди Сэма, который был, как обычно, в рубахе без пиджака, разве вы ни о чём не догадались? Вы достаточно мудры для того, чтобы сделать выводы из таких видений.

Даже не надейтесь, что эта война закончится, не принеся изменений, доселе невиданных в мире по своим масштабам. Когда почти два года назад я говорил вам, что война между силами добра и зла уже закончилась в невидимых мирах победой первых, я узнал об этом от своего Учителя; однако не думайте, что начало нового века не принесёт с собой потрясения и изменения — более грандиозные, чем вы можете себе представить. Изменение — это рождение, а рождение всегда мучительно, и сопутствуют ему кровь и изнеможение. Все труды, которые были раньше, — это всего лишь труды зачатия.

Звёзды на своём небесном пути сражаются на стороне Новой Расы.

Я уже писал о кровавых полях в Европе. Теперь я напишу об Америке, о её будущем — близком и далёком, потому что солнце уже приближается к восточному горизонту и предрассветные облака уже окрашены лучами приближающейся зари.

Америка, не отчаивайся! Твоя судьба уже не вызывает сомнений. Во время грядущих бурь думай о свежести, которая наступает после грозы, когда земля источает медвяный аромат и поют птицы. Ведь эти птицы будут петь уже для детей нового века.

В промежутке между переменами наступает пора затишья. И мир скажет: «Всё закончилось, теперь всё вернётся, всё будет, как прежде». Но точно так, как было раньше, уже не будет. Во время затишья вы переведёте дыхание и приготовитесь к новым переменам. Да, многое изменится, включая и сердца людей.

Мир узнал, что такое ужас. Без этого опыта, без той уравновешенности, которую даёт бесстрашное противостояние ужасу, мир не смог бы выдержать испытания, которые готовит ему будущее. Есть ли теперь, после тридцати месяцев войны что-либо, что могло бы удивить мир? Есть ли ещё что-либо такое, чего мир не смог бы выдержать?

Но помните, что вы — бессмертны и что каждому уходящему из жизни предстоит вернуться назад, восстановив свои силы отдыхом в Невидимом Мире! Потому что перемена места даёт отдых сознанию. Человеку, у которого истощена нервная система, мудрый доктор предписывает перемены. А отдых в невидимых мирах восстанавливает силы намного лучше, чем проведённое в горах лето. Не бойтесь смерти. Я прошёл через смерть и чувствую себя сейчас ещё более отдохнувшим, чем когда я пробуждался по утрам, будучи ещё в самом расцвете своих сил. Я уже не вернусь в своё старое тело. Когда тело вновь понадобится мне, я создам себе новое. Как это делается — я знаю, ведь мне уже много раз приходилось создавать его раньше.

Радуйтесь вместе со мной. Один мудрец сказал однажды, что только нестерпимое является трагическим. Этот мир и населяющие его души в состоянии вытерпеть грядущие перемены. А

если бы они не были заранее подготовлены к этому войной? Вот для того-то и нужны войны.

Америка богата. Её кладовые полны золота, её шахты наполнены рудой, её земли обещают богатые урожаи. Стоит ли ей бояться будущего, в котором труд сможет доставить всё необходимое для тела, а вера — всё, что необходимо для души? История этой страны — это история веры.

Что вело Колумба в его плавании по неизвестному океану, как не звезда его веры? И разве наши предки отправились вслед за ним не влекомые всё той же верой в будущее? Прошлое вернулось назад к Богу и сейчас пребывает в такой же безопасности, как каждый из умерших людей, но будущее вам ещё предстоит пережить, и ваша вера определит, каким оно будет.

Ничего не бойтесь. В прежние времена наши предки спали спокойно, хотя в лесах прятался краснокожий, а любой неурожай мог вызвать голод, и обогреть холодной зимой себя и своих детей можно было только переводя на дрова деревья. Теперь вы боитесь угольного голода? Но земля переполнена углём. Вы боитесь, что вам не хватит хлеба, а ваши мускулы тем временем обрастают жиром из-за недостатка активности. У тех, кто первым прибыл в эту страну, было множество причин для страха, но у вас-то их нет. Труд — прекрасен. Любой ребёнок, для которого труд — это его игры, может поручиться за истинность этого высказывания. Так почему бы вам не превратить свой труд в игру? Когда я был ребёнком, я возводил дома из кубиков. И мне это очень нравилось. Я копал канавки в саду. Я строил лодки из дощечек и пускал их в плавание по лужам. Я сажал деревца.

А учёба? В библиотеках всего мира и в умах людей сосредоточена мудрость столетий. И новый век не будет ощущать недостатка в письменных свидетельствах прошлых эпох. Хотя бумага не так долговечна, как пергамент, до нового века она доживёт. Не бойтесь.

Этими намёками я стараюсь дать вам понять, что перемен будет много. Каких же именно? Всякий прогресс предполагает изменение. Так что смело идите навстречу будущему — с улыбкой на лице и с песней на устах. Как сказал бы ваш странствующий Ангел, будущее придёт с розой в петлице.

Письмо 3

Обещание весны

17 февраля 1917 г.

Когда вы научитесь думать о жизни как о едином целом, частью которого вы являетесь, обладая в то же время потенциальными возможностями целого, вы с радостью будете смотреть на эти великие изменения. Единое должно иногда приносить себя в жертву самому себе, чтобы, уничтожая себя, открывать дорогу новой жизни. Целое — назовём ли его расой, или земным духом, или как угодно ещё — в процессе своего роста может стать слишком грузным и ленивым, так же как человек может со временем растолстеть настолько, что уже не сможет передвигаться с прежней лёгкостью, и тогда война, начинающаяся между его органами, или лихорадка, или пост, или какое-нибудь лекарство восстанавливают нарушенное равновесие, и человек как бы обновляется и вновь возвращает себе способность противостоять всем испытаниям, которые готовит ему будущее.

На первый взгляд — печально, не правда ли? Но кто вам сказал, что жизнь всегда должна вам улыбаться? И в глубинах земли и в глубине человека содержатся тёмные субстанции.

Зимний холод — суровое испытание для тех, кто незащищён перед стихиями, но зима — это время отлива в постоянно изменяющемся море жизни, вслед за которым наступает прилив — лето. Ритм. Ритм — везде.

Говоря о зимнем периоде расы, я вовсе не старался внушить вам пессимизм, так как вслед за ним наступит весна и вновь расцветут розы. Мартовские ветры! Вслед за ними приходят апрельские дожди и майские первоцветы. А сейчас на дворе февраль.

Когда небо затянуто тучами, а за окном падает снег, мы собираемся у камелька и думаем о будущем, когда снова расцветут цветы, земля покроется зелёной травой, а на деревьях снова будут петь птицы. В марте, когда начнут дуть ветры, солнце опять «пересечёт черту» и войдёт в знак Овна. Великий даритель света — Солнце вновь пересекает Зодиак. Но разве вы дрожите от страха при приближении весеннего равноденствия?

У души тоже есть своя зима материализма и своя идеалистическая весна.

Я смотрю на мир со стороны и вижу — в нём нет причины для отчаяния. Я смотрю на душу изнутри и вижу — у неё есть много поводов для радости.

Вы уже ждёте с нетерпением скорого окончания войны, но душа должна продолжать сражаться на всём протяжении своего пути. До тех пор, пока душа будет заключена в материальную оболочку, её войны никогда не кончатся, так как самые великие битвы душа ведёт сама с собой. Я вам уже говорил об этом раньше. Иногда её крестовый поход направлен во внешний мир, иногда — во внутренний, но мечам никогда не приходится ржаветь в ножнах.

Меньше думайте о себе, но больше — о расе. Слишком увлекаясь деталями, вы забываете о целом; то же самое бывает, когда вы слишком увлекаетесь собою — ведь вы тоже только часть целого. Думайте о себе как обо всей расе, и обо всей расе как о себе самой; и тогда вы станете расой, а раса станет вами: «Вселенная вырастет до размеров Я».

Жил однажды Бог — настолько великий, что клетки его тела сами были малыми богами. Вы тоже можете стать настолько великой, что клетки вашего тела будут счастливы принести себя в жертву во имя вашего блага. Отвергая свою волю к жизни, вы можете обрести бессмертие. Отвергая свою волю к радости, вы можете эту радость обрести.

Когда-то я хотел быть великим человеком. Теперь, стоит мне лишь подумать о том, что человек должен стать великим, как я сам становлюсь выше ростом.

Когда-то я хотел, чтобы меня любили; но теперь, когда я сам люблю просто ради любви, но не ради себя, я пользуюсь любовью многих. Слова Учителя и в самом деле оказались пророческими — я обрёл жизнь, потеряв её.

Я слежу теперь за миром, как раньше следил за своим садом. Я вижу, как пробиваются ростки, и знаю, что семена уже брошены в землю. Я посеял семена в сердцах людей и знаю, что все они прорастут и будут тянуться к солнцу, потому что я верю в весну.

На время я оставил Европу и вернулся в страну, которую люблю больше всех остальных. Я путешествовал из штата в штат, наблюдая за тем, что же творится в душах наших законодателей. Они тоже чувствуют, что являются орудием Силы. Они чувствуют ответственность, которую налагают на них занимаемые ими посты; они ощущают себя частью великого целого, имя которому — Америка. И наш Флаг — символ их посвящения.

Я странствовал по лесам, где духи Земли собираются на свои конгрессы, о которых не пишут в газетах. Они тоже осознают своё предназначение. Они укрепляют вас своей верой. Когда я жил в Америке в образе человека, я не знал Америки. Нужно долго путешествовать, чтобы понять, что такое дом.

Сейчас я полностью проникся духом единства. И вы не должны позволять, чтобы страх перед отдельными частностями отнимал у вас силу. Америка — это единое целое, и действовать она должна тоже как единое целое. Задача нынешнего дня — слить воедино множество рас. Не позволяйте, чтобы в ваши сердца проникал дух раскола.

Я вижу великого Вождя, который появится в этой стране. Его миссией будет объединение рас. Он будет и учителем, и пророком.

Письмо 4

Золотая диета

10 марта 1917 г.

Те же самые тенденции, что способствуют сейчас развалу этой страны, будут впоследствии содействовать её сплочению. И многие тогда сойдутся в Едином. Идея единства всего народа заслуживает того, чтобы на неё обратили внимание, и даже того, чтобы ради неё терпимее относились к темпераментам чужих рас. Те, кто уже готов отделиться от своей старой расы и примкнуть к новой, чувствуют сейчас напряжение, всегда сопутствующее переменам. Это раздражает их, и, несмотря на то, что их воля требует, чтобы они создали для себя новые узы, всё их существо восстаёт против этого.

Но немногие из «недавних американцев» («американцев иностранного происхождения») действительно хотели бы вернуться обратно.

Америка — наиболее интересная из всех стран, и мы — те, кто смотрит на неё с той стороны невидимой границы, — видим её историческую перспективу. И ближе всех к нам стоит в нашем поле зрения фигура вашего нынешнего Президента. Он очень прозорлив. Он уже предчувствует, какие новые горизонты откроются ему, когда он закончит свои земные труды.

В данный момент — в марте месяце одна тысяча девятьсот семнадцатого года от рождества Господа нашего — наша страна страдает от «несварения» золота. Вы проглотили больше золота, чем в состоянии переварить, и тело страны теперь отягощено им. Для восстановления равновесия необходимо часть золота выплюнуть обратно — через войну или как-нибудь ещё, но только не через общее болезненное состояние, которое может создать иллюзию того, что нация уже умирает.

Пусть вас не удивляют мои речевые обороты. Я просто хочу передать вашему сознанию факты и обстоятельства такими, как они есть.

Вы не можете питаться золотом. «Золото есть эквивалент обмена». Если просто накапливать его, оно теряет свою связь с жизнью. Скупая нация являет собой картину ещё более печальную, чем скупой человек с его завидующими глазами и загребущими руками. Он — скряга — полагает, что, накапливая золото, может уберечь себя от всех возможных опасностей. А скупая нация полагает, что, накапливая золото, избавит себя от всех финансовых затруднений, грозящих миру по окончании этой войны.

Но скряга — когда его скупость общеизвестна — подвергает себя опасности быть ограбленным и убитым. А скупая страна подвергает себя опасности нападения и ограбления со стороны других государств.

Вы, американцы, хотели бы быть милосердными к сирым и голодным ныне европейцам, но это ваше милосердие пока ещё никак не отразилось на плотности обедов стомиллионногоголоваго существа, имя которому — Америка.

Меня совершенно не беспокоит, что вы будете делать с вашим золотом. Но меня беспокоит то, что вы будете делать со своей пищей. Вы не алхимики и не можете превращать золото в продукты. Вы — люди, и вашим желудкам требуется более деликатная пища. Даже курица не пожелает для вас нестись, пока вы её должным образом не накормите. Правда, если она начнёт выражать недовольство, вы можете наказать её за это, сварив из неё суп. Но сколько бы вы потом не дергали за её «косточку желания» — это всё равно не воскресит её. Уж лучше поддержать её работоспособность, подбрасывая ей время от времени немного зерна, и тогда у вас будут и яйца к завтраку, и новые цыплята. Временами курицу одолевают приступы лени, и

ей хочется просто неподвижно сидеть, но подложите под неё несколько её же собственных яиц — и результаты не заставят себя ждать слишком долго. Как-нибудь я расскажу вам и о других, не менее практичных способах обеспечивать себе полноценные завтраки.

Письмо 5

Оплата труда — сдельная

10 марта 1917 г.

Сегодня я узнал, что один состоятельный человек (вероятно, ничего не слышавший о верблюде и игольном ушке), предположив, что эти письма от Живого Усопшего приносят вам какую-то прибыль и вообще являются «доходным делом», всерьёз размышлял о том, чтобы оказать финансовую поддержку какому-нибудь медиуму, готовому объявить, что ему удалось установить контакт со мной и что я будто бы лично сказал ему при этом, что ко всем написанным через вас книгам я на самом деле не имею никакого отношения; этот состоятельный человек решил сам стать спонсором медиума, который согласился бы написать несколько книг определённого содержания, объявив их при этом единственно подлинным «моим» посланием миру.

Мне тоже смешно. Я-то сразу представил себе, как вы делаете «выгодные» капиталовложения в ценные бумаги иного мира, а потом гордо поднимаетесь на борт какого-нибудь эфирохода, сопровождаемая завистливыми взглядами тех, кто не смог заплатить за проезд.

Могу также сказать вам, что эта страна, да и некоторые другие уже кишат моими «посланиями» самого разного свойства. Для того чтобы написать их все, мне пришлось бы иметь столько рук, сколько ног у сороконожки. А по стилю и содержанию этих посланий и по имеющимся в них противоречиям можно заключить, что и сознаний у меня столько, сколько глаз у Индры.

Даже элементарлы (двигающие стрелку по доске во время спиритических сеансов) не противоречат себе так часто, как противоречу себе я сам, благодаря своим «секретарям», пишущим якобы под мою диктовку. Похоже, мне уже пора обзаводиться собственной торговой маркой.

После нескольких серьёзных писем, написанных накануне, я решил немного развлечься, сочинив вот это письмо.

Если вы и его захотите включить в книгу, то, пожалуйста, озаглавьте его так: «Оплата труда — сдельная».

Письмо 6

Три призыва

11 марта 1917 г.

Я нахожусь вне этого мира и потому могу видеть то, что происходит внутри людских сердец. Теперь я вижу несравненно больше, чем тогда, когда я был человеком, одним из них. Если бы я мог тогда видеть глубины собственного сердца так же хорошо, как вижу сейчас их сердца, я смог бы увидеть в нём отражения сердец моих ближних — ведь мы отличаемся один от другого не более, чем отличаются одно от другого два насекомых. Хотя и между насекомыми тоже есть различия.

Люди, я читаю в ваших сердцах! И что я там вижу? — Высокие идеалы и явное притворство, эгоизм и бескорыстие, голод и пресыщение.

Так к чему же мне обращаться со своими советами: к вашим идеалам, к вашему эгоизму или к вашему голоду? Эти три противоположности никогда не позволят вам делать то, к чему я вас призываю.

Письмо 7

Строители

22 марта 1917 г.

Я обещал дать вам совет относительно того, как Америке можно восстановить равновесие. Направьте свой излишек золота на восстановление разрушенной Европы. Дайте ей кредиты и дайте пищу. Те, кто работает в поле, — отдайте Европе часть своих продуктов. Те, кто строит, — приложите свои руки там, где они будут нужны. Те, кто не чувствует себя здесь спокойно, — вернитесь в Европу, где вы родились на свет. Сделав это, вы обретёте новые интересы и новые взгляды. А новые интересы и новые взгляды — это новая жизнь. Не бойтесь идти на жертвы. Говоря это, я имею в виду две цели: воздействие на внешний мир и воздействие на самого себя.

Работать на идеал иногда бывает даже практичнее, чем работать на так называемую реальность.

Мои слова о восстановлении Европы вы можете воспринимать либо как практический совет, либо как совет идеалистический — в зависимости от вашей точки зрения. Он идеален, потому что Европа действительно нуждается в восстановлении, но в то же время и практичен, поскольку именно сейчас Америке необходимо направить свои мысли на что-то внешнее. Этот совет мы обычно даём тем индивидуумам, которые чересчур сосредоточены на самих себе. Сейчас кругом царит такая неудовлетворенность и неопределённость, что Дух расы, заботящийся о благе всей расы в целом, может использовать всё, что способно привлечь к себе внимание широких масс людей и заставить их позабыть о себе.

Дайте в долг свои деньги Европе и не требуйте никаких ростовщических процентов. Хотя какой-то процент все-таки можно взять, поскольку деньги обладают способностью к накоплению и всякий трудящийся достоин награды, даже если это — трудящееся золото.

Пусть это будут милосердные кредиты под низкие проценты, способные ослабить ужасное налоговое бремя, свалившееся сейчас на плечи европейцев и умножающее их недовольство и уныние.

Пусть многие из вас посетят Европу, чтобы увидеть своими глазами, что может сделать со страной война, что она могла бы сделать и с вашей страной, если бы вы опрометчиво сделали себя мишенью для чужаков, желающих силой отобрать у вас то, что вы так умело накопили.

Поезжайте туда, и вы увидите собственными глазами и сами ясно почувствуете дух самопожертвования и преданности своей нации, ободрявший европейцев в течение всей этой долгой войны. Они смогли вновь обрести свои души, вам же это пока ещё не удалось.

В этой стране есть много инженеров, чей труд сейчас более необходим в Европе, чем у себя дома. Здесь есть специалисты во всех областях науки, и там они теперь нужнее, чем здесь. Специалистов у нас предостаточно. Мы вполне можем позволить себе поделиться ими.

Стройте корабли. Побольше кораблей. Займите людей делом. Поставьте перед ними цель. Не позволяйте им пребывать в праздности. Бездействующий мозг — мастерская дьявола. Если нет работы — найдите её. Всегда найдётся, чем можно заняться. Стройте корабли.

Теперь относительно управления железными дорогами и прочими коммунальными услугами. Грядущий государственный контроль над ними был возведён уже тогда, когда возникла угроза забастовки — настолько мощной, что, будь эта угроза реализована, всей стране снова пришлось бы ходить пешком. Таким образом, все общественные предприятия, остановка которых угрожала бы жизни всей страны и всех людей, должны быть поставлены под контроль государства. Это не социализм и никакой не иной «изм». Так что те, кто всё ещё обращает

внимание на эти глупости, не должны беспокоиться. Можно найти способ, который не вызовет у них недовольства.

Думайте о благе целого, ведь вы — его части и не сможете процветать, если целое будет бедствовать. Это не ханжество. Это что-то вроде биологии расы. Глядя на вас, я вижу вас огромным единым существом и обращаюсь к вам как к существу, расовому организму, а не как к отдельным индивидам. Все клетки расового организма должны работать слаженно. Считайте расу единицей сознания. Присоедините себя к единому сознанию расы. Оставайтесь индивидуальностями, пожалуйста, но будьте индивидуальными частями целого. Установите равновесие в отношениях с другими индивидуумами — позитивными и негативными.

Поставьте себе целью восстановление Европы. Предоставьте возможность множеству неудовлетворённых тружеников отправиться работать в Европу. Вы можете сказать, что после демобилизации у Европы будет достаточно рабочих рук, но слишком много их всё равно не будет. А сделав это, вы убьёте сразу двух зайцев: и работа будет сделана быстрее, и на самих работников она произведёт благоприятный психологический эффект.

Мне хотелось бы методом внушения передать вам представление о том, в каком состоянии пребывает сейчас моё сознание. Мне хотелось бы, чтобы вы воочию убедились в том, что разделение — это смерть, а единение — жизнь.

Я говорил о государственном контроле над железными дорогами, но это только начало. Государственный контроль должен быть установлен даже над распределением продуктов. Начните постепенно, с отдельных вещей. Весь мир будет развиваться в этом направлении — такова его судьба. И колёса этой колесницы невозможно остановить.

Служите, если надеетесь выжить, — таким должен быть ваш лозунг. Вы не сможете выжить, если не посвятите себя служению, — все вы. Самая лучшая клетка — та, что служит организму расы. Такою мне представляетесь и вы.

Буквально несколько слов о нервных заболеваниях. Да, это связано с тем, о чём я только что говорил. Когда война, наконец, закончится, напряжение, в котором люди жили все эти годы, резко ослабнет. Разум человеческий начнёт возвращаться в своё нормальное состояние, но процесс этот потребует времени. Он не сможет приспособиться к изменившимся условиям немедленно. Слишком долго мозг мужчин и женщин стимулировала необходимость согласованных действий, а это стимулятор такой же сильный, как, скажем, кофеин. И когда они вновь окажутся предоставленными самим себе, произойдёт резкое уменьшение нагрузки.

Или же, напротив, небывалый восторг подтолкнёт их к разного рода эксцессам. Вы видели когда-нибудь умалишённых, которые никогда не отдыхают, которые потеряли способность отдыхать? Они ходят туда-сюда, топают ногами, заламывают руки. Многие мужчины и женщины после войны будут похожи на них. Нет никаких сомнений в том, что будет наблюдаться избыток любвеобильного возбуждения, и лучшей панацеей от этого является работа. И опять-таки, после нескольких лет войны, когда, всякий раз, просыпаясь утром, люди не были уверены в том, что им удастся дожить до вечера, они могут сохранить свою привычку бояться. Сама мысль об отдыхе, расслаблении будет их пугать. И в результате они будут склонны обратиться к каким угодно источникам возбуждения, лишь бы те могли заменить им прежние стимулы, к которым они успели привыкнуть.

В этом заключается вторая причина, по которой я желал бы, чтобы американцы приняли непосредственное участие в восстановлении Европы. Не потому, что американский рабочий флегматичен, вовсе нет, но потому лишь, что американский рабочий ничего не боится (разве что, кроме потери работы и следующего за этим голода) и, следовательно, будет вселять уверенность и надежду во всех, кто его окружает. Американец любит ощущать себя лидером, и как ещё он может наилучшим образом реализовать эту свою потребность, если не воодушевляя

своих товарищей?

Вы не представляете себе, да и не можете представить, какая великая депрессия разразится сразу же после войны, хотя и на короткое время. Это будет передышка, освобождение. После войны полоса отлива сменяется периодом небывалой активности, но рассмотрим сначала эту полосу отлива.

Вы в Америке непременно её почувствуете. Вы уже свыклись с тем, что золото само плывёт к вашим берегам. И когда его поток начнёт сокращаться, вам придётся бороться со страхом, который будет вызван этим сокращением. Питательной средой для всеобщей паники, как и для индивидуального страха, является массовость.

Единство мира становится всё более ощутимым, и то, что влияет на одну его часть, влияет и на весь мир в целом.

После войны повсеместно наблюдается также и обострение психического восприятия. Хотя это и не плохо само по себе, однако тоже имеет свою опасную сторону. Повсюду начнут появляться пророки — истинные и самозванные, предлагая различные средства врачевания тела и души.

И потому я беру на себя смелость советовать всем, кто обнаружит в себе какие-либо психические способности, — подумайте дважды, прежде чем заявите об этом во всеуслышание. Это даёт о себе знать пробудившееся в вас новое чувство, но подобно тому, как обретение зрения на ранней стадии эволюции, безусловно, таило в себе не меньше опасностей, чем достоинств, так и пробуждение этого нового чувства на первых порах может оказаться опасным. Не пытайтесь ускорить развитие этого чувства, но и не старайтесь отделаться от него. Помните, что хотя со временем это чувство и должно стать совершенно привычным, поначалу оно, как и любое другое новое чувство, зачастую будет передавать вам искажённую картину. Оно будет вызывать как истинные восприятия, так и ложные. Если человек, впервые раскрыв глаза, увидит безобидное дерево, он может принять его за страшное чудовище.

Сдержанность во всем, умеренность во всем, даже в похвальном стремлении действовать. Взвешенность и соизмеримость. Прежде чем воспринять что-либо — убедитесь в правильности этого, проверьте его либо рассуждением, либо интуицией, раз уж вы не можете ждать практического подтверждения. Взвесьте и оцените даже мои собственные слова так же, как взвешивали бы вы слова самого дикого из нынешних предсказателей. Боритесь с истерией. Вполне возможно, что волна истерии прокатится по всему миру. Когда одна революция следует за другой, напуганные люди могут прийти к выводу, что во всей вселенной нет абсолютно ничего стабильного, что весь мир катится в пропасть и что они не в силах спастись от вселенского хаоса, который им мерещится. И тогда они, вполне возможно, начнут жить одним днём, стараясь выжать максимум удовольствий из текущего момента. Сдержанность, сдержанность!

Я вижу, что женщины боятся рожать детей из-за неуверенности в завтрашнем дне. Я вижу, что мужчины боятся жениться, потому что не уверены, что им удастся сохранить свой домашний очаг. Я вижу, что фермеры боятся сеять, потому что не уверены, что смогут потом собрать урожай. И вновь я повторяю вам — не бойтесь.

Если вы посеете, то непременно пожнёте. Если женитесь, то непременно построите свой дом. Если заведёте детей, раса защитит их, к тому же вы сами — часть этой расы.

Сдержанность и бесстрашие!

Письмо 8

Мир мысли

24 марта 1917 г.

Мне хотелось бы, чтобы здравомыслящие, разумные люди чаще проводили эксперименты с телепатическим общением. Мне известно, что этот феномен время от времени используют для произведения сумбурных, полусерьёзных трюков и не более; и потому неплохо было бы не только увеличить объём *осмысленной* литературы по этому вопросу (куда должны войти точные научные наблюдения и подробная проверенная информация), но и побудить самих экспериментаторов более серьёзно относиться к изучению и описанию паранормальных явлений.

Вы — та, которая пишет для меня, — и сами не прекращаете проводить и описывать различные эксперименты. Я могу сказать, что вы, пожалуй, даже чересчур осторожны в этом отношении, но подобное качество свойственно далеко не всем.

Попробуйте установить, каким образом достигается необходимая активность и пассивность тех, кто участвует в подобном эксперименте. И хотя вы сами достигали бы при этом гораздо лучших результатов, всё-таки свидетельство нескольких человек, участвовавших в этом эксперименте, будет звучать намного убедительнее, чем свидетельство одного. Однако вы поступаете правильно, отказываясь сотрудничать с неискренними и просто любопытствующими людьми, предлагающими вам свои услуги.

Самая большая трудность при работе с большинством людей заключается в том, что они *даже на время* не способны придать себе достаточную негативность. По окончании эксперимента они, разумеется, вернулись бы вновь в обычное позитивное состояние. Это возвращение от одного полюса к другому просто необходимо для поддержания физического здоровья и сбалансированности.

Однако следует помнить, что этот процесс имеет как положительные, так и отрицательные стороны, как, впрочем, и всё происходящее в мире процессы; и если вы почувствуете чьё-либо враждебное «присутствие», сразу же изгоните его и вернитесь в позитивное состояние. После любого такого вторжения нежелательного влияния вам не следует в течение нескольких часов вновь переходить в негативное состояние. Лучше прогуляйтесь или займитесь какой-нибудь сложной работой, или же почитайте книгу, восприятие которой требует умственного напряжения.

Вы живёте в океане разума и в то же время — в океане психики; они взаимопроницают друг друга и в то же время проницают физический мир; но при работе с ними (или через них) делайте всё возможное, чтобы они не смешивались друг с другом.

Я всё чаще действую в Ментальном Мире, и всё реже — в Астральном, но большинству моих читателей это заявление покажется непонятным. Между астральным и ментальным уровнями — разница даже большая, чем между астральным уровнем и физическим.

Не относитесь к Астральному Миру с пренебрежением. Его динамика имеет колоссальное значение. Но всё же старайтесь развивать в себе чисто ментальную природу, потому что астральная природа у каждого человека развита гораздо лучше ментальной.

В предыдущих своих письмах я уже кое-что говорил вам об опасностях Астрального Мира. Теперь я хочу поведать об опасностях Мира Ментального — ещё более очевидных.

Те, кто знает, что способны творить силой своего разума, должны развивать в себе чувство ответственности. Они чересчур безрассудно пользуются этой своей способностью. Помните,

что, перемещаясь вверх с одного уровня на другой, вы попадаете во всё более тонкие сферы; и чем тоньше становится материя, тем большую мощь обретает сила — а не наоборот, как это обычно кажется.

И одним из самых главных соблазнов Ментального Мира является создание ложных образов. Говоря заведомую неправду, вы тем самым переносите в Ментальный Мир картинку, обладающую определённой степенью прочности. Эта картинка способна обманывать других людей, но прежде всего — она обманывает вас, своего собственного творца. Тот, кто говорит ложь, не способен воспринимать истину. Те, кто создаёт в Ментальном Мире подобные лживые картинки, будут обмануты ими в первую очередь; таким образом, им придётся пожинать следствия ими же самими посеянных причин.

Вам встречались люди, которых постоянно обманывали их «друзья»? Это, как правило, те, кто сам создаёт вводящие в заблуждение картинки. Это люди, не способные отличать правду от лжи. Они обманывают, и их тоже обманывают. Каким бы ни был интеллект у человека, если он обманывает, то и сам будет неизбежно обманут.

И потому я хочу ещё раз предостеречь всех, кто пожелает последовать моему совету и начать экспериментировать с ясновидением и телепатией, — если вы сеяли семена лжи, то и пожинать вам придётся нереальные образы. Поэтому все, кто считает себя искренними, проверьте себя ещё раз. И вы сможете приобрести ценные познания, касающиеся вашей же собственной кармы. (Да, я буду использовать теософские и индийские термины, если они точнее всего отражают мою мысль. В соответствии оригиналу тех, кто переписывает восточные философии, используя западную терминологию, может поверить разве что невежда).

Что необходимо Новой Расе более всего — так это истина. Современная наука подготавливает мир к безбоязненному восприятию истины. Человек, который трудится над микроскопом, стараясь больше узнать о природе, намного лучше служит Богу, нежели тот, кто с ханжеским выражением лица наставляет своих ближних в том, чего они *не* должны делать; поскольку работа первого даёт позитивные результаты.

Слишком много развелось в мире разнообразных «не сотвори...» и слишком мало до сих пор — «я сделаю». Новой Расе будет присуща большая терпимость. С нежелательными явлениями она чаще будет бороться игнорированием, нежели подавлением их. Подавляя что-либо, мы лишь придаём ему сил.

Старайтесь больше действовать в Мире Разума. И результаты этих действий в Физическом Мире превзойдут все ваши ожидания.

6 апреля 1917 г.

Уже минула полночь. Начался день Страстной пятницы. В душах людей уже назрели важные для всего мира и для будущего решения.

В этот день много лет тому назад один человек (который к тому же был ещё и Богочеловеком) в одиночку выступил на защиту идей любви и общечеловеческого *братства*. И вот сейчас, по прошествии стольких лет, мы, наконец, можем в полной мере осознать то, ради чего Он умер. Но тогда — много веков назад — всё закончилось распятием.

Я привёл вас сюда с далёкого берега, дабы вы могли воочию наблюдать ту великую борьбу, которая происходит сейчас в душах людей. Теперь вы находитесь в самом центре её.

Сегодня в тысячах церквей по всему христианскому миру будут возноситься молитвы Богочеловеку, который умер ради того, чтобы Бог, заключенный в каждом человеке, жил. Сегодня в сердцах миллионов людей появится крест.

Это происходит уже сейчас — едва лишь минула полночь, знаменующая начало этого величайшего из дней.

Христианство восстало и собирается сейчас вокруг Голгофы, дабы видеть всё своими глазами.

Молитесь! Молитва есть подтверждение причастности души к Единому. Война — утверждение отдельного существования души от остального мира.

Любите врагов своих. Это — единственный способ покорить их.

Письмо 10

Испытание

12 апреля 1917 г.

Поговорим теперь немного о том испытании, через которое проходит раса. Испытания всегда предшествуют достижению.

Когда все эти войны закончатся, родится Новый мир, так как души людей пройдут через крещение огнём и кровью. И Америка тоже должна принять в этом участие. И ей ради достижения цели следует пройти через положенные испытания. Бодрствуйте и молитесь.

Когда-нибудь я верну вас обратно, чтобы вы смогли пообщаться с душой Старого Света; когда-нибудь мы вернём вас обратно. Но это будет уже другая Европа — Европа, испытанная огнём; и часть её будет подобна чистой стали, а часть — бесполезному шлаку, так как огонь испытывает металл и отделяет чистый металл от шлаков.

С довоенных времён и до сего дня все эти битвы, происходящие сейчас на Земле, бушевали и в вашей душе — и кровь, и огонь, и боль, и труд. Вы тоже прошли через это горнило.

Уже давно, когда вы только отождествили свою душу с Душой Мира, вы взяли на себя все испытания, через которые проходит этот мир, — все испытания, сопутствующие посвящению. Вы также вызвали на себя и всю свою старую карму — все следствия тех причин, которые вы создавали в течение столетий. То, что сейчас вам дана временная передышка, объясняется тем, что вам уже удалось освободиться от некоторой части предназначенной для вас ноши. Не сделайте вы этого сейчас, вам всё равно пришлось бы сделать это в будущем. Радуйтесь каждому испытанию, поскольку испытания приближают вас к цели. Это я говорю всем людям.

Если я говорю сейчас обо всем мире, а не об одной лишь его части, именуемой Америкой, то только потому, что отождествляю частное с целым. И когда я говорю о вас лично, то тоже отождествляю вас с целым.

Вернувшись обратно в Европу (а вы туда непременно вернётесь), вы обнаружите там две категории людей: тех, кто закалился, подобно стали, и тех, кто превратился в никуда не годные отбросы. Вы без труда сможете различать их.

Не обращайтесь внимания на мрачные пророчества. Не хлебом единым жив человек. Если у вас будет меньше еды, ваши тела станут только утонченнее и чище. Но если у вас будет больше работы, ваш разум и ваш дух будут расти. Лишь немногие из вас работают в полную силу. Единица силы, которой и является человек, способна вырабатывать много энергии, черпая её из собственных глубин под давлением необходимости или воли.

Трудитесь ещё усерднее. Однажды я сказал вам, что вы должны больше отдыхать, но виноградники уже заждались своих работников. Час отдыха ещё придёт к вам, когда наполненный трудами день будет клониться к концу.

Страна моя, вступая в войну, оставь всякую злобу: сражайся за правое дело, но не поддавайся злобе. Откажись от всякой ненависти. Час ненависти уже прошёл. (Я говорю это потому, что знаю: Ненависть и Страх, отец Ненависти, — придут и попытаются завладеть вашими душами).

У меня нет ненависти и нет страха, и я останусь с вами до тех пор, пока не завершится этот день. Вы уже жалеете, что вновь позволили мне говорить? Но когда к вашему дому подкрадывается страх, я буду говорить вам о мужестве. Когда ненависть будет угрожать вашей душе, я претворю её в любовь. Я нашёл Философский Камень, способный превращать неблагородные металлы в золото.

Именно в этой стране, где слышен клекот орла, ненависть будет обращена в любовь. Прислушайтесь к голосу орла. Орёл — вольная птица, и полёт его — высок. Лишь считанное число лет назад люди начали прислушиваться к его голосу. Орёл учит свободе. И они услышат его даже через океан.

Америка и в самом деле — плавильный тигель для разных наций. Лучшего определения я не смог бы подобрать. И американец немецкого происхождения, ныне преданный Америке и скрывающий боль своего сердца за бравым выражением лица, тоже может выйти из этого горнила, приобретя крепость и чистоту настоящей стали.

Я рад тому, что вам понятны их страдания. Поддержите своим сердцем истинно преданных. И пусть все остальные преданные американцы поступят так же. Так вы ускорите процесс переплавки. Перед некоторыми из них эта переживаемая ими трагедия откроет двери посвящения. Их верность своему слову является испытанием ещё более суровым, чем огонь сражений. Те, кто сохраняет преданность, не должны становиться париями. О тех же, кто оказался неверен, я не скажу ни слова — пусть Закон воздаст им должное.

Процесс посвящения! Всю Землю он держит в руках. Среди тех, кто ощущает на себе его хватку, есть и те, кого вы любите. Они страдают так же, как страдали вы. Но и они непременно обретут покой.

Письмо 11

Очистите свой дом

4 мая 1917 г.

Известно ли вам, что человеческую расу взвешивают на весах? Трудитесь и молитесь, дабы её не сочли чересчур легковесной.

Мы, пребывающие в ясном свете этого мира, который для вас — Мир Иной, способны видеть то, что начертано на стене.

В вашем мире слишком много лжи. Разве могла бы эта война начаться в мире, где господствует честность? В Новом мире нации и люди уже не будут относиться друг к другу с недоверием. Но ныне недоверие — неотъемлемая и необходимая черта человеческого характера. Вы можете доверять другим людям — но только в известной степени. Вы можете любить ближнего своего, но опять же — не слишком. Вы можете поступать с братом своим так же, как хотели бы, чтобы он поступал с вами, но — не всегда.

Америка была выстроена на идеалах, но в скрепляющий раствор её здания всё же не могла не проникнуть грязь эгоистичных, личностных исканий.

Вы уже смыли с себя своей собственной кровью одну язву — рабство, но есть и ещё одна язва, которую вам необходимо смыть. Смоете ли вы её чистой водой доброй воли, или же опять предпочтете для этой цели кровь? Поживём — увидим.

Не говорите, что все проблемы в мире наконец разрешатся, потому что Америка вступила в войну. Этим всех проблем не решишь. И когда закончится эта война, тебе предстоит ещё одна, даже более тяжёлая война, о, Америка — война за очищение своего собственного дома!

Ни в одной другой цивилизованной стране ложь не приносит таких высоких дивидендов.

Можете ли вы, покупая фунт масла, быть уверенными, что в нём ровно шестнадцать унций? Можете ли вы, покупая мясо, быть уверенными, что взвешивается оно на точных весах?

Нарождается Новая Раса. И потому — обратите внимание на детей. Научите их честности, прежде чем начнёте обучать географии — честности с родителями, честности друг с другом, честности с самими собой. «Если корень непрямо, то и всходы будут кривыми».

Когда я был ещё ребёнком, мне говорили, что Джордж Вашингтон никогда не лгал. И Джордж Вашингтон был моим идеалом. Я стремился подражать ему. И когда я стал уже взрослым человеком, я по привычке продолжал любить правду. Я искал её и внутри и на поверхности. А однажды я прожил несколько лет в уединении, пытаясь отыскать истину в самом себе, и не оставлял его до тех пор, пока не нашёл её. И если бы я не нашёл её, то там, в уединении, я и покинул бы свой бранный прах.

Вам необходимо завести новую тетрадь для афоризмов. Если мальчик пишет в школе: «Честность — лучшая политика», а вернувшись из школы, видит, как его отец пытается всучить кому-то норовистого жеребца, уверяя, что более спокойной лошади тому нигде не найти, то поневоле он начинает сомневаться, а не надул ли его в школе его собственный учитель? Детское разочарование — вот трагедия, угрожающая всему будущему страны. Уж лучше увидеть упрёк в глазах Учителя-Адепта, чем в глазах ребёнка. Если я разочарую своего Учителя, я не нанесу ему этим серьёзной душевной травмы, но если я разочарую ребёнка, я причиню ему непоправимый вред.

Вы должны чётко усвоить, что жизнь Америки необходимо реорганизовать.

Вы удивляетесь, почему это я так давно не писал. Я был занят изучением Америки. Я видел много такого, о чём могу сообщить вам сейчас, и много такого, о чём сказать не могу — пока.

Поскольку сам я в состоянии сохранять спокойствие, вы же утратите внутреннее равновесие, если будете знать все, что знаю я.

Говорят, что нужда не признаёт законов. Помните об этом все, кто наживается на войне. Вы стремитесь извлечь выгоду из того, что мир сейчас пребывает в крайней нужде. Но не забывайте, что даже смиренное животное, если его загнать в угол, становится опасным; и у загнанной в угол нужды тоже появляются рога и копыта.

Существует болезнь, для которой медики ещё не придумали названия, — это болезнь гипертрофированного любостяжания. Её симптомами являются неумная страсть к накопительству и маниакальный страх лишиться всего уже накопленного. Она доставляет заболевшему ею человеку больше беспокойств, чем невралгия и несварение вместе взятые.

Я же хотел бы видеть сотни миллионов людей живущими в Америке в мире и процветании.

Фанатики, как всегда, взывают к конфискации крупных состояний. Меня же совсем не волнует, что вы будете делать со своими состояниями. Но меня волнует то, как вы намерены поступить со своей землёй и со своей пищей, и ещё более — что вы будете делать со своими мужчинами, женщинами и детьми.

Умоляю вас об одном — не впадайте в панику. Паника затягивает быстрее, чем зыбучий песок. Сохраняйте спокойствие. Ваша страна — вне опасности, если только вы не потеряете голову.

15 мая 1917 г.

Американцы, не поддавайтесь эмоциям. Если вы сохраните спокойствие — благополучно пройдёте через все испытания. Если же вы потеряете голову, то на этом ваши потери не закончатся, и вы можете потерять так много, что восстанавливать утраченное вам придётся сотни лет.

Я не поддаюсь эмоциям. Я не теряю голову. (Да, у меня по-прежнему есть голова, и ноги, и руки. Если я здесь попытаюсь отказаться от рук или от ног, эта непривычная для меня перемена наверняка рикошетом отразится и на моей голове. Так что я предпочитаю не проводить экспериментов по удалению каких-либо из своих членов).

Вот вам наглядный пример: Россия — страна, пытающаяся в порядке эксперимента жить без головы. Но ни одна нация не может продолжать жить как полноценная нация, не имея головы, причём — трезвомыслящей головы. Страна может быть какой угодно — республиканской, демократической, социалистической или какой-либо ещё, но при этом обязательно должна иметь голову. Просто анархическое скопление народа никак не может быть названо нацией. Это всего лишь географическое пространство, населённое отдельными индивидами, которые, будучи разобщёнными представляют собой фактически пустое место.

Не проявляйте чрезмерного нетерпения, так как писать теперь я могу лишь изредка. Я очень занят. Но когда мне надо будет сказать вам нечто важное, я немедленно появлюсь.

В Америке назревают перемены. И некоторые из них уже произошли, не так ли ^[47]?

Эта страна — велика, эта страна — сильна, эта страна — восприимчива к новому. Она в состоянии произвести у себя перемены. Жители этой страны не знали долговременного рабства. Жители России знали рабство самого разного свойства, и потому их реакция на свободу кажется свободному миру неадекватной.

Но имейте терпение! Вы не должны терять голову из-за этого.

Я ничего не имею против того, чтобы ещё несколько человек узнали, что я снова начал писать вам письма. Мне это не повредит, напротив — их искренний интерес будет вдохновлять меня.

16 мая 1917 г.

Следите за тем, чтобы мрачные пророчества, предрекающие глобальную катастрофу, мировые катаклизмы, уничтожение половины человеческой расы и прочие, доносящиеся ныне со всех сторон, не поселили в душах людей уныние.

Помните, что надежда в человеке не умирает никогда. И если уж разум человеческий готов примириться с идеей всемирного катаклизма, то перемены более мелкого масштаба он сможет пережить наверняка.

Прочтите Ветхий Завет. Наиболее мрачные предсказания из него до сих пор так и не сбылись, но перемены всё-таки имели место.

Некоторые американские «независимые священники» превзошли в своём неистовстве самого Иеремию. Но косвенным образом они всё же делают полезное дело — приучают людей к мысли о неизбежности перемен.

Если начнётся паника (а это вполне возможно) — не поддавайтесь ей.

Если начнётся разгул насилия (а это тоже возможно) — не присоединяйтесь к нему.

Если начнут распространяться пессимистические настроения (а это неизбежно) — не заражайтесь ими.

А когда ваш мозг ощутит переутомление — отдохните, глядя при этом на деревья. Их вид успокоит вас. Если же поблизости не будет ни одного дерева, что ж, можно посмотреть и на какую-нибудь кирпичную стену. Кирпичная стена — это тоже успокаивающее зрелище. Она стоит незыблемо, пока её не разрушит какая-нибудь внешняя сила.

23 мая 1917 г.

И здесь многие солдаты, уже полностью восстановившие своё самосознание, пытаются осуществить те цели, ради которых они пожертвовали своими жизнями на Земле. Таким образом, солдаты, сражающиеся у вас по обеим враждующим сторонам, продолжают сражаться и здесь, по эту сторону занавеса. Но это бывает, как правило, сразу же после перехода; а затем они приходят к выводу, что пользы от них будет куда больше, если они начнут помогать своим собратьям во плоти. Ведь они могут успокаивать, вдохновлять и наставлять их.

У нас здесь тоже создаются армии. И недостатка в рекрутах для них нет. Но Америка должна быть спасена, и лишь немногие из вас знают, как много опасностей угрожает Америке. Но это знаем мы — те, кто наблюдает за миром в течение последних двух с тремя четвертями лет.

Смерть не так уж страшна. На самом деле, рождение — гораздо страшнее.

Армия, которую мы здесь набираем, состоит из людей самого разного возраста, — я имею в виду их возраст в этом мире. Разумеется, в нашей армии есть и женщины. Есть несколько ветеранов Гражданской войны и ветеранов войны с Испанией. И над всеми полками и дивизиями этой армии поставлены свои командиры — точно так же, как и в земных армиях. В противном случае им не удалось бы достичь согласованности действий. Армия наша, в основном, добровольческая, хотя и воинская повинность здесь тоже существует.

Вы удивлены? Но подумайте сами — в состоянии ли мы оторвать душу от какого-нибудь бесплодного занятия и пристроить её к полезному труду? Конечно же, мы в состоянии это делать, и делаем каждый день.

Мы также рекрутируем в довольно большом количестве старых, коренных американцев, краснокожих воинов и охотников, которых здесь, по соседству с

Землёй всё ещё очень много. Ведь бывает и такая работа, с которой никто, кроме них, не сможет справиться. Здесь есть работа самого разного свойства, но и работники попадают здесь самые разные.

Я странствую туда и обратно — от одного побережья к другому. Я знаю, что происходит на Тихом океане, в Атлантических штатах и в штатах Мексиканского залива. Центральные штаты и штаты Скалистых гор мне тоже знакомы. В этот период своей деятельности я восстанавливаю свою молодость. Я тружусь на благо своей страны. И конечно же, продолжаю самосовершенствоваться.

Почему вы улыбаетесь? Я совершенствую свой разум и свою волю, а этот процесс гораздо больше даёт положительные результаты, нежели тренировки физического тела, — больше и быстрее. Опять-таки, астральное тело тоже можно тренировать, придавая ему большую работоспособность и эластичность. Да вам, я уверен, и нет нужды объяснять всё это.

Я тренирую также и других. Мы, «старожилы», можем приносить здесь довольно ощутимую пользу. Теперь я даже рад тому, что перешёл сюда раньше, когда на Земле ещё был мир, благодаря чему у меня было вдоволь свободного времени, и я мог позволить себе заняться вещами, на которые сейчас времени у меня уже не хватило бы. Это были превосходные каникулы. Я охотился в дебрях невидимого и ловил рыбу в водах космоса, но теперь я вновь вернулся к работе.

2 июня 1917 г.

В архивах Учителей Мудрости, помимо всего прочего, хранится информация, касающаяся прошлого и будущего этой страны. Эти сведения привлекли бы к себе большое внимание, будь они опубликованы в газетах в период национального кризиса.

О своей демократической миссии Америка уже знает, но она ещё ничего не знает о другой, не менее важной своей миссии — миссии подготовки мира к восприятию духовной культуры. Я не имею в виду религию — в обычном понимании этого слова, я говорю о культуре духа любви — о той идее любви, которая была заимствована, хотя и в искажённом виде, из учения Иисуса из Назарета, но всё равно утрачена, поскольку была слишком горячей для сердец, охлаждённых эгоистичными трудами, направленными на достижение материального благополучия.

В Мирах, лежащих выше физического, Америка взяла на себя своего рода долг, обязательство; его ни в коей мере не следует рассматривать как «сокровища на небесах», но когда этот долг будет полностью выплачен, он может обернуться настоящим духовным сокровищем. Я говорю о целых армиях душ, когда-то населявших эту страну на правах вольных собственников. Впоследствии они были вытеснены и лишены права наследования этой земли наступавшей на их вигвамы и охотничьи угодья цивилизацией.

Эти души — по крайней мере, многие из них — хотели бы вернуться. Многие уже вернулись, но они так и будут оставаться разрушительной силой до тех пор, пока им не представится возможность каким-то образом жить и далее той вольной жизнью, к которой они привыкли. Теперь, когда они живут в телах белых людей и требуют себе гражданские права наравне со всеми остальными, их уже не так-то просто уничтожить. Они разбросаны на всём протяжении этой огромной страны — от одного побережья до другого. Вы можете распознать их по орлиным глазам, скуластым лицам, свободной походке и любви к свободе. Они с трудом приживаются на фабриках и в конторах. Из них выходят непокорные клерки и мечтательные рабочие. Многие из них смогли проникнуть в ваш освещаемый солнцем мир как дети европейских иммигрантов, поскольку они считают, что для них проще войти в плоть и кровь какой угодно, но только не англосаксонской расы, несмотря на всё свободолобие англосаксов.

Но вполне возможно, что наступит время, когда эти иностранные телом и всё ещё первобытные душой американцы, повинувшись инстинкту, взбунтуются против давящих на них со всех сторон сдерживающих влияний, когда они вновь захотят жить, как и раньше, на природе, даже если реализация этих планов будет представляться им столь же сложной, как, например, достижение Царства Небесного.

Приближается время, когда этой стране, как никогда раньше, потребуется любовь, когда фраза: «Живите и давайте жить другим» — должна будет стать не просто афоризмом, но законом. И те, кто стремится к свободной жизни на Природе, смогут получить эту свободу. Только в больших городах возникнут сложности с решением этой проблемы.

Я вовсе не пытаюсь вселить страх в сердца американцев. Напротив, я хочу сделать им нечто вроде инъекции против страха.

Колёса локомотива цивилизации до сих пор продолжают вращаться. Хотя Космическому Оку достаточно было бы один раз моргнуть для того, чтобы они остановились.

Америка спасётся. И спасение придёт к ней в тот час, когда над ней нависнет наибольшая опасность. Что это будет за опасность? Над этим вы должны подумать сами.

Научитесь смотреть на всё глазами Планетарного Духа. Ваш кругозор слишком узок. Для вас центр всех вещей — это книги, стоящие на полках в вашей библиотеке; но центр вещей расположен в сердце, а сердце есть у всего. Если вы будете думать не о себе, а обо всей расе, ваше сердце станет больше, вы научитесь видеть глазами сердца, а тот, кто видит глазами сердца, — мудрее, чем все историки и прогнозисты-аналитики.

Мир должен быть подготовлен для любви. В планах на будущее следует учитывать интересы всех людей — всех мужчин, женщин и детей. Нельзя пренебрегать ничьими интересами, поскольку крепость цепи определяется крепостью самого слабого звена в ней. Крепким должно быть каждое звено.

Однажды ночью, желая дать своей душе отдых от её трудов, я удалился в земной сосновый бор в одном из штатов Новой Англии. Я подыскал себе место, где, как ожидал, мог бы побыть в одиночестве; но едва я погрузился в свои мысли, как услышал какой-то странный звук. Он не походил ни на один из земных звуков, так как был необычайно тонок и пронзителен; и тут я понял, что это песня (если можно назвать это песней), и поют её мои собратья по этому миру, не освещаемому лучами солнца. И вдруг они сами неожиданно выпрыгнули на поляну позади меня, сели в круг и стали ждать. Затем я увидел свет явно неземного происхождения. Это был свет костра; и я догадался, что передо мной — группа индейцев, готовящихся к исполнению какого-то обряда своей древней религии.

Они не приглашали меня присоединиться к их церемонии, да и я тоже не приглашал их присоединиться к моим размышлениям. Поэтому я так и остался в стороне наблюдать за ними.

(Да, в этом мире нет той скрытности, что у вас, поскольку здесь царят гораздо большее понимание и большая терпимость).

Вскоре перед моим взором развернулась панорама какого-то странного танца. По-прежнему оставаясь в кругу, они кружились вокруг яркого огня, пели и подпрыгивали. Я не понимал слов их песни, но я мог читать их мысли по создаваемым ими мыслеобразам и понял, что они отмечают годовщину (отсчитанную бог весть по какому лунному исчислению) какой-то индейской резни, в которой они принимали участие сто или двести лет тому назад.

И сутью этого танца, его движущей силой была ненависть к белым, изгнавшим их с принадлежавших им прежде охотничьих угодий.

Шокированный и в тоже время заворожённый этим видом душ аборигенов Америки, я продолжал наблюдать за ними.

И хотя я не силён в магических ритуалах, вскоре я понял, что у этого танца есть своя цель и метод достижения этой цели, которая была явно агрессивной.

Распалая себя и концентрируя свои мысли, они тем самым старались распалить и души определённого рода людей в Соединённых Штатах — людей с низким уровнем интеллекта, но наделённых бурным психическим темпераментом — и подтолкнуть их к жестоким, разрушительным действиям.

«Так вот для чего они здесь собрались», — подумал я.

После этого я создал стену вокруг своих мыслей, чтобы их не могли воспринимать индейцы. Да, я способен это делать, и не только я, но многие из тех, кто живёт в мире, расположенном выше земного.

Я ощущал терпкий, свежий запах сосен, я чувствовал, как усиливается ветер, врывающийся на поляну, казалось, что ветер откликнулся на их призыв и теперь предлагает им в помощь свою силу. Вы должны знать, что хотя сами стихии имперсональны ^[48], они населены полуличностными элементами; и каждое существо, развившее в себе в одной или в нескольких жизнях соответствующие способности, может управлять как стихиями, так и живущими в них полуличностными элементами, направляя их либо на добрые, либо на дурные дела.

Глядя на всё это со стороны, я замечал, как ветер подхватывает и уносит с собой мысли и страсти этих давно умерших людей, этих душ, не сумевших из-за влияния собственных жизненных тенденций освободиться от притяжения материи, от той астральной гравитации, которая привязывает к Земле так много душ.

Итак, глядя на них и мысленно перемещая своё сознание на большие расстояния (этому я

здесь тоже научился), я замечал, какое влияние этот ритуал мщения и угрозы оказывал на умы некоторых, находящихся вдали от этого места, людей. Я замечал, как в их мысли прокрадывается ненависть — ненависть к цивилизации: будучи её частью, они так и не смогли разобраться со своими собственными желаниями.

Я знал, что в эту ночь и на следующий день, и в продолжение ещё нескольких дней после этого будут происходить вспышки жестокости, будет разрушаться собственность, а законопослушные люди окажутся в опасности.

Моё сердце наполнилось грустью, ведь раньше я даже не предполагал, насколько реальна нависшая над моей страной в это кризисное время опасность, вызванная кармой, которую создали ещё первые поселенцы. Разумеется, они полагали, что поступают правильно, избавляя себя и избранную ими землю от простодушных и в то же время таких сложных туземцев, чья цивилизация была старше, чем цивилизация Европы, и которые любили эту землю так, как могут любить её только люди, познавшие свободу на её просторах.

Когда магическая пляска закончилась, и её участники начали один за другим исчезать среди лесных теней, я решительным шагом направился прямо к центру круга, желая поговорить с любимым, кто выразит желание откликнуться на моё предложение знакомства.

Неожиданно я столкнулся лицом к лицу с величественным вождём, голова которого была украшена тем убором из длинных перьев, где каждое перо символизирует какой-либо смелый поступок или иное достижение его обладателя. (Какая, однако, это была замечательная традиция! Какой стимул к активной деятельности! Каждый краснокожий получал свидетельство о своих достижениях в виде пера к головному убору).

Лицом он походил на ястреба, а его глаза светились внутренним огнём, — такая интенсивность чувства и мысли может проявляться лишь у лидера, у человека, способного повелевать другими людьми.

И я обратился к нему мысленно, поскольку не знал ни слова из его языка:

— Я только что стал невольным свидетелем вашей церемонии. Не могли бы вы немного рассказать мне о ней? Насколько я понял, она была направлена на мир людей, которые ещё не перестали дышать.

Взмахом своей властной руки он приказал удалиться всем оставшимся спутникам, ещё не успевшим покинуть поляну, и вскоре мы остались одни — только он и я.

— Я пришёл как друг, — сказал я, заметив, что он колеблется.

И это было правдой, поскольку, несмотря на всё предпринимавшиеся им по неразумности попытки причинить вред, чувствовалось, что в его душе живёт сознание справедливости — та способность избирать между истинным и ложным, то предчувствие закона, которое, будучи достоянием разума, придаёт ему особое достоинство и вызывает уважение окружающих. Он был похож вовсе не на дилетанта, промышляющего омерзительным первобытным колдовством, но, скорее, на священника, требующего воздаяния, на племенного полубога, который в один прекрасный день может стать не разрушительной, но созидательной силой, орудием великого Духа Америки, о котором я говорил в одном из прошлых писем, — Прядильщика Судеб, отвечающего за нашу страну.

Мы смерили друг друга глазами, и я отбросил занавес, скрывавший до того мои мысли, дабы он смог увидеть мой разум своим разумом и понять, что я уважаю и в некоторой степени даже понимаю его.

— Ты видел то, что ты видел, — сделал вывод вождь.

— А ты не возражаешь против моего присутствия?

— Нет.

Я всё ещё ощущал свежий запах соснового леса, и мой новый знакомый тоже величественно

запрокинул голову и, казалось, пил этот запах.

— Свобода прекрасна, — сказал он, — и земля эта раньше была нашей.

Он как будто оправдывал себя и своих спутников, и я понял, что он уловил в моих мыслях осуждение. Я был рад убедиться в том, что могу общаться с ним непосредственно — разум к разуму, так же как рад я бывал каждой возможности расширить горизонты своего знания и завести знакомство с человеком, обладающим сильной волей.

— Но свободная земля должна быть открыта для всего мира, — сказал я, — и для тебя, и для меня, и для всех других людей и моей и твоей расы.

— Мы так не думаем, — последовал ответ.

— Но, — настаивал я, — разве мы оба — и ты и я — не наслаждаемся сейчас этой свободой?

Довольно сложно передать словами те мгновенные вспышки мыслей, которые мы адресовали друг другу, те картинки, которые то и дело возникали между нами, пока я старался деликатно, но настойчиво убеждать его в том, что для благополучия его расы вовсе не требуется уничтожить мою.

Я рассказал ему о том, как душа, на время покидающая Землю, возвращается туда вновь, но уже в другой форме, и эта мысль оказалась для него настолько новой, что мне пришлось за недостатком слов представлять свою мысль во всех мельчайших деталях. Я рассказал ему, что многие сотни его сородичей, и в том числе — наиболее знаменитые из них, уже вернулись в Материальный Мир, в ту Америку, которую они любили раньше, что у них теперь белые тела и распознать их можно только по особой остроте взгляда, по походке да ещё некоторым особенностям речи и поведения.

Он слушал меня в изумлении и даже с каким-то болезненным интересом, поскольку угадывал правду своим внутренним знанием, которое здесь (по эту сторону жизни) обмануть практически невозможно; и он верил моим словам.

— А не обманываешь ли ты сам себя?

(Иного вопроса я и не ожидал).

Тогда я рассказал ему о своих прошлых жизнях, которые помню теперь достаточно ярко, и привёл ещё несколько доказательств того, что мои слова — не самообман.

— Но что за жизнь ждёт моих людей, если они станут белыми? — не то вопросительно, не то утвердительно сказал он.

И он принялся представлять мне картинку за картинкой, рисующие повседневную жизнь рядового белого американца: школу с чадящей печью и спёртым воздухом, дом с закрытыми дверьми и окнами, «молельню», где шепчущий или, наоборот, крикливый проповедник разглагольствует о вещах, о которых не имеет никакого представления, перед теми, кто либо верит ему, либо не верит. Он как бы в насмешку нарисовал передо мной одежду белого человека из самых низких слоёв общества: тесные и неудобные ботинки, вызывающие зуд брюки, отвратительную шляпу, натирающую плешь на голове, и воротник. Он намеренно изобразил бумажный воротник — засаленный и обвисший по краям.

Далее он представил мне — как будто стараясь продемонстрировать широту своих наблюдений — контору в каком-то городе, где сидящие на стульях клерки согнулись в три погибели над бухгалтерскими книгами, в которых были только цифры, цифры — длинные ряды цифр (своего рода вампум^[49] бледнолицего). И это занятие действительно казалось чересчур мелким для души краснокожего, наслаждавшейся свободой в своих родных лесах.

— И стоит ли им возвращаться за этим на свою родную землю? — спросил он.

— Но душа должна испытать всё, — ответил я.

Эта мысль тоже оказалась для него новой, и его брови в раздумье сошлись на переносице.

— Для чего душе испытывать всё? — спросил он.

— Чтобы вернуться к своему Богу обогащённой знанием, — сказал я.

— Своему Богу.

При этой мысли в его глазах мелькнул какой-то странный огонёк, однако лицо его осталось неподвижным.

— Да, — сказал я, — ведь и мой Бог, и твой Бог, оба они — Бог.

— Богов много, — ответил он, — есть Великий Дух, есть и другие.

— Но в центре каждого из них, — убеждал я его, — есть место, есть корень сердца, и он одинаковый у всего, что существует; и в каждом сердце есть то единое, что не знает различий; такой центр есть и в твоём сердце, и в моём, и в сердцах почитаемых нами Богов.

— Ты узнал об этом в одной из тех душных школ? — спросил он.

— Нет. Я не знал этого, даже когда уже стал стариком там, на Земле, я узнал об этом уже после того, как попал сюда. На Земле я, скорее, гордился своей обособленностью.

— Значит, здесь можно научиться новым религиям? — спросил он удивлённо.

— Если удастся найти учителя, — сказал я.

— Но для чего здесь нужны *новые* религии?

— В центре каждой религии, — ответил я, — тоже есть такое место, в котором все они едины. Точно так же у каждой расы, — подчёркнуто продолжил я, так как заметил, что мои слова вызывают в нём сомнение, — у всех рас есть корень единства. Краснокожий человек — брат, а не заклятый враг бледнолицего. Так для чего же тебе вредить потомкам тех людей, которые много лет назад думали, что поступают правильно, расширяя свои владения на этой земле?

— Но я не мстил им ради самой мести.

— Значит, я неправильно понял суть вашей колдовской песни.

— О! — воскликнул он. — Ты уловил чувства моих детей, а они не видят ничего дальше своих чувств. Я хочу лишь уничтожить нынешнюю жизнь, чтобы могла вернуться старая.

— Но ведь настоящее, — сказал я, — это всегда отрезок пути, ведущего в будущее. И те мои и твои люди, которые перевоплотятся — то есть те из них, кто уже готов идти дальше — пойдут рука об руку по этой земле. Вместе с теми, кто ещё приедет к ним из-за океана, они составят Новую Расу. И благодаря трудам тех немногих белых, которые смогли оценить и изучать традиции и цивилизацию краснокожих, стараясь при этом спасти их от полного уничтожения, история старого леса станет достоянием этой Новой Расы, которая возникнет в результате слияния твоей и моей расы и ещё многих других рас. И каждый год на некоторое время, когда жизнь Новой Расы уже наладится, мальчики и девочки, мужчины и женщины этой расы будут уходить на лоно дикой природы и наслаждаться свободной жизнью в палатках и беседами у костра, и тогда мы, наконец, станем братьями, настоящими братьями по крови, и все старые раны затянутся. Можешь ты признать меня своим братом?

Он кивнул.

— Передашь ли ты своим людям добрую весть о Новой Расе, во всех приобретениях которой будет и их доля?

Мы долго стояли, глядя друг другу в глаза, и я рассказал ему о многом, но здесь я не смогу передать всего, о чём мы говорили, иначе мне пришлось бы водить вашей рукой много часов подряд. Но в конце концов он понял меня.

Я верю, что он расскажет своему народу обо всём, что услышал, и дети Новой Расы, таким образом, будут избавлены хотя бы от одной из подстерегающих их опасностей.

23 июня 1917 г.

Удалите страх из ваших сердец. Будущее будет преподносить вам уроки, но не больше, чем вы можете усвоить. А знать будущее до мельчайших подробностей — нежелательно. Если бы мир хотя бы десять лет назад узнал, какие страдания ему придётся пережить за годы этой войны, смог бы он достичь такого прогресса в искусстве, науке и бизнесе, какого достиг? Нет. Каждая мысль должна быть выстрадана.

Вы можете возразить, что в этом случае слабые расы (да и сильные тоже) могли бы лучше подготовиться к этой войне. Но одним из преподанных войной уроков было не откладывать в долгий ящик необходимые приготовления и знать на будущее, что если какая-либо нация идеализирует войну и вооружается, то ни этот её идеал, ни созданную ею армию не следует рассматривать просто как развлечения, которые со временем исчезнут сами собой.

Если хотите понять суть жизни нации или жизни индивида — смотрите на доминирующие у них идеалы. Идеал — это тенденция.

Каков доминирующий идеал Америки? Если сформулировать его кратко, то это — успех, не правда ли? Сейчас Америка участвует в мировой войне, и можете быть уверены, что она не упустит ни одной мелочи, которая могла бы способствовать достижению успеха в этой войне, так же как не она упускала ранее ни одной возможности добиться успеха в бизнесе.

А теперь взгляните на себя. Какие у вас доминирующие идеалы и тенденции? Вы, наверное, не задумываясь, назовёте работу, учёбу, полноценное общение, не так ли? Прекрасно. Что касается работы, то тут вам нечего бояться — в будущем хорошая работа сможет обеспечить вам, по крайней мере, средства к существованию. Учёба? Книг для утоления вашей жажды знаний вам хватит вполне. Общение? В этом мире достаточно одиноких душ для того, чтобы вы никогда не оставались в одиночестве.

Что-нибудь ещё? Вы подняли карандаш и задумались... Почти что всё, ведь так?

Теперь вернёмся опять к Америке. Америка не является да и никогда не была воинственной страной. Её боевой дух просыпался разве что тогда, когда с нею или с кем-нибудь другим обращались несправедливо. Проиграет ли она эту войну? Думаю, что нет.

Но в конце войны могут возникнуть некоторые сложности.

Хочу ещё раз вернуться к тому, о чем я говорил в одном из своих последних писем, а именно: о том, что и по эту сторону невидимой границы мы трудимся ради будущего Америки.

Я говорил и о Духе этой страны, которого вы можете считать составным существом, если уж у вас не хватит фантазии на то, чтобы увидеть, что вы — все вы — являетесь отдельными клетками тела Духа Америки.

Сейчас у Духа этой земли — большие планы, и он использует вас — всех вас — для их реализации точно так же, как вы используете клетки своего тела, так же, как вы используете сейчас скопление клеток, образующее вашу руку, для того, чтобы держать над бумагой карандаш.

Выражая свою готовность откликнуться на призыв своей страны, вы тем самым невольно подтверждаете, что признаёте факт служения всех клеток интересам её огромного, но единого тела. Некоторым из вас даже придётся погибнуть на войне ради общего блага; точно так же клетки ежедневно умирают и вновь рождаются в теле человека — микрокосме.

Распространите это правило на всё человечество, и получите ещё более наглядное его

подтверждение. Сейчас Дух расы страдает, но, в конце концов, обретёт ещё более крепкое здоровье.

Вы, возможно, возразите мне на том основании, что многие из тех, кто гибнет, являются настоящим цветом расы — молодыми и вполне жизнеспособными. Но разве вы не помните, что души их продолжают жить? Главная их часть не потеряна, но лишь освобождена для ещё более грандиозной работы. Разве вы не думали о том, что земная жизнь может быть всего лишь сном, а жизнь после смерти — бодрствованием? Мудрецы размышляли над этим ещё задолго до вас и находили это вполне возможным.

Здесь мы никогда не остаёмся без дела и без надежды. Именно в силу своей занятости я прихожу теперь к вам так редко. Так что не торопите меня, ведь я же вас не тороплю.

И у нас здесь тоже есть свои проблемы. Как я уже говорил, одной из наших проблем является большое количество душ индейцев, душ краснокожих, которые ушли из жизни с ненавистью в сердцах и жаждой мщения, вызванных уничтожением их расы в Америке белым человеком.

Иногда нам все-таки удаётся умиротворить их и даже перетянуть на вашу сторону. В противном случае они продолжали бы представлять собой угрозу для будущего. Некоторые из них желают гибели вашей цивилизации, потому что их цивилизация тоже была погублена; и кое-кто из них действительно силён настолько, что может принести ощутимый вред.

Самый лучший способ обезвредить врага — это узнать, какими качествами он обладает, установить причины его враждебности и повернуть затем его ненависть в другом направлении — так, чтобы она не задела вас. Но души индейцев, как правило, очень скрытны. Даже при мне они иногда пытаются скрыть свою неприязнь — глубокую, основательную — за «кражу» (как им это кажется) земли, по которой они когда-то свободно бродили.

Я рекомендую Америке шире практиковать вольную жизнь на природе. В прошлой книге я советовал вам возродить старое знание леса и затем обучать ему детей. Вполне возможно, что наступит время, когда элементы этого знания многим из вас смогут принести пользу.

В мире скоро произойдут великие перемены, и для людей наступит период приспособления к новым условиям. Каждый такой период приносит с собой элемент беспокойства, а беспокойство нации подобно беспокойству подростка в период полового созревания, — его следует умерять подвижными играми на свежем воздухе или работой, замаскированной под игру.

Будущее воспримет у настоящего те элементы, которые наиболее необходимы для выживания.

Не бойтесь возврата к Тёмным Временам. Этого не произойдёт. Приближается Светлое Время. А то, что происходит сейчас, — пока лишь предрассветные сумерки.

18 июля 1917 г.

Наша задача — проводить в жизнь те изменения, которые неминуемо должны произойти. Мы стараемся не допустить резких перемен.

Вы в своём мире не имеете ни малейшего представления о том, какими способностями и возможностями мы здесь обладаем. Мы можем внушать людям мысли, даже не давая им возможности догадаться, как эти мысли у них появились. Когда в их разуме неожиданно вспыхивает какая-нибудь идея, им кажется, что они сами додумались до неё; но *неожиданные* идеи, как правило, приходят извне. (Одну из них, например, я внушил вам сегодня утром, а затем быстро удалился, чтобы вы не успели узнать меня. Почему я убежал? Да потому, что я хочу, чтобы вы всегда полагались только на своё собственное суждение).

Как раз сейчас мы стараемся приучить Америку с уверенностью смотреть в будущее — в своё упорядоченное *и мирное будущее*, которое наступит после заключения мира в Европе.

Вы, возможно, уже догадались, что здесь у нас много таких людей, кто заботится о будущем всего мира. Оставив свои физические тела, люди, однако же, не перестают беспокоиться. Многие здесь считают, что мир приближается к катастрофе. Они всегда боялись этого и при жизни, когда жизнь, по их мнению, начинала меняться к худшему, и сейчас они с такой же готовностью воспринимают каждое затруднение как предзнаменование грядущего краха и хаоса.

Во всей Америке есть много мужчин и женщин, которые предвещают — и многие с высоких трибун и церковных амвонов — скорую гибель общества, которая, якобы, последует после войны. Успокойте свои возбуждённые сердца! Общество не погибнет. С некоторыми элементами общественной жизни после войны, конечно же, постепенно будет покончено, ну и бог с ними! Но общество уже добилось достаточно большого прогресса — и в техническом, и в интеллектуальном плане, и остановить его теперь не так-то просто.

Не тревожьтесь. Будьте бдительны, но не тревожьтесь. Авраам Линкольн однажды предотвратил территориальный раскол, а следовательно — и возможное ослабление этой страны; но сейчас и он сам, и другие точно так же стараются предотвратить духовный раскол, последствия которого могли бы быть ещё более разрушительными.

Нет, мы вовсе не хотим, чтобы все ваши полезные изобретения и сооружения, которые ещё могут пригодиться в будущем, были выброшены на свалку из-за безрассудной жестокости и несдержанности. Всё полезное должно быть сохранено. А всё, что бесполезно для будущего, можно переделать и применить на пользу.

Человечество не привыкло к резким скачкам. Ему привычнее последовательно переставлять ноги одну за другой, уверенно продвигаясь вперёд. В прошлом человек старался больше исправлять и переделывать, а не отказываться в одночасье не только от своих общественных институтов, но даже и от своей одежды. Выбрасывалось только то, что действительно было изношено до крайности. То же самое и с нашей финансовой, и с нашей социальной системами — их следует исправлять, а не *отбрасывать*. Не думаете же вы, что мы опять вернёмся к вампуму? Конечно же, нет!

И здесь у нас существует довольно сильное течение (представленное в основном, теми, кто раньше населял этот континент), направленное на то, чтобы упростить жизнь в Америке. Но Америка больше не является изолированной страной. У неё есть теперь своё место в республике наций. Некоторые души — как правило, те, что жили раньше в телах американских индейцев —

хотели бы вновь сделать Америку страной вигвамов и лагерных костров, потому что они хотят вернуться домой, а сложность современной американской жизни пугает их.

Но здесь есть учителя — и некоторые из них краснокожие, — которые могут научить отсталые души лучшей приспособляемости.

Я уже говорил, что существует сила, стремящаяся повернуть развитие Америки вспять. Но я говорил также, чтобы вы отнеслись к этому факту без всякой паники, ведь и в вашем мире есть реакционеры.

Влияние нашего мира на ваш — своеобразно, но заметно. Однако большинство из тех живущих здесь людей, кому небезразличны судьбы мира, стремятся вести его вперёд, а не назад. *Мир будет продолжать идти вперёд.*

Да, душам, которые вы называете «отошедшими в мир иной», тоже не чужда организованность. Они понимают, что, имея цель и программу, они будут обладать большим влиянием. Когда началась война, здесь поднялся большой переполох, но теперь всё постепенно приходит в норму. Отдельные умы всё более сплачиваются. Многие из тех, кто обладает здравым смыслом и хоть немного разбирается в политике, читают лекции то тут, то там, везде, где только возможно собрать аудиторию. Это ещё одна причина, по которой мои визиты стали столь редкими. Сейчас я занят, как никогда раньше. Зная, что вскоре наступит время, когда я смогу, наконец, отдохнуть от своих нынешних трудов, я стараюсь использовать свои силы на полную мощность, поскольку те, кого мне удаётся убедить в том, что Америка и другие страны все-таки движутся вперёд (и должны двигаться вперёд к ещё более великим свершениям), в свою очередь стараются убедить в этом и других. В последний месяц я был так занят, как никогда не был загружен ни один земной лектор. Перемещаясь из одного места в другое — из города в город, из штата в штат — я по несколько раз на дню выступал перед сотнями людей. Однажды утром я читал лекцию в Сан-Франциско, ближе к полудню в тот же день — в Нью-Йорке, в два часа пополудни — в Новом Орлеане, а вечером — в Бьютте (штат Монтана). Я, к счастью, не должен подстраиваться под железнодорожное расписание и не должен оплачивать проезд.

Верьте мне, мы спасём Америку и спасём мир. Ведь за нами стоят Учителя, а они никогда не позволят миру погибнуть.

Я бы не хотел, чтобы вы знали, насколько близок к катастрофе был мир (и неоднократно) на протяжении последних трёх лет. Но теперь силы преднамеренного зла, с которыми мы боролись, уже рассеяны; и хотя полностью они не уничтожены, их влияние уже далеко не таково, как раньше. Чего нам следует теперь опасаться, так это безрассудства тех, кто верит, что несёт миру добро, — безрассудства разного рода фанатиков, агитаторов и паникёров, искажающих и извращающих изначально верные замыслы своими бредовыми, а то и явно вредоносными идеями.

Порядок, порядок, и ещё раз порядок! Вот к чему должен стремиться мир в период реакции, которая неизбежно наступит после войны. С реакцией вам придётся считаться, но это будет лишь кратким отдыхом для измученных сердец, которым вскоре вновь придётся перейти к созиданию.

Именно в этот период созидания я более всего рассчитываю на Америку, поскольку она не будет так истощена, как прочие члены великого мирового братства. Но именно в Америке в это время возникнет одна опасность. Я говорю вам об этом сейчас, чтобы опасность эта не застала вас врасплох и чтобы вы не теряли бдительности.

Будьте бдительны, но не перестраховывайтесь.

И верьте в то, что Учителя Жизни так или иначе помогут вам преодолеть и это испытание.

9 августа 1917 г.

Настало время и Америке присоединиться к остальному миру и занять своё место в федерации наций. Если она установит прочный союз с Англией, то им удастся уберечь мир от опасности новой войны.

Прошлая изоляция Америки полностью соответствовала её интересам: ей необходимо было развиваться до её нынешнего состояния, не подвергаясь никаким вмешательствам извне и не вмешиваясь, в свою очередь, ни в какие международные конфликты. Свободная и одинокая, она так и не стала частью громоздкой, скрипучей машины международной дипломатии и интриг. Но теперь она уже полностью самостоятельна, и, выражаясь языком политиков, её характер уже сформировался. Можно сказать, что Америка уже собрала необходимый кворум и теперь имеет право голоса на всемирных совещаниях и всемирных выборах.

В прошлом многое для неё сделали Англия и Франция, и теперь её очередь постараться для них. Ведь именно они сформировали её культуру и больше всех повлияли на её дух; теперь на их дух будет влиять Америка.

Когда накануне вы читали о том, что наши солдаты не только воюют, но и работают во Франции, стараясь хоть как-то помочь тамошним крестьянам и фермерам, вы испытывали большое удовлетворение; вы помните, вероятно, о том, что я говорил вам ещё до вступления Америки в войну — что наши соотечественники отправятся во Францию, чтобы работать, работать и работать там ради восстановления этой страны.

И это ещё только начало. И во время войны, и после неё наши люди будут всё активнее участвовать в восстановлении Европы.

Скоро там возникнет потребность в работе нового типа — нового для нас.

То, что многие нации объединяются ради общего дела, весьма знаменательно. Отсюда остаётся только один шаг до объединения всех наций ради достижения единой цели.

Сила возмущения в мире должна утихнуть, так же как утихла сила расовой ненависти — а она и в самом деле уже истощилась. Далее война будет продолжаться уже без той ярости, которая имела место в её начале. Мы растём, поскольку таково наше предназначение, и даже в Нью-Йорке уже не чувствуется той ярости, которая кипела там пару лет назад. Она ослабла и в Англии, и во Франции, и в Германии. К войне сейчас относятся как к обычной малоприятной обязанности, от которой все желали бы поскорее отделаться. Когда в ней уже никто не будет видеть никакого смысла, она прекратится.

А сейчас меня интересует, какое место займёт Америка в федерации государств.

19 августа 1917 г.

Вследствие того, что Германия чрезмерно увлеклась своими националистическими идеями и попыталась затем всучить их всему остальному миру в имперской форме, в мире сейчас всё более зреет скептическое отношение к национальному фетишу. Мир уже не поверит в добрые намерения ни одной нации, которая щеголяет своими совершенствами перед лицом либо друга, либо врага.

Америке же, которая сейчас становится всё более уверенной в своём высоком предназначении, не мешало бы параллельно с этим развивать в себе ещё и скромность. Ей необходимо осознать, что она является всего лишь одной из стран-сестёр, входящих в великое сообщество наций. А Орлу в связи с этим не мешало бы подучиться искусству общения. Спокойный голос сразу привлекает к себе внимание в мешанине разнородных шумов, где крик наверняка остался бы незамеченным. Потому и голос Америки должен быть уверенным и спокойным.

Сейчас она платит за своё право участвовать во всемирных совещаниях. Так пусть же её голос приобретёт авторитет благодаря своей сдержанности и достоинству.

В Европе сейчас происходит великая перемена — в корне меняются представления европейцев об американском характере. Франция до сих пор знала лишь американских туристов, да тех (оторвавшихся от корней) американцев, которые предпочитали жить в Европе, а не в своей собственной стране. Теперь Франция начинает узнавать, как американцы трудятся, развлекаются, сражаются, любят, живут и умирают. Увидев американцев в таком свете, Франция начала протирать глаза, думая — не сон ли это. Эти американцы были совсем не такими, какими она их себе представляла. Она до сих пор ещё не поняла толком, каков он — истинный американец, но у неё уже появилось желание это понять. В сердце Франции уже появилось новое, волнующее, тёплое чувство к новому брату, который прибыл к ней на помощь из-за океана. В силу своей утончённости и более надуманных стандартов, она замечает его неотёсанность. Но она замечает также и его рыцарство, и благородство, которых она никак не ожидала увидеть в иностранце.

О, Америка и американцы!

Сейчас как никогда мир склонен судить и испытывать вас. Сердце моё наполняется восторгом, когда я вижу, как наши парни, отправляясь в неведомый им доселе мир, приносят с собой бодрящий дух американских лесов и степей. Когда я вижу, как взор гордого и до боли зажатого условностями француза теплеет, останавливаясь на наших мальчиках, — как я горжусь ими! Я забываю даже, что и сам я уже не совсем американец, так как несколько лет назад я покинул свою землю и перебрался в Страну, лежащую по ту сторону смерти.

И когда в конце войны и после неё начнутся многочисленные переговоры, то пусть скромность, продиктованная сознанием собственного величия, удержит Америку от напоминаний Англии и Франции, что именно она спасла их от полного разрушения. Я молитвенно складываю свои ладони (для вас — призрачные ладони) и истово молюсь, чтобы Америка вела себя достойно на предстоящих переговорах.

«Скромность» — пусть это слово станет вашим паролем.

Душа Франции полна благодарности, душа Франции исполнена любви. Сердца французов теплеют, а глаза наполняются влагой, когда они шепчут: «Les Americains! Les Americains!»^[50]

Помните, что эта любовь — самое главное ваше завоевание.

Я предпочёл бы хоть тысячу раз ещё умереть, чем увидеть, что мои американцы в этот кризисный для всего мира момент разочаровали своих французских братьев.

Вас удивляет, что я ничего не говорю об Англии? Ах! Англия вас уже знает. И знает уже давно. Англию вы ничем не удивите. Она знает вас, как мать знает своего сына или дочь; а для французов вы — загадка, тайна, пришедшая им на помощь; ангелы в форме цвета хаки, в широкополых шляпах, и к тому же говорящие на непонятном языке.

Теперь понимаете?

Франция молится за вас. Она молилась бы на вас, если бы не была так скромна в своей любви. Она видит перед собой неведомое чудо и ощущает благоговейный трепет.

Восславим же братство наций — никем ранее не постижимый идеал!

Вы ничем не выбьете из головы мальчика, выросшего в свободном мире, мысль о том, что Америка свободна и всегда должна оставаться свободной. Во все года люди этой земли готовы были умереть за свободу — за свою личную свободу, за свободу негров. Теперь они сражаются и умирают за свободу всего мира.

Знаете ли вы, что это означает — быть свободным? Только сдержанный человек может быть свободным, так как беззаконие — не есть свобода. Беззаконие всегда присуще не свободе, но тирании.

В новой Америке, очертания которой я уже вижу на горизонте (ведь мои глаза видят намного дальше ваших), будут созданы все условия для наиболее полного развития индивидуальности, но в то же время её развитие будет уравниваться идеей социальной ответственности. До сих пор индивидуальность развивалась стихийно. И результаты этого процесса налицо: у немногих накоплены безмерные запасы пищи, в то время как многие часто остаются совсем без неё; повсюду — столкновения и противоборство интересов, и каждый старается извлечь свою собственную выгоду из этого трагического противостояния.

До конца войны людям необходимо привести во взаимное согласие свои умы и сердца.

Старое поколение уходит — то поколение, которое, подстегиваемое стремлением к личной выгоде, опоясало весь континент железными дорогами. А перед новыми людьми, приходящими на смену старым «капитанам индустрии», откроется уже новый идеал.

Один из Тех, Кто знает больше, чем я, сказал мне однажды, что тех людей, которым удалось, благодаря своей прозорливости и инициативе, построить индустриальную Америку, вдохновляли и направляли Существа, стремившиеся обратить их амбиции на благо мира, хотя сами строители об этом, конечно же, не догадывались.

15 ноября 1917 г.

Сегодня я как-то не настроен на литературную деятельность. Поэтому моя речь, боюсь, окажется несколько бессвязной.

Не знаю, достаточно ли хорошо вы представляете себе всю серьёзность предприятия, в которое ввязалась Америка. Вам кажется, что да. Но до тех пор, пока всё не утрясется, боюсь, вы получите ещё немало сюрпризов.

Не беспокойтесь о своём лондонском имуществе. Лондон — большой город, и чтобы нанести ему какой-либо заметный ущерб, потребовалось бы куда большее количество бомб.

Да, я ещё раз со всей уверенностью могу повторить то, что говорил примерно два с половиной года назад: Германия столкнется с серьезными внутренними трудностями, да и не только Германия. Мир изменится. Но не бойтесь. Вам эта перестройка вреда не принесёт.

Человечество так боится перемен!

Но раса уже не раз переживала перемены (некоторые — ещё в доисторические времена), причём зачастую ещё более драматические, нежели нынешние. У человечества — долгая история, и лишь небольшая её часть описана в ваших книгах.

Да, мир объединится, и в то же время его будут раздирать противоречия. Не спорю, это звучит несколько парадоксально.

Сегодня у меня появилась возможность отдохнуть, поэтому и речь моя несколько сумбузна. Вам следует постоянно жить в маленьком, тихом местечке, наподобие этого, вдали от центра. Суетные и переполненные народом деловые районы — не для вас; вам не подойдёт ни Нью-Йорк, ни другие большие города. Всем тем, чьи внутренние чувства уже достаточно высоко развиты, следует жить в стороне от них. Это не значит, что им обязательно нужно становиться отшельниками, но жить им лучше всего где-нибудь на окраине. А когда вам захочется очутиться в гуще толпы, вы всегда сможете съездить в центр.

Скажите ***, чтобы он не волновался, так как работа над этой книгой продвигается медленно. Время работает не против вас. Мир движется вперёд, и вы движетесь вместе с ним. Так что не стоит заблуждаться на этот счёт. Мир движется очень быстро. Все эти новые «духовные» книги — свидетельство быстрого продвижения мира. Ещё несколько лет назад ни один издатели не стал бы их печатать.

Меня не удивляет то, что у вас голова идёт кругом.

На вас произвела сильное впечатление «потеря» многих личных друзей за годы войны, ведь их смерти, на первый взгляд, никак не были связаны с этой войной. Они просто не смогли приспособиться к новому миру, идущему на смену старому, и таких, как они, — много. Их Молчаливые Наблюдатели просто забрали их оттуда. У каждого из вас есть свой Молчаливый Наблюдатель — нечто, находящееся выше и вне вас, и в то же время абсолютно реальная и неотъемлемая собственная ваша часть.

Наблюдатели вселенной смотрят сейчас за ней намного пристальнее, чем обычно. И ваш собственный Наблюдатель следит как за вами, так и за всем миром. И когда потребуется совершить какое-нибудь важное действие, он даст вам знать.

Похоже, что мир уже свыкся с мыслью о том, что мёртвый может разговаривать так же, как и живой. Но это только прелюдия к знанию.

Когда эта худшая из войн закончится, и люди понемногу привыкнут к мирной жизни, они

попытаются узнать самих себя. И тогда они обнаружат, что их тела и души — всего лишь часть их самих, что они существуют на всех имеющихся во вселенной уровнях материи и более тонкого вещества и что каждое из этих тел человека столь же реально, как и то, которое он видит в зеркале. Люди научатся создавать связи между собой, наводить мосты общения. И, в конце концов, станут полностью сознательными существами.

Когда-нибудь в мир вернётся радость — и такая радость, какой мир ещё не знал. И когда-нибудь вы с радостью вновь ощутите себя живыми, я имею в виду всех вас.

Не беспокойтесь, вы пока что останетесь в Америке. В данное время Америка — наиболее подходящее место для жизни. Мир всё более пристально следит за успехами Америки. Она подаёт своим друзьям такой пример, которому им просто стыдно будет не последовать. А в один прекрасный день она станет наивысшим примером для всех.

19 ноября 1917 г.

Разве вы не замечаете, что объединительное влияние Америки уже начинает сказываться на этой войне? Разве вы не видите, как Америка — в лице своего президента — сплачивает Союзников? Таково её предназначение — сплачивать все нации в единое братство на основе демократических свобод и взаимопомощи. Это требование президента Вильсона — совместно вести военные действия — наверное, одно из важнейших событий в истории. Впервые группа дружественных наций оказалась способной, оставив все свои личные, мелочные претензии и страхи, действительно совместно действовать ради блага всего мира.

Это и есть то средство достижения мирового единства, которое позволит миру избавиться от таких неразумных статей расхода, которые до сих пор поглощали чуть ли не половину произведенных им плодов.

Нации Европы, не бойтесь огромной свободной страны, расположенной за океаном! Ей от вас ничего не нужно, кроме привилегии помогать вам спасти себя сейчас, и в будущем — возможности работать вместе с вами ради достижения тех идеалов, которые всех вас сделают сильнее.

Англосаксонская раса вновь должна стать единой семьёй, хоть и живущей в разных домах. Британия! Помни, что даже тогда, когда Америка постепенно растворит в себе всех поселившихся на её земле иностранных иммигрантов и создаст новую, единую расу, она не перестанет быть твоей сестрой! И вы обе объединитесь ради дальнейшего просвещения мира.

Иногда я поднимаюсь высоко в эфирные сферы, чтобы посмотреть оттуда вниз на Землю; я забираюсь настолько высоко, что вижу всю Землю — оба полушария одно за другим. Горизонты времени при этом тоже расширяются, и кроме настоящего я начинаю видеть ещё и прошлое, и будущее. Я начинаю видеть причины, которые завели мир в тот тупик, в котором он сейчас находится. Вам придётся разрушить ту стену, которая отделяет вас от эпохи просвещённого братства.

Вы, конечно же, читали о Золотом веке прошлого. Вы, вероятно, полагали, что это — всего-навсего сказочка, выдуманная для того, чтобы развлекать по вечерам детишек у камина? А я говорю вам, что когда-нибудь он установится вновь — здесь, на этой Земле, ныне раздираемой войной и ненавистью.

Вы должны сохранить всё, что дала вам эта Земля и что дала вам деятельность вашего собственного ума. Науки и искусства — займут в приближающемся Новом Веке достойное место: до сих пор их так и не оценили по достоинству, но в будущем они в значительной мере преумножат славу и благополучие человеческого бытия. Если вы потеряете что-либо, представляющее собой ценность для души, в этом будут повинны только ваши собственные глупость и слепота. Душе нужна материя, так же как материи нужна душа. И если впереди нас ждёт мир, свободный от ненависти и бессмысленного национального разделения, это отнюдь не означает, что в Новом Мире установится полная идиллия и инертность. Возможности для проявления гениальности, талантов, амбиций по-прежнему останутся безграничными.

Высочайшая аристократия Земли — это аристократия разума и души, следовательно, развитие души и разума также будет поощряться. Образование в будущем станет не только практическим, но и гуманистическим; ничто, ведущее к красоте и к развитию мысли, не будет забыто. А после трудов, необходимых для удовлетворения материальных нужд мира, ещё будет

оставаться время для изящных искусств, учебы, общественной деятельности и религиозных восторгов. И для мистики в этом мире тоже найдётся место.

Три года назад я не осмелился бы предсказать *счастливым* конец всех этих трагических событий. Два с лишним года тому назад я говорил вам, что в Надземных Сферах эта битва была выиграна Силами Добра — Теми, Кто трудятся во благо человечества. Так *можете* ли вы теперь сомневаться? Если война закончилась уже два года назад, следовательно, мир уже успел прожить некоторое время без войны. Но теперь он уже не в состоянии следовать прежним эгоистическим путём. Сами реалии послевоенной жизни заставят расы помогать друг другу, и представители разных рас наконец-то смогут увидеть друг в друге братьев и сестёр.

Никогда не теряйте веры в то, что следствием этой трагедии всё-таки будет вознаграждение желаний и чаяний мира. Я уже вижу это и ради этого живу (поскольку я — даже более живой, чем вы сами); и для того, чтобы и вы тоже смогли это увидеть, я борюсь теперь с лёгкостью своего нынешнего тела, которое всё время норовит отбросить меня прочь от плотных сфер, в которых страдаете и возносите свои молитвы вы — люди Земли.

Я призываю вас — ту, кто следовала за мной с самых первых дней моего пребывания здесь, когда я писал вам из низших сфер Астрального Мира, описывая все, что видел вокруг себя, подобно путешественнику, попавшему в незнакомую страну; ту, кто прошла вместе со мной через ад астральной кутерьмы, начавшейся в первые месяцы войны, — проследовать за мной ещё немного. Я покажу вам путь — таким, каким я сам увидел его. Вам всем предстоит идти этим путём, поначалу — спотыкаясь и ощупью отыскивая путеводную нить поставленной цели, которая выведет вас из лабиринта восстановительного периода. Это будет уже в те дни, которые вы назовёте мирными. Но прочный мир нельзя установить в одночасье. Ради него также придётся потрудиться, как трудились вы ради достижения победы в войне. Но если у вас есть вера, вы сможете пересечь это штормовое море и достичь неба, которое есть новая земля. А над этой новой землёй вскоре воссияет новое небо, поскольку небо заселяется снизу — с земли; люди приходят на небо снизу. Сейчас новые ангелы не рождаются. Дыхание уже завершило свой Выдох, но новый Вдох пока ещё не начался. Вы ведь практиковали «йогическое дыхание» и знаете, как трудно задерживать дыхание после выдоха. Это можно сделать только усилием воли. Сейчас вновь возникает тенденция к возвращению, и раса начинает стремиться к возвращению к своим собственным Истокам. Вот почему я говорю, что вы всё равно бессильны остановить (разве что на короткое время) поток дыхания расы, вновь стремящийся к гармонии, миру и любви.

Эта междоусобная борьба людей, вызванная эгоистичным стремлением к обособленности, подобна попыткам молодого и неопытного йога остановить своё дыхание, поскольку мудрый человек дышит ровно и знает, когда должен закончиться вдох или выдох.

Раса знает это. И она неотступно будет следовать Закону вдоха и выдоха. И вы ничего не можете с этим поделать. Поэтому верьте себя течению, которое должно отнести вас обратно к Богу.

Это будет долгое и неспешное путешествие, поскольку дыхание на вдохе тоже должно производиться в размеренном темпе. У вас хватит времени и на труд, и на отдых, и на то, чтобы собирать цветы на своём пути.

Вы боитесь этого возвращения к Богу, даже медленного? Я испытал на себе смерть, и теперь знаю, что ничего страшного в ней нет; и раз уж я вкусил уже новой жизни, то теперь имею право сказать, что всё, что бы ни случилось с нами, — к лучшему.

24 ноября 1917 г.

Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что *отвечающие за мировой прогресс Силы, ради своевременного достижения эволюционных целей, могут использовать методы, которые лично вам показались бы отвратительными?* Восставая против продвижения космического прогресса, человек может ненадолго задержать его; но когда волна этого прогресса достигнет достаточно большой высоты, она увлечёт человека за собой даже против его воли, и, несмотря на всё его сопротивление, свершится то, чему положено свершиться.

Возьмём, к примеру, эту войну.

На вселенских часах пробил, наконец, тот час, когда человеческие расы должны были объединиться ради достижения общей цели. Но люди восстали из-за страха, что кому-то из них может не достаться при этом его доля мирового богатства; поэтому против всех рас был выставлен общий враг, который и *заставил* объединиться ради общего дела — сохранения цивилизации от разрушения, угроза которого и была тем общим врагом.

Можно ли было предотвратить эту войну? Да, если бы её удалось предвидеть. Но ни один из тех, чьё влияние было достаточно мощным для того, чтобы к его словам прислушивались с уважением, предвидеть её не смог. Те, кто пользовался в мире наибольшим влиянием, настолько сосредоточились на своей собственной работе и своих индивидуальных амбициях, что утратили способность беспристрастно смотреть на вещи и видеть мир как единое целое. Если тенденции, имеющие место в их собственных странах, в совокупности рассматривать могут лишь немногие, то количество людей, способных разглядеть основную тенденцию развития всего мира, ещё меньше.

И я теперь могу сказать вам, что если по окончании этой мировой войны расы не смогут осознать необходимость объединения в федерацию, целью которой будет защита интересов каждого её субъекта, то уже через сорок лет от всего того, что было достигнуто в течение блистательного девятнадцатого столетия (а за эти сто лет был достигнут такой материальный прогресс, как за два предыдущих тысячелетия), мало что останется.

И почему человек не может разглядеть звёзды своей судьбы до тех пор, пока его как следует не стукнут бревном по затылку? Если человек не будет заботиться об общем благе, то всё — абсолютно всё — окажется под угрозой. И уже находится под угрозой, если вы в состоянии это разглядеть.

23 декабря 1917 г.

Я хочу рассказать о меланхолии — не о депрессии, вызванной расстроенным пищеварением или нервными перегрузками, а о том тёмном облаке, которое обволакивает порою даже самые блестящие умы и самые стойкие сердца, делая их непригодными ни для какой работы, за исключением разве что усвоения самого опыта пребывания в меланхолии.

Не всякая грусть зарождается в сердце самого человека; и грусть, и страх — основа меланхолии могут быть переданы душе земного человека другой душой, находящейся вне Земли. Вы даже не подозреваете, какое облако несчастных и испуганных душ вырвалось на свободу, в невидимые миры в результате этой бойни; они собираются вокруг наиболее чувствительных земных душ, желая поведать о своих бедах, стремясь найти помощь и сочувствие. Они производят точно такое же впечатление, как и многие неуверенные в себе земные люди, один вид которых вызывает депрессию у более сильных личностей.

Так что теперь, когда вы почувствуете, что и вас начинает обволакивать это облако меланхолии, прервите ход своих прежних мыслей и задумайтесь об источнике этого влияния. И вы заметите, что тут действует сила внушения. И если обстановка и обстоятельства, в которых вы сейчас находитесь, не дают вам никакого реального повода для чувства пустоты и безнадёжности, не разумнее ли будет отогнать от себя дурное настроение, предположив, что это облако меланхолии сформировалось в каком-то ином месте, а затем просто опустилось на вас?

Ученик, который уже сейчас твёрдо решил когда-нибудь стать Адептом (пусть даже по прошествии ещё многих жизней), может прямо сейчас начать учиться контролировать и направлять свои мысли и эмоции.

Вы не впадёте в меланхолию до тех пор, пока сами этого не пожелаете. Есть множество текстов, мантр, пословиц и афоризмов, на которых вы могли бы в это время сосредоточиться. Это поможет вам перенести наиболее острые приступы хандры. Вот, к примеру, некоторые из них:

Боль и удовольствия — противоположные проявления одной и той же Силы.

Я — частичка Бога, а Богу ничто не в силах причинить вред.

Какая же истина скрыта за этой стеной недовольства?

Если даже погружаться в этот мрак подземелья всё глубже и глубже, рано или поздно я выйду на поверхность на другом конце Земли, и надо мной вновь засияет солнце.

Вчера я был счастлив, а я — это всё тот же я — и вчера, и сегодня.

Перепуганная собака вора не прогонит.

Раз уж все эти несчастья предназначены мне судьбой, значит, той же судьбой мне предназначено и научиться преодолевать их.

Возможно, не слишком глубокомысленно, но, если хотите, можете найти свои, более удачные изречения. Я лишь описываю сам процесс освобождения от гнетущего страха. Да и существует ли на самом деле то, что может испугать человека? Даже смерть страшна только тогда, когда вы сами её боитесь.

Учителям трудности даже нравятся. Для них это та же кислота, которая испытывает на прочность и чистоту золото их мастерства.

Да и на низших уровнях тоже есть своя прелесть в преодолении трудностей. Например, для того, чтобы написать роман, требуется гораздо больше усилий (и физических, и ментальных),

чем для преодоления какого-нибудь серьёзного затруднения. Намного проще собраться с духом и справиться с какой-либо бедой, чем написать даже коротенький рассказ.

Однако же вполне здоровый человек, обладающий пусть даже вполне рядовыми, способностями, всё равно склонен время от времени впадать в меланхолию. Почему так происходит — пускай разбираются философы.

Я не говорю сейчас о скорби, вызванной смертью друзей или изменой ложных друзей (что ещё невыносимее); я говорю лишь о страхе перед каким-нибудь воображаемым несчастьем, которое вряд ли когда-нибудь сможет произойти на самом деле.

Нет лучшего способа привлечь к себе определённое несчастье, чем прокручивать его в своём воображении. Вы можете создать практически что угодно, если будете настойчиво об этом думать, — даже радость и мужество, если захотите.

Учитель сказал мне однажды, что умение контролировать и прогонять меланхолию — это ещё более сложное испытание силы человека, чем даже контроль над своими желаниями.

И желания, и меланхолия зачастую приходят извне, воспринимаемые впечатлительным и пассивным разумом. Сам Учитель реагирует теперь только на те внушения, которые делают его сильнее. Если у вас есть друг, само присутствие которого прибавляет вам уверенности, старайтесь почаще бывать в его обществе. Если же у вас есть друг, навевающий на вас меланхолию, постарайтесь либо перевоспитать его, либо вовсе от него избавиться; порекомендуйте ему обратиться к врачу.

Что толку говорить о каких-то оккультных способностях, если мы не способны справиться даже с собственным настроением? Работайте над своим настроением. Могу порекомендовать такое упражнение: когда вы очень активны, заставьте себя немного полениться; или когда вы не устали, но вам просто лень чем-либо заниматься, заставьте себя быть активной. Естественной усталости не следует долго сопротивляться, так как мы сами уже сказали, что она — естественна; но усталость и лень — это разные вещи. Лень — это физический эквивалент меланхолии, которая соответственным же образом влияет на умственную деятельность человека.

Или ещё одно упражнение: если ваш разум заикливается на чём-либо одном, постарайтесь выключить эту мысль, как выключили бы вы настольную лампу.

Резко переведите мысли на что-нибудь другое. Это вам вполне по силам.

Но самый лучший способ исцеления от меланхолии — это математические вычисления примерно в течение часа. Ни разу в своей земной жизни я не видел человека, меланхолично занимающегося геометрией или тригонометрией. Почему? Да потому, что невозможно думать одновременно о математических формулах и о себе. А когда человек пребывает в меланхолии, его мысли направлены на самого себя.

Вы говорите мне, что меланхолия одолевает вас тогда, когда вы думаете о своей подруге, которая потеряла работу. Подумайте ещё раз. При мысли о том, чем вы можете помочь ей и можете ли вы себе это позволить, вас одолевает страх... Разве я не прав?

Вас может огорчать то, что ваша подруга осталась без работы, но причиной вашей меланхолии можете быть только вы сами.

Другой человек может вызвать у вас меланхолию, только обидев или испугав вас.

Наши мысли настолько привязаны к нашему эго, что разлучить их надолго — довольно сложно. Но разве вы впадаете в меланхолию, когда представляете себе какую-нибудь сцену из прочитанной книги? А можете ли вы поддаться меланхолии, вычисляя, например, «полярную высоту» планеты или рассчитывая «обратное её движение»? Я вижу, вы улыбаетесь. Когда вы занимаетесь цифрами, вы забываете о себе. Так что прислушайтесь к моему совету. Если самовнушение не поможет вам справиться с меланхолией, займитесь астрологическими

вычислениями по той таблице наклонных восхождений, которую я видел у вас вчера, и попробуйте рассчитать обратное движение и долготу Вулкана.

Вы напоминаете мне, что во время своей земной жизни я без особого уважения относился к астрологии. Но я говорю всего лишь о математических вычислениях.

1 февраля 1918 г.

Я несколько раз заглядывал к вам в течение последних нескольких недель. Рад, что вам выпала, наконец, возможность отдохнуть.

Слишком амбициозные и энергичные люди обычно недооценивают пользу подобного пассивного отдыха. Даже машина не может работать без периодического отдыха и смазки. Так же и душа, какой бы неистово деятельной она ни была, не может эксплуатировать своё тело и свой мозг слишком долго, не давая им возможности остыть. Фермер знает, когда ему следует оставить своё поле под паром.

«После войны» желательно, чтобы солдаты, довольно долго занимавшиеся одним и тем же трудом — ратным делом, получили бы время для отдыха, перед тем как вновь влиться в сутолоку промышленного производства; своего рода восстановительный период, когда они могли бы ничего не делать. Позвольте им хоть ненадолго отключиться от всех проблем и насладиться свежим ветром и ароматом безмятежности; и результатом этого отдыха станет возрождённая жажда деятельности, которая вновь возвратит их на заводы и фабрики. Если мир на несколько недель потеряет их, это не будет для него большой утратой.

В предстоящие годы наибольшее количество отдыха придётся на долю Америки. В Европе после войны будет иметь место вполне понятная усталость, и Америка ни в коей мере не проиграет, даже если немного спустит пар.

Час пассивного отдыха иногда бывает столь же полезен, как и час активной работы. Именно в часы так называемого пассивного отдыха мы размышляем, познаём самих себя, строим воздушные замки, которые на деле являются нашими рабочими планами на будущее. Фантазия — вещь хорошая. При жизни на Земле я часто фантазировал, и вот сейчас мои фантазии служат мне в качестве рабочего плана построения моего будущего, коим я сейчас как раз и занимаюсь. Я хотел вернуть себе нечто, что было утеряно, и вот — я это вернул. Вы хотите знать, что именно? Ну что ж, я скажу вам. В прошлой жизни я достиг весьма больших высот мастерства. Но затем меня постиг долговременный регресс. Я мечтал о том, чтобы вновь обрести потерянное, и здесь мне это в значительной мере удалось.

И если бы моё сознание не сохранило в себе яркий образ моих фантазий, я не смог бы здесь добиться такого прогресса в восстановлении утраченного.

Я недавно говорил здесь с одной своей старой приятельницей — очень дорогим и близким мне человеком, она перешла сюда год или два тому назад — и мы оба пришли к выводу, что наши фантазии — самое большое наше достижение в предыдущих земных жизнях.

Она сейчас тоже наслаждается восстановлением потерянного, и думаю, что с течением времени она даже сможет догнать меня. Да, восстанавливая таким образом свою память, можно вспомнить даже, что когда-то ты обладал способностями Адепта.

Моя приятельница сказала мне как-то со смехом, что с прибытием сюда она уже успела понастроить столько планов, что на их реализацию не хватит и вечности.

«Можешь заняться их реализацией, — посоветовал я ей, — а вечность — всегда в твоём распоряжении».

Она посмотрела на меня так, как когда-то на Земле (я очень хорошо помню этот её взгляд), и сказала: «Похоже, время придумали для рабов, а вечность — для хозяев».

Она тоже довольна тем, что перешла сюда. В течение долгого времени она занималась

одной и той же работой, и теперь рада переменить её на другую.

Вам интересно, помогает ли она мне? Нет, не помогает, если, конечно, не считать помощью радость от возобновления нашего общения. Да и чего ради она станет помогать мне, или я — ей? У каждого из нас — своя работа.

Но вы в своём мире должны помогать друг другу чем только можете, а мы здесь в одинаковой степени помогаем друг другу уже тем, что мы *есть*. И должен сказать, это очень большая помощь — иногда быть вместе.

Кстати, какое это само по себе замечательное выражение — «быть вместе»! Какая поэзия! Не работать вместе, не вместе развлекаться, но просто *быть*. Вы, наверное, чувствуете эту радость, когда находитесь рядом с другом, которого очень любите. Не нужно слов для того, чтобы передать это наслаждение. Словесная передача всегда ограничивает истинное чувство. Безмятежное бытие! Даже птицы могут наслаждаться им, даже роза может поведать вам секрет этого наслаждения.

Однажды на Земле я слышал, как сплетники заочно укоряли одну красивую женщину за то, что она абсолютно ничего не делает. Ну и что с того? Роза ведь тоже не шьёт на машинке и не пишет статей в газету.

Радость возвращается в ваш мир. Она очень долго отсутствовала. Быть просто ради того, чтобы быть, — этот принцип приобретает новое значение для тех, кто радуется уже тому, что он жив.

Пройти через все опасности этой долгой войны и при этом не перестать «быть» — разве этого не достаточно для того, чтобы вызвать восторг души.

Тем людям, которые прошли всю эту войну с самого её начала, не следует надоедать чрезмерным вниманием, когда они, наконец, вернутся домой, чтобы отдохнуть от тягот военной жизни. Они заслужили это право. И когда они будут рассказывать вам о войне, внимайте им с уважением. Ради вас они прошли через тень смерти. И если Бог сохранил их в числе активных клеток Своего тела, значит Он всё ещё нуждается в них, но это вовсе не означает, что они должны теперь ежеминутно работать на вас. Какое-то время и вы можете для них потрудиться. А когда они отдохнут, они присоединятся к вам в вашем труде.

Прошлым вечером я слушал разговор двух солдат, и вот что они говорили друг другу:

— А что ты будешь делать, Джон, когда всё это закончится?

— Каждое утро я по целому часу буду валяться в ванной — в тёплой мыльной воде; а потом буду звонить своим знакомым девчонкам — всем подряд, буду пить чай и слушать их болтовню. А ты что будешь делать?

— А я просто буду держать свою жену за руку и смотреть на неё.

Ну, что скажете — пустая болтовня? Это смотря что считать пустой болтовнёй. Мне, например, этот разговор показался очень важным.

Однажды, после той мелкой перепалки, которая была у нас с Испанией, я слышал, как одна активная женщина говорила, что с тех пор, как её муж вернулся с Кубы, он уже абсолютно ни на что не годен.

«Ну что ж, — сказал я, — зато на Кубе он был годен на многое».

Испано-Американская война!

Муха перед слоном, если сравнить её с *этой* войной.

И немцы тоже устали. Так что после войны вам не придётся слишком напрягаться, чтобы не отстать от них.

Письмо 26

Эра Водолея

2 февраля 1918 г.

Вас удивляет то, что Учителя вдруг заговорили об интересах простого человека, ведь прежде Они редко затрагивали эту тему. Но разве вы не знаете, что когда мир подходит к порогу каких-либо важных перемен, задача Учителей как раз и заключается в том, чтобы направлять его по верному пути?

Вы слышали о Железном веке, о Золотом веке и т.д., и знаете, что Золотой век должен наступить вслед за Железным. Вас, возможно, удивляло то, что два столь контрастно отличающихся друг от друга периода следуют по времени непосредственно друг за другом. Но между Железным и Золотым веком есть ещё переходный период, небольшой по протяженности в сравнении с собственно «веком» (ведь, например, самый продолжительный из них — Золотой — должен длиться 1728000 лет).

Но я пришёл к вам сегодня вечером вовсе не за тем, чтобы объявить, что Золотой век вот-вот наступит. О нет! Мы приближаемся к концу очередного малого цикла, и последующий затем переходный период между старым и новым [\[51\]](#) циклами продлится приблизительно около тысячи лет. Таким образом, этот тысячелетний период закончится примерно в середине так называемой Эры Водолея, так как этот малый зодиакальный период будет длиться как раз вдвое дольше [\[52\]](#).

Что же собой представляет Эра Водолея? Вы знаете, что Водолей — это *человеческий* знак. Вам известны также характеристики планеты Уран, с которой на этот раз соотносится Водолей. Вывод напрашивается сам собой. Мы получим Мир Водолея, в котором все вещи, однако же, будут подобны странной и непредсказуемой планете Уран.

Старый Мир — Мир Юпитера постепенно уходит, и мы постепенно входим в полосу изменений — политических, социальных, религиозных и личностных. И скоро человечество станет свидетелем попыток образования федерации государств, федерации душ. Пожалуй, только эта война способна задержать данный процесс, а результаты его проявятся неожиданно, вполне в соответствии с характером таинственной планеты Уран.

В конце Эры Водолея творческая воля человека достигнет таких масштабов, какие до сих пор и не снились миру. Она наконец-то освободится от всех сдерживающих её ныне ограничений. Когда добыча средств к существованию перестанет быть проблемой для человека, какую свободу *разума* он тогда обретёт! Нынешние американские свободы — ничто в сравнении с той свободой, которую несёт нам грядущая эра.

Когда образование приобретёт действительно вселенский размах, моральный и ментальный уровень человечества резко возрастет, и новые идеи будут без труда усваиваться развивающимся человеческим мозгом.

О, мир, смотри в будущее без страха! Три года назад даже мы, видящие намного дальше вас, испытывали сомнения, думая о будущем вашей планеты. Но Великие Учителя постоянно говорили нам, что мир сможет пройти через эту полосу испытаний и сохранит своё равновесие, и что *силы порядка одержат верх над силами, которые стремятся создать беспорядок*. Разве вы не заметили, что в духовном мире напряжение уже спадает? Разве вы не заметили, что нет уже тех враждебных существ, чья торжествующая злоба в первые месяцы войны, казалось, угрожала и вам, и всем людям, и всему миру? Это и есть та соломинка, полёт которой указывает направление «ветра, дующего между двумя мирами».

Хорошо, что вы умеете так чётко подмечать психические состояния. Эта наблюдательность сослужит вам хорошую службу в будущие годы. Те, кто не сможет приспособиться к новым условиям, на некоторое время уйдут, чтобы, вернувшись снова с неподвзятым сознанием ребёнка, начать накапливать новый опыт уже в Новом Мире.

Поначалу будет много возмущений. Теперь уже всё выглядит далеко не так стабильно, как казалось четыре года назад. Война выявила нестабильность существующих в мире реалий.

Волна психических исследований, ныне захлестнувшая мир, будет способствовать истончению завесы между видимым и невидимым. Всё больше и больше мужчин и женщин начинают жить одновременно в двух мирах, поскольку оба мира занимают одно и тоже пространство, и различия между ними — суть различия сознания, частоты колебаний (что предусматривает и разные состояния материи).

Новые влияния будут способствовать усилению магнетизма людей. Их влияние друг на друга будет становиться всё сильнее и сильнее, и это ещё одна из причин, делающих необходимым достижение большей свободы. Повышенная чувствительность, долженствующая утвердиться в будущем, сделает более сложным проживание больших семей под одной крышей. И хотя всё человечество с течением времени будет всё более походить на единую семью по духу, люди постепенно будут убеждаться в том, что для более успешного развития каждому человеку необходима интимная обстановка. Тирания семьи сменится свободой *внутри* семьи. Уберите из семейной жизни тиранию, и вы увидите, что она может быть достаточно приятной.

Более чувствительные и более утончённые существа Нового Века просто взорвались бы, если бы им пришлось каждый вечер собираться за «семейным столом» и слушать бормотание наименее развитого из них, лишь благодаря своему возрасту узурпировавшего монопольное право диктовать свою волю. Это вовсе не означает, что дети перестанут уважать своих родителей, но в новых условиях родителям придётся учитывать и потребность своих детей в личной жизни и предоставлять им соответствующую возможность, тем самым подтверждая их свободу.

В конце Эры Водолея свобода будет проявляться уже, главным образом, в сфере разума. «Ереси» перестанут существовать, да и само это понятие утратит смысл.

Грех против Духа Святого будет трактоваться как попытка ограничить чужую волю. А результатом этой взаимной терпимости будет всё возрастающая дружелюбность. Мы ненавидим только тех, кого боимся, а в мире всеобщей терпимости предпосылок для появления ненависти практически не останется.

Все люди будут учиться; школа будет всего лишь первой ступенью обучения. Когда человек станет своим собственным учителем, его успехи в учебе станут намного заметнее.

То, что вы сейчас знаете об искусстве, музыке, литературе, может дать вам лишь очень слабое представление о том, какие формы они примут в следующем веке. Вспомните какие-нибудь новомодные словечки из недавнего прошлого, «импрессионизм», например. Это слово будет применяться во всех жанрах искусства.

Наука пока ещё находится сейчас во младенческой стадии. Согласно древним книгам, Водолей — воздушный знак, а воздух содержит в себе много тайн, которые вам предстоит раскрыть. И тайны эти касаются не только возможностей передвижения, но и психологии. Авиация и психические исследования начали развиваться одновременно.

Последней «линией обороны» такого явления, как электричество, вы ещё не овладели. А оно для вас — тоже истинное сокровище. Когда вы научитесь получать его из воздуха (где оно прячется, посмеиваясь над вами), вам уже не нужно будет добывать уголь в таких количествах, и шахтёры смогут выбраться из недр земли на поверхность и чаще будут видеть над собой солнце.

Изобретения. Я уже вижу в «Мире первообразов», о котором я говорил вам в своей первой

книге, множество вещей, которые вызвали бы ваше безграничное удивление, знай вы о них. Пройдёт не так уж много времени, и технологии, ныне считающиеся новыми, устареют. И терпеливый шелковичный червь уже не будет таким аристократом, как сейчас.

Человеческое эго возвращается к самому себе. Оно обретёт себя, когда откажется от эгоизма. Это не просто софистика, но констатация психологического факта.

Кажущийся хаос обретёт правильную форму, и в ней вы увидите доселе неведомую красоту. Не стану скрывать от вас, что в период мировых изменений очень многие будут употреблять это слово — «хаос». Но не стоит беспокоиться. Бесформенное обретёт со временем свою форму. Ясновидение, всё сильнее и сильнее развивающееся в человеке, поможет ему увидеть то, что не позволяла видеть его старая вера. Он будет верить в будущее, он будет верить своему брату и не обманется. А интуиция души укажет человеку на то, что действительно необходимо ему для процветания. За воздухом (или в самом воздухе) находится эфир — это тоже материя (отдельная субстанция), которая есть Бог. И человек будет использовать его для своих нужд — с согласия Бога, который с радостью отдаёт Себя своим детям.

Как я уже говорил выше, Учителя направляют развитие мира в нужную сторону, но они достаточно мудры, чтобы не ускорять этот процесс. Они внимательно следят за ходом космических часов и будят мир точно в час нового рассвета. И нам выпало счастье служить Им.

3 февраля 1918 г.

Однажды я стоял перед Великой Душой, отказавшейся от отдыха на Небесах, и я спросил Его о том, какая работа для нас сейчас наиболее важны. И как вы думаете, что Он мне ответил?

— Работа с теми, кто испытывает страх перед будущим.

— Неужели так много людей смотрит в будущее с опаской? — спросил я.

— Каждый, кто думает, видит и имеет чувство ответственности, боится будущего, — последовал ответ.

И тогда я решил проверить это на американцах. Я наблюдал за самыми разными мужчинами и несколькими женщинами. И я обнаружил в их умах колоссальную неуверенность.

«На чёрный день у нас и так достаточно», — думал я в них столь интенсивно, что многие отвечали мне успокоенной улыбкой.

Да, я действительно могу вызвать отклик у человека, когда интенсивно о чём-то думаю, находясь в непосредственной близости от него.

Вера Одного из находящихся здесь Великих Душ уже многим помогла выдержать порывы ветра, пытавшегося сбить их с ног. Он знает, что Америка будет строго следовать предначертанной ей судьбе, но для того, чтобы она не сбилась с курса, Он сам решил разгонять туман, мешающий ориентироваться шкиперу.

В эти серые дни «корабль государства» часто будет попадать в полосу тумана. Когда Вильсон национализировал железные дороги, какой это был праздник! Правда, когда восторги улягутся, многие примутся критиковать и осуждать его, но критика и осуждение всегда будут наградой тем, кто, забывая о себе, трудится на благо своей страны или же всего мира. Но если человек достаточно велик для того, чтобы победить свой эгоизм, злословие не сможет причинить ему никакого вреда. Оно может повредить только нашему эгоизму. А душа способна выдержать все встречные ветры, сохраняя свою безмятежность и чистоту.

Я отнюдь не призываю всех людей сразу же отказаться от всех эгоистических мотивов в своих действиях. Только тот, на ком лежит огромная ответственность, может без всякого опасения отказаться от них. Маленький, неразвитый человек не может убедить свою душу занять место своего низшего «я». Поскольку в этом случае душе пришлось бы снизойти до личностного, эгоистического уровня. Большинство душ перевоплощаются лишь частично. Высшая сущность большинства людей остаётся выше, отдельно от них. Она является их Молчаливым Наблюдателем, лишь изредка вмешивающимся в их жизнь с целью предупредить или спасти их. Высшая сущность отделяется от низшей, чтобы накапливать опыт и усваивать уроки, глядя на страдания и радости последней, на её успехи и неудачи. Но когда человек развивается настолько, что его поступки начинают выходить за рамки личностных интересов, душа может снизойти и начать непосредственно влиять на человека, поскольку душа призвана функционировать на уровне, стоящем выше личностного. Душа — сознательная часть Великого Целого, обладающая собственным сознанием, часть Бога, которому она служит и поклоняется независимо от того, насколько погрязла в суете и богохульстве низшая сущность.

Высший Наблюдатель есть в каждом человеке, который ещё не потерял свою душу. Наблюдатель — Един и в то же время — множественен. Он — твоя связь с Богом, человек! Он — твоя связь с бессмертием.

Смерть отнюдь не является залогом немедленной встречи с НИМ, поскольку вы можете ещё

долго пребывать в Астральном и низшем Ментальном Мире, прежде чем встретитесь с НИМ лицом к лицу. Но если вы сможете вознестись сразу после смерти в Высшие Сферы, вы увидите ЕГО, ОН ждёт вас. Вы сможете представить ЕМУ все благие плоды вашей недавней жизни, и ОН порадует вас вместе с вами.

Я встретился со своей душой лицом к лицу; однако я не могу подолгу оставаться в Высших Сферах, безмятежно созерцая её красоту, в то время как меня ждёт непочатый край работы в околоземных сферах, где я стараюсь помочь человеческим расам. Постепенно я вновь вознесусь, но если я уйду в Небеса надолго, вы уже больше ничего обо мне не услышите.

Да, и вашу душу я видел тоже. Но я не стану описывать вам её сущность, ибо вы и сами способны разглядеть её. Прислушивайтесь к ней. Если человек приобрёл способность достигать своего Молчаливого Наблюдателя, крах земной дружбы уже не сможет разрушить его веру. Ведь душа вероломного друга так же чиста, как и его собственная, — она всё видит и всё понимает. Дружба, как и любовь, начинается на Небесах, и потому истинная дружба не может умереть. Её корни глубоко погружены в воды Вечности. Она бессмертна, как Иггдрасиль [\[53\]](#), и её корни также находятся вверху, а ветви — внизу.

Но уж лучше потерпеть неудачу в бизнесе, чем в дружбе.

Если человек достаточно велик и силён, он может притянуть душу к себе, в низшие миры, и она будет оставаться с ним, где бы он ни был. В этом случае он становится цельным человеком, Адептом. Таким человеком, такой душой был Линкольн. Он смог слиться воедино со своим Высшим Наблюдателем, и эти двое, составляющие единое, могут действовать даже на астральном уровне. Но такой союз неба и земли встречается редко; Адепт — редкое явление.

Ваш «отец небесный» представляет собой единое целое с Отцом; и если вы и ваш «отец небесный» действительно едины, он сможет жить вместе с вами даже на Земле.

На протяжении столетий высшие души людей никогда не приближались к людям так близко, как сейчас. Горе, страх, боль и беззаветное служение идеалам возвысили человеческую расу за последние три с половиной года настолько, насколько она не смогла бы возвыситься даже за сто лет мирной жизни. Если теперь раса откатится назад, возможность окажется упущенной без всякой пользы. Но этого не произойдёт.

8 февраля 1918 г.

Я ждал вас целых полчаса, пока вы что-то шили и думали о своих друзьях во Франции. Теперь мысли о Франции согревают сердце.

Связь между двумя великими республиками становится всё теснее и теснее.

Хотите, я сообщу вам один оккультный секрет? Французская кровь уже давно смешалась с нашей, с тех самых пор у нас и возникла любовь к ним. Теперь мы смешиваем свою кровь с французской, и скоро у Франции тоже появится ответная любовь к нам.

Смешивание крови есть ритуал установления братства. Англичане, французы, американцы, итальянцы, шотландцы и все прочие... Разве у них нет причин для установления братства? Их смешанная кровь взывает из глубин, требуя любви.

Я замечаю теплоту в глазах французов, когда они видят, как наши мальчики проходят строем мимо их домов, или когда они стараются помочь им — французам — хоть в чём-нибудь, ведь они к этому приучены ещё дома, в Америке. Больше никогда не будут они смотреть на нас как на странных чужаков, живущих где-то за океаном.

Раньше мы просто приезжали в их страну, тратили там свои деньги, расхаживали повсюду с важным видом да беседовали с ними, чванливо оттопырив нижнюю губу, но теперь мы живём и умираем вместе с ними, наша кровь смешалась — и мы стали братьями.

Да, возвращайтесь во Францию при первой же возможности. Они всегда любили вас, потому что вы любили их, но теперь вы убедитесь в том, что они любят также и вашу страну.

Февраль 1918 г.

Через день или два после того, как Америка объявила себя в состоянии войны, я предпринял путешествие по этой стране, изучая обстановку, сложившуюся к этому времени в обоих мирах. И до этого исследования я имел общее представление о том, что сейчас происходит в обоих мирах, но мне хотелось освежить свои впечатления, поскольку в голове у меня зрел грандиозный план. В течение своей земной жизни я много раз говорил себе, что у меня есть грандиозный план; иногда мне частично удавалось реализовать его, иногда нет. Но на этот раз я решил, что промашки не будет.

Когда в результате своих исследований я пришёл к выводу, что все необходимые материалы уже имеются в наличии, я отыскал великого человека, духа, — называйте его как угодно.

Затем мы, уже вместе, разработали план нашей кампании. Основные его пункты были следующие: Сохранение — здесь должны были быть задействованы негативные силы.

Строительство — с помощью позитивных сил.

Координация — с использованием как негативных, так и позитивных сил.

Мы собрали группу обладающих сильным разумом и сильной волей мужчин и женщин, находящихся здесь уже достаточно долго, чтобы уметь не только хорошо ориентироваться в этом мире, но и влиять на мысли живущих в Материальном Мире людей. Мы разослали их по разным местам, где они должны были думать, думать и думать, находясь вблизи сенаторов, конгрессменов, крупных промышленников и просто людей с улицы. Им следовало таким образом внушать людям мысли о сохранении продуктов, денежных средств и прочих материалов, необходимых во время войны.

Прочие же наши сподвижники, преисполненные любовью к Америке как к месту своего последнего рождения, бродили по стране толпами, исподволь заражая своим патриотическим энтузиазмом сердца и умы миллионов людей, уже привыкших рассматривать Америку как нечто само собой разумеющееся. Они распевали патриотические песни, и хотя земные люди не могли слышать их пения, сам дух его всё-таки передавался им; так что нашим людям удалось достичь многого.

Затем другие — наиболее мудрые из числа прежних лидеров человечества — занялись ликвидацией беспорядка и подавлением недовольства, вызванных войной. И если где-то собиралась группа разглагольствующих о мире одичавших «идеалистов», чтобы возобновить свою болтовню, то тут же рядом с ними появлялся один из этих невидимых аудиторов ^[54] и подавлял их энтузиазм, вызываемый их же собственными вредоносными высказываниями.

Я надеюсь, что не очень наскучу вам, если изложу во всех деталях этот тщательно разработанный нами план помощи. Но мы задействовали здесь более миллиона человек, вызвавшихся помогать нам до тех пор, пока в их помощи будет оставаться необходимость. Вам, возможно, покажется, что миллион помощников для нации численностью более ста миллионов человек — это не так уж много, но один активный работник на сотню человек — это совсем неплохо, поскольку каждый из них ещё может выбрать себе помощников из числа земных людей.

Генералы этой вспомогательной армии отчитывались о проделанной работе перед её главнокомандующим и получали от него, в свою очередь, много непонятных приказов. Однако никто не сомневался в его мудрости, и результаты вновь и вновь подтверждали его правоту.

Однажды, когда я намеревался отправиться на север, он приказал мне отправиться на юг, и уже в пути я понял, для чего мне следовало отбыть в обратном направлении.

Любопытно, отчего это в последние месяцы перед различными законодателями в их капитолиях так и не «появлялись призраки»? А может, всё-таки появлялись? Но люди уже начинают привыкать думать о нас без боязни. И это ещё одно положительное следствие войны. Желая заглянуть за черту в поисках тех, кого они любили, люди могут иногда сталкиваться с Учителями и даже с ангелами тех, кто был ими любим. И эти встречи углубляют их разум.

В городе *** произошёл один забавный случай (с моим участием). Там живёт некий «пацифист», имеющий влияние на определённый круг лиц. И однажды, когда он опять начал «философствовать» в присутствии нескольких человек (так как публично он не выступал), я обнаружил, что, нашептывая ему на ухо ответы на его собственные вопросы удивительным для него образом, я могу совершенно сбить его с толку. Поскольку, как это ни странно, он меня действительно слышал. Но в возможность общения между мирами он не верил и потому решил, что у него начались «слуховые галлюцинации», и обратился к врачу, который сказал ему, что тот чересчур много размышляет о войне. Доктор, который сам пацифистом не был, посоветовал нашему другу заняться орнитологией.

Да, он молод и будет оставаться молодым в течение ещё многих инкарнаций.

Мы тоже внесли свою лепту в организацию призыва. Тех, кому и так предстояло быть призванными, мы просто ободряли, но бывали и такие, кому было достаточно одного лишь посланного нами сна или подсказанной нами мысли, чтобы наставить их на правильный путь, а когда молодой человек знает, что его страна ведёт войну, этот правильный путь приводит его обычно к воротам ближайшего призывного участка.

В городе *** был один парень, чьё сердце сжималось от ужаса, когда он читал о Франции и о происходивших там сражениях. Он боялся призыва. Крепышом его нельзя было назвать. Он работал счетоводом в банке, и потому мышцы его ног были развиты слабо. Да и пищеварение у него было неважное. Потому-то он и решил, что хороший солдат из него не получится.

Но однажды, когда он во сне перенёсся в наш мир, я встретил его и предложил ему немного прогуляться вместе со мною. Вы решили, что я показал ему поле сражения? Что вы, нет! Я перенёс его на поле для учений. Вы, возможно, подумали, какой смысл был мне вести его туда ночью; но на этот раз мне просто повезло, парень уснул днём. И я помог ему взглянуть сверху на покинутый им на некоторое время мир. Мы смотрели на поле для учений. Ему это было интересно.

А на следующий день работа над гроссбухом^[55] показалась ему скучнее, чем обычно. К тому же он случайно услышал, как одна девушка, беседуя со своей подругой через окошко кассы, сказала, что желтолицый клерк никогда не был её идеалом мужчины и что ей больше нравятся солдаты.

Когда он отправился прогуляться после работы, я последовал за ним и привлёк его внимание к марширующим по улице пехотинцам, сопровождаемых к тому же неплохим оркестром. Парень вернулся домой, посмотрел на себя в зеркало и обнаружил, что его лицо от работы в банке действительно стало желтоватым. И тут он вспомнил, что он к тому же ещё и клерк.

Вот так он и попал в армию.

Вы, возможно, спросите, почему я потратил столько времени только ради того, чтобы завербовать одного малоинтересного юношу в военную паству Дяди

Сэма, когда у нас есть столько вспомогательных работников, которые могли бы этим заняться. Дело в том, что двадцать лет тому назад я был знаком с отцом этого парня, и некоторые его слова подтолкнули меня к решению, которое благотворно повлияло на всю мою

дальнейшую жизнь.

Когда этот парень вернётся, он уже не будет желтолицым, да к тому же он будет героем, а не клерком.

Я привык возвращать долги.

16 февраля 1918 г.

«Свобода в сочетании со сдержанностью и социальной ответственностью» — вот неплохой девиз для американцев на предстоящие годы.

Скрытой и открытой пропаганде большевизма, анархизма и пр., инспирированной и поддерживаемой силами разрушения, можно с успехом противопоставить дух упорядоченности, сдержанности, ответственности.

Окончание этой войны отнюдь не будет означать окончания беспорядка. Душа мира была заражена вирусом разрушения, и теперь потребуется согласованная воля миллионов людей, чтобы вывести заразу и восстановить здоровье человечества.

Америка, как известно, была рождена протестом против угнетения и любовью к свободе — это её отец и мать, позитивное и негативное. Если же теперь протест против угнетения вырождается в протест против всех ограничений, а любовь к свободе вырождается в любовь ко вседозволенности, я смогу сказать лишь одно: человеком, который не в состоянии управлять самим собой, должны управлять другие.

Человеческая раса проходит сейчас через стадию посвящения. Слабые морально и слабые волей постоянно находятся под угрозой быть сбитыми с пути. Для духа разрушения это идеальные орудия, с помощью которых он реализует свою волю.

До установления Царства Небесного ещё далеко. Пройдёт добрых семь лет, прежде чем сознание человечества вновь придёт в норму после такой встряски. Как это всегда бывает в таких случаях, вся муть поднялась со дна, всё заполнив собой.

И если бы хоть дюжина людей во всех Соединённых Штатах знала или же имела возможность понять, какие *окультиные силы* стоят за нынешним вселенским беспорядком, и если бы эти двенадцать смогли работать вместе, сплоченные единством цели и единым руководством, в разных частях страны, используя в работе устное и печатное слово и собственную волю, они смогли бы вывести народ из звериного состояния. Но где они, эти двенадцать? А ведь каждый лидер знает, что в единстве — сила.

Справедливым будет и обратное утверждение: в разобщённости — смерть.

Большевики и анархисты! Им не нравится, как устроен этот мир, они не могут приспособиться к окружающей среде настолько, чтобы полностью удовлетворить свою жажду власти или стремление к праздной жизни. И потому эти люди посвятили свою жизнь разрушению общества, в котором они так несчастны. И они верят в свою правоту. Даже в самом негодном человеке есть столько божественного, что ему тоже необходимо верить в то, что он творит добро, даже когда он творит явное зло. Даже убийца стремится оправдать своё чёрное дело, прежде чем решится на него, а когда им, наконец, овладевает слепая страсть к разрушению, он стремится оправдать и эту страсть.

Сердце человека главнее, чем его мозг. Положительные импульсы может ощущать практически каждый, но человек, мышление которого не подвержено влиянию страстей, — явление редкое и одиночное. Всеобщность образования отнюдь не означает, что все приобретают способность думать. Но общедоступность образования — это только начало; это семя, из которого взрастёт затем древо мирового интеллекта.

Я говорил вам о царстве любви, которое в конце концов успокоит сердца всех людей, но ведь я не говорил, что его пришествия следует ожидать со дня на день.

Если бы вы смогли освободиться от всего личного и преходящего и увидеть жизнь и чередование циклов в перспективе, вы заметили бы, что все эти временные беспокойства — не более чем кратковременные этапы, встречающиеся нам на пути.

Тот, кто в состоянии приспособиться к окружающей среде, приспособится и к этой беспокойной жизни. Помните об этом. Гибкое дерево гнётся на ветру, но его корни крепко сидят в земле, прикрепившись к граниту индивидуальности.

Америка, будь подобна гибкому дереву. И если по всему миру носятся ураганные ветры, держись крепче за почву свободы, не упускай гранит *социальной ответственности*. Если ты не оторвешься от той почвы и той скалы, которые поддерживали и укрепляли тебя, ты сможешь спасти весь мир.

Измученные глаза Европы смотрят на тебя из пламени пожарища. Друзья смотрят на тебя с надеждой, враги — со страхом. Стоит тебе бросить на чашу весов справедливости вес своего сильного молодого тела — и ты изменишь судьбу мира. Да, ты сделаешь это, такова твоя судьба.

Я обращаюсь ко всем, кто изучал *окультизм* — то есть приобрёл знание, глубину которого не в силах постичь материалистический разум; вы, изучавшие окультизм, должны знать, что каждый кандидат в посвящённые должен пройти через определённые проверки и испытания, без которых он не сможет продвигаться дальше. Читайте, что вся человеческая Раса сейчас готовится к посвящению. И если ваш разум развит лучше, чем разум ваших ближних, вы, и вы тоже — вы все не должны забывать, что и вы, и они — связаны между собой неразрывной связью. Вы не можете отделиться от своей расы. Вы можете подняться выше, как это сделали Учителя, или опуститься ниже, как это делают погибшие души, но связь, соединяющую вас с прочими частичками Бога, вы можете разорвать только на свой страх и риск.

Учителя трудятся на благо Расы, зная, что отказ от неё не пойдёт Им на пользу. Даже если Учитель станет равен богам и захочет создать свой собственный мир, ему всё равно придётся черпать субстанцию для него из общего резервуара. Даже если бы он смог, подобно пауку, выткать весь свой мир из самого себя, ему всё равно пришлось бы пользоваться общим источником питания для поддержания своего собственного существования.

Любите свою расу, ведь полностью отделиться от неё вы всё равно не сможете. Даже если вы вознесетесь в тонкую материю Царства Разума, вы всё равно будете ощущать потоки, поступающие от ваших ближних, которые находятся как выше, так и ниже вас. Кто-то, возможно, не согласится с этим, но я проверил это на себе.

Однажды я забрался очень высоко, чтобы спокойно отдохнуть. Но нужды мира притянули меня обратно.

И главной потребностью мира в последующие несколько лет будет знание Закона сохранения. Береги, о мир, все сокровища, которые ты нажил своим трудом в течение столетий. Выбрасывай только изношенную одежду и только негодные вещи. Мудро организованный мир уже не будет испытывать ныне нужду в деревянном плуге и деревянных башмаках, но науки и искусства тебе ещё понадобятся, и те католические соборы, которые ты разрушишь сейчас, ты уже никогда не сможешь восстановить.

18 февраля 1918 г.

Повсюду борьба противоположностей! За всеми разговорами об интернационализме не будем забывать о национализме. Наш нынешний враг превосходно смог им воспользоваться, но он не подумал о его противоположности. Содержать своих шпионов под видом коммерческих агентов во всех странах мира — это ещё не интернационализм.

Из всех государств Америка наиболее соответствует своему собственному девизу — «Один за всех, и все за одного».

Но в своей любви к другим расам и другим нациям она не должна забывать о собственном усилении и собственной защите.

«Страна моя, ты — наша!» Чем сильнее будет это утверждение звучать в вашем сердце, тем ваше стремление справедливо оценивать другие нации будет ближе подводить вас к мысли о том, что их страны — это их страны. Ведь в основе вашей страны лежит идея свободы, а не идея мирового господства — свободы для себя и для других.

Вашего президента назвали творцом красивых фраз. Но это неплохо. Человек, который создаёт фразы, способные облететь весь мир, влияет таким образом и на мысли людей во всем мире.

«Сделать мир доступным для демократии». Эти слова будут жить в веках.

Вы, американцы, преклоняющиеся перед легендарной землёй Европы, не должны недооценивать свою собственную страну, давшую вам жизнь. Её часы ещё не пробили полдень, а она уже величайшая из великих. Для Америки до сих пор длится утро. Нынешний американец — предок человека Шестой Расы. Он будет побегом от многих корней, в крови его будет перемешана кровь всех Рас, которые были до него. По своим качествам он будет уникален. И ни один человек из прежних Рас не сможет подражать ему, так как и сознание его тоже будет иметь свои особенности.

Как вы сами часто говорите, человек — это не просто сгусток плоти и крови, костей и мышц; человек — это состояние сознания. Вы постигаете природу других людей, лишь представляя их себе как состояния сознания, отличные от вашего собственного.

Если (или, вернее, когда) вы вернётесь жить в Европу, не забывайте свою страну. И не оставайтесь вдали от неё слишком долго, иначе вы потеряете связь с тем уникальным сознанием, расцвет которого мы увидим в Шестой Расе.

Да, в Америке пышным цветом расцветёт искусство. И через последующие пятьдесят лет вы будете пожинать его плоды. Будем надеяться, что они не пропадут слишком быстро, но, подобно крепкому американскому яблоку, долго будут радовать глаз своей свежестью.

Эта война пойдёт Америке на пользу. Мало хорошего в том, что раса приобрела такие огромные материальные богатства без боли и без борьбы. Именно боль смягчает сердце.

Америка ещё не нашла свою душу, но непременно найдёт её. Те американцы, чьи сердца сейчас разбиты, тоже обретут свои души.

Франция обрела свою душу уже давно и сейчас ищет свою божественность. Неужели эта божественность принесёт ей только страдания? Христос на кресте — более велик, чем Христос на свадебном пиру в Кане Галилейской.

Если бы я не хотел, чтобы вы написали эту книгу, я отправил бы вас в Лондон, где вы смогли бы испытать на себе тяжесть воздушных налетов и недоедания. Я отправил бы вас назад

во Францию, где вы могли бы помогать раненым.

Хотя вы уже выдержали напряжение войны, шедшей в Астральном Мире, вы ещё не видели и не ощутили агонии физического страдания, которую уже пришлось увидеть и прочувствовать женщинам Франции. Но вы не можете жить и страдать одновременно в нескольких мирах.

Вы не задумывались над тем, что наши американские парни, сражающиеся сейчас во Франции, в значительной мере обогатят свой опыт независимо от того, останутся ли они живы, или погибнут? Жизнь в материальном мире — не единственная жизнь, и тот, кто приносит себя в жертву, приобретает больше, чем теряет. Смерть во имя идеала — возвышенна. «Сделать мир доступным для демократии».

Теперь европейцы знают Америку гораздо лучше, чем раньше. Многие из вас будут приходить и уходить — так было всегда; но лишь немногие из вас послужат укреплению взаимопонимания между Америкой и Европой. И сделать это вы сможете, лишь прославив в своём сердце свою собственную нацию. Это не значит, однако, что свою гордость вы должны выставлять напоказ. Пусть она горит как огонь на алтаре в сокрытом от посторонних глаз храме вашей сущности.

---

notes

«Letters from a living dead men» (англ.).

Рерих Е.И. Письма. Т. 3. — М., 2001. С. 584-585.

Г. Вейл Оуэн в предисловии к книге «Жизнь Высших миров» называет этот процесс «вдохновенным письмом».

Ляввы (лат.) — животные души, астральные оболочки умерших людей.

Аспидная доска — грифельная доска, покрытая слоем аспидного сланца.

Это, очевидно, относится к моим «гипногическим» видениям. — Прим. авт.

Астральные органы чувств отделены от физических предохранительной тканью, которая может быть повреждена по причине искусственного раскрытия психических сил, и тогда влияния из Астрального Мира могут легко проникать в человека. (См. об этом статью «Развитие оккультных сил» в №№ 5, 6 «Вестника Теософии», 1914 г.)

Микадо (букв. «величественные врата») — древний титул императора Японии.

Эон (греч.) — период времени, эпоха.

Очевидно, имеется в виду Закон противодействия. (См. «Письмо № 21»).

Элементалы — духи стихий, существа, живущие в четырех царствах, или стихиях: земле, воздухе, огне и воде. В мифологии их называют гномами, эльфами, сильфидами, ундинами, саламандрами. За исключением некоторых из высших классов и их владык, они являются скорее силами природы, чем эфирными мужчинами и женщинами. (См. подробнее: Блаватская Е.П. Теософский словарь. — М. 1998. — С. 471).

«Вы спрашиваете — кто это Прекрасное Существо, о котором говорится в книге Баркер? — пишет Елена Ивановна Рерих. — Существо это принадлежит к обитателям иной планеты, скажем, Юпитера, и хотя Оно и не входит в состав Белого Братства, тем не менее, Оно сотрудничает с Ним в полном согласии. <...> Между Прекрасным Существом и Тарой разница невелика». — Письма Елены Рерих. 1932-1955. — Новосибирск. 1993. — С. 490-491.

Ср. игры в детстве знаменитого американского ясновидца Эдгара Кейси с малышами, невидимыми для других людей, описанные в книге Т. Сюгрю «Река жизни» («Where's the River»).

Речь идёт о единственном наследнике австрийского престола эрцгерцоге Франце Фердинанде (1863-1914), убитом сербским студентом, членом консервативной группы «Млада Босна», в Сараево 28 июня 1914 г.

Вильгельм II, двоюродный брат российского императора Николая II.

«Der Tag» (нем.) — день, срок

Вероятно, речь идёт о завоевании Африки («Великой Африканской Охоте») в XIX веке европейскими странами, в том числе и Бельгией. Бельгийский король Леопольд II путём подкупа и обмана вождей африканских племён в 1875 г. стал фактическим владельцем территории примерно в 1000000 кв. км. в бассейне реки Конго. После Международной Берлинской конференции 1884 г. Леопольд II стал юридическим главой «Свободного государства Конго», якобы независимого, а в действительности настоящей колонией Бельгии, где процветали политическое бесправие и жесточайшая эксплуатация негритянского населения.

Вуду — секта чёрных магов в Центральной Африке.

Элементарии — развоплощённые души развращенных людей или «человеческие элементарии»; эти души, живя ещё на земле, покинуты божественным духом. (См.: Блаватская Е. П. Разоблачённая Изида. — М., 1992. — Т. 1. С. 259-279).

«МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН» — слова, чудесным образом появившиеся на стене во время пира вавилонского царя Валтасара, которые означают: «Мене — исчислил Бог царство твоё и положил конец ему; текел — ты взвешен на весах и найден очень лёгким; перес — разделено царство твоё и дано мидянам и персам». В эту же ночь Валтасар был убит. (См.: Дан. 5: 24-30).

У меня вызвало некоторые сомнения не совсем понятное выражение — «кульминационная точка ритма». Но учитывая то, что каждое значительное возмущение вызывает продолжительную серию ритмических колебаний, и то, что высшая точка каждой такой волны вполне может быть названа кульминационной, я предполагаю, что «Х.» придаёт словам то же самое значение, которое придаётся им на Земле, и кульминационная точка ритмической волны в этом случае может быть названа кульминационной точкой ритма. — Прим. авт.

Ахриман — верховное божество зла в иранской мифологии.

Кальпа (санскр.) — период мирового цикла, «один поворот Колеса Времени — Калачакры» Вселенной.

Атма (санскр.) — Высшая Душа, божественная Монада, зерно духа.

Unter den Linden (нем.) — знаменитая аллея в Берлине.

Lese majeste (фр.) — оскорблённое величие.

Это письмо по неизвестным мне причинам осталось незаконченным. — Прим. авт.

Raison d'etre (фр.) — разумное основание, смысл.

«Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?!» (См. Матф.: 27, 46.)

В оригинальном тексте данного параграфа фразы были написаны не слишком ясно, и потому переписаны заново мною. — Прим. авт.

Сильфида — элементар, дух воздушной стихии.

Rue de Vaugirard (фр.) — улица Вожирар.

La belle France (фр.) — прекрасная Франция.

Jeanne d'Arc (фр.) — Жанна д'Арк.

Это письмо было написано 7 мая в 10.30 утра по Нью-Йоркскому времени, через час после того, как затонула «Лузитания», и за девять часов до того, как автору стало известно о её гибели. — Прим. авт.

Четырнадцатого августа это предсказание подтвердилось самым невероятным образом. —
Прим. авт.

Дата принятия Германией ноты Соединенных Штатов по поводу потопления «Лузитании», а также демонстраций в Италии, предопределивших вступление этой страны в войну. — Прим. авт.

Сефироты, (ед. ч. — Сефира), (евр.) — десять эманаций Божества.

Гебура (евр.) — «Власть», пятая Сефира.

Пахад (евр.) — страх.

Иецира (евр.) — «Мир Формирования» или «Ангельский мир», третий из четырёх каббалистических миров, ближайший к Материальному Миру. Этот мир считается обителью Ангелов (Гениев), правящих планетами и сферами.

Хесед, Хезет (евр.) — «Милосердие», четвёртая Сефира.

Трое Божественных — вероятно, три первых Сефиры: Кетер — «Венец», Хокма — «Мудрость», Бина — «Понимание».

Кетер (евр.) — «Венец», первая Сефира.

Das Vaterland (нем.) — Отечество, родина.

Кали-Юга (санскр.) — «Чёрная Эпоха», четвёртый, чёрный или железный век, заключительный период в каждом мировом цикле, измеряемый сотнями тысяч лет и характеризующийся падением духовности и усилением материализма.

Насколько я помню, именно в то время многие наши состоятельные сограждане согласились работать на правительство за жалованье в размере одного доллара в год. — Прим. авт.

Имперсональны (от англ. impersonal) — безличные.

Вампум (от индейск. wampumpeag) — нити с нанизанными раковинами как способ запоминания и передачи сообщений у индейцев Северной Америки.

«Les Américains!» (фр.) — «Американцы!»

Который, вероятно, будет длиться всё же далеко не так долго, как сам Золотой век. —
Прим. авт.

Согласно популярным индусским исчислениям, однако же полного совпадения здесь не будет. Но телепатическое письмо есть телепатическое письмо. Я могу убирать повторения и прочее, но не могу ничего переписывать, добавлять или искажать. — Прим. авт.

Иггдрасиль — в древнескандинавской мифологии гигантское Мировое Древо, вечнозелёное Древо Жизни, соединяющее надземный, земной и подземный миры и питающееся неиссякаемыми «водами жизни».

Аудитор (от лат. auditor) — слушатель.

Гроссбух (нем. *grosbuch*) — бухгалтерская книга.